

Библиотека Академии наук: 300 лет служения науке

Внимаю читателей предложены статьи, авторами которых являются сотрудники Библиотеки Российской академии наук. Эти работы опубликованы в разные годы в журнале «Петербургская библиотечная школа» — с ним вот уже два десятка лет наша Библиотека находится в тесном творческом контакте.

Довольно широкий диапазон тематической направленности журнала предоставляет возможность нашим «бановским» специалистам на его страницах обосновывать и раскрывать малоизученные актуальные аспекты библиотечного дела, проблемы внедрения современных информационных технологий, а также свои взгляды на их решение. Здесь и размышления о быстротекущем времени, и описание неизвестных широкой публике эпизодов и драматических перемен в Российской истории, связанных с жизнью Библиотеки и её сотрудников, первые литературные опыты и умение ставить вопросы и находить их решение. Особый интерес вызывают воспоминания об известных «книжных дел» деятелях. Это важно для настоящего и будущего поколений библиотекарей, для престижа их такой нужной и замечательной профессии. Темы, раскрытые в статьях, созвучны как далекому прошлому, так и нашему непростому настоящему.

Список статей

(в скобках — номер и год выпуска журнала):

- В.П. Леонов.** *Иоганн Даниель Шумахер: между библиотекой, академией и двором* (3, 2014)
- В.С. Соболев.** *Из истории строительства здания Библиотеки и Кунсткамеры (По документам РГИА)* (3, 2014)
- В.Б. Лазуркина, Л.А. Петрова.** *К истории зданий Библиотеки Российской академии наук* (3, 2013)
- П.И. Хотеев.** *Пять очерков из ранней истории Академической Библиотеки* (2, 2014)
- Н.В. Колпакова.** *БАН в протоколах Российской Академии наук (1900—1928 гг.)* (1, 2014)
- Н.Ю. Бубнов.** *Рукописный отдел Библиотеки РАН (очерк научной жизни за 50 лет: по личным воспоминаниям)* (4, 2013)
- И.М. Беяева, Е.А. Тилева.** *Сохранение фондов БАН (к 60-летию НИОКиРФ)* (3, 2014)
- Г.З. Пумпян.** *Из истории Отдела литературы стран Азии и Африки БАН* (3, 2013)
- Н.М. Баженова.** *Библиотека академии наук и учреждения Главного штаба русской армии в первой четверти XX века* (3, 2014)
- Н.В. Колпакова, Н.М. Баженова.** *Деятельность Библиотеки Российской академии наук по сохранению личных архивов и библиотек в ходе Первой мировой войны* (2, 2012)
- В.П. Кудрявцева.** *Из истории Библиотеки Российской Академии наук в 1914—1922 гг.* (3, 2014)
- Н.М. Баженова.** *Библиотека РАН и история обязательного экземпляра в России в XVIII в.* (2, 2013)
- Т.В. Зверева.** *Читатель БАН. Кто он? (50-е — 90-е годы XX в.)* (2, 2013)

- Презентация книги В.П. Леонова «Библиотечный синдром» (по протоколу заседания Библиотечного общества С.-Петербурга 15 июля 1996 года) (3, 2013)
- М.П. Лепехин.** О поступлении в Отдел рукописной и редкой книги БАН собрания М.И. Чуванова (2, 2014)
- Е.А. Савельева, Г.Н. Питулько.** Валленродиа Библиотеки Академии наук (1, 2014)
- Т.В. Кульматова.** Август Вейхардт и реорганизация книжных магазинов Академии наук (2, 2014)
- И.М. Беяева.** Библиотека М.В. Ломоносова (2, 2013)
- И.М. Беяева.** Документальные памятники Голландии в Санкт-Петербурге на примере БАН (4, 2013)
- В.А. Машевская.** Книжный промысел в дореволюционном Царицыне (4, 2013)
- Е.В. Чиляева.** Литовская книга в фондах Библиотеки Российской академии наук (2, 2012)
- Е.В. Чиляева.** Литовско-латышские книги из собрания Э.А. Вольтера (2, 2013)
- Н.В. Прасолова.** Библиотека Российской Академии наук и македонистика (по материалам доклада на V Македонско-российской научной конференции) (1, 2013)
- К 220-летию со дня рождения К.-Э. Бэра. Притча о появлении на свет Карла-Эрнеста Бэра (1, 2012)
- В.С. Соболев.** Первый российский академик профессор Якоб Герман (1, 2014)
- В.С. Соболев.** Первый президент Академии наук Л.Л. Блюментрост (1, 2014)
- В.С. Соболев.** К 150-летию со дня рождения академика С.Ф. Ольденбурга (научно-организационная его деятельность в первые годы Советской власти (1918–1928)) (3, 2013)
- В.А. Филов.** О моей работе в Библиотеке Академии наук СССР (3, 2013)
- Н.В. Колпакова.** К 70-летию со дня рождения доктора педагогических наук профессора Валерия Павловича Леонова (3, 2012)
- Н.В. Бекжанова, Н.А. Волкова, Н.А. Сидоренко,** Наталия Михайловна Розова — ГЛАВНЫЙ библиограф БАН (2, 2013)
- Н.В. Бекжанова, В.Б. Лазуркина, И.Н. Комарова.** Евгения Георгиевна Сухманева (3, 2014)
- Н.В. Колпакова.** Издано под грифом «БАН»: к 300-летию Библиотеки РАН (2, 2012)
- Н.В. Колпакова.** Наследие библиографии (1, 2013)
- Н.В. Колпакова.** Библиотека — «душа» дворянской усадьбы XVIII—XIX вв. (2, 2013)
- Н.В. Колпакова.** Массонская библиотека как элемент русской культуры (3, 2013)
- Н.В. Бекжанова, А.Э. Жабрева, Н.А. Сидоренко.** Указатель справочных изданий о деятелях науки и техники — новая работа СБО БАН (2, 2014)
- М.А. Белинская.** Электронный каталог Библиотеки академии наук (2, 2012)
- Н.В. Колпакова, Н.Н. Ёлкина.** История создания электронной версии Малой энциклопедии БАН (4, 2013)
- И.М. Беяева, Е.В. Чиляева, Е. А. Тилева, М.А. Белинская.** Использование современных информационных технологий в сохранении книжных памятников из фондов БАН (на примере собрания Радзивиллов) (2, 2014)
- И.А. Морева, В.Н. Синельченко.** ББК как инструмент в системе высшего профессионального образования (2, 2013)
- И.А. Морева, В.Н. Синельченко.** Представление современного потока литературы по музыке в систематическом каталоге (1, 2014)
- О.В. Скворцова, М.Ю. Лугавцова.** Музей истории Библиотеки РАН: концепция, стратегия создания и современное состояние (2, 2013)

ИОГАНН ДАНИЕЛЬ ШУМАХЕР: МЕЖДУ БИБЛИОТЕКОЙ, АКАДЕМИЕЙ И ДВОРОМ

В.П. Леонов

В сентябре 1714 г. по приглашению Пьера Лефорта (1676—1754), племянника Франца Лефорта, в Петербург приехал немец Иоганн Даниель Шумахер (1690—1761)¹, который начинает разбирать книги во флигеле Летнего дворца, где хранилась царская библиотека. Соратник Петра Роберт Арескин (1675/77—1718) стал для Шумахера одним из тех умов-посредников, так необходимых в начале профессиональной карьеры. Арескин учил его правилам работы с книжным собранием. Находясь в окружении Петра, Шумахер познакомился с нравами и характером царя, что было крайне важно для будущего библиотекаря Его Императорского Величества. Воспитанный на немецком он писал и говорил на своем языке. Таким Шумахер был около 1715 г.

Работу по учреждению Академии наук в Петербурге Петр поручил своему лейб-медику Лаврентию Блюментросту (1692—1755), который с 1718 г. управлял его библиотекой и кунст-камерой. В феврале 1721 г. помощник Блюментроста библиотекарь И. Д. Шумахер был командирован царем за границу «для сочинения соизетета наук, подобно как в Париже, Лондоне, Берлине и прочих местах»². Из поездки Шумахер привез обстоятельный отчет и более 500 книг, главным образом по гуманитарным наукам, чем вызвал недовольство многих академиков.

По возвращении Шумахера в Россию Петр поручил Блюментросту составить проект учреждения Академии художеств и наук. Нет сомнений в том, что это было совместное с Шумахером сотрудничество³. 20 января 1724 г. данный проект был составлен.

В Академии учреждались должности президента и секретаря, назначенных императором, который брал на себя протекторат над Академией. К обязанностям академиков относились: 1) исследовательская работа; 2) ознакомление с иностранной литературой по специальности и составление экстрактов из нее; 3) посещение еженедельных собраний — с чтением докладов и производством экспериментов; 4) отзывы о всяких «декувертах»;

¹ Подробно о биографии Шумахера Иоганна Даниила (нем. *Schumacher, Johann Daniel*) см. в кн.: Леонов В. П. Судьба библиотеки в России: роман-исследование. СПб.: БАН. 2000. С. 129—132; Пекарский П. П. История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 16—20.

² Об отчете Шумахера Петру и комментарии к нему см.: Леонов В. П. Судьба библиотеки в России: роман-исследование. СПб.: БАН, 2000. С. 130—136.

³ Об участии Шумахера в составлении проекта см.: Андреев А. И. Основание Академии наук в Петербурге // Петр Великий: сб. ст. / под ред. А. И. Андреева. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 313 и прим.

5) произведение всяких изысканий, которые окажутся нужными царю; 6) чтение курса студентам и напечатание его на латинском языке. Избирались академики общим собранием и утверждались императором. 22 января 1724 г. Петр утвердил проект устава Академии художеств и наук и определил сумму доходов — 24 912 руб. из таможенных и лицензных сборов Нарвы, Дерпта, Пернова и Арнсбурга. Самое характерное в проекте — это зависимость Академии от правительства. Академия — ученое учреждение, содействующее распространению знаний, техническому развитию страны и выполняющее любые задания государственной власти «в таких делах, в которых науки потребны».

Президентом Академии был назначен Блюментрост, секретарем и библиотекарем — Шумахер. С тех пор Библиотека навсегда связала свою дальнейшую судьбу и биографию с Академией наук. Первоначальный ее фонд, учтенный и неучтенный в первом печатном каталоге «*Bibliothecae imp. Petropolitanoe*» (Р. 1—4. St. Pbg., [1741—1744]), насчитывал около 16 тыс. книг на всех европейских языках, включая русский. Причем в каталоге не были отражены имеющиеся в Библиотеке книги на греческом и славянском языках, кроме русского...

Таковы основные факты начальной биографии Библиотеки и Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (ИАН). Как же сложилась ее дальнейшая жизнь и жизнь тех, от кого зависело ее развитие? Если следовать литературе о БАН и ИАН, то главным действующим лицом, определявшим уровень их компетентности, был И. Д. Шумахер. Трудно найти другую личность в их ранней истории, на долю которой выпала бы такая нелегкая судьба. Современники представляли его «деспотичным эльзасским бюрократом», эгоистичным и властолюбивым немцем.

Очень непросто пробиться сквозь толщу веков и большого количества источников к подлинному Шумахеру и сегодня. Одна из таких успешных попыток была предпринята в 1990 г. профессором Ю. Н. Столяровым. Он написал обстоятельную статью к 300-летию И. Д. Шумахера⁴. Двадцатью годами спустя в газете «Известия» (к 320-летию Шумахера) я опубликовал небольшую заметку под названием «Наш Шумахер»⁵.

В том же 2010 г., но уже в американском журнале «OSIRIS», был напечатан интересный и содержащий много новой информации обстоятельный очерк «Дело Шумахера: Перестройка академической компетентности на протяжении династий в России восемнадцатого века»⁶. Его автор — Саймон Веррет, профессор исторического факультета Вашингтонского университета в Сиэтле (США). В 2000 г. в Кембриджском университете он защитил диссертацию о Санкт-Петербургской академии наук в XVIII столетии⁷.

Казалось бы, теперь можно ожидать объективной оценки, тем более от непредвзятого автора исследования. Но уже во введении, где формулируется общая концепция работы, читаем: «Данный очерк предполагает, что хотя Шумахер, без сомнения, был мошенником (*a roguie*), его следует признать опытным администратором, умеющим реформировать и перестраивать кадры Академии с целью успешного ее развития как ведомства» (с. 104—105).

⁴ Столяров Ю. Н. Первый российский государственный библиотекарь Иоганн-Даниил Шумахер (к 300-летию со дня рождения) // Книга. Исследования и материалы. 1990. Вып. 61. С. 116—130.

⁵ Леонов В. П. Наш Шумахер // Известия. 2010. 6 сент. (№ 164).

⁶ Werret S. The Schumacher Affair: Reconfiguring Academic Expertise across Dynasties in Eighteenth Century Russia // OSIRIS. 2010. Vol. 25. P. 104—125.

⁷ Werret S. An Odd Sort of Exhibition: The St. Petersburg Academy of Sciences in Enlightened Russia: PhD diss. London: Univ. of Cambridge, 2000.

В таком окружении И. Д. Шумахер, тем не менее, продолжает заниматься привлечением специалистов, понимая, что Академии необходим другой путь выживания, на котором она могла бы быть полезной государству. Он приглашает мастеров, ремесленников и специалистов по искусству, рисованию, ищет авторов беллетристики, поэзии, риторики. Их навыками и умением воспользовались для создания гравюр, архитектурных украшений, произведений искусства, музыки и литературы. Это была ответная реакция на изменение ситуации в Академии, ситуации, которая рассматривалась академиками как отклонение от научной цели ведомства.

Развитие Шумахером искусств в Академии привело к конфликту, выразившемуся в подаче жалобы в Сенат. В ней содержались требования о большей независимости от канцелярии Шумахера, о большем выделении средств на научные цели и о сокращении количества ремесленников.

Начало нового недовольства было положено Ж. Н. Делилем, потом М. В. Ломоносовым, советником А. К. Нартовым и др. Снова посыпались жалобы и обвинения. Так в 1742 г. возникло «дело Шумахера», которое окончилось его реабилитацией в декабре 1743 г. Но борьба за власть в Академии не прекратилась. Она надломила Шумахера, он был одинок, не было необходимой поддержки. Неприязненные отношения, сложившиеся между академиками и начальником канцелярии, который, по их мнению, незаконно забрал всю власть, не прекращались в течение почти всего срока пребывания Шумахера в этом учреждении. Он устал, в конференции появлялся редко и почти не принимал участия в дискуссиях.

Академик П. П. Пекарский приводит его письмо асессору академической канцелярии Григорию Теплому от 11 февраля 1749 г. И. Д. Шумахер пишет: «*Им не я, Шумахер, от-вратителен, а мое звание. Они хотят быть господами, в знатных чинах, с огромным жалованьем, без всякой заботы обо всем остальном...*»⁸. Тем не менее, в одиночестве он продолжал управлять Академией и Библиотекой вплоть до своей отставки.

Из Петербурга он уехал в Ливонское имение, где и умер в нищете спустя два года. Г. Ф. Миллер, уведомляя И. Х. Гебенштрейта о кончине, подчеркнул, что Шумахер долгое время вел только вегетарианский образ жизни.

3 июля 1761 г. Анна-Доротея Шумахер написала письмо в академическую канцелярию: «*Муж мой статский советник и Академии наук член Даниил Шумахер сего июля 2 дня волею Божию умре, а для пристойного по чину погребения тела его имею в деньгах крайнюю надобность*»⁹.

Только год спустя, в июле 1762 г. Анне-Доротее был выдан оклад жалования «*за долго-временную и усердную мужа ее службу, которую оказал он, во-первых, при... Петре Великом в учреждении государственной Библиотеки и Кунсткамеры, потом в правлении дел при Академии наук с самого ее начала и заведением при оной Академии наук разных художеств, которые столь бодрым успехом и знатною казенною прибылью почти все природными русскими производятся*»¹⁰.

Такая формулировка заслуг деятельности И. Д. Шумахера, согласимся, была справедлива. Что еще можно добавить к сказанному?

До настоящего времени исследователи не знают, где могила Шумахера. В России не сохранилось ни одного его портрета (я приложил немало усилий в поисках его изображения

⁸ Леонов В. П. Судьба библиотеки в России: роман-исследование. СПб.: БАН, 2000. С. 198.

⁹ Там же. С. 63.

¹⁰ Там же. С. 63.

в архивах и библиотеках не только Петербурга и Москвы, но и во многих городах Европы; к сожалению, поиск не дал результатов). Мы не знаем, как выглядел Шумахер. Остались только письма, документы, протоколы, написанные им самим...

В XVIII в. в Библиотеке работало, по моим подсчетам, десять библиотекарей; среди них на первом месте — И. Д. Шумахер. Он был первый и потому, что с завидной последовательностью исполнял заветы Петра. Он остался верен им, несмотря на давление и трудности. И не только следовал, но в меру сил и способностей стремился их развивать. Не преувеличивая его заслуг, можно полагать, что среди многих начинаний И. Д. Шумахера Библиотека была в определенном смысле единственной, сумевшей впоследствии в каждом своем действии остаться сама собой.

ИЗ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ЗДАНИЯ БИБЛИОТЕКИ И КУНСТКАМЕРЫ (По документам РГИА)

В. С. Соболев

Здание Кунсткамеры является одной из самых замечательных и известных в мире построек Санкт-Петербурга. Строительство этого необычного здания продолжалось более 15 лет (с 1718 по 1734 г.), оно велось поэтапно, за это время сменилось несколько его архитекторов¹. Этот «долгострой» имел серьёзные объективные причины: Россия вела тяжёлую Северную войну; огромных затрат и сил требовали реформы, проводившиеся Петром Великим; подавляющая часть всех доходов государства уходила на содержание армии и флота и др.

Проект здания Кунсткамеры

По замыслу императора для Кунсткамеры предполагалось построить особое здание, которое бы стало храмом знаний и редкостей и соответствовало бы уровню науки XVIII века. Известно, что Петр I был недоволен тем, что строительство затягивалось, и вынужден был неоднократно своей властью и волей ускорять этот процесс.

Недавно в фонде «Конторы от строений домов и садов» (Ф. 467) Российского Государственного Исторического Архива нам удалось выявить довольно интересные, на наш взгляд, документы об одном из этапов строительства здания Кунсткамеры. Очередное «ускорение»

¹ Анисимов Е. В. Петербург времён Петра Великого. М.; СПб., 2008. С. 317, 321.

этот процесс получил после того, как в июле 1723 года Петр I, видимо, со всей серьёзностью спросил у распорядителя работ по зданию полковника Ильи Лутковского, «от чего библиотека и куншткамера не доделывается каменною и прочею работою?!». В связи с этим 26 июля 1723 года «у строения библиотеки и куншткамеры башню кирпичём делать начали»².

Понятно, что «государева воля» решает многое, но всё-таки, иногда в условиях товарно-денежных отношений, не всё. Уже 6 августа полковник И. Лутковский в своём очередном письме директору «Конторы от строений» полковнику Ульяну Сенявину доложил о том, что «прочие работы за невыдачею денег и материалов против поданных моих в канцелярию от строений писем и ведомостей остановились»³. Вопрос этот был разрешён только после того, как 6 октября 1723 года царём был дан письменный указ «Конторе от строений», где, в частности, указывалось следующее: «на библиотеку и куншткамеру деньги и материалы отпустить, а которых материалов нет, и такие материалы покупать»⁴.

В конце октября 1723 года, в связи с вновь возникшими финансовыми трудностями, строительству опять потребовалась помощь императора. 25 октября он приказал «на расплату каменщикам, и на наём плотников, токарей, столяров, на покупку материалов за умалением казны выдать тысячу рублей из Кабинетных денег»⁵ (говоря современным языком, царь распорядился произвести расчёты со строителями из «Резервного» государственного фонда).

В 1724 году в здании велись внутренние отделочные работы. Так, бригада штукатуров подрядчика Петра Лукьянова сына Лукова вела «штукатурные работы кроме башни по обе стороны, как внутри, так и с лица»⁶. Согласно договору подряда П. Лукьянову было выплачено 2 580 рублей.

Здесь мы посчитали нелишним дать возможность читателю получить лучшее представление о реальной стоимости проводившихся строительных работ. Для этого приведём несколько конкретных примеров существовавших в то время в Петербурге цен. Так, П. П. Пекарский в своей работе «Петербургская старина» отмечал, что в начале 1720-х годов в близь лежащих лесах водилось много всякой дичи и на рынках была распространена торговля «охотничьими трофеями», в частности, «большой тетерев стоил 8 копеек, а пара куликов — 4—5 копеек»⁷.

Несколько позднее, в июне 1746 года, «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали своим читателям сведения об установленных городскими властями размерах цен на рынках. В частности, «фунт говяжьего свежего мяса стоил 3 копейки без четверти, а фунт баранины доброй — 3,5 копейки»⁸ и т. д.

Архивные документы показывают, что в последующие годы отдельные строительные работы по зданию Кунсткамеры продолжались. Так, в сентябре 1725 года, по рапорту архитектора М. Земцова «Конторой от строений» были выделены «для поправки глобусного амбара черепица гладкая, белая известь и другие материалы»⁹. В декабре 1726 года был заключён договор со столяром Семёном Виноградовым в том, чтобы «у слуховых окошек

² Российский государственный Исторический Архив (далее — РГИА). Ф. 467. Оп. 4. Д. 580. Л.Л. 5, 7.

³ РГИА. Там же. Л.Л. 7—8.

⁴ Там же. Л.Л. 9—10.

⁵ Там же. Л. 15.

⁶ Там же. Л. 34.

⁷ Пекарский П. П. Петербургская старина // Современник. 1860. Т. 81. № 6. Отд. 1. С. 318—319.

⁸ Цит. по: Иванов А. История Петербурга в старых объявлениях. М.; СПб., 2008. С. 36—37.

⁹ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 581. Л.Л. 1—2.

сделать рамы самым добрым мастерством»¹⁰. В июле 1728 года «Канторой от строений» «по доношению архитектора Михаила Земцова было отпущено к достройке куншткамеры и библиотеки на доделку каменной штукатурной работы белой извести пятьдесят бочек»¹¹ и т. д.

В архивном фонде сохранились и довольно интересные конкретные документы об обеспечении работ строительными материалами, особенно о поставках различных видов кирпича. Приведём, для примера, несколько записей за 1727 год. Так, «Июня 28 дня по ярлыку-заруке архитектурного ученика Андреяна Воробьёва принято к строению библиотеки и куншткамеры подрядчика Ермолая Шишмарёва у работника ево Лариона Кононова кирпича железного семь тысяч, ниже железного двадцать семь тысяч, красного двадцать две тысячи кирпичей»¹². 7 июля от того же подрядчика было принято «со щербота зсжоного кирпича красного восемь тысяч». 11 августа тем же подрядчиком было поставлено «со щербота зсжоного кирпича железного семь тысяч»¹³ и т. д.

Следует сказать несколько слов о тех марках кирпича, который использовался при строительстве. Они обуславливались технологией изготовления кирпичей, то есть их обжигом (отсюда и его маркировка: «железный», «полужелезный», «красный» и др.). Принятая и употребляемая в начале XVIII века маркировка кирпича ещё долгие десятилетия сохранялась в России. Спустя 120 лет, в 1846 году, императором Николаем I были утверждены «Правила для единообразной и прочной выделки кирпича, долженствующего употребляться как в Санкт-Петербурге, так и в других местах России на казённых и частных заводах». Один из параграфов этих «Правил» гласил следующее: «Кирпич по выжиге получается четырёх видов, то есть железный, полужелезный, красный и алый»¹⁴.

Выше уже упоминалось о том, что в сентябре 1725 года по рапорту архитектора М. Земцова «Канторой от строений» были выделены строительные материалы «для поправки глобусного амбара». Известно, что знаменитый Готторпский глобус, доставленный в Санкт-Петербург в марте 1717 года, первые несколько лет хранился в Слоновьем амбаре на Большой Немецкой улице (позднее — ул. Миллионная). П. П. Пекарский в своём исследовании «Петербургская старина» упоминал о том, что в 1725 году глобус был перевезён к строящемуся зданию Кунсткамеры¹⁵. Он был поднят на третий этаж башни, а позднее над ним возвели своды и достроили четвёртый и пятый этажи для обсерватории. Таким образом, этот памятник оказался внутри здания и судьба его оказалась печальной.

- В заключение позволим себе высказать несколько соображений по затронутому вопросу:
- выявленные в РГИА документы о строительстве здания Библиотеки и Кунсткамеры представляют определённый интерес для истории науки;
 - эти сведения довольно объективно отражают некоторые особенности первого этапа становления Академии наук;
 - подобные материалы имеют особый смысл и значение в связи с 300-летним юбилеем Библиотеки РАН и Музея Антропологии и Этнографии РАН.

¹⁰ Там же. Д. 580. Л. 47.

¹¹ Там же. Л. 62.

¹² Там же. Д. 170. Л. 14 об.

¹³ Там же. Л. 16.

¹⁴ Демиденко М., Мухин А. Кирпич «воинский» и «кирпичный стиль» в Санкт-Петербурге в XIX в. // Санкт-Петербург и вооружённые силы. Сб. статей. Вып. III / ред. Т.А. Славина. СПб., 1998. С. 190.

¹⁵ Пекарский П.П. Петербургская старина // Современник. 1860. Т. 82. № 7. Отд. 1. С. 161—162.

К ИСТОРИИ ЗДАНИЙ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В.Б. Лазуркина, Л.А. Петрова

Библиотека Академии наук, основанная Петром I в 1714 году, первоначально располагалась в Летнем дворце Петра I, фонды ее в этот период насчитывали порядка 2000 единиц. В 1718 г. она была перемещена в конфискованный дом боярина А. В. Кикина (возле Смольного), а в 1728 г. — в новое здание, построенное для Библиотеки и Кунсткамеры на берегу Невы. В это время ее фонд составлял уже 11000 единиц.

На протяжении XVIII и XIX вв. в Библиотеку поступили книги из частных собраний, осуществлялась покупка книг, шел активный книгообмен с зарубежными академиями наук, с 1747 г. Библиотека стала получать обязательный экземпляр всех академических изданий, а с 1783 г. — обязательный экземпляр всех выходящих в России изданий. В 1860-е гг. в БАН хранилось уже более 250 000 томов. Остро ощущался недостаток помещений для книгохранилищ.

Начиная с 1870-х гг. руководители Библиотеки неоднократно предпринимали усилия по расширению библиотечных площадей. Почти 40-летние усилия увенчались успехом лишь в 1910 г., когда была утверждена правительственная смета на строительство нового здания Библиотеки. Его возведение началось в 1913 г. по проекту архитектора Р. Р. Марфельда и было закончено (за исключением фасадов) в 1914 г. гражданским инженером Р. А. Берзенном. Начавшаяся Первая мировая война помешала переезду, около 10 лет в этом здании располагался госпиталь. В 1920 г. архитектор Я. Я. Кетчер завершил отделку фасадов, и Библиотека Академии наук расположилась в своем новом здании.

К концу 1950-х годов фонды БАН резко выросли и насчитывали уже свыше 10 миллионов библиотечных единиц. Столь значительный рост фондов, а также необходимость обеспечения нормальных условий для научной работы требовали капитальной реконструкции существующего здания БАН. Был принят проект, предусматривающий расширение блока книгохранилищ путем пристройки нового здания к основному корпусу Библиотеки с Северо-западной стороны, между Библиотекой и Военной академией тыла и транспорта. К 250-летию БАН, которое торжественно отмечалось в 1964 г., книгохранилище было построено. Однако и это дало лишь временную передышку, так как фонды Библиотеки продолжали постоянно пополняться в результате новых поступлений литературы и в 80-е годы уже насчитывали 12 миллионов единиц. Места для их размещения катастрофически не хватало.

Руководство Библиотеки искало пути решения острейшей проблемы. Библиотека претендовала на здание Военной академии тыла и транспорта, которую Министерство обороны СССР было намерено перевести в другое место. Велась активная переписка между военным

ведомством и только что образованным в 1983 г. Ленинградским научным центром, в результате которой Библиотеке было отказано.

Ленгорисполком, идя навстречу потребностям Библиотеки, предлагал ряд помещений для размещения ее фондов, в частности Дворец великого князя Алексея Александровича (Мойка, 102), здание на Почтамтской улице. Однако они не могли удовлетворить интересы библиотеки, так как были территориально удалены от нее и не были приспособлены для хранения книжных фондов.

Одним из зданий, на которое также претендовала Библиотека, стал сохранившийся корпус Старого Гостиного двора, сооруженный на нечетной стороне Биржевой линии в 1722—1735 гг. по проекту архитектора Д. Трезини. В XIX в. его неоднократно ремонтировали, а с 1910 г. его западный корпус и вовсе начали разбирать. На освободившемся месте возвели ряд новых зданий. Одно из них, расположенное в доме 1, — новое здание Библиотеки АН.

От Старого Гостиного двора на Тифлисской улице уцелела небольшая часть южного корпуса. Его облик был значительно изменен в ходе перестройки 1820-х годов. До революции его арендовала под склад мебели Козухина артель, существовавшая при Бирже, часть помещения занимал Архив таможенного департамента. В 1920-х годах в нем располагался Институт русской литературы (Пушкинский Дом), а в дальнейшем — НИИ галургии, изучающий месторождения минеральных солей и методы их промышленного освоения, который к 1984 г. переехал в новое здание на проспекте Народного Ополчения. Освободившееся помещение по многим параметрам устраивало Библиотеку. Руководством Библиотеки предпринимались неоднократные попытки получить его. Однако на все обращения от дирекции и общественных организаций, направленные в адрес различных инстанций, начиная с Ленинградского научного центра Академии наук и кончая Ленгорисполкомом, поступали отрицательные ответы: решением Ленгорисполкома это здание должно было быть передано другой организации.

И тогда, когда все официальные пути были исчерпаны, в 1985 году мы (Людмила Андреевна Петрова — на тот момент секретарь партбюро БАН, и Валентина Болеславовна Лазуркина — председатель профкома) пришли к директору библиотеки Владимиру Александровичу Филову с предложением написать письмо в Политбюро ЦК. Он не возражал против письма как такового, но решил, что это письмо должно быть только от общественных организаций.

Мы обратились к секретарю ЦК КПСС по идеологии Е.К. Лигачеву, который фактически был вторым человеком в ЦК после М.С. Горбачева. И написали письмо, изложив в нем все трудности Библиотеки и все выгоды от присоединения к ней соседнего здания. В составлении письма также принимали участие заведующий библиотекой Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома) Галина Викторовна Бахарева и заведующий Справочно-библиографическим отделом БАН Татьяна Ивановна Назаровская.

Глубокоуважаемый Егор Кузьмич!

Просим Вас помочь в решении вопроса о передаче Библиотеке Академии наук СССР освобождаемого помещения Института галургии.

Библиотека АН СССР — информационно-библиотечный центр всесоюзного и мирового значения — находится в критической ситуации из-за острой нехватки производственных площадей. Здание, построенное в 1914 году, было рассчитано на хранение 5 миллионов книг. В настоящее время в нем содержится 12 миллионов книг при ежегодном увеличении фонда на 650 000 экземпляров. Таким образом, уже исчерпаны все возможности

размещения новой литературы. Часть книг приходится складировать в штабеля, что делает невозможным использование их читателями и угрожает их сохранности.

В настоящее время в связи с переездом в новое здание Института галургии освобождается его помещение, расположенное рядом с Библиотекой АН СССР (Тифлисская ул., 1). Общая площадь здания около 2000 кв. м., его расположение позволяет произвести дополнительное строительство, объединяющее оба здания — Библиотеки и бывшего Института галургии — в одно.

Передача Библиотеке здания Института галургии не только увеличила бы площади для хранения фондов, но помогла бы решить еще целый ряд задач, важных для всего Ленинграда:

1. Здание Библиотеки до сих пор отапливается собственной котельной на угле, что создает совершенно недопустимую в экологическом и эстетическом плане ситуацию в самом центре Ленинграда. Путем реконструкции котельной института можно решить вопрос о переводе Библиотеки на газовое отопление.

2. В здании Института функционирует вычислительный центр. Демонтировать его нецелесообразно, он может быть полностью использован Библиотекой, имеющей свою автоматизированную систему.

3. Важно, что улучшение обслуживания 25 000 читателей, усовершенствование информационно-библиографической работы БАН и решение некоторых других задач может быть достигнуто при минимальных затратах финансовых и материальных средств, при той же численности штата. Предоставление Библиотеке помещений в других районах города эти преимущества исключает.

Многочисленные обращения в ряд инстанций Ленинграда, часть копий которых прилагается к письму, были безрезультатны.

В связи с этим мы вынуждены обратиться к Вам, так как считаем, что решение Ленгорисполкома о передаче здания Института галургии другой организации нуждается в пересмотре.

Секретарь Партбюро БАН
(Л.А. Петрова)
Председатель Профкома
(В.Б. Лазуркина)

В начале 1986 года письмо было отвезено в Москву и опущено в ящик для писем и обращений граждан в ЦК. Ответ на письмо пришел в Горком партии Ленинграда, куда вызвали Л.А. Петрову и указали, что такие письма должны быть согласованы с городскими партийными организациями. Однако ответ уже был получен. И он давал Библиотеке надежду. В апреле В.А. Филов показал нам письмо на имя Первого секретаря Обкома партии Ленинграда Ю.Ф. Соловьева, в котором было написано:

Уважаемый Юрий Филиппович,
ПРОШУ Вас разобраться
и помочь Библиотеке.

Секретарь Политбюро ЦК Лигачев Е.К.

Таким образом, письмо за двумя нашими подписями свою миссию выполнило. Здание Института галургии было передано Библиотеке. В нем разместились Научно-исследовательский

отдел библиографии и библиотековедения, Научно-исследовательский отдел консервации и реставрации библиотечных фондов, Отдел ретроспективного комплектования и обменно-резервного фонда. Все это позволило высвободить ряд помещений в центральном здании, приспособить их для хранения фондов, обеспечить более комфортные условия работы для читателей и сотрудников.

Но к началу XXI в. ситуация с помещениями, предназначенными для хранения книг, в Библиотеке вновь стала катастрофической. Дирекция опять была вынуждена обращаться во все инстанции, просить, убеждать, объяснять значение и роль Библиотеки с 300-летней историей, хранящей в своих фондах ценнейшие достижения человеческой мысли.

В 2007 году по плану Федеральной адресной инвестиционной программы (ФАИП) России на 2007—2010 гг. Библиотеке Российской академии наук были выделены средства для реконструкции здания № 2 и для расширения книгохранилища библиотеки по адресу: Санкт-Петербург, Васильевский остров, ул. Тифлисская, д. 1. В настоящее время осуществляется строительство нового здания и перехода, который должен объединить главное здание Библиотеки Российской академии наук с новым корпусом, строящимся за сохранившимся корпусом Старого Гостиного двора, возведенным еще на заре истории Санкт-Петербурга легендарным его архитектором Д. Трезини — что может быть симптоматичнее.

Литература

1. Материалы, опубликованные на сайте Библиотеки РАН (www.rasl.ru).
2. Мошкалов А. Е. Здание Библиотеки Академии наук СССР (из истории строительства и вопросы реконструкции) // Труды Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. М.; Л., 1961. Т. 5. С. 273—287.
3. Никитенко Г., Соболев В. Дома и люди Васильевского острова. М.; СПб.: Центрполиграф : МиМ-Дельта, 2007. 734 с.

ПЯТЬ ОЧЕРКОВ ИЗ РАННЕЙ ИСТОРИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

П. И. Хотеев

Первая читательница академической Библиотеки

— Друг любезный Лаврентий Лаврентьевич! Все как-то не удастся мне съездить в библиотеку. Скажи, нет ли там «Путешествия» Олеария?

— Конечно есть, Ваше Высочество!

— Прошу тебя, привези мне как-нибудь эту книгу.

— Извольте, Ваше Высочество, непременно привезу.

Лейб-медик Лаврентий Блюментрост всегда искренне радовался, когда мог услужить цесаревне Анне Петровне. Старшая дочь Петра I шестнадцатилетняя Анна была всеобщей любимицей: необычайная красота сочеталась в ней с изяществом манер, добротой, приветливостью и скромностью. Умная и любознательная, она владела четырьмя иностранными языками, интересовалась историей и географией. Блюментрост знал, что цесаревна любит читать, и не стал медлить с выполнением ее просьбы.

На следующее утро, 2 февраля 1724 года, лейб-медик сел в сани и отправился в ту часть Петербурга, которая называлась тогда Московской стороной: именно там, на левом берегу Невы, недалеко от Смоляного двора, в двухэтажном каменном доме — в Кикиных палатах — располагалась библиотека.

Основанная десять лет тому назад, в 1714 году, библиотека поначалу размещалась в невзрачном подсобном корпусе, построенном рядом с Летним дворцом Петра I. В 1718 году книги вместе с коллекциями редкостей перевезли в Кикины палаты — в дом, который поступил в распоряжение властей после казни его владельца, советника адмиралтейства Александра Васильевича Кикина, осужденного по делу царевича Алексея.

Совсем недавно, в конце января 1724 года, в Петербурге была учреждена Императорская Академия наук, и библиотеку с собраниями раритетов передали в ее ведение. Из года в год книжные фонды и коллекции неуклонно увеличивались. Поэтому специально для библиотеки и кунсткамеры на набережной Большой Невы на Васильевском острове уже возводилось новое просторное здание. Строительство несколько затянулось, и пока что за книгами приходилось ездить на Московскую сторону.

Не прошло и получаса как Блюментрост вошел в Кикины палаты. Он быстро поднялся на второй этаж. Ему сразу отыскали и принесли нужную книгу — увесистый фолиант в темном кожаном переплете, а в библиотечный журнал была внесена запись: «Получил Лаврентий Блюментрост для принцессы Анны Петровны “Путешествие” Олеария на немецком языке». До сих пор в библиотеку за книгами обращались только мужчины. И вот впервые среди имен читателей появилось женское имя.

Не задерживаясь, Блюментрост пустился в обратный путь, и вскоре книга Олеария лежала на столе перед Анной.

Что же заинтересовало цесаревну в этой книге и почему она решила прочитать ее в начале 1724 года? Не так давно Петр I задумал выдать Анну замуж за герцога Гольштинского Карла Фридриха. Отношения между Россией и Гольштинией стали налаживаться еще в XVII веке. Прадед Карла Фридриха герцог Фридрих III для установления торговых связей послал в Россию и дальше, в Персию, особое посольство. Должность секретаря в этом посольстве занимал талантливый ученый и знающий переводчик Адам Олеарий. Вернувшись в Гольштинию, Олеарий опубликовал свои путевые заметки, в которых он, не в пример иным путешественникам, побывавшим в России, доброжелательно отзывался о русских, довольно объективно описал их нравы, обычаи, образ жизни. Как знать, быть может, именно по прочтении «Путешествия» Олеария, ознакомившись с тем, что думают и что пишут о России на родине Карла Фридриха, Анна Петровна окончательно решила исполнить волю отца и стать герцогиней Гольштинской.

Научные занятия и безответная любовь профессора Коля

Талантливый двадцатисемилетний немецкий ученый Иоганн Петер Коль в 1725 году приехал в Россию и занял должность профессора Петербургской Академии наук по классу церковной истории и красноречия. Ему были предоставлены все условия для успешной работы. В одном из писем на родину, касаясь общей благоприятной обстановки, окружавшей его на новом месте, он радостно сообщал: «Мне в Петербурге так же хорошо, как и в Германии». В том же письме Коль особо подчеркивал: «Библиотека здесь превосходная». Этот краткий, но емкий отзыв касался, конечно же, академической Библиотеки, читателем которой Коль стал сразу по приезде в Петербург. Он читал очень много. Из богатых фондов Библиотеки Академии наук он брал произведения античных авторов, разнообразную историческую литературу, справочные и библиографические пособия, печатные каталоги различных книжных собраний. Особый интерес Коль проявлял к сочинениям по истории славян.

В Петербурге Коль всерьез взялся за изучение древнерусской словесности, и, судя по всему, в Академии наук его ждала блестящая карьера. Но неожиданно все его творческие замыслы рухнули — и только потому, что на каком-то официальном приеме он случайно увидел цесаревну Елизавету.

В то время младшей дочери Петра I, будущей императрице Елизавете Петровне, еще не исполнилось и шестнадцати лет, но она уже была так хороша собой, что могла не просто очаровать, а довести до отчаяния, до умопомрачения кого угодно. И вот пленительная красота цесаревны едва не погубила беднягу Коля. Ее прелестный стан, большие голубые глаза, роскошные каштановые волосы заворожили его.

Поначалу Коль испытывал вдохновение от овладевшего им чувства. Он продолжал увлеченно и сосредоточенно работать, обложившись книгами, изучал русский язык, писал статьи, выступал с докладами на заседаниях в Академии наук. Однако его душевное благополучие продолжалось недолго. Когда он вдруг осознал, что его любовь к цесаревне безнадежна, его одолела печаль, затем он почувствовал безысходность, впал в задумчивость. Коль все реже и реже появлялся в академической Библиотеке и вскоре вовсе перестал читать, забросил дела. Его состояние граничило с безумием. Это был настоящий недуг. Коль не мог больше скрывать своих чувств.

Однажды, воспользовавшись случаем, он подошел к Елизавете и открыто, в присутствии ее приближенных, признался ей в любви. Его отвели в сторону, и неловкую ситуацию удалось уладить. А юная красавица, избалованная вниманием многочисленных поклонников, возможно, даже не заметила, какую сердечную рану она невольно нанесла молодому профессору.

Между тем Коль был подавлен. Он мог бы вовсе лишиться рассудка, если бы не помощь его друзей и коллег по Академии наук. Они справедливо сочли, что ему необходимо покинуть Петербург. В августе 1727 года его быстро собрали, посадили на корабль и отправили домой в Германию.

Он обосновался в Гамбурге, довольно быстро пришел в себя, снова занялся наукой, уделяя много сил и времени изысканиям в области истории славянских народов. Коль написал и опубликовал «Введение в историю и литературу славян», немало других трудов, которые принесли ему широкую известность в научных кругах. По сути дела он стал одним из первых немецких профессиональных славистов.

Со временем Коль обзавелся семьей. Он жил долго и безмятежно. Побывать в России ему больше не довелось, но, как видно из его работ, эта страна неизменно вызывала в нем добрые чувства и искренний интерес. По всей вероятности, изредка Коль вспоминал о Петербурге — о городе, в котором когда-то ему пришлось изведать горечь неразделенной любви.

Иоганн Петер Коль пережил Елизавету на семнадцать лет и умер в 1778 году.

Мастера переплетной палаты

Петр I, в совершенстве освоивший несколько ремесел, не оставил без внимания и переплетное дело. Петру было всего двенадцать лет, когда в декабре 1684 года его приближенные специально для него приобрели материалы, необходимые при изготовлении переплетов — «бумагу волнистую, веревки, нити, клей, книжные доски». Из сохранившихся документов явствует, что эти материалы, стоившие 6 алтын и 4 деньги, были доставлены в «хоромы к великому государю Петру Алексеевичу». Со временем Петр постиг все тонкости переплетного мастерства и по мере возможности проявлял заботу о книгах, хранившихся в различных библиотеках и в его собственном обширном книжном собрании. При этом он, как правило, предпочитал недорогие и скромные, но добротные и удобные переплеты, особенно те, которые изготавливались немецкими мастерами.

Весной 1716 года, находясь в Данциге, Петр I познакомился с переплетчиком Христофором Битнером, уроженцем Саксонии, и пригласил его на русскую службу. Тот, не долго думая, принял предложение царя и отправился в Петербург. Здесь Битнер стал работать

в созданной Петром в 1714 году государственной библиотеке — будущей Библиотеке Академии наук. Он следил за состоянием книг, уже входивших в состав библиотечных фондов и личного собрания Петра, а также переплетал новые книжные поступления. Нередко Битнеру приходилось выполнять и посторонние заказы. Так, например, он переплетал книги для петербургского генерал-губернатора светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова.

В 1724 году библиотека, основанная Петром I, перешла в ведение учрежденной в Петербурге Академии наук, а Христофор Битнер занял должность мастера в академической переплетной мастерской, которую тогда чаще называли переплетной палатой. С этого времени в течение многих десятилетий переплетными работами в Академии наук руководили немцы.

Должность мастера-переплетчика была престижной и хорошо оплачивалась. Академия наук платила Битнеру 180 рублей в год. По тем временам это были довольно приличные деньги. Кроме того нужно учесть, что Битнеру полагалось также бесплатное жилье, предоставлялись бесплатные дрова и свечи. Такие условия позволяли жить безбедно, содержать семью и даже нанимать прислугу. Жалование Битнера, конечно, было ниже, чем у профессоров Академии, но, с другой стороны, оно было выше, чем, скажем, у академических переводчиков.

Сначала у Христофора Битнера имелся один помощник, которого по-немецки называли гезель, а по-русски — подмастерье. Позднее, уже в академической переплетной палате, с Битнером трудились два немца-подмастерья.

Работы для переплетной палаты заметно прибавилось в 1728 году, когда при Академии наук открылась книжная лавка. Здесь стали продаваться издания академической типографии и книги, которые привозились из-за рубежа. Обычно на продажу книги поступали без переплета или, как тогда говорили, «в тетрадах» — в виде стопки сфальцованных, то есть сложенных в определенном порядке, листов. А потому покупатели академической книжной лавки нередко обращались в переплетную мастерскую, у которой, таким образом, появилось множество клиентов — частных заказчиков.

Первый академический переплетчик Христофор Битнер умер в конце 1729 года. После него в переплетной палате Академии наук продолжали работать подмастерья Браунс и Мельбек. Что касается Браунса, то он задержался на службе в Академии ненадолго. А вот Готфрид Мельбек, оставаясь в должности подмастерья с годовым жалованием в 120 рублей, фактически возглавлял работу мастерской до 1732 года. Необходимо подчеркнуть, что при Мельбеке здесь появились русские ученики переплетного дела: Андрей Мякишев и Иван Ломакин. Напомним, что обычно в условиях, на которых иностранные ремесленники приглашались в Россию, особо оговаривалось, что они должны были готовить русских специалистов.

В сентябре 1732 года был заключен контракт еще с одним немцем-переплетчиком, уроженцем Веймара Иоганном Каспаром Криппендорфом, который, как и Мельбек, получил в Академии наук должность подмастерья. В начале 1735 года Криппендорф был назначен мастером переплетного дела, а Мельбек после шестилетней службы в России подал в отставку и вскоре, дождавшись начала навигации на Балтийском море, вернулся в Германию.

Новый мастер переплетной палаты Криппендорф жил на Васильевском острове в казенной квартире, состоявшей из трех комнат, кухни и прихожей, в доме на набережной Невы. У него была семья — жена и двое детей. Хозяйство вели две служанки.

В мастерской при Криппендорфе состояли три иностранца-подмастерья и уже шесть русских учеников: Палладий Иванов, Егор Мокеев, Михаил Кочергин, Семен Григорьев, Родион Корелин и Егор Немчинов. Надо сказать, что ученичество длилось очень долго — по меньшей мере, от 8 до 10 лет. Работа в переплетной мастерской всегда была напряженной. Рабочий день начинался в 5 часов утра и заканчивался в 7 часов вечера. Правда, полагался двухчасовой перерыв, но, тем не менее, продолжительность рабочего дня, таким образом, составляла 12 часов. Зачастую приходилось работать сверхурочно. Заказы шли бесперерывно. Помимо собственно переплетов в мастерской изготавливались футляры для книг, документов и различных инструментов. Сюда же поступали географические карты, которые для прочности наклеивались на полотно.

В 30-е годы XVIII века переплетчики работали в одном из помещений бывшего дворца царицы Прасковьи Федоровны, переданного Академии наук. Этот дворец находился на месте нынешнего Зоологического музея. В 1740-е годы переплетная мастерская располагалась в восточном крыле здания Кунсткамеры, в двух комнатах на первом этаже. Теперь не многие знают, что в те времена имелись входы с обоих торцов Кунсткамеры. Посетитель, желавший отдать книги в переплет, подходил к восточному торцу здания, поднимался по ступеням крыльца до уровня первого этажа, входил в дверь и оказывался в коридоре. Два первых смежных помещения направо и занимала переплетная мастерская. Однако вернемся к людям, трудившимся там.

Став мастером, Криппендорф проработал в Академии наук еще 7 лет и умер весной 1742 года. Должность мастера академической переплетной палаты перешла к Фридриху Розенбергу, уроженцу Штеттина. Он руководил переплетным делом в Академии наук по меньшей мере 28 лет. Есть сведения, что Розенберг жил в удобной просторной квартире на углу 7-й линии Васильевского острова и набережной Невы.

В одном из отзывов о Розенберге сообщалось: «Сей разумеет хорошо два мастерства и учеников учит обоим, а именно: переплетать и футляры делать. Очень прилежен». Обучение молодежи было важной стороной деятельности Розенберга. Среди его русских учеников самым талантливым оказался Егор Мокеев, которому, по-видимому, даже удалось превзойти своего учителя. В декабре 1750 года Мокеев получил значительную надбавку к жалованию, с 96 до 120 рублей в год, и был рекомендован на должность подмастерья со следующей характеристикой: «Он переплетает так хорошо, как лучший французский переплетчик». Такое сравнение расценивалось тогда как высшая похвала, поскольку искусство французских мастеров переплетного дела служило в XVIII столетии образцом для всей Европы.

Особо следует отметить, что Фридрих Розенберг, его помощники и ученики занимались реставрацией тех книг, которые пострадали во время пожара, случившегося в здании Библиотеки и Кунсткамеры Академии наук в декабре 1747 года. Розенбергу было поручено просмотреть библиотечные фонды, выявить переплеты, нуждавшиеся в починке, и распределить работу в мастерской.

Одновременно не сокращался поток очередных и срочных заказов. Особенно много хлопот Розенбергу доставляли заказы, поступавшие от императорского двора. Императрица Елизавета Петровна, в отличие от своего отца, любила роскошь, и нередко Придворная контора требовала от Розенберга незамедлительного изготовления богатых, нарядных переплетов. Так, однажды, в ноябре 1750 года к очередной годовщине восшествия Елизаветы на престол на сцене нового придворного театра была намечена постановка оперы Франческо Арайи «Беллерофонт» на текст Джузеппе Бонекки. Зрителям, по традициям того времени,

полагалось иметь на руках либретто. И вот всего за две недели до спектакля в Академию наук поступило распоряжение: отпечатать и переплести либретто «Беллерофонта».

Можно себе представить, какая суматоха началась в Академии. Ведь книжки с текстом оперы предназначались для самой императрицы, наследника престола великого князя Петра Федоровича и его супруги, а также для придворных, высших чиновников, иностранных дипломатов, приглашенных в театр. Фридриху Розенбергу, его подмастерьям и ученикам пришлось в считанные дни изготовить переплеты к 450 экземплярам либретто, причем эти книжки должны были выглядеть по-разному, а именно: «две в зеленом бархате, по краям позумент золотой, обрез бумаги с золотом, да четыре в голубом бархате, по краям позумент узкий, обрез бумаги с золотом, девяносто в атласе голубом, обрез бумаги с золотом же, а достальные в золотой бумаге с простым обрезом». Аналогичных заданий было множество, и всякий раз Розенбергу и его помощникам удавалось справляться с ними.

Итак, за сравнительно короткое время немецкие мастера и подмастерья наладили бесперебойную работу переплетной мастерской Академии наук в Петербурге. Они способствовали приведению в порядок и пополнению первоначальных фондов академической Библиотеки, изготовив для нее тысячи красивых и прочных переплетов, выполнили множество частных заказов и, что очень важно, передали свой опыт и знания русским ученикам, которые в дальнейшем смогли внести заметный вклад в развитие отечественного книжного дела.

Что читал молодой Эйлер

Практически сразу же по прибытии из Швейцарии в Петербург двадцатилетний Леонард Эйлер приступил к напряженным научным занятиям. Само собой разумеется, одним из важнейших элементов его деятельности являлось интенсивное чтение. Он стал частым посетителем академической Библиотеки. Среди архивных материалов той поры сохранились списки книг, которые выдавались Эйлеру из библиотечных фондов в 1728 году и в период с 1732 по 1735 год. За это время молодой ученый взял на дом книги и журналы 54 названий — в общей сложности более 100 томов, причем читал он на пяти языках — латинском, немецком, французском, английском и русском.

Как известно, поначалу предполагалось, что в Петербургской Академии наук Эйлер будет заниматься физиологией и анатомией, опираясь на свои познания в области математики и физики. И вовсе не случайно одной из первых книг, полученных им из Библиотеки, оказался трактат «О движении животных» («De motu animalium») — главное сочинение итальянского естествоиспытателя Джованни Альфонсо Борелли, которого принято считать основоположником биомеханики.

Однако вскоре в полной мере проявилась склонность Эйлера к физико-математическим дисциплинам, и он стал брать на прочтение научные издания соответствующей тематики, в том числе книги немецкого астронома и конструктора инструментов Иоганнеса Региомонтана, французского математика Жака Озанама, итальянского физика Доменико Гульельмини. Примечательно, что в списках выданной Эйлеру исследовательской литературы преобладают работы ведущих английских ученых конца XVII — первой трети XVIII века. Правда, здесь нет сочинений

Исаака Ньютона. Зато достаточно широко представлены книги его соотечественников и современников: это большой звездный каталог, составленный руководителем Гринвичской обсерватории Джоном Флемстидом, сборник трудов по математике Джона Уоллиса, «Астрономия» Томаса Стрита, «Новая теория Земли» Уильяма Уистона, «Основы физической и геометрической астрономии» Дэвида Грегори, замечательный для своего времени «Технический лексикон или Всеобщий английский словарь искусств и наук» Джона Гарриса.

Важно подчеркнуть, что почти все из перечисленных выше авторов-англичан писали уже не на латыни, как это делалось в былые времена, а по-английски. Обращаясь в процессе работы к их научным публикациям, Леонард Эйлер, вне всякого сомнения, одновременно совершенствовал свои познания в английском языке. В этих целях он взял из Библиотеки англо-латинский и латинско-английский словарь, изданный известным лексикографом Элайшей Коулзом. Но оказывается, Эйлер читал по-английски не только научную литературу. Словарем Коулза он, по-видимому, пользовался также при чтении других библиотечных книг — например, собрания сочинений драматурга Джона Драйдена и лондонского журнала «Зритель» («The Spectator»), который издавался в 1711—1712 годах писателями-просветителями Джозефом Аддисоном и Ричардом Стилом.

Особое внимание Леонард Эйлер уделял научной периодике, имевшейся в Библиотеке. В 1733 и 1734 годы он методично проштудировал многочисленные выпуски знаменитых трудов Лондонского Королевского общества, выходивших под названием «Philosophical Transactions». Тогда же Эйлер проработал внушительный по объему комплект авторитетного лейпцигского периодического издания «Труды ученых» («Acta Eruditorum»). Затем были прочитаны свежие номера журнала «Новые труды ученых» («Nova Acta Eruditorum»).

В Петербурге Эйлер довольно быстро освоил русский язык, и в связи с этим заслуживает упоминания следующий факт. К весне 1735 года Эйлер закончил работу над учебным пособием по математике, предназначенным для использования в петербургской академической гимназии. Как раз в период написания этой книги, в 1734 году, Эйлер взял из Библиотеки Академии наук русский учебник математики — «Арифметику» Леонтия Филипповича Магницкого, изданную в Москве в 1703 г. Конечно же, это не простое совпадение. С полным основанием можно говорить о том, что, занимаясь составлением нового учебника арифметики для русской учащейся молодежи, Эйлер, без затруднений читавший по-русски, решил ознакомиться с книгой Магницкого, чтобы получить представление о состоянии математических знаний и об уровне преподавания математики в России.

Круг чтения молодого Эйлера, безусловно, не ограничивался профессиональной литературой. Из академической Библиотеки он брал учебник истории Иоганна Гюбнера, одну из книг выдающегося ботаника Жозефа де Турнефора, трактат по фортификации Антуана Девиля, отдельные выпуски популярного лейпцигского продолжающегося издания историко-публицистического направления «Разговоры в царстве мертвых» («Gespräche in dem Reich derer Todten»).

15 июня 1732 года Леонард Эйлер пришел в Библиотеку Академии наук и получил два сочинения Густава Селенуса (под этим псевдонимом-анаграммой печатался герцог Август Брауншвейгский) — пособие по тайнописи и руководство по игре в шахматы. Бесспорно, обе книги представляли интерес для математика: в криптографии, как известно, используются специальные математические приемы, а в шахматах не последнюю роль играет математическая логика.

Любопытно, что однажды, 22 сентября 1733 года, Эйлер специально побывал в Библиотеке для того, чтобы взять четыре книги весьма специфического содержания. Ему выдали

сборник трудов одного из крупнейших знатоков оккультных наук Генриха Корнелия Агриппы Неттесгеймского и сочинения трех менее известных авторов, посвященные искусству прорицания, а именно — трактаты по хиромантии, физиогномике и геомантии.

Стоит отметить, что некоторые современники Леонарда Эйлера считали его человеком, не любившим театральные зрелища и вообще пренебрегавшим драматургией. В частности, в исторической литературе описывается такой эпизод. Однажды Эйлера пригласили в театр на трагедию. Будучи в дурном настроении, не обращая никакого внимания на то, что происходит на сцене, он, как и полагается завзятому профессиональному математику, занялся вычислениями: на глаз определил размеры зрительного зала, установил его объем, затем в уме рассчитал, за какое время до него доносятся звуки голосов актеров, после чего встал посреди представления со своего места, направился к выходу и удалился, громко хлопнув дверью. Вероятно, по этому забавному случаю нельзя судить об истинном отношении гениального ученого к драматическому искусству. Во всяком случае, нам достоверно известно, что одновременно с упоминавшимися уже сочинениями Драйдена в 1733 году Эйлер взял из Библиотеки Академии наук многотомные собрания пьес трех французских драматургов — Корнеля, Мольера и Расина. Можно говорить и об интересе молодого Эйлера к поэзии: наряду с другими произведениями изящной словесности ему выдавались сборники стихотворений двух немецких авторов — Даниэля Каспера фон Лоэнштейна и Якоба Бальде, писавшего лирические стихи на латинском языке.

Нельзя не вспомнить, что в Петербурге Леонард Эйлер испытал романтическое увлечение, которое счастливо завершилось его женитьбой на дочери академического художника Екатерине Гзель. Исходя из этого, можно предположить, что часть книг, которые он приносил из Библиотеки домой, предназначалась для семейного чтения.

Как видим, перечни книг, взятых Леонардом Эйлером из фондов академической Библиотеки, служат достоверным источником сведений о печатных изданиях, которые он использовал в своих повседневных научных занятиях, и вместе с тем позволяют составить общее представление о читательских запросах молодого академика в ранний период его жизни в Петербурге.

Петербургская библиотека лейб-медика Саншеса

Уроженец Португалии доктор медицины Антонио Нуньес Рибейро Саншес был принят на русскую службу в 1731 году. Именно в России он приобрел репутацию одного из крупнейших европейских врачей XVIII столетия. Благодаря высокому уровню практической и теоретической подготовки Рибейро Саншес, проживший в нашей стране 16 лет, завоевал здесь признание в научных кругах и снискал доверие самых влиятельных и требовательных пациентов.

Сначала Саншес получил место городского врача в Москве. В середине 1730-х годов он вступил в должность генерал-штаб-доктора, участвовал в походах русской армии, предпринятых под руководством фельдмаршала Бурхарда Кристофа фон Миниха, а затем стал главным врачом при Шляхетном кадетском корпусе в Петербурге. В конце правления императрицы Анны Иоанновны Саншес был уже

гоф-медиком, а при малолетнем Иоанне Антоновиче и при Елизавете Петровне — лейб-медиком. В 1744 году его произвели в действительные статские советники, а позднее избрали почетным членом Петербургской Академии наук. Находясь в России, Саншес способствовал установлению научных связей между Петербургом и Лиссабоном. На протяжении ряда лет между учеными двух городов велась оживленная переписка и осуществлялся взаимовыгодный книгообмен.

Одним из самых ярких эпизодов во врачебной практике Саншеса стало излечение в 1744 году приехавшей в Россию принцессы Софии Фредерики Августы Ангальт-Цербстской — будущей императрицы Екатерины II: Саншес спас ее от опасного заболевания — плеврита.

Рибейро Саншес постоянно стремился быть в курсе последних достижений европейской медицинской науки. Свидетельством тому служит его личная библиотека, из года в год пополнявшаяся в первую очередь естественнонаучной литературой и волею судеб навсегда оставшаяся в нашем городе: покидая Россию в 1747 году, Саншес продал свое превосходное книжное собрание Петербургской Академии наук. Тогда был составлен подробный каталог библиотеки врача-португальца. Этот документ до сих пор хранится в Петербургском филиале академического архива. В каталоге значится 447 изданий (более 700 томов) на латинском, французском, английском, итальянском, испанском и португальском языках. По меркам XVIII века это было довольно крупное собрание. Академия наук приобрела его на достаточно выгодных условиях: за 700 с лишним томов Саншес просил 1000 рублей (цена по тем временам весьма умеренная). По совершении покупки книги более 300 названий (включая почти всю медицинскую литературу) поступили в фонды Библиотеки Академии наук, а остальные (те, которыми Библиотека уже располагала) были отправлены на распродажу.

Подсчеты показывают, что среди книг Саншеса было более 200 изданий, вышедших в свет в период его пребывания на русской службе. Следовательно, можно сделать вывод, что это собрание как минимум наполовину сложилось в нашей стране. Основным источником его пополнения являлась петербургская академическая книжная лавка: в ее рекламных каталогах числились сотни иностранных изданий разнообразной тематики. Кроме того, Саншес не утратил связей с многочисленными друзьями и коллегами, жившими за пределами России, и благодаря этому обстоятельству необходимую ему литературу, которую нельзя было приобрести на русском книжном рынке, он время от времени получал из-за рубежа.

Основная особенность и главное достоинство петербургской библиотеки Рибейро Саншеса — ее явно выраженный прикладной характер. Это прежде всего рабочее книжное собрание широко образованного врача-универсала, уделявшего внимание в равной степени как практической деятельности, так и серьезным научным занятиям. Из 447 изданий более 200 — книги по медицине, около 40 — по другим естественным наукам (зоологии, ботанике, химии, физике, астрономии). Среди медицинской литературы главное место занимают описания конкретных заболеваний, анатомические атласы, справочники, руководства, исследования в области анатомии, физиологии, хирургии, акушерства, фармакологии, гигиены. Саншес имел в своем распоряжении сочинения по истории врачебного искусства, труды античных и средневековых врачей — Гиппократ, Клавдия Галена, Павла Эгинского, Авиценны, обращался к работам таких светил мировой медицины, как Андреас Везалий, Амбруаз Паре, Ренье де Граф. Лейб-медик был хорошо знаком с результатами новейших исследований современных ему врачей и ученых, в том числе его знаменитого учителя — нидерландского врача и естествоиспытателя Германа Бургаве. Саншес прорабатывал медицинские трактаты

и руководства Альбрехта Галлера, Иоганна Гортера, Георга Эрнста Шталя, Иоганна Юнкера. Нужно отметить, что в своих научных публикациях Рибейро Саншес нередко упоминает этих авторов или ссылается на их сочинения.

При ознакомлении с библиотекой Саншеса становится очевидным, что интересы ее владельца не замыкались узко профессиональными рамками. Около 200 изданий в рассматриваемом собрании — это гуманитарная литература, представленная книгами по истории, философии, политике. Как человек, побывавший во многих странах Европы, Саншес имел возможность наблюдать и сравнивать условия жизни народов, различные формы правления и виды государственного устройства. Личные впечатления он мог пополнять за счет сведений, почерпнутых из имевшихся у него книг по истории ряда европейских и азиатских государств, из описаний путешествий, из трактатов Жана Бодена, Никколо Макиавелли, короля-философа Фридриха II. В рассматриваемом собрании имелись книги, посвященные жизни и деятельности ряда выдающихся исторических лиц. Саншес располагал биографиями римского писателя и политика Марка Туллия Цицерона, короля Испании Филиппа II, императора Священной Римской империи Карла V, итальянского вольнодумца Лючио Ванини, португальского мореплавателя и полководца Жуана де Каштру, английского философа-материалиста Джона Толанда.

Внимание лейб-медика привлекали проблемы философии, морали, воспитания юношества. Его волновали идеи преобразования общества. У него были такие сочинения, как «Похвала глупости» Эразма Роттердамского, «Опыт о человеке» Александра Попа. Он читал и хорошо знал труды Рене Декарта и Фрэнсиса Бэкона.

Саншес имел под рукой лучшие по тому времени универсальные и отраслевые лексиконы, в том числе знаменитые словари Луи Морери и Пьера Бейля. О серьезном отношении к чтению и высокой читательской культуре Саншеса свидетельствует наличие в его собрании справочно-библиографической литературы. За выходом в свет книг по интересующим его вопросам лейб-медик следил просматривая западноевропейские периодические и продолжающиеся издания, содержащие информацию рецензионного и критического характера.

Судя по всему, Саншес увлекался изящной словесностью. В его библиотеке были сборники поэзии, прозаические сочинения, произведения, написанные для театра, причем основное место в подборке художественной литературы занимали оригинальные и переводные тексты античных авторов — Вергилия, Горация, Марциала, Овидия, Проперция, Светония, Теренция, Цицерона, Ювенала.

Как видим, гуманитарная часть собрания Рибейро Саншеса по-своему интересна, но в целом эта библиотека — явление весьма редкое для середины XVIII столетия в первую очередь с точки зрения подбора новейшей медицинской литературы. Именно поэтому в Петербургской Академии наук было решено приобрести книги бывшего придворного врача.

Нужно сказать, что зачастую Саншес предпочитал наиболее плодотворный метод чтения: то и дело он читал с пером в руках. Форзацы и поля страниц многих его книг, хранящихся по сей день в фондах Библиотеки Российской Академии наук, испещрены разнообразными записями, всевозможными справками, ссылками, уточнениями, дополнениями. Иные записи настолько обширны и содержательны, что, они по своему характеру и научному значению не уступают архивным материалам. Так, на чистом переплетном листе одной из книг лейб-медика мы находим замечательную характеристику ее прежнего владельца, друга и коллеги Саншеса петербургского академика Иоганна Аммана. На форзаце другой книги видим рукописный текст, представляющий собой любопытные заметки о жизни придворного шута Яна Дакосты,

любимца императора Петра I. На полях страниц издания, посвященного путешествиям по странам Востока, обнаружены записи Саншеса, являющиеся своего рода двуязычным словарем: здесь приводятся десятки слов и словосочетаний тюркского происхождения с переводом на латынь. В биографию своего учителя Германа Бургаве, напечатанную в Лондоне, Саншес внес несколько дополнений. В одну из книг вложен исписанный им листок бумаги. Это черновик краткого письма к неизвестному пациенту, которому в качестве средства от недомогания рекомендуется принять на ночь сушеного ревеня. На форзацах обоих томов редкого издания по истории медицины, вышедшего в свет в Лиссабоне, Саншес написал, что этот двухтомник был прислан ему в дар из Португалии. На титульных листах многих книг он проставил от руки свое имя и даты их приобретения в Петербурге или Москве.

Всего в современных фондах Библиотеки Академии наук выявлено более 70 книг с владельческими надписями, записями различного содержания и пометами бывшего придворного врача. Не так давно подготовлен и опубликован каталог этих книг, который, по всей вероятности, может представить интерес для биографов Саншеса.

Подобранная со знанием дела, включающая многие новейшие работы по медицине и другим естественным наукам, книжная коллекция врача-португальца существенно пополнила соответствующие разделы академической Библиотеки. В результате книги отставного лейб-медика оказались доступными для русского читателя. Это обстоятельство с полным основанием позволяет рассматривать петербургское книжное собрание Рибейро Саншеса как явление, непосредственным образом связанное с историей нашего города и отечественной культуры в целом.

Нельзя не упомянуть о том, что, перебравшись из России во Францию и посвятив себя преимущественно научной деятельности, Антонио Нуньес Рибейро Саншес со временем обзавелся новой библиотекой, не менее интересной, чем та, которую он в 1747 году оставил в Петербурге.

БАН В ПРОТОКОЛАХ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (1900—1928 гг.)

Н.В. Колпакова

Создание Библиотеки Российской академии наук в 1714 году стало важным фактором в определении Российской государственности. Еще не существовало никаких учреждений в области науки, культуры, образования, но была **Библиотека**, которой с этого времени была отведена роль духовно-познавательного центра. Позже ее статус определился после появления Указа Петра I о создании Академии наук в 1724 году. С этого момента функции БАН были всецело подчинены становлению и развитию научных знаний и, соответственно, решению назревших потребностей в деле становления и развития России. Став главным хранилищем, где собиралась мировая литература по всем имеющимся тогда областям науки, она открывала пути для достижения этой цели.

В «Летописи Библиотеки Российской академии наук с 1714 по 1800 г.» с возможной полнотой изложена ее жизнь, начиная с первых шагов, подчас нерешительных, трудных с познанием азов обустройства, нахождением той, подчас сложной линии, помогающей принимать необходимые решения. Именно в начале XVIII века при невысоком уровне образованности, на фоне глубоких социальных преобразований сложилось понимание значения науки, и уже через какое-то время появились выдающиеся деятели русского Просвещения.

Блистательный для Академии XVIII век и на равных с ней Библиотека — «первая ее ученая принадлежность». Таковой она оставалась до первой четверти XX века.

Несмотря на меняющийся ход истории, политическую, социальную и экономическую обстановку в стране, зависимость от воли царствующих особ, лиц, управляющих Академией, произвола чиновников различных департаментов, деятельность Библиотеки, тесно связанной с развитием научных знаний, по-прежнему способствовала росту передовых открытий, расширению связей с международными образовательными учреждениями, а также обмена литературой с западными академиями и университетами. Благодаря подвижной работе членов СПб Академии возрастало понимание роли науки и образования в обществе.

Конец XIX и первая четверть XX вв. — период наиболее благоприятный для русской науки, культуры, промышленности, сельского хозяйства, однако оказался он недолгим — бурные драматические, социальные, политические события коренным образом изменили не только «картину жизни Академии», но и всей страны.

К счастью, на правах рукописи в Библиотеке РАН сохранились протоколы заседаний Общего собрания Академии наук, с документальной точностью отражающие это время (1900—1928 гг.). Поскольку основным ее учреждением являлась Библиотека, то большая

их часть освещает вопросы и проблемы, связанные с ее деятельностью. Из 324 заседаний ОС на 291 были рассмотрены вопросы, связанные с научной деятельностью библиотеки, получением и рассылкой книг, их хранением, предоставлением, изданием, а также цензурой. От их решения, которыми занимались непосредственно члены Общего собрания, зависела работа всего академического сообщества.

С 1898 по 1916 г. Императорскую академию возглавлял Константин Константинович Романов, видевший свое предназначение в служении Отечеству и народу, он чувствовал огромную ответственность на этом посту.

Первой его задачей было сделать академию более российской, стремился к тому, чтобы в научных учреждениях появлялось больше отечественных ученых. Претворились в жизнь слова М. В. Ломоносова о том, что «будет собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рожать». Имена таких великих ученых, как К. Э. Циолковский, Н. Е. Жуковский, В. И. Вернадский, И. П. Павлов, И. И. Сикорский, Д. И. Менделеев и многие-многие другие, говорят сами за себя.

В представлении, сделанном академиками А. А. Шахматовым и К. Г. Залеманом в Собрании (1901 г., § 188), дана характеристика Библиотеки этого периода: «Будучи по времени учреждения (в 1714 г.) древнейшим из столичных книгохранилищ, Академическая Библиотека из весьма скромных начал возросла ныне до таких размеров, что по количеству и ценности хранящихся в ней книг и рукописей уступает лишь Императорской Публичной Библиотеке и Библиотеке Румянцевского Музея в Москве. Вследствие долголетних сношений Академии с учеными учреждениями и обществами внутри и вне империи, научная периодическая литература представлена в Академической Библиотеке полнее, чем где-либо в нашем отечестве. В ней же, благодаря представленному ей праву получать по экземпляру всего, что печатается в России, сосредотачивается богатейший материал для истории отечественного образования и русской словесности».

В реализации достижений науки по всем направлениям этой новой исключительно плодотворной эпохи, судя по протоколам, огромную роль играло решение вопросов по обеспечению ученых необходимой литературой как отечественной, так и зарубежной. Неукоснительно выполнялись требования ученых о доставке, обмене, приобретении изданий. Ученый становился центром всей библиотечной деятельности, наука в полной мере была зависима от работы библиотечных сотрудников. Академик К. Г. Залеман отмечал: «Чем более возрастает академическая библиотека, тем более чувствуется необходимость поручать работы в ней опытным и всесторонне подготовленным библиотекарям. Во время управления им II Отделением библиотеки он «постоянно старался развивать эти качества в своих помощниках и внушить им ту любовь к своим занятиям, без которой добросовестное исполнение служебных обязанностей невозможно» (§ 87, 1900 г.).

В Конференции, где заседали крупные ученые, цвет российской науки, решались такие, казалось бы, незначительные вопросы, которыми не должен был заниматься столь солидный ареопаг: повышение зарплаты, предоставление отпуска для поправки здоровья, выделение материальной помощи и др. Вопросы финансирования стояли на повестке почти каждое заседание. Академики утверждали сметы, например, на проведение выставок книжной продукции, устройство книжного склада, получение печатных экземпляров из-за рубежа.

Показательна традиция публиковать многочисленные списки дарителей книг, рукописей, целых библиотек, которые затем передавались в Библиотеку. Таким образом, выражалась благодарность и глубокое почтение мировым академиям, зарубежным и отечественным

университетам, а также другим образовательным учреждениям и частным лицам, которые считали почетной обязанностью послать свои научные труды в Российскую академию наук. Следует отметить, что ни один из пожертвователей не был забыт.

В президентство К.К. Романова, при его непосредственном участии, произошли такие особенные, знаковые события для БАН, как, например, выделение участка для возведения здания Библиотеки и затем его постройка. Были решены вопросы об обязательных экземплярах и снятии цензуры на академические издания.

Важно отметить одну очень важную проблему, решением которой Конференция определила **научную деятельность Библиотеки на многие десятилетия вперед**. В свое время к середине XIX в. появилась потребность в подведении итогов многолетней деятельности Академии наук, в создании ее библиографической модели, позволяющей составить представление об академической науке в целом. На Общем собрании Академии было вынесено предложение и затем поручено В.Н. Шемиоту (многие годы заведовавшему Книжной лавкой) составить дополнительные каталоги как на русском, так и иностранных языках. Первой такой работой и стал «Систематический и алфавитный указатель статей, помещенных в периодических изданиях и сборниках Императорской Академии наук, а также сочинений, изданных Академиею отдельно».

К концу XIX — началу XX в. в связи с необходимостью более широкого раскрытия научного наследия Академии был поставлен вопрос о подготовке полного каталога академических изданий, который бы отразил весь репертуар академических изданий и стал основой для создания последующих научных и библиографических трудов. Таким явился «Каталог изданий Императорской Академии наук» за 1726—1923 гг. И.А. Кубасова, который до сих пор остается незаменимым библиографическим пособием. Надо сказать, что по инициативе и непосредственном участии вел. кн. Константина Константиновича были созданы многочисленные комиссии, способствующие консолидации различных исследовательских направлений и тем самым усилению научных изысканий.

Так, 5 марта 1911 г. Конференцией было принято важное решение о создании Временной библиотечной комиссии. Она была призвана оказывать помощь Библиотеке АН в решении всех вопросов, касающихся ее деятельности.

Первым ее председателем был назначен Непременный секретарь Академии наук академик С.Ф. Ольденбург. Затем долгие годы (вплоть до 1928 г.) он останется ее бессменным членом. Его яркая, плодотворная работа на посту будет поддерживать неизмеримые ничем начинания. В первые двадцать лет деятельности Комиссии директора БАН одновременно были ее председателями: академики М.А. Дьяконов (1915—1919 гг.), А.А. Шахматов (1919—1920 гг.), Н.К. Никольский (1920—1925 гг.), С.Ф. Платонов (1925—1928 гг.).

Основными задачами Комиссии стали: планомерная выписка иностранной научной литературы и распределение ее между БАН и специальными библиотеками с учетом их научных интересов; работа по сводному каталогу всех библиотек, входящих в состав единого академического книжного фонда, координация работ специальных библиотек с работами Центральной библиотеки.

В исследуемые годы деятельность Комиссии была направлена на решение проблем БАН, сети санкт-петербургских (ленинградских) библиотек, что, в сущности, и составляло библиотечное дело Академии наук в целом. За Комиссией сохранялось распределение сумм, ассигнованных на выписку книг, между отделениями Библиотеки, необходимо также отметить, что благодаря высокому авторитету директоров БАН академиков А.А. Шахматова,

К. Г. Залемана и их преемников в Конференции по их инициативе постоянно обсуждалось большое количество вопросов, связанных с развитием библиотечного дела в Академии наук.

Деятельность Императорской академии наук в условиях политического кризиса 1914—1917 гг. приобрела активный, патриотический характер. Первая мировая война, революции, гражданская война привели к колоссальным потерям как музейных ценностей, так и книжных сокровищ: многочисленных владельческих библиотек, содержащих рукописи и книжные раритеты. Ничтожно мало осталось от созданного за тысячелетие культурного достояния нашей великой страны. Огромных усилий стоили уцелевшие шедевры. Подобные действия не могли оставить равнодушными истинных патриотов России, тревожащихся за сохранение отечественного культурного достояния. Конечно же, это были, в первую очередь, известные деятели науки. Так, «И. о. Непременного секретаря от имени нескольких академиков, участвовавших в частном совещании, обсуждавшем вопрос об охране памятников, находящихся в районе военных действий, внес следующее предложение:

“В настоящее время военные действия, как на нашем западном фронте, так и на южном, кавказском, происходят в местностях, где сосредоточено значительное количество драгоценных для науки памятников, коллекций и учреждений. На ряду с памятниками историческими, к которым относятся книгохранилища, хранилища рукописей, музеи и древности, ценными в научном отношении представляются и естественно-исторические коллекции, также опытные поля, защитные участки. Охранение и спасение этих памятников от возможной порчи, расхищения и уничтожения не может не заботить ученые и просветительные учреждения нашей страны. Академия Наук заинтересована в этом особенно. Для осуществления целого ряда действий, вызываемых необходимостью охранить и спасти исторические памятники и другие предметы, ценные для науки, находящиеся в районе военных операций, желательно командировать на оба фронта — западный и кавказский, несколько уполномоченных лиц”» (1914, ОС. IX. 208).

После Октябрьской революции необходимо было решать вопросы взаимодействия с новой властью. «20 февраля 1918 года Общим собранием АН, в ответ на обращение Наркомпроса РСФСР “о необходимости мобилизации русской науки”, было принято специальное постановление. Текст его был выработан комиссией под председательством С.Ф. Ольденбурга. Этот документ заканчивался главным положением о том, что “Академия всегда готова по требованию жизни и государства приняться за посильную и научную, и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства”» (см.: Петерб. библ. шк. 2013. № 3. С. 31). А. П. Карпинский озвучил на Общем собрании письмо (от 24 марта 1918 г. § 112; Приложение № 1) Народному комиссару просвещения А. В. Луначарскому с выражением готовности Академии наук принять участие в изучении производительных сил страны. В конце такая строка: «Прошу Вас принять уверение в совершенном почтении и преданности».

Надо отметить, что большевистские деятели молодого государства относились к науке как важному компоненту строительства нового общества. К 1925 году (дата двухсотлетия Академии) удалось полностью восстановить состав Академии (многие ученые в период гражданской войны ее покинули). Библиотека завершила свой переезд в новое здание. Создавалась разветвленная система научно-исследовательских учреждений. Соответственно этому в 1928 г. Постоянная библиотечная комиссия под председательством академика С. Ф. Платонова при участии академиков С. А. Жебелёва, И. Ю. Крачковского, С. Ф. Ольденбурга выработала «Проект основных положений об организации библиотечного дела в Академии

наук СССР» и «Проект положения о Центральной библиотеке». Оба проекта определили цели и задачи единого книжного фонда и сводного каталога всех специальных академических библиотек.

Далее Библиотека претерпит еще ряд реорганизаций, но это уже будет другое время, в котором хватит места и трагическим и вызывающим чувство гордости событиям. Но факт, что она перестала быть «первой ученой принадлежностью», вызывает большое сожаление.

Опубликованные протоколы — это один из периодов истории нашей страны. Читателю представляется возможность общения с людьми, принесшими свой ум, талант, жизнь на алтарь Отечества. По документам реально можно увидеть достижения и недостатки в работе Академии и Библиотеки. Это может быть полезным тем, кто занимается историей и организацией науки.

РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ БИБЛИОТЕКИ РАН (Очерк научной жизни за 50 лет: по личным воспоминаниям)

Н. Ю. Бубнов

Рукописный отдел Библиотеки Российской академии наук был выделен в самостоятельное научное подразделение в 1899 г. и за прошедшее столетие стал одним из ведущих центров по изучению письменной культуры наших предков, сохранившим и приумножившим рукописные сокровища.

Богатая письменная культура Древней Руси была вытеснена из культурного обихода в XVIII—XIX вв. в эпоху становления современной русской культуры. В новых условиях она сохранила интерес почти исключительно для науки. Большие успехи в ее изучении были сделаны в конце XIX — начале XX столетий. «В послереволюционный период — пишут редакторы “Библиотеки литературы Древней Руси” — условия для исследования древнерусской письменности были не всегда благоприятны, ибо её органическая связь с христианским вероучением и мировоззрением была ненавистна официальному атеизму». Лишь во второй половине прошлого века, по мере постепенного раскрепощения нашего общества «научное и культурное освоение литературы Древней Руси впервые шли вместе, взаимно способствуя друг другу»¹.

Настоящая статья посвящена истории Рукописного отдела Библиотеки Российской Академии наук за последние пятьдесят лет. Небольшой научный коллектив, в котором мне довелось работать с 1963 г., не только обеспечивает научную деятельность сотен исследователей-гуманитариев, но и вносит заметный вклад во многие магистральные направления отечественной науки и культуры. Это достигается как созданием новых томов научных описаний рукописей, «раскрывающих» для пользователей-учёных информационную «terra incognita» так и собственными оригинальными исследованиями сотрудников.

За прошедшую половину столетия в Отделе работали выдающиеся историки и филологи — исследователи российской культуры и письменности. Это, прежде всего, заведующие Отделом: В. Ф. Покровская, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, Л. И. Киселёва, а также такие известные учёные, как Е. И. Боброва, И. Н. Лебедева, О. П. Лихачёва, И. Ф. Мартынов, А. А. Амосов, Л. А. Петрова, О. Н. Блёскина. Продолжают трудиться в Рукописном отделе Л. Н. Белова и Ф. В. Панченко. Прибавились и новые специалисты, таланты которых постепенно выявляются и расцветают.

Работая в Рукописном отделе, все его сотрудники имеют возможность тесно общаться с учёными различных гуманитарных специальностей, школ и научных направлений, и это

¹ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. Предисловие к читателям. С. 5.

общение и сотрудничество даёт им чрезвычайно много. Особенно тесное общение сотрудники Отдела постоянно поддерживали с учёными коллективами ИРЛИ (Пушкинский Дом), Институтом Российской истории, преподавателями и студентами исторического, филологического и философского факультетов СПбГУ, Педагогического университета им. А. И. Герцена, Государственной консерватории. Отдел получал поддержку в его научных начинаниях таких выдающихся учёных, как академики Д. С. Лихачёв, Б. А. Рыбаков, член-корреспондент РАН Л. А. Дмитриев, а также председатель Археографической комиссии РАН, профессор С. О. Шмидт.

Свою трудовую деятельность в Рукописном отделе БАН я начал в марте 1963 г. по рекомендации В. И. Мальшева, известного филолога, научного сотрудника Пушкинского Дома. Владимир Иванович был страстным почитателем и исследователем творчества старообрядческого писателя протопопа Аввакума и неустанным собирателем древнерусских рукописей, создавшим в ИРЛИ богатую рукописную коллекцию, уникальную «крестьянскую библиотеку». Владимир Иванович посоветовал мне обратиться к своему хорошему знакомому А. И. Копаневу, заведующему Рукописным отделом БАН, у которого в Рукописном отделе освобождалось штатное место.

Помню свой первый визит к Александру Ильичу в БАН. Он привел меня в Рукописный отдел и, дав в руки толстую рукописную книгу на древнерусском языке, попросил её читать. К стыду своему, я не мог прочесть ни строчки, и объяснил, что в Пединституте меня не учили читать на древнеславянском, и старинную рукопись я вижу впервые. Александр Ильич, посмеявшись, сказал, что это не беда и научиться читать древние рукописи можно за два дня. Конечно, это было большим преувеличением. Должность библиотекаря открылась в Отделе в феврале 1963 г., и в начале марта я оформился на работу в БАН библиотекарем.

В Рукописном секторе Отдела рукописной и редкой книги тогда работало по штату 5 человек, и я стал пятым. Заведующий Отделом, кандидат исторических наук А. И. Копанев был учеником И. И. Смирнова — известного учёного-аграрника. Окончив Исторический факультет ЛГУ и аспирантуру, он в 1941 г. подготовил кандидатскую диссертацию на тему: «История землевладения Белозерского края XV—XVI вв.». Когда началась Великая Отечественная война, молодой аспирант, член КПСС, хотел немедленно, не дожидаясь мобилизации, вступить в народное ополчение. Но его научный руководитель настоял, что необходимо до ухода на фронт диссертацию защитить. После блестящей защиты новоиспечённый кандидат наук ушёл на фронт с ополчением. Однако в дальнейшем судьба учёного сложилась неблагоприятно: вместе со своей частью он попал в плен к немцам и несколько лет провёл в германских концлагерях. После освобождения из фашистского плена Александр Ильич успел вступить в Советскую армию солдатом и два месяца воевал на территории Германии. После демобилизации А. И. Копанев устроился на работу в ЛОИИ РАН, но за пребывание в плену был исключен из партии и уволен из института. Но дальнейших репрессий не последовало, и ему удалось поступить на работу в Рукописный отдел БАН, где он вскоре стал заведующим. Замечу, что в послевоенное время специалистов гуманитариев, особенно с учёной степенью, было мало, они были востребованы всеми научными центрами и везде ценились.

Занимаясь экономической, политической и социальной историей крестьянства Русского Севера, А. И. Копанев, придя на работу в БАН, активно включился в изучение культуры и письменности Древней Руси, приняв участие в написании 2-го выпуска книги «Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки АН» (М; Л., 1958), составив научное описание нескольких рукописных фондов. Участвуя в нескольких крупных проектах

Института истории РАН, в рамках празднования 250-летия БАН, принял участие в написании трех глав фундаментального труда «История Библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964» (М.: Л., 1964), а также о выдающихся сотрудниках Академической библиотеки: К.-Э.М. Бэре (1967), Э.А. Вольтере (1970), В.И. Срезневском (1973, 1989). Александр Ильич опубликовал серию статей о выявленных им в фондах Отдела новых исторических материалах. Возродив в БАН археографические экспедиции, он сумел пополнить фонды отдела сотнями новых рукописей и книг. В начале 1970 г. А.И. Копанев вернулся на службу в Институт истории РАН, где вскоре им была успешно защищена докторская диссертация.

Учёным хранителем в Рукописном отделе была кандидат исторических наук М.В. Кукушкина. Под руководством профессора ЛГУ, известного источниковеда Д.Н. Валка она написала и в 1952 г. защитила кандидатскую диссертацию «Движение помещичьих крестьян в великорусских губерниях» и по распределению пришла работать в Рукописный отдел БАН. Здесь, как и А.И. Копаневу, ей пришлось переквалифицироваться в источниковеда-«рукописника», занявшись описанием древних рукописей и историей древнерусских монастырских библиотек.

В 1961 г. в Отдел пришла И.Н. Лебедева, кандидат философских наук, со знанием древнегреческого и латинского языков. Её кандидатская диссертация, защищённая в 1967 г., была посвящена исследованию хроники Псевдо-Дорофея и других новогреческих хроник, а также их русским и восточным переводам. Позднее Ирина Николаевна много времени уделила истории переводов «Повести о Варлааме и Иоасафе», древнерусский перевод которой в 1985 г. был издан отдельной книгой. Но главной её заслугой следует считать составление двух томов научных описаний: Греческие рукописи (Описание РО БАН. Т. 5. Л., 1973) и Рукописи латинского алфавита XVI—XVII вв. (Описание РО БАН. Т. 6. Л., 1979). Изучение истории книжных собраний в России в XVIII в. увенчалось выходом в свет подробного описания рукописной части императорской библиотеки: Библиотека Петра I. Описание рукописных книг. СПб., 1903.

Четвёртым сотрудником Отдела была О.П. Лихачёва. Выпускница Института культуры, она как профессиональный библиотекарь ведала большой подсобной библиотекой Рукописного отдела. Ольга Петровна была родной внучкой знаменитого историка и археографа, академика Николая Петровича Лихачёва. Занимаясь в семинаре профессора Н.А. Мещерского, она оказала неоценимую помощь русской филологической науке, так как именно её записи лекций выдающегося учёного-слависта послужили основой для их издания: «Источники и состав древне-славяно-русской переводной письменности IX—XV вв.» (Л. 1978). Овладев в совершенстве древнерусским языком, глубоко проникнув в литературный стиль и поэтику древнерусской литературы, О.П. Лихачева стала одним из лучших переводчиков и комментаторов древнерусских сочинений. Совместно с Я.С. Лурье она подготовила к печати «Повесть о Стефаните и Ихнилате». Итогом исследования и критического издания этой повести, вышедшей в 1969 г. в серии «Литературные памятники», стала защита в ЛГУ в 1973 г. кандидатской диссертации на тему «Образы животных в Повести о Стефаните и Ихнилате». Впоследствии исследовательница участвовала в переводе «Сказания и повести о Куликовской битве» (1982 г.) и других сказаний и житий для «Памятников древнерусской письменности», Радзивиловской и Ипатьевской летописей. Продолжая работы своего учителя Н.А. Мещерского, она занялась исследованием древнерусских богослужебных книг и литературных сборников: славяно-русского апостола, Супрасльского сборника 1507 г., Служебной псалтыри, Библии, древнеславянского Апокалипсиса, опубликовав об этих древних книгах ряд статей.

В Отделе была постоянная выставка рукописных книг, которую посещало много экскурсантов. Приходили студенты университета и пединститута с преподавателями, некоторые школьные учителя со своими учениками, сотрудники Библиотеки РАН и других академических учреждений, иностранные филологи и историки — участники съездов и симпозиумов. Показав однажды эту выставку, А. И. Копанев и М. В. Кукушкина сразу же поручили мне вести экскурсии для студентов и школьников. Это было интересно, но эрудиции мне поначалу не хватало. После ухода посетителей, я проверял свои ответы на вопросы экскурсантов и набирался новых знаний.

В 1964 г. праздновался 250-летний юбилей Библиотеки Академии наук. Сотрудники Рукописного отдела А. И. Копанев и М. В. Кукушкина участвовали в написании фундаментального труда «История Библиотеки АН СССР». Дирекцией БАН Отделу было предложено организовать большую юбилейную выставку книг и рукописей в стенах Отдела. В подборе экспонатов для выставки приняли участие все сотрудники. Ее обзор стал моей первой самостоятельной научной работой, напечатанной в юбилейном сборнике БАН.

Большую роль в самообразовании молодых сотрудников Отдела сыграли «Лихачёвские» среды, проходившие в секторе древнерусской литературы Пушкинского дома. Каждое заседание было посвящено одному докладу сотрудника сектора или приглашенного исследователя, а затем проходило его активное обсуждение. Часто заседания были бурными и необычайно интересными. Возглавлял заседание чаще всего сам Д. С. Лихачёв, тогда еще член-корреспондент РАН. На заседаниях присутствовали такие видные ученые, как Л. А. Дмитриев, Р. П. Дмитриева, Я. С. Лурье, Г. М. Прохоров, А. М. Панченко, М. А. Салмина, Г. Н. Моисеева, Ю. К. Бегунов. Атмосферу острей, хотя в целом и доброжелательной критики, часто «подпитывало» наличие двух различных подходов к изучению древнерусской литературы, которые бы я условно назвал «славянофильским» и «западническим». Иногда возникавшие при обсуждении докладов споры уходили далеко в сторону от сделанного доклада и о докладчике «забывали». Были и скандальные заседания, когда Д. С. Лихачёв публично давал отповедь «зарвавшимся» докладчикам, не знавшим удержу своим филологическим фантазиям. Помимо «Лихачёвских» сред, сотрудники Отдела посещали заседания сектора феодализма в Ленинградском отделении Института истории РАН, проходившие там обсуждения и защиты диссертаций. Удалось присутствовать и на лекциях университетских профессоров Н. А. Мещерского, Л. Н. Гумилева, интересных экскурсиях по выставке в Рукописном отделе РНБ главного хранителя рукописей Н. Н. Розова.

Говоря о научной работе отдела, следует подробнее остановиться на основной фундаментальной программе раскрытия фондов отдела для читателей и российской науки. Огромное рукописно-книжное богатство, хранящееся в древлехранилищах России и других славянских стран, и поныне в значительной мере не раскрыто и не исследовано. Переход к светской культуре и светскому образованию, осуществленный при Петре I, сделал невостребованными огромные книжные богатства, хранившиеся в наших монастырских, архиерейских и частных библиотеках, многие из которых в XVIII—XIX вв. были уничтожены или распылены. Разгром наших древностей продолжился в послереволюционные годы. То, что удалось сохранить в государственных древлехранилищах усилиями ученых, нуждалось и до сих пор нуждается в «раскрытии», что не так-то просто сделать. Дело в том, что древние рукописи и книги, как правило, не имеют титульного листа, а без него даже «назвать» книгу непросто. К тому же почти половина старинных книг — это сборники, содержащие в своем составе порой десятки разнообразных сочинений, каждое из которых нуждается в отдельной атрибуции. Датировка

этих книг еще сложнее и требует специальных знаний по палеографии, истории бумажного производства и маркировки бумаги. Специалистов же палеографов в советское время практически не готовили и многие из них были самоучками. Между тем среди книжных богатств можно отыскать настоящие жемчужины, до сих пор неоцененные. Но вовсе не только поисками этих жемчужин определяется необходимость «раскрытия» фондов древлехранилищ. Без подробного описания и раскрытия всего средневекового «культурного наследия» невозможно изучение истории и культуры наших предков, следовательно, структурирование нашего будущего во всех его проявлениях.

Фундаментальная научная программа по описанию рукописей, хранящихся в БАН, задуманная и начатая первым заведующим Рукописного отдела В.И. Срезневским в начале XX в., была продолжена в 50-х годах. Почти сразу же после моего прихода в Отдел издательство Академии наук «Наука» предложило издать давно подготовленный 2-й выпуск 3-го (исторического) тома: «Исторические сборники XV—XVII вв.». Мне было поручено составить к подготовленному тому именной и географической указатели. Следом за выходом этого выпуска описаний в Отделе было решено приступить к научному описанию исторических сборников, написанных в XVIII—XIX вв. Это описание, в подготовке которого я принял участие совместно с А.И. Копаневым, М.В. Кукушкиной и О.П. Лихачёвой, было опубликовано в 1971 г. как 3-й выпуск 3-го (исторического) тома.

Мои первые научные работы, написанные во второй половине 60-х гг., были посвящены различным аспектам изучения рукописных книг XVI—XVII вв., взаимодействию рукописной и печатной книги, книжной миниатюре, истории первоначальных фондов БАН. В тот период моё основное научное направление еще не определилось, и я искал тему, наиболее соответствующую моим научным интересам, научной подготовке, потребностям отдела и российской науки в целом.

Рукописный отдел тесно сотрудничал с Археографической комиссией в Москве во главе с её председателем С.О. Шмидтом, а А.И. Копанев возглавлял Ленинградское отделение АК. В конце 60-х гг. АК задумала приступить к планомерному описанию древних (по XV в. включительно) славянских и русских, а также греческих и латинских рукописей, хранящихся на территории СССР. Работа по описанию рукописей кириллического и глаголического шрифтов должна была строиться на хронологическом принципе, когда рукописи описывались по векам, начиная с древнейших (южнославянские и русские, начиная с XI в.). Такой порядок описания был обусловлен необходимостью преодолеть идеологический барьер, построенный в советское время, когда не одобрялся выход в свет книг, посвященных Евангелиям, Библиям, Апостолам и другим «религиозным» сочинениям, которые, что естественно, превалировали среди сохранившихся древних кодексов. Поскольку штат АК был маломощным, осуществлять описание рукописей предполагалось силами сотрудников древлехранилищ на местах, а координацию и научную помощь брала на себя АК. Соответствующее предложение АК пришло и в БАН. Ввиду этого в отделе было решено учесть все наши древнейшие рукописи XI—XV вв. и приступить к их описанию. Было также решено предварить сводное (из разных хранилищ) описание АК публикацией собственного описания, охватывающего старинные пергаменные кодексы, хранящиеся в БАН. Осуществлять задуманную работу взялись молодые сотрудники — Н.Ю. Бубнов и О.П. Лихачева, а редактором стала В.Ф. Покровская, которую оформили на временную работу в БАН. Вера Федоровна, заведовавшая Рукописным отделом в 40—50-х гг., как опытный филолог успешно координировала нашу работу и сама описала древнейшие славянские рукописи глаголического письма. Общее количество

выявленных нами в БАН пергаменных рукописей достигло 195 ед. хранения, причем почти 2/3 из них сохранилось лишь в виде отдельных книжных тетрадей, листов или их фрагментов. Главной заслугой описателей стала атрибуция и прочтение многих фрагментов с плохо сохранившимся (соскобленным или смытым) текстом, а также смытых владельческих записей и помет, уточнение датировок кодексов, а также выявление принадлежности ряда неполных рукописей, отдельных тетрадей и листов к кодексам, хранящимся в древлехранилищах России и других стран. В ходе этой работы были выявлены, в частности, два годовых комплекта Служебных месячных миней, принадлежавших некогда библиотекам Софийского собора в Новгороде и новгородского Хутынского монастыря, а также отождествлены две части Пролога XIV в. из Троице-Сергиева монастыря, хранящиеся в БАН и РГБ. Описание пергаменных рукописей БАН вышло в свет в 1976 г. и вызвало положительный отклик как в России, так и в славянских странах: в славистских журналах было опубликовано шесть рецензий на это издание. Впоследствии часть составленных описаний, в дополненном и уточненном виде, были включены в «Сводный каталог славяно-русских рукописных книг», издающийся Институтом славяноведения и Археографической комиссией (XI—XIII вв. М., 1984 и XIV в.: Вып. 1. М., 2002). Создание каталога, в который предполагается включить тысячи славянских рукописей XI—XV вв., еще продолжается и требует от составителей значительных усилий.

Важную роль в становлении молодых исследователей отдела сыграла полевая археография — деятельность, в осуществлении которой мне было суждено участвовать в 1965—1990 гг. Возрождение книжного собирательства в советское время принято связывать с деятельностью уже упомянутого мною доктора филологических наук В. И. Малышева. Владимир Иванович, несколько месяцев в предвоенные годы служивший в Рукописном отделе БАН, и в дальнейшем «курировал» Рукописный отдел в деле поиска и сбора рукописей у крестьян-старообрядцев. Моя первая археографическая экспедиция на Русский Север — в Карельское Поморье — состоялась в июне 1965 г. Мы поехали туда вместе с А. И. Копаневым. Выбор этого региона был обусловлен тем, что Александр Ильич уже дважды был в тех местах (1959 и 1960 гг.) вместе с филологом Л. А. Дмитриевым, научным сотрудником Пушкинского Дома. С моим приходом в БАН у Копанева появился компаньон, с которым он мог путешествовать и в трудных экспедиционных условиях искать и приобретать рукописи и старопечатные книги исключительно для Академической библиотеки.

Древние рукописные и старопечатные книги, которые мы искали, покупали, а чаще получали в дар в ходе экспедиционных поездок, хранились в большинстве своем у старообрядцев — сторонников древнего православного церковного обряда, измененного во времена патриарха Никона. До поездок в старообрядческие деревни я знал о старообрядцах очень мало. Знакомство с ними, особенно со старцами «начетчиками» (знатоками Священного писания и предания), внушили нам большое уважение к древней культуре, которую они олицетворяли. Постепенно пришло осознание, что в России существовала и в значительной мере сохранилась древняя христианская культура, альтернативная светской, представленная древней письменностью, живописью, музыкой, философией и жизненным укладом. Необходимо не только изучать эту культуру, но и брать из нее лучшее, нередко забытое, отвергнутое в период Петровских реформ и в последующие века. Между тем, в государственных древлехранилищах сохранились тысячи рукописных книг, сочиненных или переписанных старообрядцами, большинство из которых до сих пор лежат невостребованными и неизученными. Это осознание помогло мне выбрать направление моих дальнейших исследований — изучение старообрядческого литературно-книжного наследия и на его основе самобытной древнерусской культуры.

В археографических экспедициях 1965—1968 гг. нам с А. И. Копаневым удалось найти и установить контакт с общиной старообрядцев-скрытников, немногочисленные представители которой жили в г. Каргополе и некоторых окрестных деревнях. Скрытники по своим убеждениям принадлежали к наиболее ортодоксальному и непримиримому по отношению к власти старообрядческому толку. С конца XVIII века они отвергали не только господствующую православную церковь, но и государство, где правил царь — «антихрист», вели замкнутый образ жизни в отдаленных регионах страны. Они не имели документов, «бегали» или скрывались от «властей», не брали в руки деньги с «печатью антихриста», а купленные для них продукты и вещи подлежали «освящению». Нам удалось познакомиться с одним из бывших руководителей местной общины скрытников Максимом Ивановичем Залесским, долгие годы проведенным в сталинских лагерях, а по возвращении на родину ставшим историографом скрытничества. М. И. Залесский передал в БАН много древних книг и материалов, сохранных или написанных им самим. Удалось познакомиться и с руководительницей местной скрытнической общины Марией Ивановной Гриневой, также передавшей нам свои книги, а позже способствовавшей в получении книг небольшой библиотеки-скриптория одного из закрытых скрытнических скитов, где до начала коллективизации велась активная переписка книг. Скрытники (странники) сознавали, что их община вымирает и необходимо сохранить для потомков накопленное культурное наследие — «историческую память». Однако завоевать их доверие было не просто. Познакомиться с Марией Ивановной нам помог случай. Впоследствии она рассказала нам о посетившем ее «сонном видении» в ночь, накануне нашего прихода в ее «келью». В «тонком сне» ей явилась Пресвятая Богородица и сказала, что утром придут «два светозарных мужа» и что она должна их достойно принять. За годы знакомства с Максимом Залесским и Марией Ивановной сотрудники БАН несколько раз посещали их жилища и неизменно получали помощь и поддержку.

В 1969 г. мы, вместе с А. И. Копаневым, решили поехать в экспедицию на его малую родину, в Кировскую область — бывшую Вятскую губернию. Это была первая археографическая экспедиция в область, где жило много старообрядцев. Объехав несколько районов, мы посещали старообрядческие общины, везде получая в дар или покупая рукописи и книги. Особенно плодотворным оказалось посещение поморской общины в селе Старая Тушка, где удалось приобрести интересные старообрядческие рукописи и первопечатную Острожскую библию Ивана Федорова 1580 г. Здесь же нашлись книги, напечатанные, как удалось установить, в подпольной старообрядческой типографии Луки Арефьевича Гребнева, действовавшей с конца XIX вплоть до 20-х гг. XX в. Летом 1970 г. я снова поехал на Вятку, на сей раз с новым сотрудником Рукописного отдела И. Ф. Мартыновым, специалистом по русской литературе XVIII в. Эта экспедиция, обследовавшая старообрядческие поселения на юге Кировской области, также оказалась удачной. Из собранных материалов в БАН было сформировано новое «Вятское» рукописное собрание. В дальнейшем археографическая работа в регионе была продолжена А. А. Амосовым, Л. А. Петровой, О. Н. Блёскиной и Ф. В. Панченко.

С января 1970 г., стремясь расширить географию археографических поездок, мы решили организовать археографическую поездку на Украину к живущим там старообрядцам. Особенно хотелось попасть в знаменитое село Белая Криница, где до 1945 г. находилась резиденция старообрядческих митрополитов Белокриницкого согласия. Летом 1971 г. мы с И. Ф. Мартыновым приехали в Винницкую область и начали систематическое археографическое изучение областей Западной Украины, продолженное сотрудниками БАН и в последующие годы.

Попав в Белую Криницу, которая, как оказалась, расположена на самой украинско-румынской границе, мы сумели отыскать спрятанную там во время войны часть старинной библиотеки белокриницких митрополитов. Удалось убедить руководство местной старообрядческой общины и жившего в Черновицах белокриницкого епископа Иринарха в необходимости передать это ценное книжное собрание в Академию наук в Ленинград, где она будет сохранена и изучена. Большую часть найденных рукописных книг XVI—XX вв. удалось приобрести для БАН.

В начале 70-х гг. я познакомился с приехавшим в Ленинград Иваном Никифоровичем Заволоко — знаменитым старообрядческим ученым и общественным деятелем, бывшим в предвоенные годы депутатом латвийского парламента, который ранее успешно сотрудничал с В. И. Малышевым и созданным им древлехранилищем. Начав профессионально заниматься старообрядческой письменностью и книжной культурой, я вступил в переписку с Иваном Никифоровичем и летом 1974 г. поехал к нему в Ригу вместе с И. Ф. Мартыновым и Л. А. Петровой, рассчитывая получить ценные советы и рекомендации по археографическим поискам в Прибалтике. От И. Н. Заволоко мы узнали, что через два дня в Вильнюсе открывается всероссийский съезд старообрядцев Поморского согласия, где мы смогли бы познакомиться со многими старообрядцами — хранителями старинных книг. Выехав немедленно в Вильнюс, участники экспедиции попали на съезд в качестве представителей Академии наук и встретились там с руководителями многих старообрядческих общин Латвии и Литвы. У одного из участников съезда удалось приобрести рукописное Евангелие XVI в. с четырьмя миниатюрами евангелистов. В последующие годы мы несколько раз ездили к литовским старообрядцам, собирая книги для вновь образованного Неманского собрания рукописей в БАН. Близкие контакты, завязавшиеся с рижскими старообрядцами и с руководителями Рижской Гребенщиковой общины, помогли в 1977 г. получить для БАН ценное рукописное собрание, состоящее из 11 рукописей XV—XVIII вв. из рижской «Книжницы». Эти древние кодексы были более всего востребованы российскими учеными-славистами и их изучение на месте было по многим причинам затруднено.

Позднее, с начала 80-х годов XX в., археографическую работу в БАН возглавил пришедший в отдел в 1975 г. историк-архивист А. А. Амосов, ученик С. О. Шмидта, а я, передав ему руководство и планирование экспедиций, продолжал в некоторых из них участвовать. Благодаря археографическим экспедициям, отдел рукописной и редкой книги БАН пополнился более чем 2500 рукописных и 1500 старопечатных книг. Об археографических экспедициях и формировании территориальных рукописных собраний в Рукописном отделе участниками экспедиций написано несколько статей.

Археографические экспедиции, знакомство со старообрядцами и старообрядческой рукописной книгой подтолкнули меня к написанию работ по истории старообрядческой публицистики, в основу которых было положено несколько удачных археографических находок. В начале 1976 г. я защитил кандидатскую диссертацию «Источники по формированию идеологии раннего старообрядчества», а затем, продолжив углубленно заниматься этой темой, и докторскую: «Старообрядческая книга в России. Источники, типы и эволюция», опубликованной в 1995 г. Интересно отметить, что обе диссертации были написаны на «стыке» исторической и филологической дисциплин, так как изучение старообрядческой культуры непременно требует комплексного подхода, анализа многих многожанровых источников. Моим руководителем при написании кандидатской диссертации был А. И. Копанев, а докторская диссертация получила одобрение Д. С. Лихачёва.

В 70—80-х гг. мы с А. А. Амосовым вели переговоры с московским старообрядческим наставником и коллекционером М. И. Чувановым о приобретении для БАН его богатой коллекции старообрядческих рукописей и гектографированных изданий. В 1989 г. эта коллекция и научная библиотека по истории старообрядчества были куплены у его наследников и получили в БАН первичное описание. Была приобретена также небольшая библиотека умершего ленинградского старообрядческого наставника А. М. Елифанова, в состав которой входил еще один экземпляр Острожской библии Ивана Федорова 1580 г. с многочисленными маргиналиями.

В 1970 г. Рукописный отдел возглавила М. В. Кукушкина. Пришли работать новые сотрудники: Л. А. Петрова, Л. Б. Белова, И. Ф. Мартынов, а позднее А. А. Амосов, Ф. В. Панченко, О. Н. Блёскина. Новое научное пополнение оживило работу в отделе. Прежде всего, это сказалось на археографической деятельности, которая заметно активизировалась, хотя количество и древность привозимых из экспедиций рукописей стали заметно снижаться. Вышли новые тома описаний рукописей, в частности, составленные И. Н. Лебедевой описание греческих рукописей (1973 г.), И. Ф. Мартыновым — научное описание рукописных поэтических сборников БАН «Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения XVII—XIX вв.» (1980 г.); М. В. Кукушкиной, А. А. Амосовым и Л. Б. Беловой описаны «Рукописи Архангельского собрания» (Вып 1: 1989 г.). Работу М. В. Кукушкиной по изучению и реконструкции северных монастырских библиотек и хранящихся в них книг продолжила ее ученица Л. Б. Белова. В эти же годы под редакцией М. В. Кукушкиной вышли два сборника «Материалов и сообщений по фондам ОРРК» (1978 и 1987 гг.). В 1975 г. Маргарита Владимировна защитила докторскую диссертацию на тему: «Монастырские библиотеки Русского Севера» и в 1977 г. издала одноименную монографию. Важным проектом, осуществленным в отделе под ее руководством, стало фототипическое издание Радзивилловской летописи XV в. — древнейшей сохранившейся иллюстрированной древнерусской летописи (1994 г.). В этом издании получили подробное описание сюжеты всех 600 исторических миниатюр (М. В. Кукушкина, А. А. Амосов, О. А. Белоброва). В 1979 г. отдел, совместно с Археографической комиссией РАН, организовал первую всесоюзную научную конференцию по актуальным проблемам описания рукописей. По материалам конференции был издан сборник статей «Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности». В эти годы Библиотека РАН признается ведущим учреждением в стране по проблематике научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Для работников провинциальных древлехранилищ организовывались практические семинары. В 1985 г. М. В. Кукушкина оставила руководство отделом, но продолжала активную научную деятельность. Ею была написана и опубликована фундаментальная монография «Книга в России в XVI веке» (1999 г.).

С 1975 по 1995 г. в отделе работал талантливый ученый-архивист Александр Александрович Амосов. Своей главной исследовательской темой он сделал изучение Лицевого летописного свода Ивана Грозного, а также исследование и реконструкцию царской библиотеки. В 1982 г. А. А. Амосов подготовил к печати и издал работу умершего в блокаду Ленинграда сотрудника БАН Н. Н. Зарубина «Библиотека Ивана Грозного» с обширными дополнениями и комментариями, а в 1991 г. защитил докторскую диссертацию о Лицевом летописном своде Ивана Грозного. За период работы в Отделе А. А. Амосов особенно много сделал по оптимизации научной работы отдела, раскрытию фондов с помощью многочисленных статей и обзоров, налаживанию археографических контактов между научными центрами России, организации семинаров и выставок.

Моя работа в отделе в 70—90-е гг. заключалась, помимо научной работы, в исполнении обязанностей главного хранителя, в участии в археографических экспедициях, описании привезенных рукописей и книг, в организации выставок и проведении экскурсий по ним. Много справок по фондам делалось в помощь читателям. Научная работа постепенно концентрировалась на старообрядческой тематике. Составленный мною план многотомного описания старообрядческих рукописей, хранящихся в РО БАН, постепенно реализовался. Первый том этого описания: «Сочинения писателей-старообрядцев XVII века» (описаны 133 рукописи) увидел свет в 1984 г., а в 2001 г. вышло его продолжение: «Сочинения писателей-старообрядцев первой половины XVIII века» (описана 181 рукопись). В эти же годы мною была написана серия статей по истории и книжной культуре старообрядчества, а также об археографических экспедициях БАН и сделанных в них находках и открытиях.

С 1986 по 1996 г. Отделом рукописной и редкой книги БАН руководила Людмила Ильинична Киселева, продолжившая сложившиеся в коллективе при А.И. Копаневе и М.В. Кукушкиной демократические традиции по руководству научной работой. Все научные темы сотрудников обсуждались на научно-методических советах отдела и принимались (или отвергались) коллегиально, обсуждались планировавшиеся стационарные и выездные выставки, вопросы реставрации рукописей, научные командировки и др. В 1978 г. Л.И. Киселевой было издано «Описание рукописей X—XV вв. латинского алфавита», а в 1992 г. — 1-й выпуск «Корпуса записей на старопечатных книгах» XVI—XVII вв. Под редакцией Л.И. Киселевой в 1990 г. был подготовлен 4-й сборник «Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной редкой книги», увидевший свет в 1996 г., уже после ее ухода из БАН в Российскую национальную библиотеку. При заведовании отделом Л.И. Киселевой сюда пришли на работу молодые исследователи: медиевист О.Н. Блёскина и музыковед Ф.В. Панченко, принявшие активное участие в археографической деятельности отдела и описании новых приобретений. Ф.В. Панченко приступила к научному описанию певческих нотных рукописей, хранящихся в отделе. Ею была организована выставка певческих книг, созданных на Выгу. В 2001 г. вышел первый том описания музыкальных рукописей БАН «Певческие книги выголексинского письма XVIII — первая половина XIX в.». О.Н. Блёскиной была организована выставка и создан выставочный каталог иллюстрированных западно-европейских рукописей XI—XIX вв. (1991 г.). Л.А. Петровой, совместно с Н.С. Сергиной, издан репертуарный справочник музыкально-поэтических текстов XV—XVII вв. «Ранняя русская лирика» (1988 г.).

За прошедшие годы в Рукописном отделе скопилось значительное количество архивных материалов: неизданных работ умерших сотрудников отдела, реставраторов, архивы коллекционеров рукописей и исследователей старинной бумаги. Эти материалы длительное время хранились в отделе и постепенно разбирались и описывались сотрудниками: М.В. Кукушкиной, А.А. Амосовым, Н.А. Ефимовой. Когда в 90-е гг. в БАН были сняты ограничения на хранение и приобретение новых архивных материалов, в отдел был приглашен опытный архивист А.Н. Анфертьева для их обработки. Ею были составлены описи архива Н.Н. Зарубина, коллекции старинной бумаги С.А. Клепикова и Г.А. Енша.

В 2002 г. рукописный отдел возглавила Ирина Михайловна Беляева. В 2006 г. под ее редакцией вышел очередной (5-й) том «Материалов и сообщений по фондам Отдела рукописей БАН», организовано несколько научных конференций. В отдел пришли на службу новые сотрудники: историк А.Г. Сергеев и филолог В.Г. Подковырова. А.Г. Сергеев, защитив кандидатскую диссертацию, приступил к научному описанию древнерусских и югославянских

рукописей XIV—XV вв., написанных на бумаге, продолжив тем самым традицию описания древнейших славяно-русских кодексов, а Вера Григорьевна Подковырова — к изучению и описанию лицевых старообрядческих рукописей, завершившемуся выходом в свет в 2010 г. 1-го выпуска задуманной серии: «Лицевые старообрядческие рукописи XVIII — первой половины XX веков» (в соавторстве с Н. Ю. Бубновым и Е. К. Братчиковой). В книге, впервые в научной практике, получили подробное «словесное» описание 115 лицевых рукописей и настенных листов, включающих несколько тысяч красочных миниатюр. Крупной совместной работой сотрудников отдела стала транслитерация, исследование и подготовка к изданию трех хранящихся в БАН томов «Лицевого летописного свода» Ивана Грозного в рамках грандиозного проекта по факсимильному изданию всех сохранившихся томов этой «исторической энциклопедии XVI века», организованного издательством «Актеон» при участии трех древлехранилищ Москвы и Санкт-Петербурга.

В 90-е гг. я продолжил описание и исследование старообрядческих рукописей БАН и других древлехранилищ. При этом нередко случались находки новых, неизвестных науке текстов, что внушило желание основать книжную серию: «Памятники старообрядческой письменности». Первый выпуск этой серии, включивший вновь найденные и не изданные сочинения Игнатия Соловецкого — старообрядческого писателя второй половины XVII в., а также новонайденные сочинения протопопа Аввакума, был подготовлен совместно с другими петербургскими исследователями старообрядчества: О. Н. Чумичевой и Н. С. Демковой (1998 г.). В 2000 г. это издание было повторено. Второй выпуск серии увидел свет в 2006 г. В него вошли сочинения Геронтия Соловецкого — сурового критика церковной реформы патриарха Никона, а также иллюстрированная старообрядческая повесть о патриархе Никоне. Завершением многолетней работы, автором-составителем которой являлся Н. Ю. Бубнов, стал изданный БАН в 2012 г. «Каталог старообрядческих гектографированных изданий БАН (XIX—XX в.)» с приложением текстов избранных старообрядческих сочинений. Каталог вводит в научный оборот значительный (около 600 изданий) малоисследованный материал по истории и идеологии старообрядчества. Каталог может лечь в основу очень нужного исследователям сводного каталога старообрядческих гектографов всех архивохранилищ и библиотек России и СНГ.

В наступившем XXI веке в Рукописный отдел пришла работать талантливая молодежь. Это специалист по церковному праву М. В. Корогодина, опубликовавшая книгу: «Исповедь в России в XIV—XIX веках» (СПб., 2006) и приступившая к исследованию и описанию хранящихся в БАН Кормчих книг, Н. А. Ефимова, продолжившая, совместно с Л. Б. Беловой, реконструкцию и исследование монастырских библиотек Русского Севера, филолог-медиевист А. Е. Карначёв, принявший участие в создании Каталога книг личной библиотеки М. В. Ломоносова (СПб., 2011), В. А. Клишева, успешно включившаяся в работу по исследованию и научному описанию старообрядческих рукописей БАН. Эти сотрудники, получившие хорошее классическое образование, увлеченные профессией, работают в значительно лучших условиях, чем предшествующее поколение исследователей отечественной культуры. В 2008 г. академик А. М. Панченко опубликовал сборник своих статей: «Я эмигрировал в Древнюю Русь». Можно надеяться, что настанет время, когда сказочная страна — Древняя Русь — покинутая нашими дедами, станет для нас ближе и эмигрировать в нее уже не придется.

СОХРАНЕНИЕ ФОНДОВ БАН (к 60-летию НИОКиРФ)

И. М. Беляева, Е. А. Тилева

Вопросам сохранности фондов в Библиотеке Академии наук на протяжении трех веков ее существования всегда уделялось значительное внимание. Учрежденная в 1714 г. по указу Петра I «для использования и сохранения впредь» первая государственная библиотека — Библиотека Академии наук — с первых дней выполняла свои функции не только по предоставлению читателям своих собраний, но и по обеспечению их сохранности для настоящих и будущих читателей.

Специализированный отдел, в функции которого входило проведение работ по обеспечению сохранности фондов в БАН, был создан в середине XX века. Исследования факторов, влияющих на сохранность документов и оптимизация различных условий сохранности фондов, внедрение современных приемов и технологий консервации и реставрации в БАН не носило поступательного и постепенного характера, как во многих крупных библиотеках и книгохранилищах в России, странах Европы и США; столкновение с экстремальными ситуациями, авариями, катастрофическими событиями, представлявшими непосредственную угрозу для фондов библиотеки, ставили перед специалистами БАН, занимающимися вопросами сохранности, необыкновенно сложные и трудные задачи. Опыт по спасению и сохранению библиотечных фондов, восстановлению поврежденных книг и документов, накопленный специалистами БАН в ходе ликвидации последствий аварийных ситуаций, по всей вероятности, один из самых обширных и глубоких в нашей стране.

В 2013 г. исполнилось 60 лет со дня основания Научно-исследовательского отдела консервации и реставрации библиотечных фондов БАН (НИОКиРФ). Днем рождения отдела можно считать 26 июня 1953 года — в этот день приказом директора БАН № 227 был создан отдел гигиены и реставрации книги (ОГРК). В разное время отдел носил разные названия ОГРК, НИОКД, НИОКиРФ.

В задачи отдела входила, прежде всего, гигиеническая обработка и дезинфекция поврежденных библиотечных фондов, пострадавших во время Великой Отечественной войны от неблагоприятных воздействий и плохих условий хранения. В штате отдела было 16 дезинфекторов. Поначалу специалисты отдела выполняли несложные реставрационные работы, а с 1960 г. приступили к восстановлению редких рукописных и ценных книг из фондов БАН.

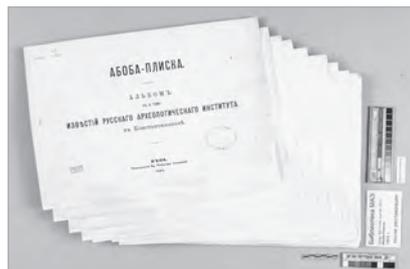
В 1981 г. БАН приобрел статус научно-исследовательского института, и с 1982 г. тема сохранности фондов становится приоритетной в научных и научно-методических исследованиях отдела, в штатном расписании ОГРК появились 3 должности научных сотрудников, которые стали заниматься различными аспектами научнообоснованной реставрации книг.

За последующие шесть лет при участии специалистов отдела было подготовлено 3 сборника научных трудов по сохранности фондов (1984 г., 1986 г. и 1988 г.), которые востребованы до сих пор.

Пожар 14—15 февраля 1988 г. в БАН полностью изменил планы работы отдела, все усилия сотрудников ОГРК были направлены на спасение поврежденных огнем и водой фондов Библиотеки. От огня, воды, пара и влаги пострадали 22 книгохранилища, общей площадью 7005 кв. м (46% площадей). По данным актов документальной проверки (от 9 июня 1994 г.) потери составили 298 961 экз. По подсчетам специалистов, от огня и воды пострадало более 3,6 миллионов книг в фондах основного хранения, что составило 44,5% его состава. Общее количество книг разной степени влажности составило более 2,5 млн. экз., наибольший ущерб понес Иностраный фонд — так называемый «Фонд Бэра».

До реставрации

После реставрации

Организационная работа по ликвидации последствий пожара в Библиотеке осуществлялась по общему плану Штаба Библиотеки. Основные направления работы определялись при участии специалистов РНБ им. Салтыкова-Щедрина, Государственного Эрмитажа и других учреждений культуры, где имелся опыт борьбы со стихийными бедствиями.

С первых дней специалисты ОГРК включились в спасательные и восстановительные работы по сушке и дезинфекции пострадавших фондов, их реставрации. Они возглавили рабочие бригады по работе с пострадавшими книгами в морозильных и сушильных камерах, их дезинфекции. Однако даже в этих условиях специалисты отдела продолжали методическую работу. Опыт борьбы с повреждениями книг был проанализирован и представлен в сборнике трудов «Проблемы сохранности книжных фондов» (СПб.; 1989 г.).

Для решения проблемы ликвидации последствий пожара и сохранения поврежденных фондов БАН руководством Библиотеки было привлечено профессиональное внимание и помощь иностранных специалистов по консервации и реставрации.

Так, в 1989 г. в БАН была внедрена «Программа превентивной консервации в БАН», куратором которой стал Питер Уотерс — ведущий специалист по сохранности из Библиотеки Конгресса США (Вашингтон).

Идея метода заключается в создании барьера из инертного материала между внешней средой и поврежденным документом. Неблагоприятные воздействия внешней среды (световые, механические, физико-химические) благодаря этому барьеру не оказывают разрушительного действия на материальную основу документа.

Между документом и внешней средой создается зона стабильных условий, в которых физико-химические изменения материальной основы документа снижаются, и наступает стабилизация. Документ практически в любом состоянии может быть подвергнут фазовой консервации и храниться в микроклиматическом контейнере из инертного материала длительное время. Этот метод является массовым и позволяет в короткий срок стабилизировать состояние большого количества документов, давая возможность специалистам планомерно и взвешенно проводить дальнейшие реставрационные и консервационные работы.

Материалом для создания барьера вокруг документа могут служить специальные виды картона и полимерных материалов с определенными свойствами. Архивный картон, разработанный в США, обладает щелочным резервом, который позволяет нейтрализовать летучие кислые продукты, образующиеся в ходе химических реакций, сопровождающих разрушение природных полимеров (целлюлоза, коллаген, растительные полисахариды), входящих в состав материальной основы документов и катализирующих эти реакции. Таким образом, щелочной резерв способствует замедлению скорости разрушения бумаги в микроклиматическом контейнере.

Благодаря сотрудничеству с Питером Уотерсом передовые мировые технологии в обеспечении сохранности библиотечных фондов были внедрены и в нашей стране, и с 1989 г. фазовая консервация фондов БАН становится одним из приоритетных направлений производственной и научно-исследовательской работы отдела. В 1994 г. в БАН появляется первая в России автоматизированная установка по изготовлению микроклиматических контейнеров из бескислотного картона.

Следует отметить тесное сотрудничество специалистов отдела с другими подразделениями БАН и научными центрами в первые годы после пожара. Так, наиболее плодотворным было взаимодействие с Научно-исследовательским центром экологической безопасности РАН (директор проф. В. К. Донченко); Программа реставрации книг, пострадавших при пожаре была разработана Д. П. Эрастовым (ЛКРД) и Е. В. Старовой (ОГРК БАН); вопросы профилактики биоповреждений фондов решались с проф., докт. биол. наук Ю. П. Нюкшей. В восстановлении поврежденных огнем и водой изданий принимали участие отечественные и зарубежные реставрационные центры — всего 28 организаций. Отдел же осуществлял координацию этой работы.

Специалисты отдела разработали несколько методик, способствующих восстановлению эксплуатационных свойств поврежденных при пожаре документов, и получили авторские свидетельства: «Способ удаления плесневых грибов с кожаных переплетов старинных книг» № 1751980. Е. С. Хорикова (ЦНИИКП), Л. Г. Левашова (БАН), Э. А. Загуляева (ЛКРД); «Состав для очистки и дезодорирования старинных кожаных переплетов книг» № 1649811. Л. Г. Левашова (ЛКРД), Е. В. Старова (БАН).

В 1990 г. при участии специалистов отдела прошел международный семинар «Стихийные бедствия и спасение культурных ценностей» по материалам которого был издан сборник.

Фазовая консервация заключается не только в размещении документа в специальном контейнере или конверте, она представляет собой целый комплекс работ, в исполнении которых участвуют разные специалисты отдела. В их процессе документ проходит физико-химическое и микробиологическое обследование, описание по нескольким десяткам параметров, отражающих его сохранность. По полученным результатам проводятся консервационные мероприятия: гигиеническая обработка, дезинфекция. И только после этого документ размещают в индивидуальном микроклиматическом контейнере.

На 1 декабря 2012 г. фазовую консервацию прошли более 54 тысяч книг из Иностранного фонда (более 44 тысяч контейнеров изготовлены на установке в БАН). Ежегодно 2500—3000 книг и документов переводятся в форму фазового хранения.

Потребности практики изменили направленность и специфику работ по практической реставрации и переориентировали химические и технологические исследования в направлении разработки комплекса реставрационных мероприятий, направленных на восстановление эксплуатационных свойств документов, пострадавших от огня и воды. К середине мая 1988 г., через три месяца после катастрофы, сотрудниками БАН совместно с ведущими специалистами в области реставрации из Публичной Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Государственного Эрмитажа, ЛКРД была разработана комплексная долгосрочная программа реставрации книг, пострадавших при пожаре. Эта программа получила одобрение специалистов ЮНЕСКО, ИФЛА, ISA, Библиотеки Конгресса (США). Тогда же специалисты разработали карточку-описание физического состояния каждой единицы хранения. Эта идея легла в основу информационной карты, в которой были отражены все важные параметры сохранности документа. В это же время возник замысел о едином банке данных по сохранности, поскольку без карточек-описаний и общего массива данных о поврежденных документах, по мнению специалистов, была «немыслима вся последующая работа с огромным массивом пострадавших изданий»¹.

Специалистами БАН были исследованы свойства термодеструктурированной бумаги и динамика процесса термоокислительной деструкции бумаги (Л. Г. Левашова, Е. М. Шепилова и др.). Совместно с Институтом прикладной химии в течение нескольких лет после пожара была разработана технология укрепления деструктурированных изданий без снятия блока и расшивки переплета путем покрытия тонким слоем полимера полипарахлорида из газовой фазы (париленовая технология) (Д. П. Эрастов, Е. В. Старова, Е. С. Чернина, 1999). Для большинства книг, пострадавших при пожаре, согласно разработанной программе планировалось использовать массовые реставрационные технологии, по возможности максимально механизированные; для уникальных изданий, представляющих собой большую историческую и художественную ценность, а также индивидуальную, трудоемкую реставрацию выполнять высококвалифицированным специалистам. К настоящему моменту в НИОКИРФ отреставрировано около 800 редких и ценных изданий, пострадавших при пожаре.

Опыт специалистов БАН, приобретенный в ходе ликвидации последствий пожара 1988 г., был востребован в полной мере при ликвидации последствий пожара в Главной астрономической обсерватории. В ночь с 4 на 5 февраля 1997 г. в библиотеке ГАО произошло чрезвычайное происшествие — пожар, в результате которого от огня и воды пострадало около 15 000 книг разных лет издания, в том числе и ценнейшая библиотека В. Я. Струве — первого директора Обсерватории. «Фондом Струве» принято считать отечественные и зарубежные монографии, приобретаемые с 1839 г. до начала XX в. Фонд Струве пользуется всемир-

¹ Эрастов Д. П., Старова Е. В., Чернина Е. С. Опыт БАН по ликвидации последствий пожара. 1999.

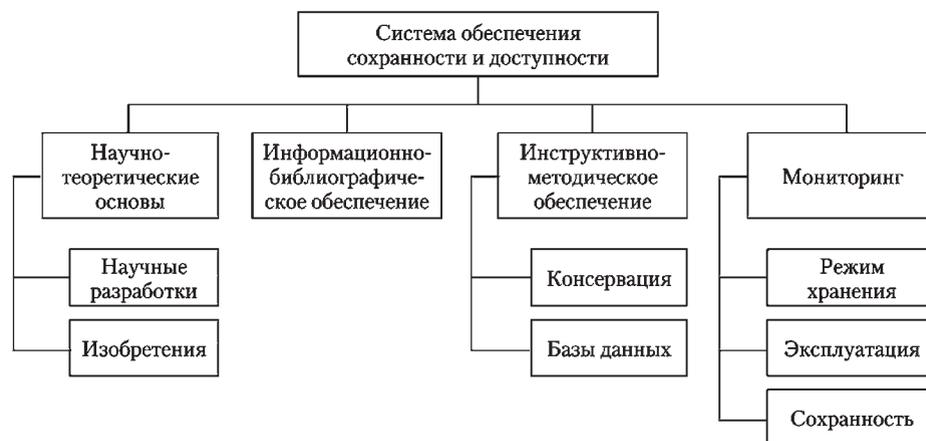
ной известностью не только благодаря блестящему собранию редких астрономических книг XV—XIX вв., но и изданиями по практической астрономии и геодезии. К 1997 г. Фонд Струве насчитывал 5092 единицы хранения.

Приказом директора БАН для организации всех работ была создана специальная группа из квалифицированных специалистов БАН, имеющих опыт ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, и определены основные направления действий. Около 7000 документов были эвакуированы на просушку в здание Центральной библиотеки. Перед помещением их в сушильную камеру производилась тщательная сортировка и в первую очередь отбирались наиболее ценные издания. Книги в пергаменных переплетах, в переплетах на досках и часть в кожаных переплетах просушивались ручным способом.

Были организованы срочная эвакуация поврежденных документов из аварийных хранилищ; хранение увлажненных документов при низкой температуре, препятствующей развитию микроорганизмов; стабилизация сушкой и другие экстренные мероприятия, которые позволили предотвратить возникновение биоповреждений.

Четкая организация работ позволила быстро произвести просушку фонда и приступить уже с середины марта 1997 г. к реализации программы фазовой консервации фонда Струве. Был тщательно изучен состав фонда, история его формирования, характер повреждений. Все это в краткие сроки помогло реализовать программу по спасению Фонда Струве.

Накопленный опыт позволил коллективу сотрудников Библиотеки реализовать проект «Консервация коллекции печатных книг Библиотеки Петра I», который субсидировался Международным фондом «Культурная инициатива» с мая 1994 по февраль 1995 г. Одним из активных участников и координаторов этой работы была проф. Ю. П. Нюкша, к тому времени сотрудник отдела НИОКиРФ. Специалистами БАН (Леонов В. П., Беляева И. М., Нюкша Ю. П., Старова Е. В., Левашова Л. Г. и др.) была также разработана «Комплексная система мероприятий по повышению сохранности и улучшению доступности коллекций».

В рамках этой системы книгохранилища рассматриваются как антропогенная экосистема, куда входят:

- здание, помещения, оборудование;
- воздушная среда, внутренняя и внешняя;
- документы, образующие коллекции и фонды;
- живые организмы, поселяющиеся в хранилищах;
- люди, по воле которых создается все перечисленное и осуществляется его эксплуатация.

Основными направлениями исследований отдела на сегодняшний день являются:

- микроклимат книгохранилищ БАН;
- фазовая консервация и фактографические базы данных по сохранности;
- микробиологические исследования книгохранилищ и документов;
- физико-химические исследования документов.

По данной тематике сформулировано четыре темы НИР, которые включены в план НИР БАН.

По теме «Микроклимат» специалисты отдела проводят:

- контроль температурно-влажностного режима;
- база данных «Микроклимат БАН»;
- климатические паспорта;
- использование термогигрометров и логгеров;
- контроль световых нагрузок;
- дают рекомендации по подбору оборудования для контроля и частичного регулирования параметров микроклимата.

Для всех книгохранилищ главного здания оформлены климатические паспорта, которые позволят быстро установить оборудование для контроля микроклимата.

Интенсивно ведется научно-методическая и производственная работа по теме «Фазовая консервация и фактографические базы данных». Разработка и использование фактографических баз данных, отражающих состояние фондов, изначально предлагалось в качестве ядра информационного обеспечения работ по консервации в Библиотеке РАН². Благодаря созданию и обновлению электронных фактографических баз данных предполагалось снизить затраты времени, связанные с планированием работ по консервации.

В Библиотеке РАН были разработаны технология создания фактографического описания библиотечных фондов, разработано программное обеспечение фактографической базы данных для превентивной консервации фонда иностранных рукописей³, и на основе предложенной технологии и разработанного в БАН программного обеспечения в формате Access поддерживается электронная фактографическая база данных «Библиотека Петра I», «Славянский фонд. Библиотека Радзивиллов», находятся в разработке фактографические БД по коллекциям из других фондов БАН и библиотек сети — ОИАН, СПбИИ, ОФО.

С помощью БД специалисты проводят:

- регистрацию описания состояния документов в конкретный момент времени;
- анализ состава и физического состояния фонда (или его части);
- определение объема, приоритетности и очередности консервационных и реставрационных мероприятий;
- задание перечня необходимых мероприятий по консервации;

² Азарова И. В., Гладкий А. И., Евстафьева Р. И., Захаров В. П., Левашова Л. Г., Нюкша Ю. П., Питулько Г. И., Скворцова О. В., Старова Е. В. Фактографическая база данных при консервации библиотечных фондов // *Материалы Международной научно-практической конференции «Будущее прошлого: расширение доступа и сохранность коллекций»*, Санкт-Петербург, 20—22 сент., 2000 г. СПб., 2000. С. 108—114.

³ Азарова, И. В., Беляева И. М., Гладкий А. И. и др. Сохранение фонда иностранных рукописей Библиотеки РАН: фактографическое описание и информационная карта // *Петерб. библиотечная школа*. 2001. № 1. С. 68—80.

- фиксацию данных о выполнении этих мероприятий (с указанием исполнителей, дат, инструкций и методик работы);
- мониторинг состояния коллекции в процессе хранения, после выполнения обработок, консервационных мероприятий;
- определение интегральных количественных и качественных характеристик по каждому параметру для всей коллекции;
- обобщение имеющихся данных (на основе созданного экспертного модуля статистического анализа);
- разработку рекомендаций по общей стратегии сохранения фонда (коллекции).

Микробиологические исследования в НИОКиРФ в настоящее время проводятся по трем направлениям:

- изучение микобиоты БАН;
- рациональное использование биоцидов для защиты книг от биоповреждений;
- применение в превентивных целях средств так называемой барьерной защиты.

В зависимости от внешних условий состав микобиоты БАН меняется, и специалисты НИОКиРФ наблюдают за этими изменениями. Проводится оценка микробной обсемененности воздушной среды и помещений книгохранилищ. В настоящее время в НИОКиРФ поддерживается музей культур микроскопических грибов — контаминантов библиотечных фондов (150 штаммов). Ведется подбор биоцидов для дезинфекции документов.

В настоящее время в отделе ведутся исследования по разработке новых видов реставрационных бумаг и исследования жировых и масляных загрязнений бумаги и разработка методов их удаления.

Современные научные исследования в области консервации сосредоточены на:

- совершенствовании методов изучения материальной основы документов (в настоящее время широко используются достижения аналитической и физической химии, спектроскопия, компьютерная томография);
- разработке новых технологий для более эффективной консервации документов;
- изучении закономерностей старения материальной основы документов и поиск новых реставрационных материалов;
- защите материальной основы документов от повреждающих факторов биологического происхождения.

ИЗ ИСТОРИИ ОТДЕЛА ЛИТЕРАТУРЫ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ БАН

Г.З. Пумпян

В конце 40 — начале 50-х гг. на волне национально-освободительного движения и образования новых независимых государств в странах Азии и Африки, развития в них науки, издательской деятельности в Москве и Ленинграде стали создаваться специализированные отделы литературы стран Азии и Африки. Таким образом, в академической системе в Ленинграде — Петербурге стали функционировать два востоковедных библиотечных подразделения — при ЛО ИВАН и ОЛСАА в БАН. В отличие от традиционной академической библиотеки при ИВАН (ИВР), ориентированной, прежде всего, на изучение классических памятников, древних и средневековых источников, в ОЛСАА большое внимание уделялось приобретению новой и новейшей литературы (но также выборочно комплектовалась и классическая литература). Помимо изданий гуманитарного профиля, приобретались печатные труды в области естественных и точных наук. В связи с образованием в 1949 г. КНР и особым характером отношений в этот период между СССР и КНР большое внимание в наших библиотеках уделялось комплектованию именно китайской литературы. Во многом с ориентацией на Китай создавался и специализированный отдел в БАН. Первоначально в Научно-библиографическом отделе БАН была организована группа подготовки рефератов китайских журналов по общественным наукам, которую возглавлял Георгий Яковлевич Смолин. Реферативный сборник «Современная китайская литература по общественным наукам» издавался совместно с ФБОН АН СССР (в настоящее время ИНИОН РАН) и выходил шесть раз в год. Сборник включал рефераты публикаций по истории, экономике, философии, археологии, филологии и другим гуманитарным дисциплинам¹. В ходе реферативной работы был накоплен определенный фонд литературы на китайском языке, послуживший основой для вновь созданного в 1953 г. ОЛСАА, в котором продолжила свою работу группа подготовки рефератов (вплоть до ее расформирования к середине 60-х гг.). При организации отдела также были учтены особенности читательского спроса в тот период. В СССР обучалось огромное количество китайских студентов, именно они составляли большую часть читателей. Поэтому в виде исключения отдел академической библиотеки уже тогда был открыт для студентов (это правило действует и в настоящее время). Для зарубежного комплектования фондов ОЛСАА могли использоваться три основных источника: международный книгообмен,

¹ Смолин Г.Я. Библиотека Академии наук СССР и Китай // Научные и культурные связи Библиотеки Академии наук СССР со странами зарубежного Востока : сб. докл., зачитанных на науч. конф. Библиотеки АН СССР 24—25 ноября 1955 г. / Академия наук СССР, Библиотека; отв. ред. С.П. Луппов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. С. 22.

закупки литературы, выставки и дары. Главным источником комплектования китайской литературы в тот период был международный книгообмен. В эти годы Библиотека АН получала значительное финансирование для целей международного книгообмена, большое значение придавалось формированию китайского фонда. Весьма показательны цифры, которые приводит в своей статье Г. Я. Смолин: так, если в 1948 г. Библиотекой РАН в Китай было послано всего 34 издания, то в 1949 г. — уже 5 914 томов, а в 1955 г. — 71 070. В свою очередь, были велики и поступления из КНР: например, в 1953 г. было получено из Китая 9 244 экземпляра изданий, в 1955 г. — 18 520 (!) экземпляров изданий². Количество академических и неакадемических учреждений, а также библиотек Китая, с которыми БАН поддерживала книгообмен, возросло с 14 в 1948 г. до 126 в 1954 г.³ В основном в 50-е — начале 60-х гг. была сформирована значительная часть фонда китайских монографий, периодики и справочной литературы (на тот период — самый большой в Ленинграде фонд китайских монографий периода КНР). Также, по оценке специалистов, в отделе было собрано наиболее значительное в Ленинграде (Петербурге) собрание переводов русской классики на китайский язык, изданных как в КНР, так и в СССР. Каталогизация монографий осуществлялась по правилам описания литературы на восточных языках, разработанным РГБ в сотрудничестве с другими крупными библиотеками (включая БАН). Описание состояло из трех частей: текст на национальном языке, его транскрипция (транслитерация) в кириллице и перевод заглавия на русский язык (при необходимости — с краткой аннотацией). Помимо контрольных топографического и служебного алфавитного каталогов, карточки были отражены также в читательском алфавитном и систематическом каталогах в читальном зале ОЛСАА. Дополнительно в Генеральный алфавитный каталог передавалась карточка, если было параллельное заглавие или параллельный титульный лист на западноевропейских языках.

После определенного «затишья» 70 — начала 80-х гг. наступило оживление с конца 80-х гг. прошлого века. Большое количество современных и классических изданий можно было приобрести через книжные магазины «Мир» (в Ленинграде — Петербурге) и «Дружба» (в Москве). Также возобновились оживленные контакты с учреждениями КНР, прежде всего, с Центром документации и информации Академии общественных наук КНР (ЦДИ АОН КНР). В 1990—1991 гг. состоялся обмен книжными выставками между БАН и ЦДИ АОН КНР, был подписан Протокол намерений о сотрудничестве. Впоследствии коллеги из ЦДИ АОН КНР еще не раз привозили выставки книжной литературы в БАН. Все это серьезно способствовало пополнению фондов ОЛСАА новыми ценными изданиями на китайском языке и ознакомлению китайских ученых с нашими научными изданиями. В области комплектования периодики по-прежнему основным источником является книгообмен. В настоящее время китайский фонд является самым большим в отделе по количеству монографий (свыше 20 тыс. названий). В фонде широко представлены сочинения китайских авторов разных эпох практически по всем отраслям знания⁴. Имеются сочинения по филологическим наукам и истории: комментированные издания памятников классической китайской литературы, а также исторические хроники, энциклопедии, образцы современной художественной литературы, филологические исследования.

² Смолин Г. Я. Указ. соч. С. 22. (через Отдел иностранного комплектования БАН осуществлялось комплектование китайской литературой ОЛСАА и библиотеки при ЛО ИВАН).

³ Там же, с. 22—23.

⁴ Автор благодарит за предоставленные сведения о фондах ОЛСАА БАН на китайском языке сотрудника ОЛСАА гл. библиотекаря В. Е. Шишкина и зав. ОЛСАА Т. И. Виноградову.

К числу наиболее интересных изданий можно отнести шесть видов, так называемых библиотек-серий «Цуншу», считающихся в Китае самыми полными. В собрание письменных памятников «Цуншу» часто входит большое число тетрадей, сшитых традиционным китайским способом прошивной брошюровки, есть и просто книги. Все шесть собраний снабжены комментариями. Среди них можно особо отметить серию «Сокровища полного собрания книг по 4 разделам» («Сокровища из собрания «Сыку Цюаньшу чжэньбэнь чуцзи»), которая включает важнейшие памятники китайской литературы. Другая библиотека-серия — «Книжное собрание по четырем разделам «Сыбу цуншу». В ОЛСАА также есть часть из собранных остатков погибшей Энциклопедии эры правления Юнлэ (Юнлэ дадянь), вошедших в 215 папок-томов, включающих древние книги по различным отраслям знания. Они представляют несомненную ценность для ученых. В отделе литературы стран Азии и Африки хранится также и наиболее значительное по объему из всех дошедших до нас систематизированных справочных пособий по памятникам письменности «Полное собрание книг с древности до наших дней» (Гу цзинь тушу цзичэн). Среди исторических сочинений энциклопедического характера следует отметить собрание исторических документов «Сокровища библиотек» (Цэ фу юань гуй). Собрание этой энциклопедии было задумано сунским монархом с целью сохранения поучительных записей предшествующих эпох. Важным источником исторической информации является сочинение «Правдивые записи всех царствований Великой Цинской династии» (Да цин личао шилу). В период СССР имелось только два комплекта этого выдающегося сочинения (оба в отделе литературы стран Азии и Африки БАН). Среди новых приобретений можно отметить шанхайское издание 1987 года «Двадцать пять династийных историй» (Эршиу ши) в 12-ти томах. Это 25 хроник императорских династий. Хроники состоят из 3249 глав, в которых освещаются различные события нескольких тысячелетий. В китайском фонде широко представлены также выдающиеся современные китайские писатели: Чжан Сянлян, Цзян Цзылун, Дэн Юмей, Гао Ян. Справочная литература на китайском языке включает почти тысячу монографий. Особого внимания заслуживает «Большой словарь китайской письменности» (Чжунвэнь да цыдянь), изданный на Тайване в 1962 г. Это самый полный словарь китайского языка, насчитывающий 40 томов. Главное внимание в словаре уделяется письменному языку, начиная с его истоков. Помимо лексического материала даются сведения об исторических деятелях, географические названия, наименования должностей чиновников. Перечислены все наиболее значительные памятники китайской письменности с краткой аннотацией, описаны книжные собрания и библиотеки. В СНГ имеется лишь два экземпляра этого словаря — в Москве и в Санкт-Петербурге. Ценными лексикографическими трудами являются также четырехтомный словарь «Цюань» (Источник), изданный в 1984 г., и «Цыхай» (Море слов) 1987 г. издания, значительно расширенный за счет современной лексики. По мере издания в отдел поступали также очередные тома «Большого словаря иероглифов китайского языка» (Ханьюй дацзыдянь) в 6 томах и «Большого словаря слов китайского языка» (Ханьюй да цыдянь) в 13 томах, а также тома «Большой китайской энциклопедии» (Чжунго да байкэ цюаньшу). В фонде имеется много полезных пособий по изучению китайского языка, в том числе с приложением аудиовизуальных материалов. В разделе «Искусство» следует отметить альбомы традиционной китайской живописи высокого полиграфического исполнения. Особого внимания заслуживают сочинения по традиционной китайской медицине, по традиционным боевым искусствам Китая: военной гимнастике тай цзи, кунфу, школе военного искусства «Мэйшань», кулачному бою шаолинь,

а также по созданной на основе классических видов борьбы дыхательной гимнастике цигун. По просьбе сотрудников отдела были присланы новые словари. Из последних поступлений можно также особо отметить издания, посвященные 30-летию китайских реформ. Фонд китайской периодики насчитывает 749 наименований журналов по разным отраслям естественно-технических и общественных наук.

Об изданиях по китаеведению на русском и западноевропейских языках и о рукописных материалах в БАН

В БАН также имеются издания на русском и западноевропейских языках по китаеведению, включающие монографии и литературу справочного характера, картографические материалы. В ОЛСАА, а также в основном фонде и фондах специализированных отделов БАН (Отдел редкой книги, Отдел Русского Зарубежья, сектор картографии и фонд Бэра основного фонда) хорошо представлены русское классическое китаеведение, ранние западноевропейские издания, публикации русской эмиграции в Китае, картография по Китаю. Это труды известных русских востоковедов, изданные в Петербурге, Москве, Казани, городах Сибири и Дальнего Востока, Пекине, и т. д. Среди них можно выделить сочинения знаменитых китаеведов, членов Православной духовной миссии в Пекине (в том числе, труды о. Иакинфа (Бичурина), архимандрита Палладия (Кафарова) и др.). В этих фондах немало книг с описаниями путешествий по Китаю, Монголии, Манчжурии, Тибету известных русских исследователей, труды лингвистов — в том числе, специалиста в области сравнительного языкознания китаеведа и японоведа Е. Д. Поливанова, географа и историка Н. В. Кюнера и других. Также имеются комментированные переводы с китайского языка на русский и западноевропейские языки классических текстов, грамматик, словарей, исторических и политико-экономических исследований, дневников, записок и пр. В Отделе рукописей БАН также хранятся несколько списков знаменитого труда Николая Спафария о дипломатическом путешествии в Китай в XVII в.⁵ Сведения о двух из них вошли в опубликованные описания рукописных фондов БАН (список последней четверти XVII в. и список 50-х гг. XVIII в.)⁶. Еще три рукописи отмечены в карточном каталоге НИОР БАН. Выше упоминались ранние западноевропейские издания по Китаю, поступившие в БАН в XVIII в., в том числе и в составе частных библиотек (Петра Великого, вельмож и известных государственных деятелей), которые находятся в Отделе редкой книги и в фонде К. М. Бэра. Это, преимущественно, исторические и географические сочинения, описания

⁵ Автор выражает признательность сотрудникам НИОР БАН д. и. н. Н. Ю. Бубнову и гл. библиотекарю Л. Б. Беловой, которые предоставили данные о рукописях путешествия Николая Спафария в НИОР БАН.

⁶ Описание рукописного отдела БАН СССР. Т. 3, вып. 2. Исторические сборники XV—XVII в. / сост. А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская; отв. ред. В. А. Петров; Академия наук СССР, Библиотека. М.; Л.: Наука, 1965. 362 с. О рукописи путешествия Сафария: с. 203—205; Описание рукописного отдела БАН СССР. Т. 3, вып. 3. Исторические сборники XVIII—XIX в. / сост. Н. Ю. Бубнов, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, О. П. Лихачева; Академия наук СССР, Библиотека. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1971. 418 с.

путешествий, труды о Конфуции на латинском языке и по буддизму. В БАН осуществляется изучение и научное издание каталогов этих библиотек⁷.

Можно также отметить, что в начале 90-х гг. спецхран БАН был преобразован в Отдел Русского Зарубежья, в составе которого имеются и издания русской эмиграции в Китае (выставка этих изданий была организована в 1996 г.), также в начале 90-х гг. происходила передача литературы из спецхрана в основной и специализированные фонды БАН. В частности, в ОЛСАА были переданы обычные по содержанию китайские естественнонаучные журналы (например, по биологии), единственной «крамолой» в которых был портрет Мао Цзедунa. Представление о картографических материалах БАН по Китаю можно получить из статьи О. А. Красниковой в настоящем сборнике.

Научно-библиографическая работа

Как отмечалось, группа подготовки рефератов китайских журналов по общественным наукам прекратила свое существование в середине 60-х гг. Однако в отделе была продолжена и получила дальнейшее развитие научно-библиографическая и информационно-библиографическая работа. В течение 60—90-х гг. в ОЛСАА было подготовлено и издано четыре каталога периодических изданий стран Азии и Африки по общественным и естественным наукам в фондах БАН и других научных библиотеках Ленинграда / Петербурга⁸, два выпуска каталога справочных изданий по зарубежным фондам библиотек Петербурга с 1945 по 1968 гг. и с 1969 по 1990 гг.⁹ Последнее издание получило 1-ю премию за лучшее библиографическое пособие на конкурсе РАН в 1994 г. В этих каталогах большой объем материала посвящен Китаю. С начала 90-х гг. в Отделе ведется большая работа по подготовке библиографического пособия по теме «Россия и Китай, XVII — начало XXI в.», которая была начата как совместное предприятие с библиотекой и Институтом новой истории АОН КНР. На рубеже 80—90-х гг. прошлого века впервые после длительного перерыва возобновились контакты

⁷ См., например, Библиотека Петра I: указатель-справочник / сост. Е. И. Боброва; под ред. Д. С. Лихачева. Л.: БАН, 1978. 214 с.; Каталог библиотеки Петра I / сост. И. Н. Лебедева. СПб.: БАН, 2003. 432 с. Упомянутые выше работы С. П. Луппова, А. Х. Рафикова, ст. в наст. сб. Т. Ф. Филипповой.

⁸ Китай // Периодические издания стран Азии и Африки: естеств. и тех. науки: каталог поступлений в фонды Библиотеки АН СССР и Государственной публичной Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. В 2-х ч. Ч. 2. Страны Азии / Библиотека АН СССР; отв. ред. С. С. Булатов. Л.: БАН, 1984. С. 67—71.

Китай // Периодические издания стран Азии и Африки по общественным наукам. В 3-х кн. Кн. II, ч. I. Китай. Корея. Монголия. Сянган / Библиотека АН СССР, Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Науч. библиотека им. М. Горького при Ленингр. Гос. ун-те.; отв. ред. Т. А. Ваганова. Л.: БАН, 1981. С. 13—198.

⁹ Китайская Народная Республика // Справочная литература по странам Азии и Африки: сводный каталог иностр. фондов Библиотеки АН СССР и Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1945—1968 / под ред. Т. А. Вагановой и С. С. Булатова. Л.: Издат. отд. Библиотеки АН СССР, 1972. С. 168—272.

Китай // Справочная литература по странам Азии и Африки: сводный каталог иностр. фондов Библиотеки АН СССР и Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1969—1988. В 3-х кн. Кн. II, ч. I. Юж. и Юго-Вост. Азия. Китай. Корея. Монголия. Сянган / Редкол.: В. В. Бакалюк, А. С. Калияц, Ю. В. Маретин, Г. З. Пумпян, Т. Н. Холмовская (отв. ред.). Л.: БАН, 1991. С. 160—276.

между Библиотекой РАН и академическими учреждениями КНР. В 1990—1991 гг. состоялся обмен книжными выставками и делегациями между БАН и Центром документации и информации Академии общественных наук КНР (ЦДИ АОН КНР). Делегацию ЦДИ, которая посетила Ленинград в 1990 г., входили сотрудники ЦДИ и ряда библиотек при институтах АОН, среди которых был и Чжоу Синьминь из Института новой истории (впоследствии один из гл. редакторов изданного в КНР каталога печатных материалов на китайском языке по русско-китайским отношениям, см. ниже), возглавлял делегацию русист по образованию, старший научный сотрудник ЦДИ, проф. Юй Дунлинь. В конце 50-х гг. прошлого века проф. Юй Дунлинь и его супруга Чжан Фуин закончили русское отделение филологического факультета ЛГУ. Во время визита китайской делегации в 1990 г. в Ленинград в Библиотеке РАН китайским коллегам было сделано предложение обсудить возможности совместной библиографической работы по подготовке каталога по истории русско-китайских отношений. Институт новой истории АОН КНР и библиотека при нем были рекомендованы в качестве партнеров с китайской стороны в соответствии с профилем работы Института. Во время ответного визита делегации БАН в Пекин в мае 1991 г. во главе с директором БАН, д. п. н. проф. В. П. Леоновым, в Институте новой истории состоялось обсуждение возможностей совместной работы и проспекта каталога, был подготовлен проект Протокола о намерениях сотрудничества в области совместной подготовки каталога по истории русско-китайских отношений, который был окончательно согласован и подписан в октябре 1991 г. в (уже) Санкт-Петербурге, куда приезжали директор Института новой истории АОН КНР проф. Чжан Хайпэн (в то время — исп. обязанности директора) и заместитель директора Сюй Хуйци¹⁰. Руководителями проекта стали с нашей стороны — директор Библиотеки РАН проф. В. П. Леонов и с китайской стороны — директор Института новой истории АОН КНР проф. Чжан Хайпэн. В качестве консультантов по подготовке проспекта каталога и систематизации материала принимали участие преподаватели кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ проф. Г. Я. Смолин, доц. Н. А. Самойлов и проф. Б. Г. Доронин, об этой работе был проинформирован акад. В. С. Мясников, который высказал свои замечания. Первоначальное название каталога было «Русско-китайские отношения. Советско-китайские отношения, XVII в. — 90-е гг. XX в.: сводный каталог библиотек Санкт-Петербурга и Пекина». Проект предусматривал работу по единой схеме, включение материалов одного вида и типа и затем самостоятельное, но одновременное издание в Пекине и СПб. обоих томов и обмен пятьюдесятью экземплярами между партнерами. Предполагалось, что по тематике каталог будет ограничен наиболее традиционными для такого вида работ вопросами отношений в области политики и экономики, отчасти культуры, предусматривались и лексикографические труды. Что касается охвата библиотечных фондов, то планировалось включить библиотеки Санкт-Петербурга и Пекина. Наконец, по языкам — планировалось для «петербургской» части каталога включать издания на русском, западноевропейских и китайском языках (к чему мы предполагали приступить после ознакомления с материалами китайских коллег), а что касается «пекинской» части каталога, то она предусматривала охват материалов на китайском, японском и русском языках (издания русской эмиграции). Однако жизнь внесла свои, и весьма серьезные, коррективы (по некоторым параметрам — в сторону ограничения, а по некоторым — в сторону расширения). Пришлось ограничиться для «петербургской» части публикациями только на русском языке (за редкими исключениями), а в «китайской» — публикациями

¹⁰ С российской стороны Протокол подписали директор БАН проф. В. П. Леонов и зав. ОЛСАА БАН Г. З. Пумпян, с китайской стороны — директор Института новой истории АОН КНР проф. Чжан Хайпэн и заместитель директора Сюй Хуйци.

только на китайском (хотя в предварительных схемах систематизации материала была отдельная рубрикация для публикаций на японском языке); далее, по «петербургской» части каталога работа велась, прежде всего, по фондам БАН (в главном здании и частично — в библиотеке при ИВР (тогда ПФ ИВРАН), с указанием сиглы отдела и шифра. Помимо каталогов БАН, естественно, привлекались всевозможные библиографические, справочные и исследовательские печатные материалы, отражавшие публикации, не всегда представленные в БАН. Таким образом, собранный материал оказался значительно шире фондов БАН (что, видимо, потребует оговорить в предисловии или переименовать каталог в указатель). В «китайской» части — с одной стороны, помимо Пекина, включены материалы ряда библиотек китайских провинций, но, с другой стороны, включались не все пекинские библиотеки. Наконец, в «петербургской» части произошли изменения по отношению к тематическому подходу. Уже на первом этапе работы (1992/1993 гг.) с систематическим каталогом изданий по востоковедению на русском и западноевропейских языках в отделе БАН при ПФ ИВРАН (ИВР РАН), который включал также роспись статей, был выявлен настолько многообразный и богатый пласт публикаций по самым разным аспектам, который вполне вписывался в проблематику контактов России и Китая, что показалось необходимым отобразить это в каталоге, в частности, в таких сферах, как искусство, философия, язык и литература, экспедиции и путешествия, а также естественные науки и медицина и т. д. (Работа с систематическим каталогом библиотеки при ИВР РАН, в котором есть также и элементы предметного каталога, была довольно поучительна). Поэтому в основу новой схемы каталога были положены рубрики, отображающие контакты и взаимовлияния в разных областях науки и человеческой деятельности, о чем мы сообщили нашим китайским коллегам (отчасти при создании рубрикатора использовались наработки отечественных библиографов по созданию Библиотечно-библиографической классификации (ББК)). Позже, с учетом особой интенсивности исследований по русско-китайским отношениям в последние годы, было решено также добавить, по возможности, публикации начала XXI в. (ориентировочно по 2010 г.). Поэтому было несколько изменено и название этой работы («Россия и Китай, XVII — начало XXI в.»). К этой теме примыкают также исследования, связанные с изучением образа Китая в России и, соответственно, образа России в Китае. (Методологически в этом направлении отмечают два аспекта — государственно-политический и на уровне обывательского сознания (см., напр., статью Е. И. Кычанова¹¹). В разных областях знания также получают все большее распространение сопоставительные исследования, которые также должны быть учтены в библиографическом издании. Эти компаративные исследования осуществляются, преимущественно, в области языкознания, литературоведения, искусствоведения, экономики, юриспруденции, политологии, например, сравнения политической и правовой систем в КНР и в России, в этнопсихологии и социологии, например, «Этнические проявления психологической защиты (на примере изучения русских и китайских выпускников вузов)». В течение XX в. в Китае появились новые направления — тангутика (тангутоведение), дуньхуановедение, ицзинистика, даология, выделилась в самостоятельное направление маньчжуристика. Можно отметить интенсивность изучения в настоящее время в КНР России. В нашей литературе утвердился термин для обозначения комплексного изучения России — россиеведение. В работах наших ученых уделяется самое серьезное внимание состоянию китайского россиеведения. Все это также должно быть отражено в библиографическом пособии. В процессе работы мы обменивались информацией с китайскими коллегами при помощи переписки и в ходе устных консультаций. В частности, 29 июля 1996 г. состоялась третья рабочая встреча сотрудников

¹¹ Кычанов Е. И. Образ Китая в России XVII в. // Вестн. Вост. ин-та. 1997. Т. 3, № 2(6). С. 70.

БАН с группой историков из АОН КНР, в состав которой входили зав. Отделом истории отношений Китая с зарубежными странами, ведущий науч. сотр. Института новой истории Сюе Сяньтянь, который руководил группой по подготовке каталога (впоследствии также один из гл. редакторов каталога), науч. сотр. Института мировой истории Вэнь И и науч. сотр. Института современного Китая Ли Даньхуэй (было подтверждено, в частности, включение в работу справочных изданий). Наши коллеги (главным образом, проф. Сюе Сяньтянь) неоднократно также присылали в БАН для ознакомления свои варианты систематизации материала, что во многом было для нас полезным. Так, можно отметить некоторые особенности классификации в схеме для китайской периодики (еще в 1999 г.)¹², которые в целом сохранились в окончательном издании: 1) особо рассматриваются последние события в СССР и России, сопоставление реформ в КНР и России, современные отношения РФ и КНР, в том числе, в контексте мировой политики (напр., разделы: «Распад СССР, влияние его последствий на обстановку в мире и Китай»; «Анализ реформ в Китае и России»; «Взаимоотношения стратегического партнерства Китая и России», «Взаимоотношения Китая с Россией и страны Средней Азии», «Взаимоотношения Китая с Россией и страны Северо-восточного Азиатского региона» и т. д. — по разным периодам; 2) подробно рассматриваются вопросы границы между Китаем и Россией (напр., такие разделы, как: «История народов, населяющих районы китайско-русской границы», «Русские исследования китайских пограничных районов», «Проблемы китайско-русской границы», «Китайско-русский пограничный конфликт», «История пограничных отношений в районах китайско-русской границы (история китайской границы), история Сибири и Дальнего Востока Советской России»; 3) подробно даны персоналии участников русско-китайских отношений (Персоналии в истории китайско-русских отношений, персоналии Китая, персоналии Советской России). В Пекине работа велась по первоначально предполагаемой тематике и была издана в 2002 г. в г. Чэнду под названием (в пер.): «Китайско-русские отношения: каталог документов на китайском языке, 17—20 в. / гл. ред.: Сюе Сяньтянь, Чжоу Синьминь; редкол.: Чжан Хайпэн (пред.), Сюй Хуэйци (зам. пред.) и др. Чэнду: Народ. изд-во провинции Сычуань, 2002. 617 с. (то же в транскрипции: Чжун э гуаньси: чжунвэнь вэньсянь мулу (17—20 шицзи) / гл. ред.: Сюе Сяньтянь, Чжоу Синьминь; редкол.: Чжан Хайпэн (пред.), Сюй Хуэйци (зам. пред.) и др. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2002. 617 с.)¹³. Несколько экземпляров его было прислано в Библиотеку РАН. В каталоге, подготовленном китайскими коллегами, отражено свыше 7 000 названий, в том числе 3 300 книг, 3 700 статей, проработано 600 журналов. Китайское издание включает, во-первых, краткое предисловие [Сюйянь]¹⁴, в котором даются общие сведения о работе, перечень участников и обследованных библиотек, и, во-вторых, более обширное введение [Цяньянь]¹⁵, в котором довольно подробно излагаются

¹² Рабочие документы (включая предварительные варианты схем систематизации, предоставленные по переписке в ходе работы и в окончательном издании, а также переписка) переводились сотр. ОЛСАА В. Е. Шишкиным.

¹³ Перевод заглавия издания и транскрипция сделаны гл. библиотекарем ОЛСАА В. Е. Шишкиным.

¹⁴ Предисловие = [Сюйянь] // Китайско-русские отношения: каталог документов на китайском языке, 17—20 в. Чэнду: Народ. изд-во провинции Сычуань, 2002. С. 1—2. Пер. предисловия с кит. яз. вып. Т. Н. Холмовской.

¹⁵ Введение = [Цяньянь] // Китайско-русские отношения: каталог документов на китайском языке, 17—20 в. Чэнду: Народ. изд-во провинции Сычуань, 2002. С. 1—6. Пер. введения с кит. яз. вып. В. Е. Шишкиным; также В. Е. Шишкиным выполнен пер. схем систематизации в издании.

подходы к составлению каталога, история изучения и оценка русско-китайских отношений в китайской историографии, в том числе, и на Тайване, структура каталога. Как говорилось выше, китайские составители помимо Пекина включили также библиотеки некоторых провинций. Публикации профессора Сюе Сяньтяня в настоящее время периодически появляются в наших изданиях (напр., в журнале «Проблемы Дальнего Востока»¹⁶). Он же является автором одного из предисловий для русского издания вышедшей в 2010 г. в переводе на русский язык монографии китайской исследовательницы Ван Цзи (по вопросам Восточного участка российско-китайской границы)¹⁷. В этой же монографии Ван Цзи имеется ссылка на отбор Сюе Сяньтянем и Чжоу Синьминем для выше указанного каталога «7148 наименований книг и статей на китайском языке о двусторонних китайско-российских отношениях в XVII—XX веках, систематизированных по 30 темам (включая проблему Восточного участка китайско-российской границы)». По мнению китайской исследовательницы, «каталог оказал огромную помощь в изучении проблемы Восточного участка китайско-российской границы». Что касается нашей работы по теме «Россия и Китай», то ввиду большого объема собранных материалов на русском языке принято решение издавать ее отдельными выпусками. В настоящее время завершены первые выпуски по истории китаеведения в России и о российских путешествиях и экспедициях в Китай. В ОЛСАА с 2006 г. работы библиографического плана издаются в серии «Библиография Востока».

В области информационно-библиографической работы особое внимание уделяется созданию электронной базы данных китайской периодики и китайских монографий (подготовлена БД китайской периодики в Excel, создается БД китайских монографий в «Ирбис-64»). Также важное место в работе китаеведов отдела всегда занимала организация книжно-иллюстративных выставок по Китаю (в том числе: «Китайский поэт Ду Фу (712—770): к 1275-летию со дня рождения», «Издательская деятельность КНР в 80—90-е гг. XX в.: к 39-й годовщине образования КНР» (800 печат. ед.), «Китай в популярных и научно-художественных изданиях XIX — начала XX в.», «Отечественные публикации по истории русско-китайских связей на рубеже XX—XXI вв.», «Издания КНР начала XXI в.» и др.).

Научная работа

В ОЛСАА БАН проводится научно-исследовательская работа по темам: «Национальная библиография, издательская деятельность и библиотечное дело в странах Азии и Африки» (с 90-х гг. XX в. она трансформировалась в тему «Восток и книга») и «Раскрытие историко-культурных фондов БАН и других библиотек Санкт-Петербурга» по направлениям «Россия и Восток», «Духовная культура Востока». По этим темам проводятся конференции, издаются сборники статей. В частности, в сборниках отдела «Национальная библиография,

¹⁶ Сюе Сяньтянь. История и современное состояние китайско-российских отношений: от трех союзов до «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» / Сяньтянь Сюе, Цзинхэ Луань // Проблемы Дальнего Востока, 2002. № 5. С. 26—38.

¹⁷ Сюе Сяньтянь. Предисловия к русскому изданию : I. Профессора А. К. Соколова (ИРИ РАН); II. Профессора Сюе Сяньтяня (ИНИК АОНК) // Ван Цзи. Проблема восточного участка китайско-российской границы глазами китайских, российских и западных ученых / пер. с кит. Ю. Семенова. М.: НП ИД «Русская панорама», 2010. С. 14—17.

издательская деятельность и библиотечное дело в странах Азии и Африки»¹⁸, а также сборниках БАН были опубликованы статьи о национальной библиографии в КНР, об Обязательном экземпляре в КНР, об опыте работы современных китайских библиотек, реформах в области издательского дела КНР в 80-е гг. XX в., об альбомах китайской живописи в фондах БАН, вопросах сохранности фондов в китайских книгохранилищах и т. д. Материалы по Китаю также прозвучали на юбилейных конференциях отдела «Восток и книга» в 1993 и 2003 гг. и также были включены в сб. статей отдела. С докладами по информатике на юбилейной конференции 1993 г. выступили гости из КНР — проф. Се Цзили из Китайского Народного университета (о системе информационной работы в Китайском Народном Университете), проф. Чжао Гоци и Мэн Цихай — из ЦДИ АОН КНР (о разработке теории и методики общественно-научной информации в Китае и об организации библиотек сети Академии общественных наук КНР). В 1999 г. в БАН было проведено заседание секции «Россия и «Китай» в рамках городской конференции, посвященной 50-й годовщине образования КНР (материалы вошли в сб. тр. конф., изданный СПбГУ)¹⁹, в 2003 г. состоялась конференция «Россия и Китай» в связи с юбилеем отдела (часть материалов была опубликована в «Вестн. Вост. ин-та»²⁰). Среди наиболее заметных издательских проектов последних лет по Китаю — выход в свет в 2009 г. сборника научных статей «Россия и Китай»²¹ и издание впервые в 2010 г. книги акад. В. М. Алексева «Рабочая библиография китаиста»²² (ответственный составитель обоих изданий Т. И. Виноградова). В сборник «Россия и Китай» вошли публикации петербургских, московских и зарубежных китаеведов по методике изучения русско-китайских отношений, архивные изыскания, статьи по проблемам политики и общества, искусству и литературе, а также персоналия. «Рабочая библиография китаиста», написанная крупнейшим синологом с мировым именем В. М. Алексеевым, является первой

¹⁸ См., напр.: Национальная библиография, издательская деятельность и библиотечное дело в странах Азии и Африки: сб. науч. тр. / БАН; редкол.: К. В. Лютова (отв. ред.), Т. Н. Холмовская. СПб., 1985; Национальная библиография, издательская деятельность и библиотечное дело в странах Азии, Африки и Лат. Америки: сб. науч. тр. / БАН; редкол.: В. П. Леонов (отв. ред.), Г. З. Пумпян. СПб. 1988; Национальная библиография, издательская деятельность и библиотечное дело в странах Азии и Африки: сб. науч. тр. / БАН; редкол.: В. П. Леонов (отв. ред.), Г. З. Пумпян СПб., 1992.

¹⁹ Материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования Китайской Народной республики. 27—28 октября 1999 г. Санкт-Петербург / Восточный фак-т СПбГУ, Администрация Санкт-Петербурга. СПб., 1999. 112 с. — Включ. доклады, прочитанные на заседании секции «Россия и Китай» в Библиотеке РАН (Горелов Н. С., Киселева Г. Б., Красникова О. А., Руденко Д. В., Холмовская Т. Н., Полотовская И. Л.).

²⁰ Материалы конференции, Россия и Китай; БАН, 2—3 дек. 2003 г. / гл. ред. Е. И. Кычанов; отв. ред. В. П. Леонов, Н. В. Колпакова, Г. З. Пумпян. СПб., 2005 (2004). 93 с. (Вестн. Вост. ин-та; т. 10, № 1—2); Вестн. Вост. ин-та / гл. ред. Е. И. Кычанов; отв. ред.: В. П. Леонов, Н. В. Колпакова, Г. З. Пумпян. СПб., 2003 (2004). Т. 9. № 1—2 (17—18). 116 с. Содерж.: докл., прочитанные на юбилейных конф. ОЛСАА в 1993 и 2003 гг. по истории книги Дальнего Востока и Южной и Юго-Восточной Азии.

²¹ Россия и Китай: сб. науч. ст.: 60-летию образования Китайской Народной Республики посвящается / рук. проекта Н. В. Колпакова; отв. ред. В. П. Леонов; сост. Т. И. Виноградова. СПб.: БАН: Альфарет, 2009. 214 с. (Rara orientalia).

²² Алексеев В. М. Рабочая библиография китаиста: книга руководств для изучающих язык и культуру Китая / отв. ред. Б. Л. Рифтин; пред. редколлегии В. П. Леонов; рук. серии Н. В. Колпакова; отв. сост. Т. И. Виноградова. СПб.: БАН: Альфарет, 2010. 504 с. (Rara orientalia).

рекомендательной библиографией синологической литературы. Это издание также включает обширную статью акад. Б. Л. Рифтина о новейшей справочной литературе по китаистике. В 2011 г. эта книга была удостоена премии за лучший издательский проект. Два последних издания вышли в свет в так называемой «зеленой серии» БАН «Rara orientalia» («Восточные редкости»), которая ставит своей задачей издание в БАН материалов по Востоку. (Выше уже упоминалась работа по подготовке библиографического пособия «Россия и Китай XVII — начало XXI в.»).

Сотрудники

Следует сказать о сотрудниках отдела, усилиями которых создавалось и продолжает развиваться китаеведческое направление в ОЛСАА БАН.

Представители старшего поколения китаистов отдела учились на Восточном факультете ЛГУ в конце сороковых — начале пятидесятых годов и застали, можно сказать, золотой век нашего востоковедения. Среди китаистов в то время преподавали акад. В. М. Алексеев, проф. Г. Ф. Смыкалов, экономист проф. В. М. Штейн, начинали работать молодые талантливые выходцы из русского Китая В. А. Вельгус, Н. А. Спешнев. Традиционное классическое преподавание на Восточном факультете ЛГУ не только давало широкое востоковедное образование, но и с самого начала позволяло и даже вынуждало погружаться в мир Востока. Особое внимание уже с первого курса уделялось чтению классических текстов (для китаистов — с комментариями такого ученого, как В. М. Алексеев, по воспоминаниям его учеников, иногда небольшой отрывок читался и «разбирался» в течение нескольких месяцев). Учили относиться с уважением к тем, кого изучаешь. Приучали к тщательности, дотошности, научной добросовестности. К тому же это был период особенно тесных отношений с Народным Китаем.

Как уже отмечалось, первыми сотрудниками-китаеводами были члены группы подготовки рефератов китайских журналов по общественным наукам, которую в 1953—1960 гг. возглавлял китаевед, историк-медиевист **Георгий Яковлевич Смолин** (1930—2011). Г. Я. Смолин окончил восточный факультет в 1953 г. Георгий Яковлевич оставил заметный след в БАН, после защиты кандидатской диссертации он стал научным секретарем БАН (1960—1962 гг.). С 1962 г. работал на Восточном факультете. В 1971 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Антифеодалные восстания в Китае второй половины X — первой четверти XII в.». Д. и. н. профессор Смолин с 1981 по 1997 г. возглавлял кафедру истории стран Дальнего Востока на Восточном факультете ЛГУ — СПбГУ. При этом Георгий Яковлевич всегда продолжал поддерживать тесные отношения с БАН и отделом, долго был членом Ученого совета Библиотеки РАН, во многом при его участии и поддержке решались многие важные и принципиальные для отдела вопросы, в том числе кадровые, в области научной и библиографической работы. С самого начала в группе рефератов работали также китаеведы к. и. н. **Иосиф Владимирович Кудрин**, **Игорь Иванович Тутов** и к. ф. н. **Софья Михайловна Кочетова**. После расформирования группы В. И. Кудрин работал в Отделе систематизации БАН, оказывал консультативную помощь сотрудникам ОЛСАА в реорганизации систематического каталога востоковедной литературы по библиотечно-библиографической классификации. И. И. Тутов перешел на некоторое время в Отдел советского комплектования БАН, а впоследствии работал переводчиком-информатором японской технической литературы. С. М. Кочетова работала в Отделе Востока Государственного Эрмитажа.

Первым библиотечным работником-китаеведом в ОЛСАА была **Нина Ивановна Дерябина**. Она пришла в отдел вскоре после его основания, когда официально назначенного заведующего отделом еще не было. Работу отдела курировал зам. директора по научной работе А. Х. Рафиков, вместе с ним Нина Ивановна фактически делала первые важные шаги по созданию отдела, читального зала и проявляла во всем большую ответственность и организованность. Впоследствии работала в качестве заведующей библиотекой Ленинградского отделения Института этнографии АН (сейчас МАЭ РАН). В области комплектования китайской литературы активно и плодотворно работал сотрудник Отдела комплектования иностранной литературы БАН (ОКИЛ) китаевед-историк **Борис Григорьевич Доронин**. Б. Г. Доронин поступил на работу в сектор Международного книгообмена ОКИЛ в марте 1955 г. после окончания аспирантуры на Восточном факультете ЛГУ и проработал там 13 лет. С января 1968 г. он стал преподавать на кафедре истории стран Дальнего Востока Восточного факультета. Впоследствии стал доктором исторических наук, профессором кафедры, специалистом в области историографии и источниковедения Китая. В 50—60-е гг., в том числе, во многом благодаря и его усилиям и энтузиазму, БАН удалось сформировать интересный и представительный китайский фонд. В период работы Б. Г. Доронина на Восточном факультете контакты с Борисом Григорьевичем сохранились, и сотрудники отдела неоднократно прибегали к его содействию и консультациям по разным вопросам — в области библиографической работы, комплектования, непосредственным связям с китайскими учреждениями и т. д.

Непродолжительное время в отделе работали **Т. А. Тарасова** и **Л. И. Павловская** (1926—2002). Впоследствии Т. А. Тарасова перешла на работу в Гос. ин-т бытовой химии (ГИПХ), где была переводчиком-информатором японской технической литературы, оставаясь постоянным читателем отдела и до сих пор читателем БАН. Л. И. Павловская перешла на работу в ЛО ИВАН, в 1975 г. защитила там диссертацию на тему «Пинхуа — народно-исторический роман (на материале “Заново составленного пинхуа по истории пяти династий”)». (Очень недолго в отделе также работали **В. Полякова** и **Н. Башкина**, которые ушли из востоковедения).

Сотрудниками-китаеведами, проработавшими в Отделе практически всю трудовую жизнь и внесшими особенно весомый вклад в его работу, были китаеведы-филологи Елена Александровна Крылова (1929—2006), Татьяна Николаевна Холмовская и уроженка Китая Нажина Костюченко (Нажингова Фу).

Елена Александровна Крылова (1929—2005) — один из старейших сотрудников отдела. Она поступила на работу в БАН в 1955 г. и была у истоков основания отдела, одним из его организаторов. Е. А. Крылова была одним из наиболее знающих, добросовестных и творческих работников библиотеки. Е. А. Крылова закончила школу с золотой медалью и поступила на восточный факультет ЛГУ, который она закончила также с отличием в 1953 г. по отделению китайской филологии. После университета Елена Александровна работала некоторое время в Туркестанском военном округе, затем преподавала английский язык в школе в пос. Курковицы Ленинградской области, в 1955 г. поступила на работу в ОЛСАА БАН. В 70—80-е гг. она работала также переводчиком-информатором с японского языка, а в начале 90-х снова пришла в свой отдел в академическую библиотеку. Это был период, когда вновь активизировались отношения с Китаем, в больших количествах стала поступать литература на китайском языке. Елена Александровна долгое время была основным каталогизатором китайских монографий отдела, участвовала в подготовке выставок и конференций, проводила увлекательные и насыщенные информацией экскурсии для студентов Восточного факультета СПбГУ, принимала участие на начальном этапе в библиографической работе по теме «Россия

и Китай». Знающий китаевед, широко образованный человек и прекрасный библиотекарь, Е. А. Крылова также была великолепным редактором и стилистом. Она легко находила общий язык с молодыми сотрудниками, к ней привычно обращались за практическими и научными советами. Ее особенно увлекала тема популяризации в России знаний о Китае и о Востоке в целом, изучение в этих целях старых изданий, того, как в них «показывали» Восток для «рядового читателя», «обывателя», каким виделся Восток в восприятии не только специалиста-востоковеда или профессионального путешественника, но и глазами рядового гражданина Российской империи. По этой теме ею были подготовлены книжно-иллюстративные выставки, сделан доклад, а затем и статья на основе семейного архива²³. Она была также совершенно незаменима при общении с иностранными гостями библиотеки. В ее гостеприимном доме на Фонтанке (угол Невского) с видом на Аничков дворец часто принимались иностранные гости отдела. Наши коллеги из Библиотеки Академии общественных наук КНР, как правило, пользовались гостеприимством Елены Александровны. Мне кажется, ее возможности как китаеведа, к сожалению, остались во многом нереализованными.

Нажина Костюченко (Нажингова Фу) поступила на работу в ОЛСАА БАН в 1958 г. До этого она закончила Пекинский Институт иностранных языков по специальности «русский язык» и работала в качестве переводчика с русского языка в разных учреждениях КНР (Общество Китайско-советской дружбы в г. Баотоу, Агентство Синьхуа, г. Пекин). В ОЛСАА БАН Нажина Костюченко занималась каталогизацией и комплектованием китайской, монгольской и вьетнамской литературы, принимала участие по этим направлениям в подготовке библиографических пособий, имеет публикации по раскрытию историко-культурных фондов отдела и о библиотечном деле в КНР в период реформ. После выхода на пенсию в 1992 г. продолжает поддерживать контакты с отделом, оказывает помощь в приеме китайских делегаций.

Татьяна Николаевна Холмовская стала работать в ОЛСАА с 1960 г. После окончания средней школы в 1947 г. она поступила на восточный факультет ЛГУ, который закончила с отличием и продолжила учебу в аспирантуре по китайскому языкознанию. У нее были опубликованы перевод китайской сказки, ее перевод о китайском огнестрельном оружии вошел в ее совместную статью с В. Б. Виллинбаховым, которая упоминается в недавнем издании «Духовная культура Китая» (2010. Т. 5)²⁴, а статья по грамматике вошла в список использованной литературы в недавнем грамматическом исследовании²⁵, ее публикации по китайскому

²³ Крылова Е. А. Япония в частном письме россиянина в начале XX в. (из семейного архива) // Россия и Япония: сб. ст. СПб.: БАН, Альфарет, 2007. 310 с., 45 ил. С. 294—299. — Исп. письмо начала XX в. об экскурсионной поездке на Восток, в Японию, бывшего ссыльного, учителя школы в Благовещенске Н. З. Пузырева, организованной безвозмездно для жителей Приамурского края, видимо, около 1914 г., с коммент. Е. А. Крыловой.

²⁴ Духовная энциклопедия Китая: энциклопедия. В 5 т. / глав. ред. М. Л. Титаренко; редкол.: А. И. Кобзев (зам. глав. ред.), А. Е. Лукьянов (зам. глав. ред.) и др.; Российская академия наук, Ин-т Дальнего Востока. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. М.: Вост. лит., 2009. С. 661. — ссылка на ст.: Виллинбахов В. Б. «Огневое оружие» Средневекового Китая / В. Б. Виллинбахов, Т. Н. Холмовская // Из истории науки и техники в странах Востока. М., 1960. Вып. 1. С. 64—73.

²⁵ Шатравка А. В. Спорные вопросы классификации служебных слов в современном китайском языке. Благовещенск: АмГУ, 2009. — в сп. использованной литературы включ. ст.: Холмовская Т. Н. Включающее предложение в современном китайском языке // Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока. М.: Вост. лит., 1961. С. 30—41.

синтаксису были включены в список рекомендательной литературы для студентов ЛГУ. После окончания аспирантуры Татьяна Николаевна преподавала русский язык китайским учащимся, некоторое время работала в библиотеке Восточного факультета, входившей в состав Научной библиотеки им. А. М. Горького при ЛГУ, а в 1960 г. пришла на работу в ОЛСАА в группу подготовки рефератов китайских журналов по общественным наукам. Несколько позже Татьяна Николаевна переключилась на работу, связанную с подготовкой аннотированных списков японских журналов по естественным наукам, приобрела ценный опыт библиографической работы в процессе подготовки изданий отдела по справочным и журнальным фондам научных библиотек Ленинграда по Востоку. В течение почти 12 лет, с 1975 г. до марта 1987 г. Татьяна Николаевна возглавляла Отдел литературы стран Азии и Африки БАН. Этот период совпал с получением Библиотекой РАН статуса научно-исследовательского института. От отдела потребовались поиски новых направлений работы. Татьяна Николаевна совместно с заместителем директора БАН Ксенией Владимировной Лютовой активно занялась продвижением в отделе научной тематики, связанной с изучением национальной библиографии, издательской деятельности и библиотечного дела стран Азии и Африки. Под руководством К. В. Лютовой и Т. Н. Холмовской в 1985 г. был издан первый сборник научных трудов «Национальная библиография, издательская деятельность и библиотечное дело в странах Азии и Африки». Сотрудники отдела стали участвовать в конференциях по этой тематике, в частности сама Татьяна Николаевна успешно выступила на I Всесоюзной конференции по обязательному экземпляру. Эта чрезвычайно важная и полезная работа дала толчок к дальнейшему развитию в отделе научно-исследовательской работы, связанной с изучением восточной книги, историко-культурных фондов. Татьяна Николаевна способствовала подготовке диссертаций сотрудниками отдела, отдавала много внимания и энергии воспитанию молодых кадров. (В частности, для автора настоящей статьи в дальнейшей работе оказались весьма полезными знания и навыки научной систематизации литературы, приобретенные в ходе порученной ей Татьяной Николаевной работы по систематизации русскоязычных и западноевропейских востоковедных фондов отдела по схеме Библиотечно-библиографической классификации). Татьяна Николаевна, будучи человеком чрезвычайно пунктуальным, внимательным и организованным, много сил уделяла также упорядочению документации отдела. Она успешно продолжила традиционную для отдела работу по подготовке каталогов по периодическим изданиям и справочной литературе в иностранных фондах библиотек Петербурга. Так, важным завершающим этапом в административной деятельности Татьяны Николаевны была большая подготовительная работа к изданию второго выпуска «Каталога справочной литературы по странам Азии и Африки. Иностранные фонды БАН и ГПБ», который включал публикации 1968—1984 гг. После выхода на пенсию Татьяна Николаевна продолжала оставаться ответственным редактором каталога. Он вышел в свет в 1992 г., а в 1994 г. получил I премию на конкурсе работ по библиографии и библиотековедению в Российской академии наук. В начале 90-х гг. Т. Н. Холмовская принимала участие в каталогизации в РНБ личной библиотеки выдающегося китаевода (и своего сокурсника) В. В. Петрова, поступившей в фонды ОЛСАА РНБ. С осени 1996 г. Татьяна Николаевна продолжила сотрудничество со своим отделом, активно подключившись к участию в библиографической работе ОЛСАА БАН по подготовке библиографического пособия «Россия и Китай. XVII — начало XXI в.». Т. Н. Холмовской была проделана большая работа по подготовке этого труда. Ею собран многообразный материал по разным направлениям русско-китайских связей. Так, следует особенно отметить проделанную ею работу по разделу «Переводы китайской литературы

на русский язык». На данном этапе работы Татьяна Николаевна выявила практически все новые публикации до начала 2000-х гг., не вошедшие в изданные до того библиографические указатели по этой теме. Она также принимает активное участие в методической работе по каталогу, разработке схемы систематизации. Татьяна Николаевна настояла на росписи практически всех имеющихся библиографических изданий для раздела «Персоналии». Ею также была добавлена обязательная рубрика по истории той или иной области изучения Китая в России (филологии, истории и т. д.). Эти предложения были приняты. В настоящее время Т. Н. Холмовская самым активным образом участвует в подготовке первого выпуска библиографического издания «Россия и Китай» — «Российское китаеведение». В ходе работы по каталогу ею были опубликованы статьи об имеющихся в фондах БАН изданиях переводов китайской литературы на русский язык и об истории переводов²⁶, о преподавании русского языка в Китае²⁷. Ею также был сделан перевод краткого «Предисловия» [Сюйянь] к китайскому изданию каталога по русско-китайским отношениям.

В конце 80-х — начале 90-х гг. в отдел пришло новое поколение китаистов — выпускников кафедры истории стран Дальнего Востока. С 1987 г. в ОЛСАА БАН работает китаевед-историк **Владимир Егорович Шишкин**. Это время совпало с возобновлением и оживлением после долгого перерыва контактов с КНР. Первые годы В. Е. Шишкин много занимался обработкой китайских монографий, которые вновь начали поступать в отдел. Но особенно ярким и значительным моментом в его тогдашней «библиотечной» биографии было комплектование китайской литературой. В. Е. Шишкин и работавшая тогда в библиотеке ЛО ИВАН известный специалист-переводчик китайской литературы Изольда Эмильевна Циперович на добровольных началах консультировали сотрудников существовавшего тогда в Ленинграде магазина книги социалистических стран «Мир» и благодаря этому обстоятельству могли отбирать в свои отделы значительное количество китайской литературы. Оба проявляли огромный энтузиазм и не жалели ни времени, ни сил. В 1987 г. Владимир Егорович за свой счет съездил в Москву, когда узнал о поступлении в аналогичный книжный магазин в Москве «Дружба» большой коллекции китайской литературы в связи с 39-й годовщиной КНР, и убедил сотрудников магазина в целесообразности приобретения коллекции полностью БАН. К годовщине образования КНР в БАН состоялось торжественное открытие выставки (свыше 800 печатных единиц), на котором присутствовал атташе по культуре Генерального Консульства КНР в Ленинграде. После длительного перерыва это был первый визит официального представителя КНР в БАН. В. Е. Шишкин прошел обучение в аспирантуре ЛГИК (по истории книгоиздательского дела в КНР в период реформ 80—90-х гг. прошлого века), имеет публикации по этой теме, в течение года преподавал русский язык в г. Ланьчжоу (КНР). Он прекрасно владеет китайским языком (одинаково уверенно в области как устных, так и письменных переводов). С начала 90-х гг., когда в БАН расширились контакты с учреждениями Китая, Владимир Егорович стал совершенно незаменим в качестве переводчика и сопровождающего делегации. Он участвовал в переговорах по обсуждению и заключению документов о сотрудничестве с ЦДИ АОН КНР и по подготовке Протокола о намерениях и проспекта библиографического пособия «Россия и Китай» с Институтом новой истории АОН КНР,

²⁶ Холмовская Т. Н. Переводы китайской литературы на русский язык в фондах БАН (XVIII—XX вв.) / Т. Н. Холмовская, Д. В. Руденко // Вестн. Вост. ин-та. 2001. Т. 7. № 1. С. 47—55.

²⁷ Холмовская Т. Н. Русский язык в Китае // Россия и Китай: сб. науч. ст. / рук. проекта Н. В. Колпакова; отв. ред. В. П. Леонов; сост. Т. И. Виноградова. СПб.: БАН: Альфарет, 2009. С. 15—22. (Rara orientalia).

переводил тексты договоров, материалы по этому изданию — письма из КНР, схемы по систематизации, довольно объемное Введение [Цзяньянь] к изданному в Китае каталогу по русско-китайским отношениям, посвященное истории изучения в Китае русско-китайских связей и некоторым базовым подходам в подготовке каталога. В 2009 г. в БАН было осуществлено впервые в России переиздание альбома В. Жиганова «Русские в Шанхае»²⁸. В.Е. Шишкин также принял некоторое участие в этой работе в качестве переводчика текста предисловия на китайский язык. Он с увлечением отнесся к внедрению компьютерной техники в отдел, в настоящее время в основном занимается созданием электронной БД фондов китайской периодики и китайских монографий. В.Е. Шишкин также периодически привлекается к участию в ответственных мероприятиях Санкт-Петербурга в области российско-китайских связей. Так, он участвовал в качестве соведущего и переводчика в представлении нашим зрителям оперы «Повесть о девушке Мулань» в Мариинском театре осенью 2010 г., в качестве переводчика — в переговорах мэра Пекина (Го Цзиньлун) с правительством Санкт-Петербурга²⁹.

В 90-е гг. в Отделе также работали молодые выпускники кафедры истории стран Дальнего Востока китаеведы **Дарья Владимировна Руденко** и **Анастасия Жановна Жукова (Тойберт)**, монголовед **Елена Борисовна Федотова** и монголовед-тибетолог **Екатерина Николаевна Афонина** (до поступления на Восточный факультет университета Д.В. Руденко и Е.Б. Федотова окончили специализированный китайский интернат). Д.В. Руденко и А.Ж. Тойберт проходили практику в КНР в конце 80-х гг. (в Пекине и Чунцине), в отделе занимались, в основном, каталогизацией китайской литературы, активно участвовали в приеме китайских делегаций. У них были также свои научные интересы: А.Ж. Тойберт занималась изучением русско-китайских отношений периода переговоров по КВЖД и материалов по Ли Хунчжану, Д.В. Руденко — историографией Китая по вопросам модернизации второй половины XIX в.³⁰ Е.Б. Федотова и позже Е.Н. Афонина, наряду с каталогизацией монгольского фонда, вели фонд китайской периодики. А.Ж. Тойберт, Д.В. Руденко и Е.Н. Афонина в той или иной степени принимали участие и в библиографической работе по теме «Россия и Китай» (в том числе — поиск материалов по топографическому каталогу в библиотеке в СПбФ ИВРАН, роспись периодических изданий). К сожалению, в силу разных обстоятельств эти энергичные и толковые сотрудники впоследствии ушли из отдела. Также в 90-е гг. (с 1993 по 1997 гг.) в ОЛСАА работала **Г.П. Максимова**, китаевед по образованию и до поступления на работу в отдел многолетний читатель ОЛСАА БАН (как переводчик-информатор по японской технической литературе в Институте (КБ) аналитического приборостроения АН). Она первоначально (в 1993—1995 гг.) занималась обработкой китайских и других газет отдела, а затем некоторое время занималась библиографической работой по теме «Россия и Китай» (в частности, составлением картотеки по Русскому Зарубежью по фондам бывшего Спецхрана³¹). Около двенадцати лет (с 1995 г. до 2007 г.) в отделе

²⁸ Жиганов В. Русские в Шанхае / предисл. В. П. Леонова и Ю. В. Шестакова ; вступ. ст. Н. П. Рождественской. Репринтное издание 1936 года. СПб. : БАН: Междунар. ассоциация «Русская культура»: Альфарет, 2008. 300 с.: ил.

²⁹ См. фотографии: St. Petersburg offers = Шэнбидебао туйцзе = [Петербург предлагает]. СПб., 2011. № 3. С. 15, 22.

³⁰ По этим темам обе также делали доклады на конференциях «Общество и государство в Китае», «Источниковедение и историография стран Азии и Африки».

³¹ Киселева Г.Б. Русская библиотечная и библиографическая деятельность в Харбине, 1897—1935 гг.: дис. канд. пед. наук. СПб., 1999.

также работал талантливый выпускник кафедры истории Средних веков исторического факультета СПбГУ д. и. н. **Николай Сергеевич Горелов** (1983—2008), специализировавшийся в области истории изучения контактов Европы и Востока. В 2006 г. он защитил докторскую диссертацию по теме «Восток в европейской средневековой традиции: формирование представлений и стереотипов», в которой также рассматривались материалы, относящиеся к Китаю. В отделе Н. С. Горелов занимался комплектованием литературы для фонда по востоковедению на русском и западноевропейских языках. Он был неизменным участником всех конференций и сборников отдела по темам «Россия и Восток», «Книга на Востоке», широко привлекая, в том числе, и материалы по Китаю, активно участвовал в подготовке конференций и выставок. Всегда охотно и квалифицированно консультировал коллег по разным вопросам историографии и источниковедения стран Востока, помогал сориентироваться в многообразии публикаций по мировой истории и культуре.

С 2005 г. по 2011 г. в плановой работе отдела по теме «Россия и Восток» (включая и Китай) принимала участие канд. филос. наук **Татьяна Николаева Лебединская**. Т. Н. Лебединская еще с 70-х гг. стала изучать особенности культурных связей и взаимовлияний Востока с европейскими культурами, в тот период — преимущественно арабско-украинские связи и отчасти арабско-русские связи. В 2006 г. она приняла участие во II Международной конференции «Россия и тюркский мир», организованной совместно ОЛСАА БАН и Восточным факультетом СПбГУ. В соответствии с планом ОЛСАА Т. Н. Лебединская занималась росписью популярных, художественных и иллюстративных периодических изданий XIX в., отбирая публикации по Востоку, в т. ч. и по Китаю, которые до сих пор не получили отражения в имеющихся библиографических трудах. В ОЛСАА БАН планируется к изданию при ее участии библиографический указатель «Восток в журнале “Библиотека для чтения”» и публикация выполненной ею росписи журнала «Всемирная иллюстрация (1869—1898)» по теме «Китай и русско-китайские связи». В 2007 г. в отдел пришла в качестве заведующей китаевед, к. и. н. **Татьяна Игоревна Виноградова**. Т. И. Виноградова закончила Восточный факультет СПбГУ по кафедре китайской филологии в 1984 г. и почти сразу после его окончания начала работать в системе БАН. После непродолжительной работы в Генеральном каталоге Татьяна Игоревна стала работать как китаевед в библиотеке Ленинградского (Петербургского) филиала Института востоковедения АН СССР (в настоящее время Институт восточных рукописей РАН), пройдя все ступени работы сотрудника-китаеведа в научной библиотеке — инвентаризатор китайских фондов, каталогизатор, зав. сектором, научный сотрудник. В 2000 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Китайский народный театр на китайской народной картине (театральные няньхуа как источник изучения традиционной культуры Китая)». Придя в ОЛСАА, Т. И. Виноградова стала уделять особенно серьезное внимание организационным вопросам по актуальной в настоящее время проблеме — подготовке электронных баз данных востоковедных фондов отдела (в том числе, и участвуя лично в каталогизации и создании БД фондов на китайском и корейском языках и приобретении грантов по этой теме). Также Т. И. Виноградовой осуществляются важные издательские проекты. Так, еще в бытность свою в библиотеке ИВР она подготовила к изданию специальный выпуск Вестника Восточного института, посвященного переводчику китайской литературы и сотруднику библиотеки ПФ ИВРАН китаеведу И. Э. Циперович (2001)³². Работая в ОЛСАА БАН, Т. И. Виноградова подготовила в качестве ответственного составителя и автора предисловия

³² Хижина невежды, упорно познания ищущего: сборник, посвященный годовщине со дня смерти И. Э. Циперович / сост. Т. И. Виноградова // Вестн. Вост. ин-та. 2001. Т. 7. № 1. 6 а. л.

уже упоминавшийся выше сборник научных статей «Россия и Китай» (2009)³³. Также в 2010 г. при активном участии Т.И. Виноградовой было, наконец, осуществлено издание труда акад. В.М. Алексеева «Рабочая библиография китаиста»³⁴, долгое время пролежавшего в архиве (для этого издания Т.И. Виноградова подготовила объемный справочный аппарат, была составителем книги и автором предисловия). Собственные научные интересы Т.И. Виноградовой связаны преимущественно с исследованием китайского искусства (народная картина — няньхуа) и истории китайской книги. В 2012 г. вышла в свет ее монография «Китайская литературная иллюстрация». Т.И. Виноградова имеет около 40 публикаций, ежегодно представляет БАН на международных, всероссийских и городских конференциях: «Общество и государство в Китае» в ИВАН в Москве, «Историография и источниковедение стран Азии и Африки» и «Литературы стран Дальнего Востока» на Восточном факультете СПбГУ, конференциях БАН по сохранности фондов и др. Она также активно работает в области международных контактов, приеме китайских делегаций, что по-прежнему остается актуальным для отдела. Т.И. Виноградова является членом Европейской ассоциации библиотечарей-синологов. В 2009 г. она вместе с китаеведом из Москвы акад. Б.Л. Рифтиным (ИМЛИ) и преподавателями СПбГУ проф. Н.А. Спешневым и доц. А.А. Родионовым представляла нашу страну на конференции в г. Тяньцзинь (КНР) «Литература — мост, связывающий души китайского и русского народов». На этой конференции Т.И. Виноградова выступила с докладом «Как при помощи китайской театральной картины сделать понятными русскому читателю образы классической китайской литературы». На Международном симпозиуме «Изучение китайской народной картины», который состоялся в Тяньцзиньском университете 4—6 ноября 2011 г., Т.И. Виноградова выступила с презентацией на китайском языке по теме «Материалы, собранные В.М. Алексеевым во время путешествия по Китаю в 1909—1912 гг. в фондах библиотеки ИВР РАН». Она также часто выступает в качестве оппонента или автора внешних отзывов на диссертации по китаеведению в разных научных учреждениях и вузах.

Читатели

Как уже отмечалась выше, на первом этапе работы ОЛСАА в 50 — начале 60-х гг. подавляющее число читателей китайской литературы составляли студенты и аспиранты из КНР, а также наши студенты, преподаватели, научные сотрудники. Со второй половины 60-х гг. количество читателей китайской литературы снизилось, поскольку прекратилось обучение китайских граждан в наших ВУЗах, хотя по-прежнему отдел активно посещали советские студенты и аспиранты, преподаватели Восточного факультета, сотрудники востоковедных учреждений. Часто в отделе бывали и «ленинградские» китайцы — китайские специалисты, окончившие наши ВУЗы и проживавшие в Ленинграде, выходцы из русского

³³ Россия и Китай: сб. науч. ст.: 60-летию образования Китайской Народной Республики посвящается / рук. проекта Н.В. Колпакова; отв. ред. В.П. Леонов; сост. Т.И. Виноградова. СПб.: БАН: Альфарет, 2009. 214 с. (Rara orientalia).

³⁴ Алексеев В.М. Рабочая библиография китаиста: книга руководств для изучающих язык и культуру Китая / отв. ред. Б.Л. Рифтин; пред. редколлегии: В.П. Леонов; рук. серии Н.В. Колпакова; отв. сост. Т.И. Виноградова. СПб.: БАН: Альфарет, 2010. 504 с.

Китай или имевшие частично русские корни (в том числе, Цзян Шилунь, известный художник направления традиционной китайской живописи Гохуа, геолог, канд. геол. наук Дун, этнограф и археолог из СО АН Чжан Яцин, преподаватель Восточного факультета канд. филол. наук Пан Ин, переводчик-информатор НИИ нефтехимии Н.И. Попович и др.). Таким образом, даже в «глухие» 70-е гг. в отделе в живом общении сохранялась атмосфера, наполненная «китайским колоритом». В 80-е гг. постепенно профиль чтения стал заметно меняться. Практически во всех советских научно-промышленных объединениях (НПО) в 70—80-х гг. функционировали отделы научно-технической информации (ОНТИ). Среди переводчиков-информаторов почти в каждом ОНТИ были японисты, однако по мере развития китайских реформ уже в 80-е гг. постепенно стал проявляться и интерес к китайской технической и научно-естественной литературе. После очень незначительного комплектования из Китая конца 60 — начала 80-х гг. постепенно стало расти количество поступлений из КНР примерно с середины 80-х гг., прежде всего, научных периодических изданий. При этом становились востребованными периодические издания по естественным и точным наукам на китайском языке (на втором месте после японских, на третьем месте по этой тематике были публикации на корейском языке). Во всяком случае, каждую неделю были 1—2 заявки на естественно-научную статью на китайском языке. Примерно к середине 90-х гг. в связи с общей ситуацией в отечественной промышленности и науке в первую очередь стали закрываться ОНТИ, в большинстве НИИ и предприятий они фактически прекратили свое существование, а профессия информатора — переводчика с восточных языков — перестала быть массовой. Зато стал заметен интерес к восточным культурам, традиционной медицине, традиционным боевым искусствам, философии, киноискусству и т. д. Расширился прием на Восточный факультет СПбГУ, были созданы новые вузы, программы по изучению китайского языка появились во многих учебных заведениях. Это способствовало росту читателей гуманитарной научной и популярной литературы. Можно сказать, что в последнее десятилетие читательские запросы на литературу на китайском языке в области техники, естественных наук, с одной стороны, и общественных наук, популярной литературы, с другой, уравнились. Общее количество читателей ОЛСАА (в том числе, китайской литературы) меньше, чем в XX в. (возможно, это вызвано недостаточным количеством средств на развитие комплектования). Но оно продолжает оставаться стабильным, а литература на китайском языке — от археологии до химии — весьма востребована.

БИБЛИОТЕКА АКАДЕМИИ НАУК И УЧРЕЖДЕНИЯ ГЛАВНОГО ШТАБА РУССКОЙ АРМИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

Н. М. Баженова

В первой четверти XX века отношения Библиотеки Академии наук (БАН) и учреждений, подведомственных Главному Штабу Русской армии, развивались активно и плодотворно. Изучение протоколов¹ заседаний Общего Собрания Академии наук, которое в то время непосредственно руководило деятельностью БАН и всех других академических учреждений, позволяет утверждать, что научные контакты Главного Штаба и Академии наук были постоянными и регулярными.

Изученный период по характеру отношений военных учреждений с Академией наук распадается на 2 части: 1900—1916 гг. и 1917—1925 гг. Дореволюционную часть взаимоотношений Академии наук с военными учреждениями можно охарактеризовать как регулярное научное сотрудничество, которое распространялось на различные виды научной деятельности. Период с 1917 г. несколько меняет характер взаимоотношений Академии наук и возникших после революции новых военных учреждений.

Отличается и частота контактов Академии наук и военных учреждений. Если в дореволюционные годы таких контактов было более полусотни (в среднем по 3 упоминания в год), то с 1917 по 1925 гг. их всего восемь (если распределить по всем годам, то в среднем по одному в год). Конечно, можно отнести уменьшение количества случаев упоминания отношений с военными учреждениями за счет неопытности новой власти в области налаживания научных контактов с Академией наук. Однако для окончательного вывода следует проанализировать протоколы заседаний Общего Собрания.

Говоря о характере отношений между Академией наук и Главным Штабом Русской армии, следует, в первую очередь, отметить книгообмен, существовавший между этими учреждениями.

В протоколах Общего Собрания за 1900—1916 г. постоянно встречаются упоминания о получении книг, изданных Главным Штабом и присланных в Академию, причем посылки осуществлялись как самим Главным Штабом, так и подчиненными ему учреждениями

¹ Протоколы заседаний Общего Собрания Императорской, а затем Российской академии наук хранятся в БАН на правах рукописей. Первая публикация отдельных параграфов, касающихся деятельности БАН, состоялась в 2014 г.: Летопись Библиотеки Российской академии наук (по протоколам РАН: 1900—1928). Т. 2 / науч. рук. В. П. Леонов; отв. ред. Н. В. Колпакова. СПб. БАН; Альфарет, 2014. 1292 с.

и их чинами. Количество экземпляров разное — один раз было послано два экземпляра, в остальных случаях — по одному.

Например, в 1904 г. Главный Штаб препроводил в Академию (отношение № 1449 от 26 августа) по 2 экземпляра следующих изданий Военно-статистического отдела: «Наставление для укладки и нагрузки вьючного и колесного обоза японских войск», «Атлас чертежей материальной части вьючного обоза и предметов конского снаряжения, принятых в японских войсках», «Проект наставления для постройки мостов японскими войсками», «Проект наставления для наводки понтонных мостов японскими войсками»².

Возможно, посылка двух экземпляров была случайностью, возможно, на уменьшение посылаемых экземпляров в дальнейшем влияло осложнение внешней и внутренней обстановки в Российской Империи, которая, как мы знаем, в первой четверти XX в. была очень непростой.

Трудно ограничивать посылки учреждений Главного Штаба рамками обязательного экземпляра, который получала Библиотека Академии наук. Такой вывод можно сделать из того, что:

- 1) на заседаниях Общего Собрания никогда не докладывалось об изданиях, пришедших в Библиотеку по обязательному экземпляру;
- 2) обсуждались лишь случаи, когда цензурные комитеты задерживали присылку изданий или в силу разных причин в обязательном экземпляре образовывались лакуны;
- 3) издания по обязательному экземпляру шли в Библиотеку только через цензурные комитеты, а не напрямую из издательств или издающих учреждений;
- 4) получение обязательного экземпляра Библиотекой осуществлялось, минуя Общее Собрание и Канцелярию Академии наук.

Факты способа получения и презентации изданий Главного Штаба в Общем Собрании наряду с изданиями, получаемыми Академией по обмену или в дар из зарубежных и отечественных научных учреждений, говорят о том, что они явно выделялись из общего числа приходивших публикаций и не смешивались с обязательным экземпляром.

В пользу того, что в случае изданий Главного Штаба мы имеем дело с особыми отношениями между ним и Академией наук, говорит и то обстоятельство, что практически всякий раз, когда происходит представление военных изданий Общему Собранию, имеет место подробное перечисление полученных публикаций. Для примера возьмем протоколы Общего Собрания за 1905 год:

- в протоколе № 3 записано, что Главный Штаб препроводил в Академию следующие издания Военно-статистического отдела: 1) «Современное состояние китайских вооруженных сил в Печили» (секретно), 2) «Военный обзор Северной Кореи», 3) «Формы обмундирования японских сухопутных войск», 4) «Переводчик с русского языка на китайский», 5) «Японский переводчик», 6) «Военный обзор Гиринской провинции»³;
- в протоколе № 9 перечислены следующие поступившие издания: 1) «Японский пехотный строевой устав», 2) «Пособие при разведках в Маньчжурии», 3) «Некоторые сведения о японских войсках», 4) «Японский переводчик», 5) «Переводчик с русского языка на китайский», 6) «Формы обмундирования японских сухопутных войск»⁴;
- в протоколе № 13 значится первый том Каталога Военно-Ученого Архива⁵.

² Общее собрание Императорской Академии наук от 4 сентября 1904 г. Протокол № 6. § 134.

³ Общее собрание... от 18 февраля 1905 г. Протокол № 3. § 77.

⁴ Общее собрание... от 3 сентября 1905 г. Протокол № 9. § 166.

⁵ Общее собрание... от 5 ноября 1905 г. Протокол № 13. § 218.

Степень подробности описания изданий для Общего Собрания была разной. Большой частью издания описывались почти с библиографической точностью, например: 78-й выпуск «Сборника материалов по Азии». 1905⁶. Однако иногда описание было схематичным, например: «сборники новейших сведений о вооруженных силах иностранных государств: 1) Германии, 2) Австро-Венгрии, 3) Британской Империи, 4) Швеции и Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Италии и Франции»⁷.

Отнести колебания в степени подробности описания изданий, представляемых Общему Собранию, только к военным изданиям мы не можем, поскольку в протоколах того времени даже списки изданий выглядят порой непривычным для современного библиографа образом, и для того, чтобы по ним найти конкретное издание, нужно провести значительную разыскную работу. Пример: «Академики Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов довели до сведения Собрания просьбу профессора Императорского Новороссийского Университета Александра Александровича Томсона о выдаче ему: 1) Санскритского Словаря Бетлинга и Рота (большое издание), 2) Санскритского Словаря Бетлинга (малое издание)»⁸.

Детальное представление изданий, поступавших в Академию наук из учреждений Главного Штаба, уравнивает их значимость для Академии с изданиями, поступавшими от различных научных зарубежных и отечественных учреждений на правах даров или в порядке книгообмена.

Общее Собрание, заслушав представление Непременного секретаря Академии наук о полученных из Главного Штаба изданиях, решало, в какое отделение БАН их направить. И в зависимости от того, на каких языках было издание, оно направлялось либо в Первое (Русское) отделение БАН (подавляющее большинство изданий), либо (редко) во Второе (Иностранное) Отделение. Иногда, если издание касалось специальных вопросов изучения Востока, издания направлялись в Азиатский музей Академии наук⁹.

Среди учреждений Главного Штаба, с которыми у Академии наук были тесные обменные отношения, в протоколах Общего Собрания упоминаются:

- Главный Штаб,
- Военно-топографическое управление Главного Штаба,
- Московское отделение Общего архива Главного Штаба,
- Главное управление Генерального Штаба,
- Военно-статистический отдел Главного управления Генерального Штаба,
- Военно-историческая комиссия Главного управления Генерального Штаба,
- Военно-ученый архив Главного управления Генерального Штаба,
- Географическое отделение Главного управления Генерального Штаба в Белграде,
- Управление генерала-квартирмейстера Главного управления Генерального Штаба,

⁶ Общее собрание... от 5 ноября 1906 г. Протокол № 1. § 2.

⁷ Общее собрание... от 15 апреля 1906 г. Протокол № 9. § 114.

⁸ Общее собрание... от 1 февраля 1903 г. Протокол № 2. § 33.

⁹ Азиатский музей Академии наук имел в начале XX в. настолько тесные отношения с Библиотекой Академии наук, что им руководил тот же академик, что заведовал в БАН Вторым (Иностранным) отделением — известный востоковед Карл Германович Залеман (1850—1916). Из-за этого фонды обоих учреждений комплектовались одновременно, и порой перевешивали интересы Азиатского музея. Впрочем, с конца 1920-х годов возникла воплощенная ныне идея о едином библиотечном фонде, который распределен между БАН как головной организацией и библиотеками-филиалами, находящимися в академических институтах. Так что издания Главного Штаба начала XX в. все равно попали в фонд Библиотеки Российской академии наук.

- Часть 3-го обер-квартирмейстера Главного управления Генерального Штаба,
- Отдел генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального Штаба.

Данные организации постоянно упоминаются в связи с присылкой в Академию наук своих изданий.

В протоколах имеются также упоминания о военных учреждениях, которые обращались в Академию, не подчеркивая свою подчиненность Главному Штабу:

- Николаевская военная академия Генерального Штаба,
- Интендантский курс при Николаевской военной академии Генерального Штаба.

Подчиненность этих учреждений Главному Штабу выявляется лишь при исследовании вопроса.

Военных учреждений, отношения которых с Главным Штабом нами пока не установлены и которые поддерживали с Академией наук научные связи, было гораздо больше:

- Военное министерство,
- Канцелярия Военного министерства,
- Управление триангуляции Западного пограничного пространства,
- Николаевская инженерная академия,
- лейб-гвардии Измайловский полк,
- 145 пехотный Новочеркасский Императора Александра III полк,
- Главное управление Казачьих Войск,
- штаб Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи,
- 1-й Донской казачий полк,
- лейб-гвардии казачий Его Величества полк,
- Штаб Иркутского военного округа.

Интересно, что были и индивидуальные обращения кадровых военных:

- главный интендант Военного Министерства генерал-лейтенант Николай Николаевич Тевяшев,
- состоявший в распоряжении начальника Главного Штаба подполковник барон Николай Андреевич Корф,
- полковник Александр Владимирович Жиркевич,
- начальник Николаевской академии Генерального Штаба, генерал-лейтенант Владимир Гаврилович Глазов (будущий министр народного просвещения),
- начальник Управления триангуляции Западного пограничного пространства, генерал-лейтенант Эдуард Аврелианович Коверский,
- член Туркестанского отдела Императорского географического общества подполковник Дмитрий Николаевич Логофет,
- экстраординарный профессор Николаевской инженерной академии военный инженер полковник Александр Александрович Саткевич,
- командир лейб-гвардии Измайловского полка,
- поручик 145-го пехотного Новочеркасского Императора Александра III полка Всеволод Владимирович Скородумов,
- председатель Императорского русского военноисторического общества,
- главный редактор «Исторических очерков столетия Военного министерства» генерал от кавалерии Д. А. Скалон,
- начальник штаба Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи,
- полковник Иван Давыдович Орлов (Москва, Ходынское поле, казармы 1-го Донского казачьего полка),

- командир лейб-гвардии казачьего Его Величества полка,
- окружной генерал-квартирмейстер Штаба Иркутского военного округа.

Подробности многих фактов еще предстоит установить, но уже сейчас понятно, что каждый из вышеперечисленных случаев обращения военных учреждений и кадровых военных в Академию наук содержит очень интересную информацию о научной работе в военных учреждениях и отдельных военных и активном обмене результатами этой работы с Академией наук. Несколько примеров:

1901 г.:

— состоящий в распоряжении начальника Главного Штаба подполковник барон Николай Андреевич Корф представил в Академию печатный экземпляр, изданный под его редакцией трудов осенней экспедиции 1898 года в северную Корею, а именно: «Сборник маршрутов» и «Маршрутные съемки» (книги поступили в I Отделение БАН);

— полковник Александр Владимирович Жиркевич (военный юрист, коллекционер живописи, графики, старопечатных книг, предметов историко-литературного значения) представил в дар Академии следующие рукописи из своего собрания рукописей: 1) Географическо-статистическое описание Иркутской губернии. Ч. 1: О губернии вообще. 1819. 240 с.; 2) О городах Иркутской губернии с их уездами. Ч. 2. 509 с.; 3) «Летопись смиренного Дмитрия, архиеерея Ростовского», 4) «Дело» в копиях о трактате, заключенном в 1728 г. между Россией и Китаем, а также о караванах 1727, 1728, 1736, 1737 гг. (Рукописи доставились Жиркевичу от потомков генерал-майора Ивана Богдановича Цейдлера, который в начале XIX в. был Иркутским гражданским губернатором; направлены в Рукописный отдел I Отделения БАН).

1903 г.:

— начальник Управления триангуляции Западного пограничного пространства генерал-лейтенант Эдуард Аврелианович Коверский (член Военно-ученого комитета Главного Штаба, с 1904 г. начальник топографической съемки Санкт-Петербургской губернии и Финляндии) принес в дар Академии составленную им карту Российской Империи (поступила в I Отделение БАН).

1904 г.:

— Канцелярия Военного министерства передала Академии экземпляр всеподданнейшего отчета Министерства за 1902 г. (поступил в I Отделение БАН).

1905 г.:

— Военно-топографическое управление Главного Штаба препроводило в Академию 144 листа 10-ти верстной специальной карты Европейской России и 1 лист сборной таблицы (переданы в I Отделение БАН);

— Главное управление Генерального Штаба препроводило в Академию т. 1 Каталога Военно-ученого архива (передан в I Отделение БАН).

1906 г.:

— Главное управление Генерального Штаба препроводило в Академию сборники новейших сведений о вооруженных силах иностранных государств: 1) Германии, 2) Австро-Венгрии, 3) Британской Империи, 4) Швеции и Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Италии и Франции (книги поступили в I Отделение БАН);

— Главный Штаб препроводил означенные в особой ведомости рукописи и архивные материалы, оставшиеся после смерти генерал-лейтенанта Н.Ф. Дубровина и не подлежащие хранению в Общем Архиве Штаба (переданы в Рукописное отделение I Отделения БАН);

— Военно-историческая комиссия Главного управления Генерального Штаба препроводила для БАН труды генерал-майора Николая Романовича Овсяного (военного юриста, писателя, профессора Академии Генерального Штаба, члена Императорского русского географического общества): 6 выпусков «Сборника материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг.»¹⁰, 3 тома «Русского управления в Болгарии» и работу «Болгарское ополчение и земское войско».

Приведенный материал взят из протоколов Общего Собрания выборочно, но исключено совсем немного. Это доказывает, что практически каждый случай общения военных учреждений и Академии наук представляет научный интерес.

По отправленным в Академию изданиям можно судить о направлениях научных исследований, которые велись Главным Штабом в 1900—1916 гг.: составление карты Российской Империи, маршрутная съемка Северной Кореи, японская армия (ее строевой устав, вооружение, снаряжение, инженерная деятельность, словари), китайская армия (отдельные провинции, словари), изучение Азии, вооруженные силы иностранных государств (Германии, Австро-Венгрии, Британской Империи, Швеции, Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Италии, Франции, Румынии, Греции, Британских колоний, Турции), управление и состояние дел в южнославянских странах (Болгарии, Сербии), изучение Восточной Бухары, Дарваза и Рушана, опыт ведения войны с Японией.

Следует отметить, что уважение и доверие к Академии наук и ее Библиотеке были столь велики, что Главный Штаб, не смущаясь, посылал в Академию для хранения самые секретные материалы.

Например:

- «Современное состояние китайских вооруженных сил в Печили» (секретно) (1905 г., § 77);
- отчет генерал-адъютанта Куропаткина о минувшей войне с Японией («отчет не может служить материалом для литературных статей или поводом для опровержений и полемики в печати» и должен храниться как секретный документ) (1907 г., § 104);
- 3 экземпляра секретного предварительного отчета полковника барона Маннергейма о поездке, предпринятой, по Высочайшему повелению, через Китайский Туркестан и северные провинции Китая в Пекин (1909 г., § 117);
- 1900—1901. Военные действия в Китае / сост. ген.-майор Овсяный. Ч. 2, 3. СПб. 1910 (доверительно, в двух экземплярах) (1910 г., § 125);
- 1 экземпляр изданной Отделом генерал-квартирмейстера «секретной» книги «Крепости Восточного фронта Германии» (1914 г., § 129).

Одновременно с военно-разведывательным направлением развивались военно-статистическое (отчеты), научно-библиографическое (каталоги Военно-ученого архива Главного Штаба), научно-исследовательское (сборники Главного управления Генерального Штаба), военно-историческое и книговедческое направления деятельности военных учреждений.

Военно-историческое направление представлено многотомным исследованием «Отечественная война 1812 года», «Историческими очерками столетия Военного министерства», «Шведская война 1808—1809 гг. (с приложением карт и планов)», «История лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка».

¹⁰ Этот труд вошел в сборник «Ближний Восток и славянство» (СПб., 1913) и был удостоен золотой медали Академии наук.

Книговедческое направление представлено трудом полковника Ивана Давыдовича Орлова «Заметки о некоторых гравированных портретах. Дополнение к подробному словарю Ровинского» (1912 г., § 139). (Издание передано в I Отделение БАН).

Академия наук охотно откликнулась на обращения военных учреждений и предоставляла им каталоги своих академических изданий с тем, чтобы военные отмечали в них те издания, которые их могут интересовать. Затем отмеченные издания посылались военным учреждениям. Такие посылки были как разовыми, так и регулярными (если отмечены были периодические или продолжающиеся издания)¹¹. Издания по каталогам посылались из Книжного склада (сейчас Бронированный фонд РАН)¹². Дублетов¹³ Академия наук не посылала, так как БАН их не имела.

Случаи посылки материалов из БАН отмечены лишь тогда, когда требовалось что-либо важное на время. Так, в 1907 г. (§ 226) лейб-гвардии Измайловский полк запросил для печатания при посредстве Военно-Топографического Управления Главного Штаба «Атласа Российского» 20 медных досок к изданному Академией в 1745 году «Атласу Российскому», которые хранились во II Отделении Библиотеки вместе с другими досками гравюр, издававшихся Академией. Общее Собрание разрешило, и доски были переданы по назначению. Условием стало обещание прислать для Библиотеки 1 экземпляр нового издания Атласа. В 1908 г. (§ 66) лейб-гвардии Измайловский полк с благодарностью вернул доски и прислал 20 оттисков с них.

Сотрудничество военных учреждений и Академии наук на этом не заканчивалось. Им приходилось вместе участвовать в обсуждении и выработке правил пересылки почтой рукописных материалов в рамках обмена между учреждениями разных стран. Вопрос впервые был поставлен в январе 1910 г. на Римском историческом конгрессе, затем Академия наук созвала для его обсуждения специальную комиссию, куда были приглашены представители Министерства Императорского Двора, Министерства иностранных дел, Морского министерства, Священного Синода, Главного Штаба и Главного управления почт и телеграфов и четыре академика. Был обсужден проект правил и решено его представить для голосования на ближайшем Общем Собрании Международной ассоциации академий наук в Лондоне.

К сожалению, первая мировая война помешала дальнейшему развитию сотрудничества Академии наук и военных учреждений, а последовавшая за войной революция полностью изменила характер их отношений.

1916 г. стал последним годом активного общения военных учреждений с Академией наук. В этот год Академия наук приняла на сохранение деньги и дела «Всероссийского Союза деятелей по увековечению памяти героев войны и устройству приютов-школ для сирот воинов», ликвидировавшего свои дела вследствие закрытия и передавшего, согласно уставу, все оставшееся имущество Академии. Деньги решено было передать в I Отделение Библиотеки

¹¹ Библиотека Николаевской академии Генерального Штаба. — Общее Собрание... от 7 декабря 1902 г. Протокол № 9. § 228.

¹² Посылки были разовыми по конкретному запросу или регулярными (по направлениям). Примером разового запроса может служить запрос Военно-статистического отдела Генерального Штаба на издание Шренка «Амурский Край. Иногородцы», 1899. — Общее Собрание... от 1 ноября 1903 г. Протокол № 8. § 192.

¹³ Такие запросы иногда поступали от чинов, которые приступали к формированию библиотек при вновь образуемых учреждениях (например, Интендантский курс при Николаевской академии Генерального Штаба). — Общее Собрание... от 4 ноября 1900 г. Протокол № 8. § 189.

для Архива Войны. Кроме того, в сентябре-октябре отмечались частые случаи обращений с запросами на научные издания, особенно на издания Отделения Русского языка и Словесности, поступающие из Действующей Армии, а также просьбы о высылке научных изданий (преимущественно лингвистического и исторического содержания), касающихся Кавказа, Персии и Турции.

Это был последний «шквал» запросов: в 1917 г. военные учреждения уже не поддерживали прежних отношений с Академией наук.

В 1918 г. Николаевская инженерная академия обратилась к Академии наук с просьбой об охране (спасении) академических архива и библиотеки¹⁴.

Несколько раз свое внимание на Академию наук обратила и новая власть. В 1919 г. ее интересовала возможность забрать у Академии наук библиотеку бывшего лейб-гвардии Семеновского полка¹⁵. В 1920 г. Академия наук выдавала академические издания по запросу Восточного отдела Библиотеки Академии Генерального Штаба¹⁶. В 1921 г. по требованию Петроградского отделения Главархива Академия наук согласилась передать хранившийся в Академии архив бывшего лейб-гвардии Семеновского полка¹⁷ для приобщения к фондам военной секции Единого Государственного Архивного Фонда. В 1924 г. Ленинградской военно-политической школе им. Энгельса, которая была подшефной у Академии наук, были предоставлены экспонаты для выставки¹⁸.

Больше никаких контактов у военных учреждений новой власти с Академией наук в первой четверти XX в. не было.

Изложенный материал показывает, что проблема взаимоотношений военных учреждений и Библиотеки Академии наук является многогранной, интересной, однако, к сожалению, практически не изученной, что открывает в будущем возможности для научного сотрудничества академических и военных исследовательских коллективов.

¹⁴ Общее Собрание... от 26 (15) июня 1918 г. Протокол № 10. § 157. С. 113—114; то же... от 14 (1) сентября 1918 г. Протокол № 11. § 208. С. 138.

¹⁵ На это Академия возразила, что у нее хранится переданная ей навсегда только библиотека Офицерского собрания данного полка, поэтому она не может ее выдать. — Общее Собрание... от 18 января 1919 г. Протокол № 1. § 15. С. 6; Общее Собрание... от 4 октября 1919 г. Протокол № 9. § 200.

¹⁶ Общее Собрание... от 6 марта 1920 г. Протокол № 3. § 44. С. 19.

¹⁷ Общее Собрание... от 25 июня 1921 г. Протокол № 6. § 101. С. 42.

¹⁸ Общее Собрание... от 5 мая 1924 г. Протокол № 5. § 107. С. 22.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ПО СОХРАНЕНИЮ ЛИЧНЫХ АРХИВОВ И БИБЛИОТЕК В ХОДЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Н. В. Колпакова, Н. М. Баженова

Сохранение личных архивов и библиотек с момента основания БАН по праву считается для нее одним из приоритетных направлений, поскольку сюда постоянно поступали книжные собрания и архивы известных ученых и коллекционеров. В XX в. эта деятельность значительно активизировалась. БАН быстро и энергично реагировала на возможность приобретения библиотек и личных архивов деятелей отечественной истории и культуры (одним из ярких примеров могут служить меры, которые она приняла для приобретения рукописей из коллекции Ф. М. Плюшкина²). Она занимала энергичную позицию в деле спасения архивных документов, существование которых, в силу разных обстоятельств, оказывалось под угрозой. Так, в 1912 г. был принят целый ряд мер, чтобы все хранившиеся в местных судебных архивах России дела о сектантах, по истечении давности (10 лет), передавались в Рукописное отделение³ (до этого они — после использования в ходе судебных разбирательств в качестве вещественных доказательств — уничтожались в судебном и полицейском ведомствах). С марта по октябрь 1914 г. длились хлопоты о передаче из Департамента полиции рукописей и печатных материалов о религиозно-общественном движении в России 1890-х годов, изъятых в феврале 1914 г. при обыске у отставного гвардии штаб-ротмистра В. Г. Черткова⁴.

Независимая политическая позиция БАН в деле сохранения библиотек и архивов высоко ценилась владельцами частных собраний, и они часто сами обращались в Библиотеку с просьбой спасти их коллекции. Примером может служить обращение И. М. Трегубова из Москвы, который просил Академию принять меры к получению из Департамента полиции всех его книг, брошюр, вырезок из журналов и газет, фотоснимков, рукописей, писем и других материалов, отобранных у него в 1895—1897 гг. Воронежским жандармским управлением во время обысков в Воронежской губернии и в марте 1916 г. в Москве — Московским жандармским

¹ Статья подготовлена в рамках программы «Научное наследие РАН»

² Протокол (№ 7) Общего собрания Императорской Академии наук от 4 октября 1914 г. § 179. С. 145.

³ Протокол ОС № 5 от 5 мая 1912 г. § 94. С. [54—55]; Протокол ОС № 7 от 15 сентября 1912 г. § 130. С. [77—78]; Протокол ОС № 10 от 1 декабря 1912 г. § 201. С. [122—123].

⁴ Протокол ОС № 4 от 29 марта 1914 г. § 103. С. 88; Протокол ОС № 7 от 4 октября 1914 г. § 178. С. 145.

управлением. Со своей стороны, он просил Департамент полиции передать его материалы в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук на вечное хранение⁵.

Постоянная работа по сохранению национального книжного наследия продолжалась Библиотекой и во время войны. Так, в октябре 1914 г. церковный совет евангелическо-лютеранской церкви Св. Екатерины постановил передать БАН книги и рукописи XVIII в., обнаруженные К. Г. Залеманом при ревизии церкви⁶. В апреле 1915 г. в Рукописное отделение Библиотеки переданы служебные и личные бумаги сенатора М. В. Поленова и его родственников Н. И. Ламанского и П. Устинова⁷. В августе 1915 г. Е. С. Корш пожертвовала I Отделению Библиотеки книжное собрание своего покойного супруга академика Ф. Е. Корша, которое из-за войны Академия наук просила Московский университет временно хранить у себя⁸.

1916 год был еще богаче на события. В феврале баронесса М. Д. Врангель предложила в дар Академии собрания ее покойного младшего сына знаменитого эрудита и коллекционера Н. Н. Врангеля; вопросом передачи занимался директор I Отделения Библиотеки академик А. А. Шахматов⁹. В марте потомками члена-корреспондента А. А. Скальковского и его сына А. А. Скальковского в Академию переданы в дар их архивы, а также подлинные документы по истории Запорожской Сечи¹⁰; историко-научная часть архива поступила в БАН, а литературная и семейная переписка — в Пушкинский Дом¹¹. В апреле из Архива Морского министерства в Академию наук поступили 548 документов (переданы в Архив Академии) и 6 брошюр из собрания почетного члена Академии наук И. Ф. Крузенштерна (направлены в I и II Отделения Библиотеки)¹²; В. П. Науменко подарил Библиотеке цензурный экземпляр труда Н. В. Гоголя «Объяснение Божественной литургии» и несколько старопечатных изданий, которые поступили в Рукописное отделение¹³; по представлению академика К. Г. Залемана, для Библиотеки был куплен экземпляр монгольского перевода буддийского сборника «Данджур», которого на то время полностью не было ни в одной библиотеке Европы (только библиотека Петроградского университета имела несколько томов этого издания, представляющего исключительную ценность для изучения буддизма)¹⁴. В мае Е. Н. Никитина, вдова покойного вице-президента Академии наук П. В. Никитина, передала Академии его библиотеку, рукописи из которой были направлены во II Отделение Библиотеки¹⁵.

Подобных примеров в деятельности Библиотеки множество, но особое внимание БАН уделило сохранению литературного, культурного и общественного наследия, оставшегося после кончины Августейшего Президента Академии наук Великого князя Константина Константиновича (1858—1915). В частности, Рукописное отделение БАН вело длившуюся не один год работу по собиранию воедино его мемориального и литературного наследия, часть которого была

⁵ Протокол ОС № 8 от 5 сентября 1916 г. § 181. С. 137.

⁶ Протокол ОС № 8 от 1 ноября 1914 г. § 194. С. 151—152.

⁷ Протокол ОС № 5 от 2 мая 1915 г. § 82. С. 73—74.

⁸ Протокол ОС № 9 от 5 октября 1915 г. § 176. С. 137.

⁹ Протокол ОС № 2 от 5 февраля 1916 г. § 40. С. 33.

¹⁰ Протокол ОС № 4 от 2 апреля 1916 г. § 84. С. 60—61.

¹¹ Там же. § 85. С. 61.

¹² Там же. § 86. С. 61—62.

¹³ Там же. § 88. С. 62.

¹⁴ Там же. § 89. С. 62—63.

¹⁵ Протокол ОС № 8 от 5 сентября 1916 г. § 178—179. С. 136.

завещана Великим князем Академии наук¹⁶. Эта часть включала: 1) собранные Константином Константиновичем автографы Императрицы Екатерины II, а также А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. Н. Майкова, Ф. И. Тютчева и других русских писателей; 2) альбом Ю. Н. Бартенева; 3) переписку К. Р. с Я. К. Гротом, А. А. Шеншиным (Фетом), А. Н. и Л. Н. Майковыми, Я. П. Полонским, Н. Н. Страховым, П. И. Чайковским, А. Ф. Кони, академиками, учеными и писателями; 4) материалы, касающиеся перевода и представления «Трагедии о Гамлете, принце Датском»; 5) все рукописи стихотворений К. Р., его литературных и критических трудов; 6) пакеты с бумагами, касающимися Академии наук; 7) дневник К. Р.; 8) перстень А. С. Пушкина; 9) перо А. А. Фета и 2 картины кисти Я. П. Полонского¹⁷.

Согласно завещанию, Высочайше утвержденному 5 октября 1915 г., документы исторические, литературные и имеющие отношение к Академии наук должны были поступить в Рукописное отделение Библиотеки. Однако на вечном хранении в Рукописном отделении должен был остаться только дневник¹⁸ Константина Константиновича, а все остальное после создания Пушкинского Дома предстояло передать туда, в отдел имени Л. Н. Майкова.

В ноябре 1915 г. Общее собрание Академии приняло решение завещанные материалы хранить в Архиве Конференции¹⁹, однако 9 января 1916 г. переписка Константина Константиновича с Вице-президентом Л. Н. Майковым была отправлена в Архив Конференции, а остальное — в Рукописное отделение Библиотеки²⁰.

В начале января 1916 г. вещи, которые после смерти К. Р. были привезены в Москву из варшавских дворцов, в упакованном виде были перевезены в дворцовые помещения²¹. В августе 1916 г. холстяной бювар с рукописями был передан в Рукописное отделение под расписку В. И. Срезневского²².

Однако с наследством К. Р. не все обстояло так гладко. Из-за обстоятельств военного времени трудности образовались как раз с той его частью, которая по воле завещателя предназначалась для вечного хранения именно в Библиотеке, — с дневником К. Р.

В ноябре 1915 г. Академия получила известие о том, что предпоследняя книжка дневника К. Р., которую он писал во время пребывания в Германии летом 1914 г., осталась вместе с остальным багажом на станции Гумбинен, когда он возвращался в Россию уже после объявления войны. В Павловске К. Р. начал новую книжку дневника, которая и была препровождена в Академию как 66-я книга²³. Однако Академия не смирилась с потерей, а обратилась к Министру иностранных дел с просьбой помочь разыскать утраченную в Германии книжку дневника²⁴.

¹⁶ Письменное сообщение о завещании поступило от исполняющего должность управляющего Двором покойного Великого князя 5 ноября 1915 г. — См.: Протокол ОС № 10 от 7 ноября 1915 г. § 195. С. 146—147. Приложение к § 195. С. 155—156.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Дневник предстояло хранить неприкосновенно, никому не предоставляя права его читать в течение 90 лет со дня кончины автора. — Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Общее собрание... от 9 января 1916 г. Протокол № 1. § 16. С. 6

²¹ Там же. § 3. С. 2.

²² Протокол ОС № 8 от 5 сентября 1916 г. § 177. С. 136.

²³ Протокол ОС № 11 от 28 ноября 1915 г. § 224. С. 162.

²⁴ Там же.

Министерство иностранных дел через Императорскую миссию в Копенгагене обратилось в испанское посольство в Берлине и с его помощью получило копию ноты германского Министерства иностранных дел, в котором сообщалось, что данная тетрадь вместе с багажом К. Р., вероятно, находится в архиве 1-го германского армейского корпуса и во время войны выдана быть не может²⁵.

Война, внося свои коррективы в деятельность БАН по сохранению отечественных книжных и рукописных собраний, изменила как перечень принимаемых мер, так и сроки их исполнения.

С первых дней войны перед Библиотекой встала задача принятия экстренных мер по возвращению (фактически по спасению для России) материалов, отправленных весной 1914 г. в Лейпциг²⁶ на Международную выставку книгопечатания и графических искусств²⁷. Уже 13 августа 1914 г. стало известно, что из-за войны с Германией на выставке закрыт Русский отдел. Его Генеральный комиссар А. В. Бельгард через председателя Выставочного комитета д-ра Фолькмана передал русские экспонаты в упакованном виде для сохранения в Музей книги Лейпцига на попечение директора музея д-ра Шрама²⁸. Переписка о возвращении экспонатов длилась несколько лет²⁹.

29 ноября 1914 г. Академия наук образовала Комиссию по охране и спасению памятников древности, науки и техники, коллекций и учреждений в местностях, где ведутся военные действия (западный и кавказский фронты). В Комиссию (9 членов) вошли директора I и II Отделений Библиотеки академики М. А. Дьяконов и А. А. Шахматов³⁰. 20 декабря 1914 г. Академия наук приняла Инструкцию об охране исторических памятников и научных коллекций в районе военных действий для уполномоченного Академией лица. Уполномоченным по данному вопросу избран действительный статский советник, в то время магистр русской истории, Евгений Францевич Шмурло³¹.

Инструкция серьезно обсуждалась. Академик А. И. Соболевский предлагал немедленно вывезти наиболее ценные рукописи и старопечатные книги из библиотек Львова, академик А. А. Марков — вообще воздержаться от принятия каких-либо мер по охране памятников в районе военных действий (польза сомнительна, а расходы и нарекания обеспечены). В итоге действия уполномоченного были ограничены рядом условий: все памятники охраняются на местах, вывоз их в безопасное место разрешается лишь на время и только с одобрения соответствующих властей.

Этот официальный путь был, разумеется, удобен, потому что Академия наук действовала с разрешения всех инстанций, но, с учетом скорости развития военных событий, он был несоизмеримо долгим. Так, государственное финансирование (6 000 руб. в качестве чрезвычайного

²⁵ Протокол ОС № 10 от 8 октября 1916 г. § 205. С. 153—154.

²⁶ Протокол ОС № 5 от 5 мая 1914 г. § 128. С. 106.

²⁷ Туда же в командировки отправились директор II Отделения Библиотеки академик К. Г. Залеман и заведующий Книжным складом И. А. Кубасов. — Там же. § 140, 144. С. 109—110.

²⁸ Протокол ОС № 6 от 15 сентября 1914 г. § 162. С. 135—136.

²⁹ Протокол ОС № 11 от 14 (1) сентября 1918 г. § 201. С. 136.

³⁰ Протокол ОС № 9 от 29 ноября 1914 г. § 208. С. 158.

³¹ Естественно, что одного человека для такой цели было мало — война разгоралась в нескольких разных регионах страны. Поэтому со временем кроме уполномоченного на западном участке фронта (Е. Ф. Шмурло), Академия назначила академика Ф. И. Успенского уполномоченным на турецком фронте. — См.: Протокол ОС № 3 от 7 марта 1915 г. § 57. С. 34.

сверхсметного кредита) на академические охранные мероприятия было утверждено лишь в конце апреля 1915 г.³², что заставило Академию искать собственные дополнительные средства. Первые деньги Академия пыталась взять из остатков академического премиального капитала имени тайного советника М. Н. Ахматова³³ (премия в 1914 г. не выдавалась), затем из капитала имени профессора А. А. Котляревского³⁴, однако на это требовалась длительная и кропотливая официальная переписка.

Экспедиция Е. Ф. Шмурло в район военных действий началась с поездки в Галичину и Западную Польшу (первая поездка закончилась в начале февраля 1915 г.)³⁵. Там ситуация с памятниками была настолько отчаянной, что в 1915 г. управляющий Министерством народного просвещения и Польское общество охраны древностей Варшавы сами обратились в Академию с просьбой о спасении древних польских произведений искусства и культуры от неминуемой гибели. Обсуждение возможной помощи стало поводом для экстраординарного заседания Общего собрания³⁶.

В июле 1916 г. председатель Правления Варшавского общества охранения древностей (Санкт-Петербург, ул. Кировная, д. 34, кв. 73) сообщил Академии, что в связи с последними военными событиями многие памятники польской старины в районе военных действий «вновь подверглись гибели, другим же угрожает порча и уничтожение». В обращении была высказана просьба организовать при штабах главнокомандующих армиями, в первую очередь на юго-западном фронте, постоянные комиссии из уполномоченных Академии наук, Археографической комиссии и представителей академических отделений, а до их формирования (в виду крайней спешности дела) вновь командировать в Галицию уполномоченного Академии наук (по примеру Е. Ф. Шмурло)³⁷.

В декабре 1916 г. кружок Варшавского общества охранения древностей прислал еще 3 списка «коллекций старины, пропавших во время текущей войны», и просил помочь в их розыске³⁸.

Не менее тревожным было положение и с еврейскими памятниками (рукописными и старопечатными книгами, историческими документами) на территории Ковенской и Курляндской губерний, что побудило комитет Еврейского историко-этнографического общества не только обратиться к Академии с просьбой об их спасении³⁹, но и просить включить отдельным пунктом в Инструкцию по охране памятников специальные указания относительно памятников еврейской старины⁴⁰.

Постепенно возникало понимание, что такие меры как перенесение памятников поблизости от театра военных действий (например, из Западной Польши в Варшаву) могут оказаться недостаточными⁴¹. В таком случае Академии предлагалось самой избрать безопасное место⁴².

³² Протокол ОС № 5 от 2 мая 1915 г. § 77. С. 72.

³³ Протокол ОС № 9 от 29 ноября 1914 г. § 208. С. 158.

³⁴ Протокол ОС № 10 от 20 декабря 1914 г. § 222. С. 165.

³⁵ Протокол ОС № 2 от 7 февраля 1915 г. § 27. С. 18.

³⁶ Протокол Экстраординарного заседания Общего собрания от 25 февраля 1915 г. § 43. С. 26—27.

³⁷ Протокол ОС № 8 от 5 сентября 1916 г. § 175. С. 134—135.

³⁸ Протокол ОС № 13 от 5 декабря 1916 г. § 288. С. 196.

³⁹ Протокол Экстраординарного заседания Общего собрания от 9 июня 1915 г. § 108. С. 102.

⁴⁰ Протокол ОС № 1 от 14 января 1917 г. § 11. С. 5.

⁴¹ Протокол Экстраординарного заседания Общего собрания от 25 февраля 1915 г. § 43. С. 27.

⁴² Там же.

Однако такая мера как эвакуация исторических и культурных ценностей требовала всяческих согласований, а это было очень сложно и требовало дополнительного времени. Так, например, в 1915 г. разрешение Штаба Верховного главнокомандующего на пребывание Е. Ф. Шмурло в районе театра войны с целью охраны и вывоза исторических и научных ценностей «из местностей, угрожаемых боевыми действиями», было получено уже в октябре, а согласование с уполномоченными армии по эвакуации на трех фронтах получить было невозможно, поскольку на тот момент уполномоченные еще не были назначены⁴³.

На Кавказском фронте для спасения памятников восточной культуры Академия наук пригласила на летние месяцы 1916 г. в качестве дополнительного⁴⁴ сотрудника приват-доцента Петроградского университета П. А. Фалева, а средствами распорядился академик Н. Я. Марр. Разрешение на поездку П. А. Фалева в районы Турции, занятые русскими войсками, дал помощник наместника на Кавказе генерал Янушкевич, который допустил его в направлении Муш-Битлис для регистрации мусульманских, в частности турецких, рукописей и вообще тюркологических материалов⁴⁵.

Для охраны «исторических памятников, научных коллекций, святынь, книг, рукописей и пр.», находящихся в районе западного театра военных действий (в пределах завоеванных областей Австро-Венгрии, Подолии и Вольни), Академия наук сформировала смешанную комиссию, в которую вошли представители Академии наук, Академии художеств, российские военные и представители польской стороны⁴⁶. Соответственно, были отправлены военному командованию и Министерству народного просвещения запросы на разрешение экспедиции. В ноябре 1916 г. было получено разрешение из Штаба Верховного главнокомандующего, но в начале декабря потребовалось еще приказание Ставки⁴⁷. Министр народного просвещения В. Т. Шевяков, который горячо разделял позицию Академии в отношении «охраны памятников древности и искусства в районах западного театра военных действий», в конце 1916 г. выделил на экспедицию из сумм Министерства 2 000 руб. и обещал еще 4 000 руб.⁴⁸

Постепенно экспедиция стала приносить свои плоды; от нее начали поступать материалы, передаваемые Академии в дар различными учеными из района военных действий. Так, 3 февраля 1917 г. поступили 20 брошюр от румынского ученого протоиерея Дмитрия Дана⁴⁹. Однако буквально через месяц революционный вихрь опрокинул все прежние намерения, и жизнь потекла по новому руслу. России предстояло заново осмыслить не только деятельность по сохранению научного и культурного наследия, но и научное и культурное наследие в целом, а также выработать новое отношение к самой Академии наук.

⁴³ Протокол ОС № 10 от 7 ноября 1915 г. § 196. С. 147.

⁴⁴ Постоянно там работал командированный Академией наук старший хранитель Археологического отдела Кавказского музея Тер-Аветисян.

⁴⁵ Протокол ОС № 5 от 9 мая 1916 г. § 117. С. 81.

⁴⁶ Состав комиссии установлен по тексту письма в Академию наук вр. и. о. начальника штаба Верховного главнокомандующего от 28 ноября 1916 г. (№ 20606): статский советник казначей Академии и академик архитектуры П. П. Покрышкин, инженер Леонтович, художник-живописец Хотулев, уполномоченный от кружка Варшавского общества охраны древностей граф Грохольский, прапорщик С. А. Боравский, ученик Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств Удаленков. — См.: Протокол ОС № 13 от 5 декабря 1916 г. § 286. С. 194—195.

⁴⁷ Там же. § 292. С. 197.

⁴⁸ Протокол ОС № 1 от 14 января 1917 г. § 5. С. 2—3.

⁴⁹ Протокол ОС № 2 от 4 февраля 1917 г. § 59. С. 48.

ИЗ ИСТОРИИ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В 1914—1922 гг.

В. П. Кудрявцева

Первая мировая и гражданская войны, а также Октябрьская революция стали тяжелым испытанием для России. Все эти годы Академия наук и ее Библиотека не прекращали своей деятельности: делали все возможное для спасения книжных коллекций, культурных ценностей и помощи раненым воинам.

Осенью 1914 г. неудачно завершилась для России Первая мировая война, а в апреле-августе 1915 г. произошло «Великое отступление» на германском фронте... Защитникам Отечества необходима была квалифицированная медицинская помощь. В северной столице размещались основные гражданские лечебно-санитарные учреждения Российской империи. Они состояли в ведении Медицинского департамента Министерства внутренних дел. Однако в России практически не было создано эффективного самостоятельного полноценного центрального органа управления. Во время войны император назначил принца А. П. Ольденбургского «верховным начальником санитарной и эвакуационной части»¹. В августе-сентябре 1914 г. при поддержке городских и общественных организаций, различных учреждений и частных лиц в России возникло множество стационаров для лечения раненых и больных воинов. «При поддержке императрицы Александры Федоровны открывались многочисленные военные госпитали»² и санитарные поезда перевозили раненых в тыл. В 1914 г. в Петрограде залы Нового Эрмитажа приспособили под склад для пожертвований и мастерские для изготовления вещей для воинов. Склады-мастерские были открыты и в Главном управлении Российского общества Красного Креста. Под лазареты отводились помещения в императорских и великокняжеских дворцах, в Александроневской лавре и Иоанновском монастыре, в Министерстве финансов и в Николаевской военной академии, в Императорской Академии наук и других организациях.

Устроенный в 1914 г. в Академии наук лазарет для раненных воинов нижних чинов состоял в ведении Российского общества Красного Креста и был записан под № 185 во имя Великого Князя Константина Константиновича. После смерти августейшего президента лазарет с высочайшего соизволения 19 июля 1915 г. приняла под свое покровительство великая княгиня Елисавета Маврикиевна.

¹ Будко А. А. История медицины Санкт-Петербурга XIX — начала XX в. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 23.

² Иванова Н. М. Война и милосердие // Первая мировая война. История и психология: Материалы Российской научной конференции 29—30 ноября 1999 г. / под ред. В. И. Старцева [и др.]. СПб.: Нестор, 1999. С. 113.

Больничные помещения организовали в разных зданиях «Академии: Большой конференц-зал, две аванзалы, часть Антропологического отделения Музея Антропологии и Этнографии, проходная комната в Славянском Отделении Библиотеки, библиотека Сейсмической Комиссии, приемная комната врача, две служительские квартиры, одна квартира из числа занимавшихся чиновниками Канцелярии Правления. Устроены и оборудованы: палата, перевязочная комната, ванная... кухня, комнаты для сестер, дежурная комната для медицинского персонала»³. В 1916 г. Библиотека предоставила помещения для раненых воинов на втором этаже нового здания, построенного по проекту архитектора академика Р. Р. Марфельда в 1914 г. Он также содействовал в устройстве церкви в переходной комнате, рядом с больничной палатой. Возможно, во всех помещениях учреждений Академии, где размещался Лазарет, были иконостасы. Божественную литургию, молебны и панихиды для раненых совершал священник А. А. Дубровский.

6 сентября 1914 г. в частном собрании членов Конференции Академии было решено учредить для заведывания Лазаретом особый Комитет. Председателем был избран академик П. В. Никитин, секретарем — А. Д. Руднев, его заменяли или В. Л. Бианки, или Э. К. Печкарский.

Приобретением оборудования для Лазарета занимался академик Н. А. Котляревский. Устройство больничных палат проходило при участии старшего врача доктора А. Р. Войнич-Саноженцкого и старшей сестры М. С. Боткиной. На медицинское оборудование, мебель, электрическое освещение и фeroфоны, аптечные и перевязочные средства, стерилизатор, белье и т. д. было потрачено 6040 рублей. В перевязочной комнате повесили 2 умывальника. В окнах установили электрические вентиляторы.

16 октября 1914 г. из эвакуационного распределительного пункта привезли на автомобилях первых раненых. Лазарет с 50 койками содержался на пожертвования и добровольные отчисления сотрудников Библиотеки и Академических учреждений. В больничных помещениях проводились ежедневные дежурства членов Комитета. Медицинский персонал состоял из: старшего врача А. Р. Войнич-Саноженцкого, врачей В. Г. Бандалиной и Е. К. Никифоровой; терапевта В. М. Бородулина, стоматолога А. А. Пацановской; старшей сестры М. С. Боткиной, сестер В. Г. Бернштам, В. С. Пергамент, О. И. Шауфельбергер, П. О. Рябовой, массажисток М. З. Амантовой и Е. Н. Сунгуровой и сестер-волонтерок Т. Ф. Голубиной, Т. П. Книпович, К. С. Ляпуновой и других сотрудников. Для консультаций приглашались врачи-специалисты. В Лазарете было проведено около 100 операций. Лекарства для больных закупались со скидкой в Аптеке профессора Пеля. Перевязочный материал поступал из Управления северного района Российского общества Красного Креста. Директор Императорского клинического повивально-гинекологического института профессор Д. О. Отт разрешил медицинским работникам Лазарета пользоваться рентгеновским аппаратом.

Жены и дочери сотрудников академических учреждений вели надзор за кухней, раздачей еды и чая в столовой. Раненых кормили в определенное время: в 8 часов утра и в 3 часа дня они пили чай, в 11¹/₂ часа обедали, с 6¹/₂ — 7 часов ужинали. Высшая норма продовольственного расхода на каждого раненого была установлена 70 копеек в день. В обед и ужин раненые получали по 2 блюда, мясное или рыбное и т. д. К чаю давался белый хлеб и молоко, которое привозилось с Финляндского молочного склада.

³ Лазарет имени Великого Князя Константина Константиновича для раненых воинов, состоящий под покровительством Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Маврикиевны, при Императорской Академии Наук. Предварительный отчет (с основания Лазарета по 1 сентября 1915 года). Пг., 1915. С. 1.

Кроме того, академическими дамами было создано благотворительное общество, которое с Академическим комитетом заботилось о содержании и размещении в городе близких родственников раненых воинов, организовало показ кинематографа с музыкальным сопровождением, концерты, пасхальные и новогодние празднования с раздачей подарков и литературные чтения для раненых. Библиотекой лазарета заведовала Н. А. Шахматова. Книги поступали от обер-прокурора Святейшего Синода В. К. Саблера, академика К. Г. Залемана, начальника Военной типографии П. Ф. Заусцинского и других лиц. Бесплатно высылались газеты из городских типографий. В 1914 г. в Кунсткамере при Рукописном отделении Библиотеки образовался «Архив войны». «В печатном объявлении об этом учреждениях и лицам предлагалось доставлять в «Архив войны» письма, карикатуры, лубочные картинки, открытки и т. п.»⁴.

После выписки из Лазарета воины получали от благотворительного общества теплые вещи, продукты (чай, сахар, сладости), деньги и другие необходимые в дороге предметы. В 1917 г. в России произошла Октябрьская революция. В 1918 г. Лазарет № 185 был ликвидирован. Однако здание Библиотеке не вернули. В помещениях разместился 166 сводный эвакуационный госпиталь для раненых красноармейцев и сто человек медицинского персонала. Церковь на втором этаже разобрали и «ее оборудование перешло к общине при университетском храме и было использовано для церкви Всех русских святых, открытой позже на Биржевой линии, 8, в квартире академика И. И. Срезневского. Прихожане создали просуществовавшую пять лет церковь Всех русских святых»⁵. В 1924 г. иконостас домового храма поступил в фонды Музея оживающего культа (с 1932 г. — Музей истории религии).

В 1917—1922 гг. Библиотека не прекращала свою деятельность и делала все возможное для спасения книжных коллекций. Первая мировая война нанесла «сильный удар комплектованию II Отделения... Всякое сношение с фирмой Фосса прекратилось. Чтобы возместить образовавшийся провал, Библиотека обращается к книготорговцам стран союзников или нейтральных стран. Поступление книг и периодических изданий сократилось. Более 400 учреждений прекратили обмен»⁶. Академики делали все возможное для спасения книжных собраний разных учреждений и частных лиц. В 1914 г. в Академии наук создали Комиссию по вопросу об охране исторических памятников и научных коллекций в районах военных действий⁷ в Галиции, Буковине, Польше и Западной Украине. В 1915 г. в Академии прошло Совещание по вопросу о русских научных интересах в Палестине⁸, Сирии, Финикии и Синайском полуострове в связи с войной с Турцией. В 1915—1917 гг. Библиотека старалась приобретать все, что встречалось нужное и ценное в России. Через книжный магазин П. И. Киммеля в Риге были куплены издания XVIII в. и первой половины XIX в. из известных в свое время общественных библиотек А. Ф. Смирдина и П. И. Крашенинникова, а через магазин А. Мельникова

⁴ История Библиотеки Академии наук СССР: 1714—1964 / С. П. Луппов, А. М. Копанев, М. В. Кукушкина [и др.]; отв. ред. М. С. Филиппов. М.; Л.: Наука, 1964. С. 295.

⁵ Домовая университетская церковь Св. Апостолов Петра и Павла // Тихонов И. Л. Музей истории Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2005. С. 50.

⁶ История... С. 283.

⁷ Протокол Общего собрания. X заседание, 20 декабря 1914 г. № 222 // Летопись Библиотеки Российской Академии наук (по протоколам РАН: 1900—1928). Т. 2 / науч. рук. В. П. Леонов; отв. ред. Н. В. Колпакова [и др.]. СПб.: БАН; Альфарет, 2014. С. 680 (см. далее Протокол ОС).

⁸ Протокол ОС. V заседание, 2 мая 1915 г. С. 706.

в Петрограде — собрание карт и планов. Главный источник пополнения академического библиотечного фонда — пожертвования книг и рукописей. Например, герцогиня Мекленбургская в 1917 г. после Февральской революции передала в дар «замечательное собрание около 800 научных книг»⁹ великой княгини Елены Павловны. Большое значение для Библиотеки имело получение коллекций президента Академии великого князя Константина Константиновича, директора II Отделения К. Г. Залемана и академика А. С. Лаппо-Данилевского, и поступление из Экспертной комиссии около 400 000 изданий разных коллекционеров. Кроме того, в Библиотеку были переданы материалы из Архива Департамента полиции, Охранного отделения и Жандармского губернского управления. Очень активно пополнялся «Архив войны», в который, помимо военных материалов, теперь включались революционные листовки и периодические издания. Был собран полный экземпляр газеты «Известия» за февраль-март. К 1917 г. в Славянском отделе насчитывалось около 112 000 томов, а весь книжный фонд Библиотеки превысил полтора миллиона томов. I Отделение насчитывало около 310 000 томов, II Отделение — менее 100 000 томов. В 1919 г. I и II Отделения объединили под одним руководством. Директором всей Библиотеки стал А. А. Шахматов.

В июле-декабре 1918 г. советское правительство приняло ряд мер по национализации частных библиотек и по охране национализированных книжных фондов. «Библиотека Академии наук, Петроградская Публичная библиотека и Румянцевский музей имели преимущественное право на получение национализированных собраний»¹⁰. В 1919 г. СНК РСФСР принял постановление об использовании «старых бесполезных архивов». В 1920—1921 гг. было уничтожено около 70% документов XVIII в. «5 февраля 1921 года общее собрание Академии наук приняло решение обратиться в Госиздат по вопросу об образовании Комиссии по разборке подлежащих уничтожению церковно-философских и исторических книг... В результате такого вмешательства удалось спасти от разграбления ценности из русских монастырей и церквей»¹¹.

В 1920 г., 3 ноября, был издан декрет СНК «О централизации библиотечного дела», составленный Н. К. Крупской. Он стал первым законодательным актом, определившим конкретные мероприятия по библиотечному строительству в Советском союзе. Все библиотеки Наркомпроса и других ведомств включили в единую библиотечную сеть РСФСР.

В течение нескольких лет Академия наук пыталась добиться возвращения здания Библиотеки. С увеличением книжных фондов возникали проблемы с их размещением. Помещения в Кунсткамере и в здании Академии наук, на складах и в амбарах были переполнены литературой. В Библиотеке книги укладывались на пол, на подоконники, лежали на читательских столах. Многие ценные издания и рукописные собрания хранились в ящиках и не выдавались читателям. 10 апреля 1919 г. Непременный Секретарь С. Ф. Ольденбург обратился к Секретарю Совета Народных Комиссаров с просьбой принять меры к возвращению «здания Академии, а также к выдаче Академии 200 000 руб. на ремонт этого здания»¹². 20 апреля он попросил содействия в этом деле начальника Эвакуационного Отдела при Петроградском Окружном Военно-Санитарном управлении И. В. Павлова.

⁹ История... С. 286.

¹⁰ Там же. С. 311—312.

¹¹ Чумакова Т. В. Академия наук и сохранение памятников религии и культуры в 1921—1927 гг. // Музей. Общество. Религия: Аспекты взаимодействия. К 70-летию Государственного музея истории религии. Материалы IX Санкт-Петербургских религиозно-научных чтений. СПб., 2002. С. 124—125.

¹² Протокол ОС. III заседание, 8 марта 1919 года. № 92. С. 924—925.

27 апреля И. В. Павлов письменно сообщил: «по докладе им сего дела Начальнику Военно-Окружного Санитарного Управления, сделано распоряжение о подыскании для госпиталя иного помещения, после чего можно будет освободить здание Библиотеки; что касается ремонта и ассигнования на него Академии 200 000 руб., то этот вопрос должен быть разрешен при участии Квартирного Управления, для чего будет образована особая Комиссия, и от Квартирного Управления будет зависеть, будут ли произведены эти работы средствами и распоряжением Квартирного Управления, или Академии наук будут выданы средства на этот ремонт»¹³.

В связи с тем, что вопрос о возвращении здания Библиотеке Академии не был решен, 12 октября Академия передала большую часть помещений во временное пользование Комитету Государственных Сооружений Северного Района. В феврале 1919 г. Комитет вынужден был освободить здание, так как в помещениях предполагалось разместить 763 Сводный Полевой Запасной госпиталь. Непременный Секретарь обратился 26 февраля в Совет Народного Хозяйства Северного Района и 27 февраля послал телеграммы Народному Комиссару по военным делам Троцкому и Председателю Совнаркома Ленину с просьбой о возвращении здания Академии. 25 марта С. Ф. Ольденбург спросил у начальника Окружного Квартирного Управления о том, какие приняты меры Окружным Военно-Санитарным Управлением. 31 марта неременный секретарь обратился к Комиссару по военным делам Позерну и попросил Библиотечный отдел Народного Комиссариата по Просвещению оказать содействие Академии.

В 1921 г. «Начальник Петроградского Районного Эвакуационного Пункта Красной Армии 1 марта с. г. за № 5492 сообщил, что им получено распоряжение о закрытии и выводе из помещения Библиотеки Академии наук расположенного там 763 Сводного Полевого Запасного Госпиталя. Ввиду того, что по выводе госпиталя здание потребует ремонта... с другой же стороны госпиталь в настоящее время крайне необходим... до 1 июля... Эвакопункт обязуется очистить здание»¹⁴. Наконец, в июне 1921 г. по распоряжению В. И. Ленина Библиотеке вернули здание на Биржевой линии. В результате пятилетнего пребывания в нем 166 сводного эвакуационного и 763 сводного полевого запасного госпиталей здание оказалось в запущенном состоянии, потребовалось несколько месяцев для производства самых неотложных ремонтных работ. В новом здании и в 4-х хранилищах было восстановлено паровое отопление и поставлены стеллажи и полки. В 1921 г. сотрудники Библиотеки разместили в новом здании 16 ящиков с книгами и рукописями, эвакуированными в 1917 г. в г. Саратов.

2 декабря на Общем заседании Академии директор Библиотеки Н. К. Никольский доложил: «В течение 40 дней перевезено свыше 1 миллиона томов, весом около 12 000 пудов, что составляет приблизительно половину всей Библиотеки»¹⁵. Перемещение книжных коллекций продолжалось более двух лет: с 12 октября 1922 г. по 6 ноября 1924 г. За это время перевезли фонд книг почти в 2 1/2 миллиона томов. Одновременно производился капитальный ремонт помещений и прерванные войной общестроительные работы. Переезд и размещение книжного собрания в новое здание стали завершающим этапом в налаживании и организации работы Библиотеки, нарушенной военными событиями и экономическими трудностями в стране.

¹³ Там же. С. 925.

¹⁴ Протокол ОС. III заседание, 5 марта 1921 года. № 32. С. 1004.

¹⁵ Протокол ОС. XI заседание, 2 декабря 1922 года. № 210. С. 1061.

Деятельность в 1914—1922 гг. Академии наук проходила в переломное для России время. В начале войны — Императорская, после Октябрьской революции — Российская, а затем и Академия наук СССР. Вместе с Академией наук Библиотека была озабочена состоянием русской культуры, спасением религиозных и культурных ценностей. К сожалению, далеко не все усилия Академии наук по спасению ценных коллекций в те годы были успешны, но благодаря работе академиков и сотрудников Библиотеки и других академических учреждений удалось сохранить многие издания, в настоящее время хранящиеся в фондах Библиотеки Российской Академии наук.

БИБЛИОТЕКА РАН И ИСТОРИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ЭКЗЕМПЛЯРА В РОССИИ В XVIII в.

Н. М. Баженова

Источники комплектования Библиотеки сложились еще при Петре I до появления Академии наук: покупка, приобретение в порядке обмена, поступление в качестве дара, передача изданий из учреждений, а также из частных книжных собраний¹. При этом долгое время иностранная и отечественная литература, поступавшая в Библиотеку, не имела разграничений в способах комплектования. Положение изменилось с появлением Академической типографии (1727) и вслед за ней Книжной палаты (1728), ставшей, помимо Библиотеки, еще одним российским книжным хранилищем. Академия наук получила возможность участвовать в комплектовании Библиотеки своими изданиями, регулируя одновременно уровень насыщения фондов этими изданиями (количество экземпляров одного издания) и денежные отношения с книгопродавцами и комиссионерами.

С этого момента можно наблюдать постепенное разделение способов комплектования фонда иностранными и отечественными изданиями. Книжная лавка, маневренный фонд которой служил для извлечения прибыли (продажи) и для удовлетворения потребностей Академии наук, сосредоточила свои усилия на пополнении фонда Библиотеки зарубежными изданиями, обеспечивая книжно-финансовый эквивалент в ее отношениях с книгопродавцами. Академическая же типография направляла в Библиотеку лишь некоторые виды академических изданий (в основном художественную литературу)². Распоряжения Канцелярии Академии наук о передаче в Библиотеку изданий Академической типографии свидетельствуют о том, что Академия наук с самого начала своей книгоиздательской деятельности заботилась о собирании и сохранении своих печатных трудов³. Тем не менее в конце 1720-х — 1730-е годы поступления в Библиотеку академических изданий еще не были отлажены. К 1746 г. в Библиотеке образовались значительные лакуны отечественных и иностранных изданий, что

¹ История Библиотеки Академии наук СССР: 1714—1964 / авторский коллектив: С. П. Луппов, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, П. В. Соколов, В. Н. Воронов, В. Я. Хватов; отв. ред. М. С. Филиппов. М.: Л., 1964. С. 49.

² Там же. С. 100.

³ Щербакова Т. П. Роль обязательного экземпляра в формировании фонда архивного собрания изданий АН СССР в Библиотеке АН СССР // Всесоюзная конференция «Обязательный экземпляр произведений печати — основа библиотечно-библиографической деятельности», Ленинград, 13—15 марта 1984 г.: тез. докл. / БАН СССР, БЕН СССР, ГПНТБ СО АН СССР, ВКП, ГПНТБ СССР, ГБ СССР им. В. И. Ленина, ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1984. С. 24.

вызывало недовольство ученых Академии наук, которые еще в 1730-е годы в рамках обширного проекта по реорганизации Академии наук предлагали меры по улучшению комплектования и налаживанию книгообмена Библиотеки⁴. Это привело к тому, что 16 мая 1746 г. последовало личное распоряжение президента Академии наук: «Все, что в типографии [Академии наук] печататца ни будет, кроме книг, а именно трагедии, комедии, оперы, речи посольские и прочее тому подобное, то из оных отдавать от корректора Барсова з запискою в расход с расписками на всяком языке по шести для сохранения в библиотеку»⁵.

В новом распоряжении президента от 30 апреля 1747 г. указывается иное количество экземпляров: «В книжной лавке из имеющихся книг, какие есть на российском, французском, немецком, италианском и одним словом сказать на каких бы языках ни были, выбрать бухгалтеру Прейсеру от каждой книги по три экземпляра, ис которых один экземпляр на хорошей бумаге отдасть переплесть в библиотечный переплет, а прочие два экземпляра в простой переплет, и по переплете отдать оные для сохранения в библиотеку, и те книги ему, Прейсеру, записать в расход, а ежели которых книг в книжной лавке не сыщется, а напреж сего были, то оные возможно за деньги ему, Прейсеру, сыскать, дабы в Библиотеке все до одной книги были»⁶. В этом распоряжении речь идет о российских академических изданиях, поскольку регулярно исчерпывающее комплектование несколькими экземплярами иностранных изданий легче было вести не на территории России, а за границей. К тому же на май 1749 г. имеются сведения о выписке через почтамт специального (второго!) экземпляра иностранных газет для чтения академиками на дому. Никаких сведений о выписке нескольких экземпляров других изданий на это время не имеется⁷, тем более что покупка зарубежных изданий по спискам Библиотеки требовала больших временных и денежных затрат. Так, в июле 1749 г. мемельский почтдиректор Конрад, обещая в письме в Академию наук стараться осведомляться «о требуемых императорскою академиею наук печатных сочинениях, можно ли их порядочно получать, по чему каждая книга на месте продается и сколько весовых денег за них надобно», одновременно напоминал о том, что «доставать такие разные книги из дальних земель <...> требует много времени, многой переписки, а притом надобны наличные деньги», почему он и не может «оных сочинений тотчас <...> выписывать»⁸. Из этого следует, что регулярно и исчерпывающе комплектовать Библиотеку несколькими экземплярами иностранных изданий было невозможно. Стало быть, в конце 1740-х гг. Книжная лавка Академии наук была обязана поставлять в Библиотеку три экземпляра отечественных академических изданий, издававшихся на иностранных языках. Наш вывод говорит о том, в России обязательное комплектование Библиотеки несколькими экземплярами изданий впервые началось именно в рамках академического книгоиздания.

Количество в 3 экземпляра все же не было окончательным. Так, в 1749 г. из книжной лавки в Библиотеку переданы 8 годовых комплектов «Ведомостей» (4 на русском и 4 на немецком языке)⁹.

Весной 1750 г. последовало распоряжение Канцелярии Академии наук о выделении обязательных экземпляров изданий Академии Разумовскому, Теплову и Шумахеру,

⁴ Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1886. Т. 2. С. 226—245.

⁵ СПб. ФАРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 842. Л. 103.

⁶ Там же. Л. 155.

⁷ Материалы... 1897. Т. 9. С. 659, 671, 762—763, 768—769.

⁸ Материалы... 1900. Т. 10. С. 59.

⁹ История Библиотеки... С. 102.

«дабы б можно было им видеть и впредь, что пристойно, по их рассуждениям, в печать вновь издавать»¹⁰. Каждому из этих лиц книжная лавка должна была подобрать все академические издания за прежние годы, а в дальнейшем передавать и новые издания, включая и газеты по мере их выхода¹¹. В Библиотеку должно было отправляться два экземпляра, что и стало исполняться с сентября 1750 г.¹²

Таким образом, централизованное руководство комплектованием продемонстрировало свои преимущества, но не стало еще постоянным и обязательным¹³. Библиотека продолжала обращаться в Канцелярию с жалобами то на несоблюдение распоряжения о посылке академических изданий¹⁴, то на получение изданий в разных количествах (от 2 до 25 экз.)¹⁵. В 1751—1757 гг. по рапортам И. К. Тауберта Канцелярия Академии наук неоднократно подтверждала свое распоряжение книжным лавкам в Петербурге и в Москве о подыскании для Библиотеки необходимых ей книг; типографии подтверждалось распоряжение о регулярной передаче в Библиотеку новых изданий; Фигурная палата должна была в соответствии с прежним указанием Канцелярии сделать по 6 оттисков с каждой изготовленной ею, начиная с 1744 г., «грыдоровальной доски»¹⁶. Однако настойчивость Библиотеки не приводила к желаемому результату — полнота комплектования оставляла желать лучшего: в 1752 г. передано 22 названия, в 1753 г. — 5, в 1755 г. — 4, в 1756 г. — 2, в 1757 г. — 50, в 1759 г. — 8, в 1760 г. — 17, в 1761 г. — 34¹⁷. В 1763 г. распоряжением Канцелярии было установлено печатать специально для Библиотеки по 6 экземпляров каждого из выходящих в свет изданий¹⁸, но и после этого лакуны были обыкновенным явлением¹⁹ (так, в рапорте И. К. Тауберта от 2 октября 1767 г. отмечается, что более года книг в Библиотеку не поступало²⁰).

Однако можно утверждать, что в основном Библиотека комплектовалась как минимум двумя экземплярами отечественных, а иногда и иностранных изданий. Так, на 1760 г. имеются сведения о закупке через московскую книжную лавку двух экземпляров каждого названия²¹. В 1782 г. во время конфликта между академиками и администрацией Академии наук в лице С. Г. Домашнева

¹⁰ Материалы... Т. 10. С. 341—342.

¹¹ История Библиотеки... С. 102.

¹² СПб. ФАРАН. Ф. 158. Оп. 1. № 259. Л. 1—5. Ф. 3. Оп. 1. № 844. Л. 4—4 об.

¹³ История Библиотеки... С. 102—104.

¹⁴ 18 апреля 1751 г. И. К. Тауберт подал рапорт, в котором изложил условия, на которых Книжной лавке было предписано передавать академические издания в Библиотеку: «со всех печатающихся при Академии книг и прочаго, что бы оно ни было, собрав в книжной лавке с начала Академической типографии по нынешнее время по два экземпляра на хорошей бумаге и переплетя один в библиотечный, а другой в голландский переплет, отдать в Императорскую библиотеку». СПб. ФАРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 844. Л. 4—4 об.

¹⁵ СПб. ФАРАН. Ф. 3. Оп. 2. № 244. Л. 117—121 об.

¹⁶ СПб. ФАРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 844. Л. 17, 66—66 об., 136—136 об.; № 845. Л. 123—125, 184—184 об.

¹⁷ История Библиотеки... С. 102—104.

¹⁸ СПб. ФАРАН. Ф. 3. Оп. 8. № 80. Л. 47—47 об.

¹⁹ 2 октября 1767 г. И. К. Тауберт сообщает в своем рапорте, что Библиотека уже более года не получает книг, и просит подтвердить распоряжение типографиям. *Бакмейстер И.* Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской императорской Академии наук, изданной на французском языке Иоганом Бакмейстером, подбиблиотекарем Академии наук, а на российской язык переведенной Васильем Костыговым. [СПб.], 1779. С. 64.

²⁰ СПб. ФАРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 308. Л. 246.

²¹ История Библиотеки... С. 104.

упреки в адрес директора касались также неправомерной выписки для Библиотеки двух экземпляров непрофильных иностранных книг²². Необходимость наличия двух экземпляров для Библиотеки можно объяснить лишь стремлением к дублетному хранению изданий.

Этот факт интересен еще и потому, что позволяет проиллюстрировать влияние количества отечественных экземпляров на число выписываемых из-за границы. Налицо аналогия в количественном соотношении и переход от одного экземпляра к двум, поскольку в первой половине XVIII в. дублетный фонд иностранных изданий не зафиксирован, а дубликаты почти всех иностранных книг попадали в книжную лавку²³. Объяснение такому переходу следует, на наш взгляд, искать в той цели, которую ставила себе Библиотека, борясь за обязательный экземпляр. На эту цель проливает свет использование поступавших в Библиотеку одинаковых экземпляров изданий.

Впервые в практике Библиотеки наличие нескольких экземпляров одного и того же издания упоминается в связи с одной из частей первоначального фонда Библиотеки — личной библиотекой Петра I. Так, в указателе-справочнике Е. И. Бобровой, подготовленном по передаточным реестрам библиотеки Петра I, говорится о наличии в них многочисленных записей о дублетных и повторных изданиях одних и тех же книг. Это объяснено автором указателя тем, что одного экземпляра владельцу явно не хватало, и ему, чтобы не перевозить нужные книги с места на место, удобнее было одно и то же издание иметь в нескольких местах²⁴. Данное обстоятельство говорит нам о практике пользования несколькими экземплярами одного и того же издания еще на стадии личного собрания, до поступления книг в Библиотеку.

В рамках же Библиотеки в XVIII в. использование дублетов подчинялось **нескольким стратегиям**, кардинально противоречащим друг другу.

Первая стратегия может быть названа стратегией «дублетного хранения академических изданий». В XVIII в. значительное количество экземпляров, о поступлении которого в свои фонды постоянно хлопотала Библиотека, служило своеобразным запасником. В фонды Библиотеки поступал лишь один экземпляр каждого издания, который складывался «в верхней галерее», где хранились книги академической печати²⁵. Правда, уточнений относительно того, где и как хранились академические дубликаты, здесь нет. Остальные экземпляры направлялись в запасный фонд (фонд дублетов), существовавший при Библиотеке Академии наук, и могли использоваться для подарков²⁶, книгообмена или передаваться в книжную лавку для продажи, когда все остальные экземпляры этого издания были распроданы²⁷. Такое использование

²² Директор Академии наук Сергей Герасимович Домашнев // ЧОИДР, 1866. Кн. IV. Отд. V: Смесь. С. 163—174.

²³ Савельева Е. А. Библиотека Я. В. Брюса в собрании БАН СССР // Русские библиотеки и их читатель: из истории русской культуры эпохи феодализма: доклады 2-й Всесоюз. науч. конф. «Книга в России до середины XIX в.» (Ленинград, 1981 г.). Л., 1983. С. 129—130; ПФА РАН, ф. 158, оп. 1, № 258 (каталог книг, полученных от Корфа).

²⁴ Библиотека Петра I: указатель-справочник / сост.: Е. И. Боброва; под ред. Д. С. Лихачева. Л., 1978. С. 6.

²⁵ История Библиотеки... С. 58—59.

²⁶ Интересный случай дарения книг из дублетного фонда Библиотеки приведен в статье П. И. Хотеева. Хотеев П. И. Эпизод из истории дублетного фонда Библиотеки Петербургской академии наук // Книга в России XVIII — середины XIX в.: Из истории Библиотеки Академии наук: сб. науч. тр. / редкол.: А. А. Зайцева (отв. ред.), Н. П. Копанева, В. А. Сомов. Л., 1989. С. 52—54.

²⁷ История Библиотеки... С. 58—59.

дублетного фонда можно назвать второй стратегией — стратегией «активного использования дублетов академических изданий». Правда, следует подчеркнуть, что первая стратегия, очевидно, была для Библиотеки предпочтительней, поскольку создавала ей гарантии восполнения фонда в случае утраты отдельных изданий.

В середине XVIII в. о назначении книги, о предполагавшемся ее использовании свидетельствовали качество бумаги и переплет. Так, для даров иностранным академиям Российская академия наук переплетала книги в роскошные переплеты из красного сафьяна (посылка в Лиссабон 1735 г.)²⁸. А книги, предназначавшиеся для Библиотеки, переплетались в разные переплеты. Так, распоряжением от 1747 г. приказано было переплести поступившие три экземпляра академических изданий следующим образом: «один экземпляр на хорошей бумаге отдать переплесть в библиотечный переплет, а прочие два экземпляра в простой переплет»²⁹. Это говорит о разном назначении изданий. В первой половине XVIII в. противопоставление «библиотечного» и «простого» или «голландского» переплетов встречается неоднократно³⁰. Можно предположить предназначение «библиотечного переплета» для книг из основного (не дублетного) фонда Библиотеки. Во второй половине XVIII в. с увеличением общего числа поступавших в Библиотеку изданий³¹ переплеты, видимо, стали проще, поскольку переплетная мастерская едва успевала их изготавливать.

Итак, к началу 1780-х годов в Академии наук сложилась система обязательного академического экземпляра, в формировании которого участвовали все академические учреждения. Его признаками можно считать многоэкземлярность и нацеленность на дублетное хранение, хотя и не исключалось использование дублетов не по прямому назначению.

Положение изменилось с назначением 24 января 1783 г. на пост директора Академии наук княгини Е. Р. Дашковой. 17 февраля был оглашен приказ государственным типографиям присылать по одному экземпляру каждого издания в Библиотеку Академии наук³², а 23 февраля 1783 г. последовал именной указ Екатерины II: «из всех казенных и вольных типографий всякой в печать издаваемой книги по одному экземпляру [доставлять] в Библиотеку императорской Санктпетербургской Академии наук»³³. Последние архивные находки устанавливают активную роль в принятии этих мер Е. Р. Дашковой³⁴.

²⁸ Материалы... Т. 6. С. 377—378.

²⁹ История Библиотеки... С. 78.

³⁰ Так, в 1750 и 1751 г. в Библиотеку поступили издания в 2 экземплярах, один из которых был переплетен в «библиотечный переплет», а другой — в «голландский». История Библиотеки... С. 101.

³¹ Тюличев Д. В. Классификационно-статистический анализ академических изданий 1747—1753 гг. как метод изучения русской культуры середины XVIII в. (по новым материалам) // Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. Вып. 3 / редкол.: А. И. Копанев, А. А. Моисеева (отв. ред.), А. Н. Степанов. Л., 1973. С. 299—318.

³² Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 г. [В 4 т.]. СПб., 1897—1911. Т. 3. С. 654—655.

³³ Полный свод законов Российской империи. СПб, 1830. Т. 21. С. 872. № 15671.

³⁴ Самарин А. Ю. Неизвестный указ Екатерины II о доставке обязательного экземпляра в Библиотеку Петербургской Академии наук // Вторые Лупповские чтения: доклады и сообщения. Санкт-Петербург, 12 мая 2005 г. / сост. П. И. Хотеев; отв. ред. В. П. Леонов, П. И. Хотеев. М., 2006. С. 81—88; Самарин А. Ю. Происхождение системы обязательного экземпляра в России: новые архивные данные // Библиография. 2007. № 1 (348). С. 92—97.

Таким образом, для Библиотеки Академии наук был установлен бесплатный «обязательный экземпляр» всех выходящих в России изданий. С одной стороны, указ Екатерины II об обязательном экземпляре урезал возможности Библиотеки комплектовать фонды несколькими экземплярами отечественных академических изданий, но, с другой стороны, вывел ее обязательное комплектование на государственный уровень, придав комплектованию фондов Библиотеки Академии наук статус государственной политики. С этого момента богатство фонда Библиотеки стало лицом государства, его гордостью перед иными державами. Просвещенное государство не могло отныне мыслиться без богатейшей Библиотеки.

В соответствии с указом в Библиотеку Академии наук в 1783 г. поступило 936 книг (674 названий). В том числе: из Московского университета поступило 316 (258 названий), из Сухопутного кадетского корпуса — 123 (85 названий), из Синода — 142 (142 названий), из Морского кадетского корпуса — 57 (49 названий), из Военной коллегии — 56 (48 названий), из типографии Шнора — 36 (34 названий), из Вольно-экономического общества — 33 (3 названий), из типографии Вейтбрехта — 14 (10 названий)³⁵.

Следует отметить, что число книг, поступивших в Библиотеку за 1783 г., значительно выше числа опубликованных за год изданий (198). Это объясняется тем, что на первых порах типографии высылали книги не только текущего года, но и предыдущих лет издания. В дальнейшем количество поступающей литературы резко сократилось. Об этом можно судить даже по сумме, ежемесячно отпускавшейся Библиотеке для приобретения изданий. Так, если в августе 1783 г. на покупку и переплет книг Библиотекой истрчено 696 руб. 70 коп., а в октябре — 962 руб. 94 коп., то в ноябре — уже 184 руб. 59 коп. За 1784 г. в Библиотеку поступили всего 82 книги, за 1785 г. — 223 книги, за 1786 г. — 144 книги, за 1787 г. — 133 книги, за 1788 г. — 190 книг, за 1789 г. — 173 книги, за 1790 г. — 177 книг³⁶.

Тем не менее, лакуны изжить все же не удалось³⁷, хотя вначале их количество сократилось³⁸. Они появились в обязательном экземпляре уже летом 1783 г. О нарушении поступлений можно судить из рапорта академика С.К. Котельникова: «...с начала академической типографии всегда для Библиотеки отпускались русские и немецкие “Ведомости” с прибавлениями, ныне с начала 1783 г. немецкие совсем не отпускаются, а русские отпускаются с 1 июля сего же 1783 г. без прибавлений»³⁹. В 1797 г. Сенат своим специальным указом подтвердил именное высочайшее повеление от 25 февраля 1785 г. Однако в 1800 г. обязательный экземпляр и вовсе не поступал в Библиотеку в течение полугода.

Все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

— отечественный обязательный академический экземпляр, сложившийся задолго до появления общегосударственного обязательного экземпляра и прошедший путь от фрагментарного до полного охвата ведомственных изданий, поступал в Библиотеку в нескольких экземплярах. Это позволило Библиотеке формировать запасный фонд, который использовался для обменных целей и дублетного хранения;

³⁵ История Библиотеки... С. 135—136.

³⁶ Там же. С. 132, 136.

³⁷ СПб. ФАРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 334. Л. 92; № 353. Л. 281—282.

³⁸ Одной из самых дисциплинированных типографий, регулярно посылавших свои издания в Библиотеку, была Типографическая компания Н.И. Новикова. СПб ФАРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 353. Л. 236; № 358. Л. 160; № 371. Л. 362—366 об.

³⁹ СПб. ФАРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 334. Л. 92.

— постоянное приобретение для Библиотеки нескольких экземпляров академических изданий повлияло на увеличение экземпляжности изданий, закупаемых вне Академии и за границей;

— указ об общегосударственном бесплатном обязательном экземпляре, который вывел комплектование Библиотеки на государственный уровень, придав ее фонду статус общегосударственного депозитария, разрушил сложившуюся систему академического комплектования и негативно отразился на возможностях пополнения запасного фонда Библиотеки.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сотрудники БАН об обязательном экземпляре

Андреева В. К. Комплектование фондов Библиотеки АН СССР ведомственными (академическими) изданиями / В. К. Андреева, К. А. Свиридова // Формирование книжных фондов. М., 1982. С. 22—37.

Андреева В. К. Обязательный экземпляр в БАН СССР на современном этапе / В. К. Андреева, К. А. Свиридова, К. Н. Улитина // Всесоюзная конференция «Обязательный экземпляр произведений печати — основа библиотечно-библиографической деятельности», Ленинград, 13—15 марта 1984 г.: тез. докл. Л., 1984. С. 22—23.

Беляева И. М. 220 лет обязательному экземпляру и Библиотека Российской академии наук: доклад на Ученом совете БАН от 27.11.2003. СПб., 2003. 11 с. (Рукопись).

Беляева И. М. Место и роль академических библиотек в формировании библиотечных ресурсов страны на современном этапе (на примере БАН) // Библиотечное дело: науч.-практич. сб.: приложение к журналу «Библиотековедение». 2002. № 2. С. 92—97.

Зайцева А. А. Развитие системы обязательного экземпляра в СССР / А. А. Зайцева, Н. А. Романовская, М. А. Шапарнева // Всесоюзная конференция «Обязательный экземпляр произведений печати — основа библиотечно-библиографической деятельности», Ленинград, 13—15 марта 1984 г.: тез. докл. Л., 1984. С. 3—5.

Зайцева А. А. Система обязательного экземпляра за 200 лет / А. А. Зайцева, М. А. Шапарнева, Н. А. Романовская // Советская библиография. 1985. № 3. С. 42—54.

Леонов В. П. Становление российской системы обязательного экземпляра (Библиотека РАН, XVIII век) // В. П. Леонов, И. М. Беляева, Н. М. Баженова // Научная книга на постсоветском пространстве: материалы II Междунар. науч. конф., Москва, 19—21 сентября 2007 г. / Науч. центр исслед. истории кн. культуры РАН; сост. Д. Н. Бакун, М. А. Ермолаева. М., 2007. Ч. 2. С. 63—74.

Леонов В. П. Библиотека Академии наук — книжная палата РАН (начальный этап, XVIII век) / В. П. Леонов, О. В. Скворцова, Н. М. Баженова // Российская книжная палата — культурная память Отечества: Материалы науч.-практич. конф., посвященной 90-летию Российской книжной палаты; Москва, РКП, 23 мая 2007 г. М.: РКП, 2007. С. 131—136.

Свиридова К. А. Оценка литературы, поступившей в Библиотеку Российской Академии наук в составе обязательного бесплатного экземпляра // Рекомендации совещаний-семинаров Российского научно-методического центра по вопросам комплектования и депозитарного хранения библиотечных фондов, проведенных в 1993 и 1994 гг. СПб., 1995. С. 20—25.

Стрельникова И. Б. Комплектование фондов Библиотеки АН СССР изданиями академий наук союзных республик // Проблемы формирования и раскрытия фондов Библиотеки Академии наук СССР: сб. науч. тр. Л., 1985. С. 23—39.

Щербакова Т. П. Роль обязательного экземпляра в формировании фонда архивного собрания изданий АН СССР в Библиотеке АН СССР // Всесоюзная конференция «Обязательный экземпляр произведений печати — основа библиотечно-библиографической деятельности», Ленинград, 13—15 марта 1984 г.: тез. докл. / БАН СССР, БЕН СССР, ГПНТБ СО АН СССР, ВКП, ГПНТБ СССР, ГБ СССР им. В. И. Ленина, ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1984. С. 24—25.

Яковкин И. И. Библиотека Академии наук СССР и ее фонды // Вестник Академии наук. 1945. № 5/6. С. 248—252.

ЧИТАТЕЛЬ БАН. КТО ОН? (50-е — 90-е годы XX в.)

Т. В. Зверева

Право пользования Библиотекой Академии наук СССР, в соответствии с ее научным статусом, предоставлялось, в первую очередь, сотрудникам учреждений Академии наук СССР (в разное время они составляли от 20% до 25% от общей численности читателей, в то время как на индивидуальном абонементе эта категория читателей составляла 60%), затем лицам, имеющим ученую степень доктора или кандидата наук из неакадемических учреждений, а также лицам, имеющим высшее образование и занимающимся научной работой, аспирантам и, в порядке исключения, студентам-дипломникам.

Привилегированным положением — получением книг на дом через индивидуальный абонемент — могли пользоваться только сотрудники АН СССР, сотрудники неакадемических учреждений, имеющие ученую степень доктора или кандидата наук, правда, с 1956 г. с последних стали требовать ходатайства с места работы. В течение недолгого времени такие же справки требовались для записи в Главный читальный зал.

Правила записи как в Главный читальный зал, так и на индивидуальный абонемент многократно менялись, то в сторону послабления, то в сторону ужесточения. Особенно это относится к «Правилам» индивидуального абонемента послепожарного времени (март 1993 г.), в соответствии с которыми прекратили запись кандидатов наук неакадемических учреждений, ограничили количество одновременно выдаваемых книг до 5 ед. В 1950—1960 гг. запись в Главный читальный зал и на индивидуальный абонемент, как и во все читальные залы специализированных фондов, проводилась самостоятельно сотрудниками каждого из этих участков.

О читателях Библиотеки АН СССР можно было бы написать отдельную книгу, так как за полстолетия перед моими глазами их прошло великое множество. Они были очень разные. Еще активно работали в 50—60-е годы специалисты довоенного поколения. Такие завсегда-тай, как канд. тех. наук М. И. Родовский, докт. биол. наук Михаил Филиппович Васильев, доктора ист. наук В. В. Мавродин и У. А. Шустер, профессор Валк, практически ежедневно занимали свои привычные места, а рядом с ними начинали свою научную деятельность аспиранты того же института уже послевоенного поколения — неразлучная троица Б. В. Ананьич (ныне академик), Р. Ш. Ганелин (ныне член-корреспондент), В. М. Панеях (доктор наук). Такими же неразлучными завсегда-татами были и аспиранты кафедры славянской филологии ЛГУ — П. А. Дмитриев, В. Зайцев и Г. И. Сафронов, которые стали докторами наук и деканами этого факультета. А еще профессор кафедры классической филологии ЛГУ Н. В. Вулик и аспирант той же кафедры А. И. Зайцев, которого, мы, любя, прозвали «Минуточкой», т. к. он, подавая очень сложные заказы на иностранные издания, и порой получая необоснованные

отказы, с возмущением подходил к старшему дежурному и говорил: «Минуточку, минуточку, это безобразие, данное издание должно быть в вашем фонде». Так оно и оказывалось, после дополнительной проверки. Он стал доктором наук, профессором своей кафедры, но при этом отличался удивительной скромностью. А еще аспирант ЛОИВАН (Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР) И. Ф. Фихман — папирусолог. Читателем в ту пору он был очень строптивым. Уже став доктором наук, в 90-е гг. он по семейным обстоятельствам уехал в Израиль и стал профессором Университета в Тель-Авиве. Он очень грустил по Питеру, писал нам письма, присылал для фонда БАН свои работы. Приезжая в отпуск, обязательно заходил в БАН, и все время повторял, что, посетив библиотеки во многих странах, он пришел к выводу, что лучше БАН библиотек не существует. Аспирант ЛГУ, историк С. Бабурин, активнейший абонент ММБА, закончив аспирантуру, переехал в Москву, ударился в политику и стал депутатом Государственной думы. А сколько было аспирантов из стран народной демократии, которые, защитив диссертацию, уезжали к себе на родину подготовленными специалистами (они составляли около 20% от общего количества аспирантов). Можно смело сказать, что в процессе научного роста всех этих специалистов немалую роль сыграла наша Библиотека, ее ценнейшие фонды.

Индивидуальным абонементом пользовались в те годы академики В. И. Смирнов, А. Н. Несмеянов, В. А. Обручев, член-корреспондент Л. И. Красный (в 50-е гг. академиком и член-корреспондентом было 83, в 2000 г. — 32). Писатели А. А. Морозов, Лауреат Сталинской премии, В. Львов, Л. И. Раковский, д. и. н. ЛОЛИ М. Е. Сергиенко, очень оригинальная личность, аспирант Института археологии АН СССР А. Н. Кирпичников, ныне д. и. н., руководитель археологических раскопок в г. Старая Ладога. Общение с этими людьми было необыкновенно интересным и познавательным. Интересно было следить за их профессиональным ростом, научными достижениями.

Еще хочется сказать о тех наших читателях, которые живо откликнулись на нашу беду — пожар 1988 г. Они приходили и забирали сумками и рюкзаками мокрые книги на просушку. Это докт. хим. наук В. Э. Фельд, кандидаты наук А. В. Мананкова, В. В. Борисов и С. В. Немилов, сейчас они уже доктора наук. Им в виде поощрения за оказанную помощь было предоставлено пожизненное право пользования индивидуальным абонементом. Сотрудница Института химии силикатов АН СССР А. И. Ардита ежедневно приходила в БАН как на работу, переворачивала мокрые книги, развешенные на веревках в коридоре III этажа. В конце коридора стоял воздуходув, который подавал горячий воздух. Ада Иосифовна, заматанная в платок, в пальто как тень двигалась в этом темном, холодном, пропитанном запахом гари коридоре. Ее никто об этом не просил, это была ее добрая воля. Мне это напоминало картину блокадного Ленинграда, забыть которую невозможно.

Наверно, было бы неправильно утверждать, что все читатели БАН были идеальными. К сожалению, среди них попадались и такие, которые могли, особенно при отсутствии возможности копирования, испортить книгу, грубо вырвав из нее нужные страницы или иллюстрации, а были и воришки, которые умудрялись выносить книги. Их тогда ловили, исключали из состава читателей, сообщали об этих фактах по месту работы и учебы. Интересно, что среди них были и стажеры, и даже доктора наук. Был такой случай, когда на контроле был задержан читатель (не помню кто) с пачкой книг, которые он пытался вынести. Рядом оказалась сотрудница нашего отдела О. М. Желтова. Он бросился бежать вместе с книгами, она за ним. Добежав до наб. Макарова он выбросил книги в Малую Невку. Спасти книги не удалось, ну а его выгнали с позором.

Но самым «выдающимся» из этих воров был аспирант Асланов, который со своей подельницей Лебедевой осуществили «кражу века». Они умудрились вынести десятки книг, не только из нашей Библиотеки, но и из Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Щедрина, где он и был задержан. Выносил он книги в специальном кармане, который был сделан на спине его куртки. Мне вместе с моими коллегами из нашего отдела и в то время самостоятельным Отделом хранения основных фондов пришлось участвовать в судебном процессе (1976—77 гг.). Проверять букинистические магазины, по квитанциям выявлять сданные на продажу книги и отыскивать еще уцелевшие в «загашниках» этих магазинов. Среди краденых были книги в основном XIX в. Такие, как «Весь Петербург», «Вся Москва», журналы «Аполлон», «Русский вестник», газета «Северная пчела» и т. д. Незначительную часть книг удалось вернуть, но большинство было уже продано. Мне пришлось присутствовать и на заседаниях суда. Асланов был осужден на 8 лет, а в БАН появился очень строгий приказ дирекции № 13 от 22.03.77 г. по обеспечению сохранности книжных фондов и укреплению производственной дисциплины.

Перечислять разные случаи и курьезные, и неприглядные можно было бы бесконечно, я остановилась выборочно на наиболее запомнившихся моментах.

Следует отметить, что количество читателей за 50 лет менялось с удивительной быстротой, одновременно менялся и состав читателей. Каждые 5 лет количество читателей увеличилось в 1,5 раза. Если в 1951 г. оно составляло 5780 чел., к 1985 г. — это пик количества читателей — 24384 чел., после чего с 1990 г. (начало перестройки) начался неуклонный спад, который, к сожалению, продолжается до настоящего времени. За указанный период многократно менялась и форма учета, выделение отдельных категорий читателей. Так, например, исчезли такие категории, как — лаборанты, стажеры-исследователи, м. н. с., зато к концу 90-х гг. появились новые категории — магистры, бакалавры, представители коммерческих структур и даже безработные.

В начале 50-х гг. количественный состав читателей в Отделе обслуживания учитывался путем сложения данных Главного читального зала и индивидуального абонемента. Цифра эта не могла быть абсолютно достоверной, т. к. читатели индивидуального абонемента могли быть одновременно и читателями Главного читального зала. С какого-то момента от общей цифры количества читателей стали условно отнимать 1,5 тысячи, чтобы приблизиться к более реальной цифре по отделу.

С 1957 г. изменился принцип записи командировочных читателей. До этого они не учитывались в общем количестве. Их стали записывать на общих основаниях с той разницей, что им вместо постоянных читательских билетов выдавались временные с указанием срока их пребывания. С 1958 г. максимально сократилась запись студентов.

С 1965 г. при перерегистрации читателей, которая проводилась ежегодно, стал сохраняться старый номер читательского билета (до этого номер менялся каждый год), что было принято читателями с большим одобрением.

С апреля 1971 г. введен новый порядок учета «разовых» читателей. Для них была выделена специальная группа номеров читательских билетов — 50 000, а с 1972 г. для удобства обслуживания введены новые группы номеров: для читателей газет — 60 000, для студентов ЛГУ — 55 000. Обе эти категории читателей получали билеты с фотокарточками, чтобы избежать передачи билетов другому лицу.

Для удобства в работе контролеров с 1973 г. введены цветные вкладыши в читательские билеты, что способствовало выявлению читателей, не прошедших перерегистрацию на новый год. Таким образом, обеспечивался более четкий статистический учет.

В 1976 г. по инициативе руководства Отделом обслуживания был организован, без выделения дополнительных штатов, пункт централизованной записи читателей в Библиотеку. Организации этого участка предшествовала большая подготовительная работа, основанная на данных исследования состава читателей, полученных с помощью ЭВМ. В ходе исследования по теме «Форматирование фондов научных библиотек» в 1975 г. была специально разработана система номеров читательских билетов на основе количественных характеристик читателей по отраслям знаний. Читатель получал читательский билет, в номере которого были заложены сведения о его специальности. Параллельно в его читательском формуляре проставлялись коды наличия ученой степени, должности, места работы (АН или другие ведомства).

Централизованная запись обеспечивала возможность использовать единый читательский билет на всю академическую систему библиотек Ленинграда, не говоря уже о точности статистических данных по составу читателей Центральной библиотеки.

Для высвобождения помещения для пункта записи было проведено перемещение целого ряда участков: индивидуальный абонемент перемещен с I на III этаж, группы МБА городского и иногороднего обслуживания, группа выписки из других библиотек и ММБА переведены с III этажа на I. Пункт записи читателей в режиме с 9 до 20 час. (кроме воскресенья), начал функционировать с 1 февраля 1976 г. (к. 100, I эт.). Запись сотрудников БАН на индивидуальный абонемент осталась за сотрудниками абонемента. Надо сказать, что число читателей читальных залов специализированных отделов от общего числа читателей составляло от 0,4 до 1 %. Основная масса читателей приходилась на Отдел обслуживания.

В 1976 г. впервые был дан анализ состава читателей в таблицах по разным параметрам. По специальности первое место заняли представители физико-математических наук — 30%, техники — 17%, химики — 13%, к концу 90-х гг. эти цифры уменьшились в пользу специалистов гуманитарных наук. К этому времени по возрастному составу 40% составляли читатели в возрасте до 30 лет и 25% от 30 до 45 лет. В 1981 г. Пункт записи, служебный и читательский контроль были выделены в самостоятельный Сектор регистрации, который просуществовал до 1994 г., когда он был расформирован в связи с неукомплектованностью штата контролеров. Запись читателей была закреплена за Главным читальным залом.

Наступило время, когда на смену послевоенной молодежи 50-х—70-х годов пришло поколение конца XX в., эпохи перестройки, уже совсем другое, со своим новым мировоззрением и отношением ко всему окружающему. Они, надеюсь, достойно продолжат то, с чего начинали мы. У них будут свои читатели и истории, связанные с ними.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ В. П. ЛЕОНОВА «БИБЛИОТЕЧНЫЙ СИНДРОМ» (По протоколу заседания Библиотечного общества Санкт-Петербурга 15 июля 1996 года)

Чалова Э. В. (*пред. Библ. об-ва, директор библиотеки им. Маяковского*):

Презентация новых книг на заседаниях Библиотечного общества становится традицией. Это уже второй случай. До этого была презентация книги А. В. Соколова. Мы имеем представление о драматической ситуации в БАН. Что-то знали, о чем-то читали. В книге отражена трагедия БАН, четко на документальной основе, а не на эмоциях. В ноябре 1995 г. в газете «Час пик» наше Общество выразило свое отношение к этому вопросу. Точка зрения общества была такова: нельзя чернить человека, не имея доказательств. Позиция Библиотечного общества не расходится с позицией, выраженной в книге. Сегодня присутствуют сотрудники БАН, члены правления общества, много известных людей, представители прессы, телевидения, т. е. все, кому небезразлична судьба БАН. Книга очень интересная.

— Предоставляется слово В. П. Леонову.

Леонов В. П. (*директор БАН*):

Еще год назад я не мог себе представить, что напишу эту книгу. Но я решил, что люди должны знать, как все было. В книге я субъективен как частное лицо и назвал ее «Библиотечный синдром», имея в виду большое библиотечное дело. Библиотека — это государство в государстве. БАН существует уже 282 года, это — первая государственная и академическая библиотека в XVIII веке. Сейчас она разделяет судьбу библиотек страны. Имеется опыт и хороший, и плохой. Голос библиотек слышен слабо. Трудно говорить о наших нуждах с дилетантами в библиотечном деле. Мы с этим смирились. Это все синдром и он не исчез. Это — болезнь. Наша профессия, библиотечное дело нуждается в защите. Поводом для написания книги явилась ситуация: руководителя библиотеки обвиняют по статье «Злоупотребление служебным положением». Был направлен донос в Генеральную прокуратуру РФ, затем дело было передано в Прокуратуру Санкт-Петербурга. Дело всколыхнуло всю библиотечную общественность. Для своей книги я выбрал определенный сценарий:

1. Компетентные органы предъявляют обвинение.
2. Пресса комментирует.
3. Общество ахает.
4. Компетентные органы скупы на информацию.
5. Средства массовой информации теряют интерес.
6. Публика переключается на новые сенсации.

Я находился под следствием без допросов в течение 56 дней. С октября 1995 года я прошел через 11 допросов, 7 из них описаны мною в книге. Дело закончилось 5 февраля. Когда

я писал книгу, я еще не знал, чем мое дело закончится. Я выяснял, как наказывается донос в новом УК РФ (ст. 306): до 2-х месяцев тюрьмы и штраф в размере 50 минимальных окладов. В данном случае считается, что «они сигнализировали» (имеются в виду авторы доносов). Синдром — это и трагедия БАН, начавшаяся в 1988 году. В своей книге я не смог бы быть объективным без документов. Я рассматриваю следующие проблемы:

1. Что с делом В.П. Леонова?

2. Как жила БАН в 80—90-е годы, ситуация с пожаром?

Было опубликовано 99 документов. Не было отражено нашей точки зрения, поскольку Д.С. Лихачевым была организована блокада в прессе.

3. Приводятся альтернативные документы, показывающие, что практически сделала БАН для восстановления своей репутации.

4. Партийные структуры и их действия: приводятся соответствующие документы.

5. Отношение к этому В.П. Леонова и его комментарии.

Есть именной указатель. В Эпilogue я говорю о библиотечной профессии, о должности директора, о сложившейся ситуации. Есть повторы, я не «урезал» тексты, так как они несут смысловую нагрузку. Есть эпитафии, примечания. Это не научная книга. Это попытка заявить о себе. Мне нравится библиотечный консерватизм, но в течении 70-ти лет библиотеки были «бойцами партии» и не могли формировать библиотечную политику. Кто должен быть директором? Человек со стороны, или профессионал? Я окончил ЛГИК, имею профессиональное образование, поэтому мне виднее библиотечные проблемы, я их острее воспринимаю и сильнее реагирую на дискомфорт. Это сложный вопрос. Все симптомы синдрома имеют место в истории с директором РГБ Филипповым, которому было сказано, что его вопрос может решать только Верховный суд. Моя книга — это попытка самозащиты. Я издал ее сам, на свои деньги. Я должен был рассказать, как все было. Обвинения и сейчас продолжаются. Так, Бабурин и Говорухин считают, что мы нарушаем законодательство. Снова накапливается материал.

Я благодарю всех, кто меня поддерживал и верил в меня. Я никому не желаю такой рекламы. Убедился, что в характере деятельности спецслужб мало что изменилось. Действует тот же сценарий. Снова появились доносы, даже на уровне аспирантов. Теперь речь идет об Альбоме Виниуса и о коллекции Зибольда, имеющейся в библиотеке БИНа. В БАН оказалось наиболее выпуклое проявление библиотечного синдрома. Мне интересно знать Ваше мнение о книге.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

Тарасюк Ю. Ф. (ВМФ):

Судьба Военно-Морского Флота и БАН неразделима. Я — член Библиотечного общества, не профессиональный библиотекарь, но занимался информационным обеспечением. Меня удивила публикация о библиотечном деле. Упоминаются РНБ и РГБ, а о БАН, старейшей библиотеке, пресса не знает. В БАН организована выставка, посвященная 300-летию Военно-Морского Флота. Мне подарили каталог этой выставки. Фундаментальная и прикладная науки построены на информационном обеспечении. С В.П. Леоновым я знаком более 10 лет и все трагедии мы переживали вместе. В.П. отличает мужество и стойкость настоящего гражданина. Хочу пожелать здоровья и успехов. Зло должно быть наказано.

Мыльников А. С. (*директор Кунсткамеры*):

Я работал в ГПБ. История и книговедение — очень близкие дисциплины. Здание Кунсткамеры — колыбель и Музея, и БАН. Я считаю, что книга В. П. Леонова сделана талантливо и неординарно. Как интеллигент, он не опускается до уровня доносов. Показан синдром, не только как библиотечное явление. Люди с большими амбициями, не нашедшие себя в жизни, используют любые средства, лишь бы добиться поставленной цели. Так, например, один специалист выступил на телевидении по поводу недостатков в области культуры. Вышестоящий чиновник сделал ему по телефону замечание.

Другой пример, очень ценным в книге является именной указатель. В 1994 году меня предполагали снять с должности. У меня все происходило не так, как у В. П. Леонова: я был утвержден в должности вторично распоряжением председателя правительства. В именном указателе я нашел ряд фамилий, которые в тот период имели и ко мне отношение. Это специалисты «широкого» профиля. Хочу надеяться, что теперь работа в БАН пойдет нормально. Я ее читатель с 1947 года. Библиотечное общество выступило с принципиальной статьей. Сейчас наметились позитивные изменения, этот процесс пойдет и дальше. Я — оптимист. Желаю успехов и благоденствия сотрудникам БАН.

Гудовщикова И. В. (*СПбГАК*):

1. Не должно сложиться впечатление, что В. П. Леонов — «рыцарь без страха и упрека». Он — человек, который сам себя создал, пройдя путь от слесаря до профессора. Человек нестандартный. У него бывали промахи, и ошибки. Книга написана субъективно, но без фальши.

2. Это самозащита. Книга написана в состоянии «крайней необходимости». Вся общественность узнала, что В. П. Леонов обвиняется в мошенничестве и контрабанде. Что оставалось делать? Кто бы нашел в себе силы, выполняя текущую работу, каждый день писать книгу. В. П. Леонов — человек мужественный, непростой.

3. Композиция книги странная, угловатая, личные воспоминания. Это особый вид издания, немного художественного повествования. Имеется своя логика. Я была оппонентом на защите докторской диссертации В. П. Леонова и еще тогда обратила на него внимание как на писателя. В своей книге он замечает цвет костюма, выражение глаз. Это выглядит многообещающе. Возможно, будут и следующие презентации. Но самое страшное, болезненное место, характерное не только для библиотеки, а для страны, человечества — это невероятная агрессивность действующих лиц, некоторые из которых остались в тени. В основном — это книжники. С подобным синдромом нужно бороться. Надо признавать разные точки зрения. Злым людям и плохим обстоятельствам нужно противопоставить единение библиотек. Книга В. П. Леонова — призыв к такому единению. Библиотека им. Маяковского — один из организаторов совместной работы. Большая работа ведется по созданию единого автоматизированного сводного каталога петербургских библиотек. Книга В. П. Леонова — это подвиг. Она необходима. Она должна быть послана за границу. Давайте объединяться вокруг конкретных дел, В. П. Леонов заложил первый камень.

Кураев М. Н. (*писатель*):

БАН для меня, как для читателя, странная планета. Я познакомился с ней в 1988 году, в третьем дворе, где лежали груды литературы. В. П. Леонов стал моим заочным врагом. Я считал, что директора нужно судить, ему самому нужно сгореть со стыда. Возникла неприязнь к администратору, который еще и преуменьшает потери. Был гнев на ложь, но вскоре я понял, что мы живем среди всеобщей лжи. Если разделить общую сумму потерь на количество

утраченных книг, то окажется, что каждая книга стоит 75 коп. Это и есть узаконенная ложь. Прикоснувшись к трагедии БАН, я понял, насколько благоприятна почва для подобных трагедий. Я позавидовал В. П. Леонову, когда через полгода он положил книгу на стол. Сколько стоит честь? Ничего. Так, например, Сосковец замешан в махинациях с алюминием, но он об этом не напишет. Жизнь — самый большой интриган, такого не придумать. Мне пришлось выбирать, с кем я? С Д. С. Лихачевым или с В. П. Леоновым? В. П. стоит на защите культуры БАН и ему нужно помогать. Книга должна вызвать ощущение, что чума прошла, и можно предъявить счет к оплате. Сегодня этот счет прозвучал. Я могу судить о книге как читатель. Это литература факта, литература документа. Документ более драматичен, на него мы реагируем активнее. Читать было интересно. Это масштаб учреждения, в котором ожог от пожара до сих пор не проходит. В бронированном фонде в 19 раз превышены нормативы размещения книг, в остальных хранилищах они также превышены. Книга — как удар в колокол, очень своевременный.

Орбели А. Л. (зам. директора ФТИ):

Я — близкий знакомый В. П. Леонова. Небольшое число наших общих знакомых всегда были рядом с В. П. Леоновым — на стороне чести и правды. Я считаю, что В. П. достоин государственной оценки своего подвига. Существует же звание «Герой России». Мы живем в нездоровом обществе и необходимо предпринимать шаги для его оздоровления. Лекарства против безнравственности не имеется. Нет и эталона нравственности. Выход книги в настоящее время — это подвиг. Самая горячая точка современной жизни. Честная, вовремя вышедшая книга. Очень точный момент выхода книги. Она будет приобретать все большую ценность для следующих поколений.

Нюкша Ю. П. (БАН):

Книга носит журналистский характер, хотя писал ее не журналист. В этом ее преимущество. Факты излагаются изнутри, а не извне. Мы содрогались от некомпетентности авторов публикаций о БАН. Книга же написана вполне компетентно. Все соответствует действительности. Она принесет огромную пользу всем, кто интересуется судьбой БАН. Было бы очень хорошо, если бы основные положения книги нашли отражение в периодической печати.

Одар-Боярская К. Н. (директор Библиотеки Академии художеств):

Очень обидно, что В. П. Леонову пришлось оправдываться. Я не верила в то, что о нем говорилось. Если был бы жив И. И. Яковкин, он бы содрогнулся. Желаю удачи В. П. Леонову и Библиотечному обществу, желаю больше не попадать в подобные ситуации.

Филов В. А. (НИИ рентгенологии и радиологии):

Я был директором БАН с 1980—1988 г. Долго искал себе заместителя и нашел его в лице В. П. Леонова. Книга написана замечательно. Она необычна, ее нельзя ни с чем сравнить. 1-я часть — это его впечатления о БАН, какой он увидел ее и что с ним в БАН случилось. Львиную долю составляют документы. Я не считаю, что синдром злости нужно распространять на все человечество. Давайте сузим до стран бывшего социалистического лагеря. То, что представлено в книге, показывает результат нашего предшествующего развития. До чего мы дошли. В книге документально показано, что агрессивность была воспитана всем ходом предыдущего развития. Хочу поздравить издательство. Это — не детектив, это — уникальная книга, родоначальница нового жанра. Поздравляю В. П. Леонова. В книге отражено не все, но факты отобраны со знанием дела и высвечивают обстановку. В. П. Леонов представляет эту обстановку со своей точки зрения. Он характеризует руководство БАН и заведующих отделами. Отмечает, что в дирекции перед его приходом не было команды. Но эта команда

была разгромлена. В то время в Академии наук господствовала точка зрения, что директором БАН обязательно должен быть естествовед, специалистами же в области библиотечного дела должны быть заместители. Поскольку я по образованию физик и биолог, то я и оказался на месте директора БАН. Но я не оставлял биологию. Команда в то время была. К. В. Лютова успешно справлялась с обязанностями заместителя директора. Она сплотила коллектив. Работали, да и сейчас работают великолепные кадры: Ю. М. Тарасова, К. А. Свиридова, Т. В. Зверева и др. Но обком партии приказал в течение 24 часов переместить К. В. Лютову на другое место работы. Синдром — это сумма симптомов, это медицинский термин. Книга В. П. Леонова — пионерская.

Барановский А. В. (*Издательство «Облик»*):

Мы познакомились с В. П. Леоновым через И. Богданова, книгу которого издали. Я был приглашен для разговора, после которого попросил один день для принятия решения. В 1990 г. мы издали книгу «Золото партии». Редактором был Игорь Бунич. Рукопись В. П. Леонова я прочитал на одном дыхании, не мог заснуть, пока не закончил. Переговорил со своими компаньонами, они тоже были в восторге. Мы видим, что делается с культурой. Желание об этом написать возникало у многих, но никто не написал. У В. П. Леонова — большой талант. Трудно определить жанр его книги. Есть такое понятие — «боевик». Книга интересная, в ней много Петербурга. Мы издаем воспоминания, посвященные тридцатым годам. Несколько лет тому назад издали «Эрмитажный театр» Авраменко, но весь тираж пошел под нож. История Эрмитажного театра прошла незамеченной. Рукопись В. П. Леонова интересна и в литературном, и жизненном отношении. Изображена яркая ситуация. Книга многослойная, имеется второй и третий план. Напоминает энциклопедию русской жизни. На нашем совещании было решено: издавать книгу. К этому подтолкнула ее актуальность. Все сотрудники типографии согласились работать на любых условиях и зачитывались этой книгой. В течение 1,5—2-х месяцев книга была выпущена и соответствующим образом оформлена, так как одновременно книга литературная. Поэтому пытались найти ее образ. Она открывает новый жанр. Это большая удача.

Лебедев Д. В.:

В 1949—1951 гг. я возглавлял БАН. Это кончилось тем, что я был исключен из партии, стал рядовым сотрудником, меня увольняли, было заведено уголовное дело, был обыск. Я пытался обратиться в ЦК партии, но мне напомнили о деле Сланского, генерального секретаря компартии Чехословакии. БАН осталась для меня родной. Я ходил туда и до восстановления меня в правах. Я читатель БАН с 1936 года. Это мой родной дом. Я следил за всем, что там делается, и история В. П. Леонова мне известна. Я очень рад, что В. П. Леонов выстоял.

Донченко В. К. (*Центр экологической безопасности*):

В. М. Пономарев и я имели шансы не стать положительными героями. О пожаре в БАН я узнал в поезде. Нужно отдать должное В. П. Леонову: он мгновенно оценил обстановку и стал непосредственным участником событий. Произошла еще одна трагедия: начался плесневый пожар. Мы находились в БАН сутками. Выхода не было. Наконец, через месяц было найдено решение, началась реакция общественности. До этого считалось, что все обстоит безнадежно плохо. Когда появились корреспонденты, им старались представить, что ничего не делается. Я специализируюсь в области безопасности библиотеки. Был связан с общественностью. Вскоре пошла настоящая работа. Поступили шланги из Тбилиси. Проверить их качество времени не было. Один из шлангов прорвало, но авария была моментально ликвидирована. Я сделал слайд — хранение книг в холодильнике. Все сотрудники работали

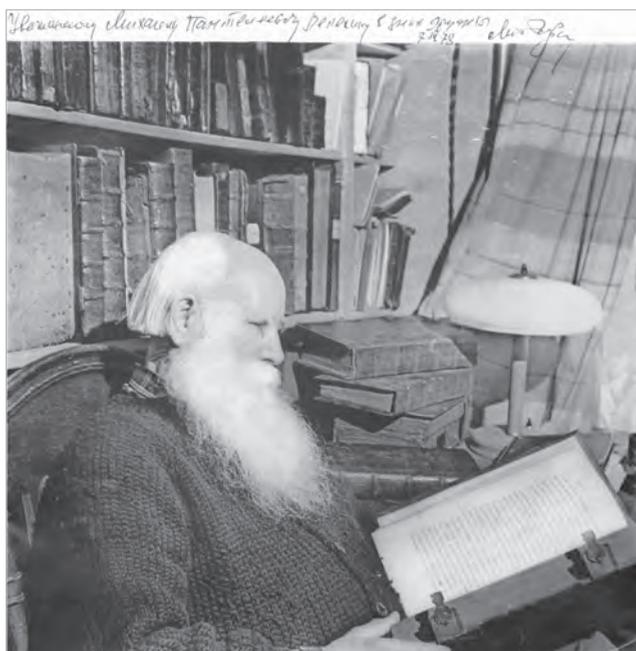
самоотверженно, формировался костяк коллектива, способный решать сложные задачи. Если бы нас постигла неудача, В. П. Леонову пришлось бы писать об этом, но был успех, который подтвердила международная экспертиза. Было принято единственно правильное решение. Дальше пошла рутинная работа. Был снят фильм, который могли видеть во многих странах. Была применена технология XXI века. Но сейчас имеет место пожар во всем нашем доме. Зарплата меньше, чем социальная помощь. В нашем Институте заканчивается работа. Сотрудники идут в БАН, где также мало платят. Тем не менее, организована работа с читателями. Лучше не стало, но в обвальной ситуации БАН чувствует себя хорошо. Сотрудники голодают, но обслуживают своих коллег. Здесь говорилось о книге В. П. Леонова, что это — самозащита. Но те, кто близко знает В. П. Леонова, считает иначе. Самозащита ему не нужна. Это — приглашение к согласию. У В. П. большой запас жизненных сил и вера в свою правоту. Мы не ищем областей согласия. В этой книге данная позиция изложена. Призываю осмыслить книгу В. П. Леонова применительно к своей жизни.

Леонов В. П. (*заключительное слово*):

Спасибо всем за то, что пришли на презентацию, что так восприняли мою книгу. Заложены фундамент. Уйду я, БАН останется, но мне хотелось причинить ей как можно меньше боли. БАН нас учит, способствует очищению человека. Я написал свою книгу за 6 месяцев, 15 февраля написал эпилог. Хотелось передать состояние человека, который еще не знает, чем для него все это кончится. Я благодарен издательству. Огромное влияние оказал М. Н. Кураев, он благословил меня на написание книги. Я боялся, что меня не поймут, когда давал рукопись для прочтения своим друзьям в БАН, но они дали мне понять, что я не один. Библиотечное общество — прекрасный дом. Был период, когда у меня опускались руки, я получал предложения перейти на преподавательскую работу. Но я чувствовал зависимость от «низов» и решил, что нужно идти до конца. Я собрал сотрудников и все им рассказал. Люди проявили свои лучшие качества и это давало силы. Не хотелось бы больше выступать в подобном жанре. Как дальше жить? Нужно посмотреть, что будет завтра, заглянуть в него, сделать шаг. Я знал, что эту книгу нужно издать сейчас. Послал ее друзьям и коллегам за рубеж. Спасибо!

О ПОСТУПЛЕНИИ В ОТДЕЛ РУКОПИСНОЙ И РЕДКОЙ КНИГИ БАН СОБРАНИЯ М. И. ЧУВАНОВА¹

М. П. Лепехин

Выдающемуся явлению русской книжной культуры XX века — собранию М. И. Чуванова — посвящено достаточное количество публикаций², как правило, популярного и мемуарного характера³; обстоятельной его биографии до сих пор не опубликовано; сведения о несохранившемся в целости его собрании также в достаточной степени фрагментарны.

¹ Статья представляет собой дополненный вариант одноименного доклада, прочитанного 14 июня 2012 г. на юбилейных научных чтениях БАН «Жизнь с книгой: Проблемы изучения рукописной и печатной книги», посвященных юбилеям И. Н. Лебедевой, Е. А. Савельевой, Н. Ю. Бубнова.

² Частично учтены: Ильина О. Н. Изучение личных библиотек в России: Материалы к указателю литературы на русском языке за 1934—2006 гг. СПб.: Сударыня, 2008. С. 409.

³ Наиболее содержательные: Иващенко Н. История одного собрания // Альманах библиофила. М.: Книга, 1977. Вып. 4. С. 93—100; Иващенко Н., Коршунова Н. Собиратель // Там же. 1985. Вып. 18. С. 101—144; Вып. 19. С. 125—153; Гринберг М. Л. 1) Сокровища Михаила Чуванова // Москва. 1981.

Последней по времени выхода в свет является статья Н. А. Ефимовой⁴, где сообщены необходимые сведения. Не повторяя их, сообщу лишь, что Михаил Иванович родился 1 октября 1890 г. в старообрядческом селе Усады Серпуховского у. Московской губ. и большую часть жизни прожил в Москве и ближайшем Подмоскovie с перерывом на военную службу в годы Великой войны 1914—1918 гг. и на срок заключения 1936—1938 гг.

Впервые о собрании Чуванова в археографической печати было упомянуто в 1965 г. В. И. Мальшевым при обзоре наиболее замечательных рукописных собраний москвичей⁵. Ранее Чуванов и Мальшев познакомились заочно, встреча их состоялась в самом начале 1960-х. Взаимный интерес и симпатии двух выдающихся знатоков старообрядчества был обусловлен не только общностью их профессиональных интересов, но и душевными качествами. На протяжении ряда лет они состояли в переписке, оборвавшейся в 1976 г. в связи с кончиной Мальшева, бывшего на 20 лет моложе Чуванова.

Летом 1978 г., возвращаясь из археографической экспедиции в Кировскую обл. через Москву, сотрудник БАН Н. Ю. Бубнов по совету И. Н. Заволоко нанес визит М. И. Чуванову, жившему на ст. Ухтомская Казанской ж/д. Увиденное в доме поразило Бубнова настолько, что, в ходе показа хозяином наиболее интересных книг и рукописей, он решился, учитывая возраст владельца, задать М. И. вопрос о дальнейшей судьбе его коллекции. К столь бестактному, но закономерному в устах археографа вопросу М. И. отнесся с должным пониманием и на сделанное гостем предложение ответил, что готов рассмотреть вопрос о передаче его в Библиотеку Академии наук. (Хранящиеся в ней материалы М. И. представлял достаточно хорошо по имевшемуся в его библиотеке «Историческому очерку и обзору фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР», отдельным томам «Описания Рукописного отделения БАН» и «Истории Библиотеки Академии наук СССР»). В свою очередь визитер пообещал по приезде в Ленинград сообщить о данных переговорах дирекции БАН.

По возвращении Бубнов незамедлительно подал на имя директора БАН служебную записку о необходимости приобретения собрания Чуванова, особо оговорив поставленное владельцем условие сразу же после покупки и перемещения собрания в БАН приступить к его описанию и скорейшему составлению каталога. (Следует добавить, что старопечатные книги XVI—XVII вв. к этому времени уже предварительно были описаны самим Чувановым). Реакция дирекции БАН (в то время Библиотеку возглавлял Д. В. Тер-Аванесян) была

№ 9. С. 173—179; 2) Собиранье // Памятники Отечества. М.: Советская Россия, 1984. № 2. С. 88—101; 3) От автора // Зеленогорский Михаил. Жизнь и труды архиепископа Андрея (князя Ухтомского). Изд. 2-е, дополн. М.; Иерусалим: Мосты культуры / Гешарим, 2011. С. 5—14; М[иролюбов И. М.] К 90-летию М. И. Чуванова // ЖМП. 1981. № 1. С. 54—56; 2) М. И. Чуванов. (К 95-летию со дня рождения) // Старообрядческий церковный календарь на 1986 год. Рига, 1986. С. 59—60; Мацнев С. Памяти М. И. Чуванова // ЖМП. 1988. № 10. С. 60—61; Сморгунова Е. М. 1) Памяти М. И. Чуванова (1890—1988) // Старообрядчество: История, культура, современность. М., 1995. № 5. С. 67—71; 2) Два века московского Преображенского некрополя: Материалы из архива М. И. Чуванова // Мир старообрядчества. М., 1995. Вып. 2. С. 196—210; Старообрядчество: Лица, события, предметы и символы: Опыт энциклопедического словаря / сост. С. Г. Вургафт, И. А. Ушаков. М.: Церковь, 1996. С. 308—310.

⁴ Ефимова Н. А. Материалы старообрядческой Преображенской общины в архиве М. И. Чуванова // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. СПб.: БАН, 2013. [Вып. 6.] С. 295—299.

⁵ Мальшев В. И. Москвичи — собиратели письменной и печатной старины // ТОДРА. Т. XXI: Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы. М.; Л.: Наука, 1965. С. 388—389.

в целом положительной, однако для принятия окончательного решения требовалось уточнить ряд условий владельца, а также представить с максимальной полнотой все количественные характеристики собрания. На январь-февраль 1979 г. была запланирована командировка в Москву двух сотрудников БАН для предварительной его оценки собрания и определения объема работы по его описанию. Обо всем этом осенью 1978 г. Бубнов сообщил Чуванову.

Завязавшиеся в 1978 г. отношения БАН и Чуванова продолжения не получили по причине самой прозаической: в то время дирекция БАН не смогла найти средств для приобретения данного собрания. Не получили продолжения и завязавшиеся в конце того же года отношения Чуванова с Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

После внезапной кончины 2 мая 1976 г. Малышева — не только основателя Древлехранилища, но и единственного лично знакомого с Чувановым его сотрудника, общение Института с М.И. на время прекратилось и было возобновлено лишь в сентябре 1978 г. В.П. Бударагиным, написавшим М.И. письмо. В.П. ничего не знал о предпринимавшихся почти в то же время аналогичных действиях своих коллег из БАН, — он лишь восстанавливал оборвавшиеся в связи с кончиной Малышева знакомства. М.И. незамедлительно ответил; завязалась переписка, столь же стремительно по причинам, которые в настоящее время В.П. вспомнить не смог, прекратившаяся. (В настоящее время вся переписка между Бударагиным и Чувановым хранится у И.В. Поздеевой).

Во время зимних студенческих каникул в конце января 1979 г. автор настоящего сообщения был в Москве, нанес визит М.И. и был несколько удивлен прозвучавшей в конце разговора его просьбой: не смог бы я узнать в Пушкинском Доме, насколько тот заинтересован в приобретении его собрания? Я пообещал сразу же по приезде в Ленинград все выяснить; подобная просьба меня не удивила, ибо к этому времени меня с М.И. уже связывали добрые отношения.

Кратко изложу их предысторию. В октябре 1976 г., будучи студентом-первокурсником Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова, через общего знакомого я познакомился с Чувановым. На меня произвели сильное впечатление как дом на улице Розы Люксембург, построенный в 1926 г. по проекту В.М. Васнецова, так и личность его обитателя и владельца изумительной по тщательности подбора библиотеки. В свою очередь и М.И. проявил интерес к юному студенту, интересовавшегося издательской деятельностью Преображенского богаделенного дома, где сам Чуванов в начале 1910-х служил наборщиком, а потом заведовал типографией. Когда же М.И. узнал, что я в то время имел обыкновение на сон грядущий читать «Маргарит», некогда им своеручно набранный, — проблем в общении, несмотря на шестидесятивосьмилетнюю разницу в возрасте, уже не возникало. С 1977 г. я писал статьи в «Словарь русских писателей XVIII века» и не менее двух раз в год ездил в Москву для работы в ЦГАДА и ЦГАЛИ, неизменно нанося визит Чуванову.

М.И. отличался исключительным гостеприимством и вниманием к собеседнику: время визита всегда заранее оговаривалось с тем, чтобы не допустить каких-либо отвлечений от беседы за самоваром. Рассказывать об этом излишне: манера общения М.И. необычайно ярко и живо передана в книге В.В. Лаврова⁶. Автор представил Чуванова-коллекционера; мне же М.И. запомнился прежде всего не только гостеприимным хозяином, но и замечательным рассказчиком. Чуванов был в высшей степени добросовестным мемуаристом: если

⁶ Лавров В.В. Книжная лихорадка. Москва, вторая половина XX века: печатные сокровища, библиотеки, букинисты. Детектив в лицах, документах, воспоминаниях и легендах. М.: Книжный клуб «36,6», 2007. С. 190—206.

чего-либо не знал или не помнил, — он так о том прямо и говорил. Тему для своих мемуарных повествований М. И. предлагал выбирать собеседнику. (Мне до сих пор памятли рассказы о прогулках с М. А. Булгаковым по книжным лавкам и о совместной их поездке в Сергиев Посад (опубликован в записи А. П. Кончаковского⁷), а также о поездке с А. И. Тиняковым на агитационном пароходе в Поволжье). Беседы по некоторым сюжетам носили в достаточной степени доверительный характер, а посему поручение М. И. хоть и удивило меня, но не настолько, чтобы удивление это выражать. К этому времени я в некоторой степени уже был связан с Институтом — дважды ездил в археографические экспедиции ИРЛИ на Северную Двину и сотрудничал в «Словаре русских писателей XVIII века»; поручение М. И. казалось мне легко выполнимым.

Свое обещание я выполнил сразу по приезде, переадресовав заданный мне вопрос Бударагину. Отмечу, что М. И. не сказал мне ни слова о своих предшествовавших переговорах с БАН и Дрвелехранилищем; также об этом мне не сказал и В. П., поручив мне передать Чуванову, что Пушкинский Дом сделает все возможное для приобретения его собрания. В тот же вечер я позвонил М. И., поведав об успехе миссии. В дальнейшем этим вопросом я не интересовался, пока В. П. не сообщил мне, что меня хочет видеть Д. С. Лихачев. (Ранее я с ним лично знаком не был). Я тотчас поднялся в Сектор древнерусской литературы и, увидев Д. С., представился. Лихачев вышел со мной в преддверие Сектора, чтобы разговором не мешать сотрудникам, и сразу начал меня расспрашивать — поначалу (кратко) обо мне самом, затем (обстоятельно) о Чуванове. Отмечу, что Д. С. совершенно не интересовал состав чувановского собрания, тем более количественные характеристики — его интересовал М. И. исключительно как личность: круг интересов, режим дня, бытовые привычки. Помню, что Лихачева необычайно заинтересовал рассказ о том, как Чуванов пьет чай — обязательно из самовара и непременно горячий до той степени, когда кипяток еще булькает в стакане. К слову сказать, свое долголетие М. И. объяснял неупотреблением горячительных напитков, табака, кофе и газированной воды; последнюю он считал несравнимо более вредной, чем алкоголь и курение, вместе взятые.

О происходившем далее знаю со слов Бударагина. В марте 1978 г. Лихачев в сопровождении заместителя директора (одновременно заведующего Рукописным отделом ИРЛИ) В. Н. Баскакова нанесли визит Чуванову. После осмотра дома между хозяином и гостями состоялась беседа, в ходе которой почти сразу была достигнута договоренность о приобретении Институтом всего собрания и издании его каталога. Большая часть беседы между Лихачевым и Чувановым носила по преимуществу характер воспоминательный: несмотря на разницу в поколениях, оба принадлежали к одной эпохе. Ср.: «Резкое понижение уровня культуры в эти годы остро чувствовалось Лихачевым. Он пережил свою среду: из жизни ушли не только его учителя и старшие собеседники, но и одноклассники, подельники по “Космической академии”. До этого в советском обществе существовала досоветская начинка, в 1970-е годы советский дух, казалось, охватил все культурное пространство»⁸.

«Именно в это время Д. С. почувствовал себя одиноким» — Ленинград воспринимался им как «огромная могильная плита, роскошная, но всё же могильная и изрядно попорченная»⁹.

⁷ Кончаковский А. П. Легенды и были дома Турбиных. Киев: Факт, 2008. С. 225.

⁸ Зубок В. Д. С. Лихачев в общественной жизни России конца XX века. СПб.: Европейский Дом, 2011. С. 37.

⁹ Там же. С. 38.

Для М. И. процесс ухода в вечность людей его поколения произошел еще ранее. По словам Лихачева, они не могли наговориться и засиделись до вечера. (Баскаков в ходе разговора мрачно молчал; вероятно, он произвел на хозяина дома впечатление понятого, поскольку М. И. задал мне вопрос: а кто он по специальности? Поскольку я тогда самого Баскакова не представлял и внешне, то отвечал не зная, чем еще более озадачил Чуванова). По итогам данной поездки в апреле 1978 г. в Ухтомскую был командирован Бударагин. Что же касается Лихачева, то при ближайшей встрече он поблагодарил меня за радость знакомства с Чувановым. В свою же очередь и М. И. был необычайно рад визиту Д. С., с гордостью показывая подписанные им книги.

Дальнейшего развития отношения ИРЛИ с Чувановым по неведомым мне тогда причинам не получили. Я не считал для себя возможным проявлять интерес к делу, непосредственно меня не касавшемуся. Как позднее сообщил мне Бударагин, причиной охлаждения интереса Института к приобретению собрания Чуванова явилось носившее принципиальный характер требование его владельца издать описание старопечатных книг его собрания отдельной книгой, однако Пушкинский Дом мог тогда себе позволить лишь опубликовать данное описание в соответствующем разделе двух томов «Трудов Отдела древнерусской литературы». (Публикаторские возможности академических институтов в то время строжайшим образом регламентировались РИСО АН СССР, утверждавшим все издательские планы). Подобное предложение не могло заинтересовать Чуванова, а доводы о планировании и листаже не смогли убедить опытного полиграфиста, посвятившего книгоизданию большую часть жизни.

К этому следует добавить, что переговоры ИРЛИ с Чувановым хронологически почти совпали с резким обострением тлевшего в Институте конфликта, в ходе которого Баскаков лишился обоих занимавшихся постов, взамен чего приобрел строгий партийный выговор «с предупреждением» и запретом использоваться впредь на любой руководящей работе в связи с осуществлявшейся им пропагандой сионизма — о чем он сам едва ли ранее подозревал. Трагикомическая история, воспринимаемая ныне как скверный анекдот эпохи развитого застоя, в начале 1980-х гг. воспринималась иначе — в качестве ответственного идеологического мероприятия, на несколько лет занимавшего лучшие институтские умы и повлекшего серьезные организационные выводы, в том числе кадровые перестановки¹⁰.

Оплошностью ленинградцев не замедлили воспользоваться москвичи. В том же 1979 г. о намерении Чуванова определить собрание в государственное хранилище узнала И. В. Поздеева, и до того на протяжении многих лет бывшая с М. И. в добрых отношениях. Воззвав к его московскому патриотизму (а Чуванов был еще деятельным членом общества «Старая Москва») и предварительно получив согласие администрации Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (ГБЛ), И. В. в конце года уговорила М. И. именно туда передать на постоянное хранение часть книг кириллической печати, а также личный архив и собрание различных рукописных материалов XIX—XX вв., в большинстве своем не относящихся к истории старообрядчества. В течение 1979—1980 гг. ГБЛ приобрела все эти разделы чувановского собрания, поступившие соответственно в отдел редких книг и отдел рукописей¹¹.

В соответствии с соглашением, в 1981 г. ГБЛ опубликовала каталог «Коллекция старопечатных книг XVI—XVII вв. из собрания М. И. Чуванова», подготовленный Поздеевой

¹⁰ См.: Лавров А. В., Фомичев С. А. Дело о «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома» // In memoriam: Сборник памяти Владимира Аллоя. СПб.: Феникс; Париж: Atheneum, 2005. С. 418—456.

¹¹ См.: Собрание рукописных книг М. И. Чуванова: краткие сведения // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М.: Книга, 1983. Вып. 44. С. 114—115.

при деятельном участии самого М. И.¹² Выход в свет данного каталога послужил причиной резкого охлаждения отношения Чуванова к главной библиотеке страны. Каталог был издан силами редакционно-издательского отдела ГБЛ и, как все издания РИО ГБЛ, распространялся данным отделом самостоятельно, помимо книготорговых организаций. В порядке исключения тираж этого каталога составил 1500 экз. вместо обычных в практике РИО ГБЛ 990 экз. (Обычный для ведомственных РИО тираж не более 1000 экз. упрощал получение разрешения на выпуск в свет, т. к. не требовал согласования данного издания с планирующими структурами Госкомиздата). Увеличение тиража до 1500 экз. было связано с тем, что М. И. предварительно договорился с администрацией ГБЛ о том, что он выкупит сразу по выходе 500 экз. каталога. Несмотря на то, что письменное соглашение о том в виде гарантийного письма со стороны М. И. было подано заблаговременно, администрация ГБЛ не соблюла договоренность и по распоряжению дирекции весь тираж был пущен в свободную продажу, — сам же М. И. узнал об этом слишком поздно.

Вместо извинений и допечатки тиража каталога (им же частично оплаченного на стадии составления) Чуванов со стороны дирекции ГБЛ удостоился обращения, которое он расценил как совершенно неприличное. Между тем дирекция ГБЛ не понимала самой сути претензий М. И., задавая ему встречные вопросы: «Ну, мы же вам бесплатных 10 экз. каталога выделили, — вам что, мало? А у нас по темплану много заявок поступило — нам что, людям отказывать? И вообще, мы за вашу коллекцию вам большие деньги заплатили, а другие нам просто так дарят! Не понимаем, чего вы вообще от нас хотите». Для М. И. это был серьезный удар, поскольку он уже предвкушал торжества по случаю начала передачи собрания в ГБЛ; намеревался он и раздаривать каталог, который в итоге он не смог поднести даже близким друзьям и разослать в библиотеки старообрядческих общин в качестве образцового руководства по описанию старопечатных книг. Через пару лет М. И. сумел побороть свое предубеждение и заехал в ГБЛ, где обнаружил, что в отделе рукописей еще не приступили к описанию его архива. (Именно в эти годы шла жесточайшая внутренняя война между двумя группировками сотрудников данного отдела, неоднократно описанная в мемуарах и нашедшая отражение в СМИ. Всем было не до описания архива М. И., тем более, что отдел был закрыт на проверку фондов). Следствием сей сугубой бестактности со стороны дирекции ГБЛ было то, что Чуванов категорически запретил домашним после его кончины иметь какие-либо дела с главной библиотекой страны.

О собственной кончине М. И., как человек здравомыслящий и благочестивый, размышлял всегда, но никак не предполагал ее в ближайшем будущем. На десятом десятке он отличался завидным здоровьем. М. И. ежегодно совершал поездки на Новый Афон; осенью 1990 г. он намеревался торжественно отпраздновать свой 100-летний юбилей. То, что человек предполагает, сбывается далеко не всегда. Весной 1988 г., едва ли не впервые в жизни, М. И. попал в больницу (положили на обследование; диагноз не подтвердился, однако его сперва простудили, а затем выписали под расписку). Увиденное и пережитое в лечебном учреждении произвело на М. И. настолько тяжкое впечатление, что в его дотоле совершенном организме начались сбои и 15 апреля Чуванова не стало.

Почти сразу после погребения М. И. на Преображенском кладбище, с которым он был связан всю жизнь, домашних стали одолевать предложениями о продаже всего после него оставшегося: икон, рукописей, книг, реликвий. На семейном совете родные М. И., а именно

¹² Коллекция старопечатных книг XVI—XVII вв. из собрания М. И. Чуванова: Каталог / ГБЛ. Сост. И. В. Поздеева при участии М. И. Чуванова. Под ред. Е. Л. Немировского. М.: ГБЛ, 1981. 200 с.

его вдова Анна Григорьевна, дочь Валентина и внук Сергей решили, по мере возможности, не допустить распада собрания. В целом судьбу собрания они доверили старинному другу семьи В. Н. Смирновой — в то время полковнику внутренней службы (противопожарные формирования), даме решительной и волевой, в деловых и нравственных качествах которой у них не было сомнений. Следует отметить, что В. Н. являлась женой поэта Ю. А. Паркаева (1941—2013) — одного из крупнейших собирателей всего, что имеет отношение к С. А. Есенину и его окружению. (В свое время интерес к Есенину, с которым М. И. пребывал в дружеских отношениях еще со времени учебы в Народном университете имени А. Л. Шанявского, и послужил поводом к знакомству, которое переросло в многолетнюю семейную дружбу). По совету родных Чуванова в начале октября 1988 г. В. Н. позвонила мне и задала вопрос: будет ли заинтересована БАН в приобретении его собрания?

К тому времени уже были составлены предварительные списки библиотеки, а также собрания старопечатных книг и рукописей. Более того: В. Н. отнесла их руководству Мосбуккниги для вынесения предварительного суждения об их стоимости. В кратчайшие сроки была произведена оценка всего собрания, причем произведена заочно, по спискам. Общая оценка собрания рукописей, книг кириллической печати, а также собрания книг по истории старообрядчества составила примерно 310 000 руб. — сумму для 1988 г. огромную. Примерно в такую же сумму (если не в большую) была оценена коллекция книг с автографами (более 5 000 книг XIX—XX вв., среди которых значительное количество инскриптов было адресовано самому М. И.). Доброжелательное руководство Мосбуккниги разъяснило В. Н. то, что реальная стоимость предлагаемого на букинистическом рынке была значительно выше, т. к. они сами в ряде случаев были вынуждены руководствоваться при оценке устаревшими нормативными актами и ведомственными инструкциями. Более того: в случае необходимости продажи руководство Мосбуккниги само изъявило желание и готовность приобрести полностью все позиции по обоим спискам. При всем том эти же букинисты советовали владельцам ни в коем случае не торопиться с продажей, мотивируя этот совет как прогрессирующим обесценением денег, так и тем обстоятельством, что при продаже частями стоимость собрания может возрасти в 2—3 раза, а при аукционной продаже — на порядок. (Все хлопоты по ее организации «Мосбуккнига» обещала взять на себя.) Владельцы, памятуя о воле Чуванова сохранить его собрание в качестве единого целого, поблагодарив, отказались от столь выгодного предложения.

Навестив родных М. И. в день его рождения — 14 октября (празднование он традиционно сдвигал на день, совмещаая с Покровом), я получил от В. Н. оба списка и по возвращении в Ленинград сразу же передал их в сектор рукописной книги ОРРК БАН А. А. Амосову. После тщательного их изучения нами совместно было принято решение ради успеха предприятия отказаться от приобретения коллекции книг с автографами¹³ (представлялось затруднительным объяснить необходимость приобретения имевшихся в БАН книг, при пожаре Библиотеки в 1988 г. не пострадавших) и всецело сосредоточиться на приобретении лишь собрания рукописей, кириллических книг, а также библиотеки по истории старообрядчества — общим объемом не менее 3 184 ед. хр. (Формулировка «не менее» соответствовала тому, что отдельные

¹³ Описание наиболее интересных см.: Ласунский О. Г. Двадцать тысяч друзей: (о собрании книг с автографами писателей коллекционера библиофила М. И. Чуванова // Подъем. 1967. № 4. С. 159—163; К заседанию, посвященному 90-летию старейшего московского библиофила Михаила Ивановича Чуванова. Выборочный каталог книг с автографами. 17 апреля 1980 года // Клуб библиофилов Центрального Дома архитекторов. Предисл. Ф. Медведева. М., 1980. 24 с.

книги были найдены после подачи списков в Мосбуккнигу, а также тем, что конволюты, как правило, были описаны по первому аллигату). В это число входили свыше 350 рукописей XVI—XX вв., в т. ч. лицевое Евангелие Филиппа Кольчева с его вкладной записью; более 350 книг кириллической печати XVI—XX вв., в том числе Триодь Постная 1589 г. и Апостол 1597 г., свыше 130 ед. гектографированных изданий и свыше 2000 книг и периодических изданий по истории старообрядчества. Помимо этого при моем посещении наследников М. И. я постарался по мере возможности осмотреть дом и счел необходимым присоединить к отложенному для БАН собранию также коллекцию календарей (почти исчерпывающий до 1988 г. комплект печатных календарей всех старообрядческих согласий), а также подборку периодических изданий духовного содержания. (Стоит отметить полный комплект «Журнала Московской Патриархии», ранее принадлежавший секретарю редакции М. И. Комарову — другу, соседу и тезке М. И. Чуванова). Особо были присоединены хранившиеся в виде перевязанной россыпи материалы к истории Преображенской общины, о которых обстоятельно рассказала Н. А. Ефимова.

После изучения списков и принятия решения Амосовым и мною была поставлена в известность заведовавшая в то время ОРРК Л. И. Киселева. Опытнейший администратор, Л. И. в достаточной степени скептически отнеслась к возможности приобретения БАН за столь большую сумму всего чувановского собрания, однако составленную нами вдвоем служебную записку завизировала и лично представила в дирекцию. Вопреки ожиданиям, замысел приобретения данного собрания встретил со стороны и. о. директора БАН доктора педагогических наук В. П. Леонова благосклонное отношение: он сразу наложил положительную резолюцию и возложил на зам. директора М. А. Шапарневу обязанность нахождения необходимой для совершения сделки суммы, а на меня — ведения переговоров с наследниками. О принятом руководством БАН решении я сразу же сообщил в Москву и с этого времени (октябрь 1988 г.) начался собственно процесс покупки как таковой.

Наибольшие тяготы этого процесса легли на плечи Шапарневой. Напомню, что дело происходило в конце 1988 г. С одной стороны, советский рубль начал стремительно сползать в сторону снижения покупательной способности: хотя еще ничего не предвещало товарного голода 1990—1991 гг., страна уже была наводнена огромным количеством ничем не обеспеченных денег. Принятие в конце 1987 г. закона о кооперативах и практика выдачи государством т. н. «технических кредитов» (т. е. неконтролируемой эмиссии) сделали инфляцию необратимой. С другой стороны, средняя зарплата в СССР тогда составляла 154 руб., а на приобретение уникальных материалов БАН самостоятельно могла потратить не свыше 4000 руб.; еще 4000 руб. она могла потратить после разрешения Президиума АН СССР. Все, что хоть на рубль превышало эту сумму, БАН имела возможность истратить лишь в следующем календарном году, причем для этого требовалось принятие соответствующего постановления Совета Министров СССР по предварительному о том согласованию с Госпланом СССР.

М. А. Шапарнева преодолела все преграды. По поручению директора БАН Амосов и Лепехин составили проект официального письма на имя Президента АН СССР Г. И. Марчука. Перед подачей в дирекцию я показал текст опытному в делопроизводстве чиновнику АН СССР — тот сразу же покрыл авторов сочной бранью, а затем с ходу набело и не минуты при том не задумываясь на моих глазах превратил три страницы «восторгов» в страницу безукоризненного академического канцелярита, после чтения которого резолюция могла быть только положительной. Так и произошло: с первого захода получив

положительную резолюцию Марчука директивного порядка, М. А. отправилась собирать последующие, сперва по академическим, а затем по общесоюзным инстанциям.

Поиск средств оказался крайне непростым делом. Во-первых, все еще продолжала действовать магия цифр — отдать 325 000 государственных рублей в частные руки казалось чем-то сомнительным. (Вслух этого не говорили, но в интонации некоторое недоумение проскальзывало. Что именно БАН получала взамен — интересовало еще менее. Следует заметить, что в то же самое время отдача сумм несоизмеримо более крупных в руки т. н. «кооператоров» государством приветствовалось, ибо согласно причудливой логике т. н. «нового мышления» именно благодаря этому должен был начаться расцвет страны). Во-вторых, несмотря на изначально положительные резолюции, никто из чиновников не решался брать на себя малейшую ответственность, искренне не понимая, почему бумагу должен подписывать или визировать непременно он, а не коллега, более компетентный в данном вопросе. (При видимом расположении чиновников к М. А. скоро она уже начала понимать, что начинает ходить вхолостую и по второму кругу). Энергия М. А. и она сама вызывали невольную симпатию (суть дела уже тогда мало кого интересовала): после того, как доброжелательные чиновники предельно точно объяснили ей порядок действий — в середине декабря Шапарнева вернулась в Ленинград триумфатором: все необходимые подписи были получены, после чего соответствующее решение Совмина было принято.

Сразу же после возвращения М. А. я позвонил в Москву и через пару дней В. Н. Смирнова и Ю. А. Паркаев уже были в Ленинграде. 22 декабря 1988 г. действующая на основании выданных ей наследниками Чуванова доверенностей В. Н. с одной стороны, и дирекция БАН (в лице вышеупомянутых Леонова, Шапарневой и ученого секретаря Н. П. Копаневой) — с другой, составили и подписали договор в простой письменной форме, согласно которому БАН в течение года обязалась выплатить наследникам в равных долях стоимость приобретаемого собрания в размере 325 000 руб. Размер авансового платежа БАН был определен в 50 000 руб., который должен быть внесен в течение двухнедельного срока после подписания договора. Сразу по получении наследниками авансового платежа БАН получала право забрать приобретаемое в размере поименованных в приложении к договору 3184 ед. хр. В тексте договора была сделана особая оговорка о том, что названная сумма не является окончательной, а таковая будет определена лишь после окончательного решения об оценке собрания М. И. Чуванова специальной комиссией, сформированной из сотрудников БАН и членов Ленинградского отделения Археографической комиссии АН СССР.

4 января 1989 г. авансовый платеж в размере 50 000 руб. был переведен наследникам Чуванова. Откуда взялась сумма? Как это ни странно — помог произошедший 14—15 февраля 1988 г. в стенах БАН пожар, на ликвидацию последствий которого сверху были спущены значительные суммы. На конец декабря 1988 г. в БАН оставались неизрасходованными свыше 50 000 руб., которые следовало срочно употребить в дело, поскольку их перенос на следующий календарный год представлялся крайне нежелательным. Выплата авансового платежа представлялась идеальным выходом из этой ситуации. Дирекция БАН настаивала на скорейшем перемещении приобретаемого собрания — подготовка к его вывозу началась сразу после перевода аванса. Был издан приказ о командировании Амосова и меня в Москву. Во избежание непредвиденных случайностей была даже составлена обстоятельная инструкция, как и что следует делать, с которой мы были под роспись ознакомлены. По словам Амосова, впервые столкнувшегося за свою археографическую практику с такими мерами предосторожности, тщательность планирования грядущего перемещения чувановского собрания напоминала подготовку войсковой операции.

9 января 1989 г. в Ленинградском отделении Автобазы АН СССР был заказан предписанный инструкцией «закрытый металлический фургон дающий возможность опломбировки кузова с местом в кабине для сопровождающего лица». Ввиду того, что такого транспортного средства в реестре ленинградской автобазы не нашлось, крайне огорченный этим ее начальник лично позвонил своему московскому коллеге с просьбой оказать всяческое содействие в перевозе особо ценного груза.

Гораздо сложнее было найти упаковочные материалы. (В 2013 г. затруднительно представить реалии конца 1980-х — напомним лишь, что в 1989 г. уже начинался товарный голод). Если потребное количество джутовой (полипропиленовая была тогда в диковинку!) веревки в «Ленакадемнабе» с трудом удалось получить, то в отношении мешков дело представлялось совершенно безнадежным. В вышеупомянутом учреждении их уже не было (все ушли на ликвидацию последствий пожара в БАН), а ранее заказанные должны были быть «выбраны по лимитам» в течение календарного года. Не поступали мешки и в свободную продажу, а в продовольственных магазинах их скупали для своих нужд кооператоры. При посредничестве третьих лиц и при их поручительстве Амосов смог одолжить у одного из них 100 джутовых мешков с обязательством их возврата через неделю. Зам. директора БАН по общим вопросам Е. Р. Прокофьев лично выдал из своих тайников бухту полипропиленовой веревки, длинную большеразмерную иглу и ножницы, а также пломбатор и пломбу. Подумав, со словами: «А это на всякий случай», — Е. Р. добавил еще горсть пломб, чем, с одной стороны, лишил таинство пломбирования сакрального значения, а, с другой, по-житейски здраво рассудил, что ГАИ вполне может заинтересоваться содержимым запломбированного фургона. Предосторожность была не лишней: в СМИ того времени начиналось антикоммунистическое остервенение, причем непременно поминались «привезенные в запломбированном вагоне большевики». Интерес к опломбированному фургону представлялся бы вполне оправданным. Последним напутствием Е. Р. было пожелание тщательно проверить заполнение шофером путевых документов — именно в связи с возможностью досмотра груза на дороге.

На «Красной стреле» 11 января Амосов и я прибыли в Москву; сразу отправились на Автопредприятие АН СССР, что на ул. Вавилова. Предупрежденный звонком своего ленинградского коллеги, ее директор принял нас без очереди и уточнил время и место подачи фургона, пояснив что поведет его один из лучших шоферов. Командировочные удостоверения мы отметили там же, в Автопредприятии. Далее с Казанского вокзала мы отправились в Ухтомскую, где нас уже ждали. Поскольку Амосов ранее никогда у М. И. не бывал, то после обеда нам был показан дом, тогда пребывавший в нетронутом состоянии. Все иконы, все лестовки, все портреты еще находились на своих местах, однако по полкам книг, дотоле стоявших плотными неподвижными рядами, было видно, что их уже снимали (для описания). А. А. очень сожалел, что лично не застал Чуванова; в свою же очередь родные М. И. также весьма сожалели об его незнакомстве с Амосовым.

Почти сразу же после знакомства началась работа по поединичному приему всего собрания, продолжавшаяся почти два с половиной дня. После отметки в списке будущая единица хранения упаковывалась в бумагу или полиэтилен, после чего погружалась в мешок; последний прошивался полипропиленовой веревкой и обвязывался джутовой; к последней прикреплялся № (обычная каталожная карточка). Работа выполнялась вдвоем и была достаточно если не трудоемкой, то затратной по времени; час прибытия фургона определял предел отпущенного нам срока. В целом сверка была завершена к вечеру 12 января и был подписан

акт приема-передачи; следующий день 13 января был всецело посвящен упаковке: всего было сформировано 66 мешков, набитых не под завязку.

Ввиду того, что в кабине фургона предусматривалось место лишь для одного сопровождающего, в тот же вечер Амосов с наиболее ценными рукописями (два места ручной клади) на «Красной стреле» отправился в Ленинград. Примерно в 22 часа я с ним расстался на платформе Ухтомская — через четверть часа А. А. прибыл на Казанский вокзал, пересек Комсомольскую пл. и отбыл в БАН.

14 января в 6.00 «закрытый металлический фургон, дающий возможность опломбировки кузова с местом в кабине для сопровождающего лица» и с шофером Сергеем за рулем уже стоял у калитки дома по ул. Розы Люксембург. Погрузка мешков (я носил, Сергей укладывал) заняла более часа. После пломбирования кузова и прощания с Анной Григорьевной и Валентиной Михайловной двинулись в путь. По предварительным расчетам Амосова, дорога должна была занять 10—12 часов, в зависимости от наполнения трассы. Тем не менее, действительность внесла свои коррективы: в связи с тем, что мост через верховья Волги в тот день был закрыт из-за поломки, пришлось двигаться в объезд по дороге, для такого скопления транспорта непригодной, отчего образовалась пробка. Был прекрасный солнечный день, слегка морозило; почти все время я дремал в кабине. В итоге вместо расчетных 18 часов вечера фургон прибыл в БАН около 4 часов утра.

Все это время прибывший накануне утром прямо с вокзала в БАН Амосов не покидал отдела и изрядно поволновался. Мобильные телефоны в СССР распространения в ту пору вообще не имели (и даже пейджер представлялся технической новинкой), а посему А. А. не знал, что и предположить. Не менее переживал шофер, не знавший, как сообщить жене о том, что с ним все благополучно. По приезде звонком из отдела Сергей успокоил супругу, после чего был произведен предписанный инструкцией «осмотр целостности пломбы», затем мешки были извлечены из фургона. Разгрузка происходила в обратном порядке: Сергей подавал, я относил в вестибюль. После очищения фургона Сергей с нескрываемой радостью его запер, наотрез отказался от чая, «дал по газам» и умчался в сторону Москвы. Я вносил мешки в помещение Рукописного отдела, а Амосов выстраивал их в порядке номеров по обе стороны коридора. Пространство это с 1925 года неоднократно запечатлено на фотоснимках — столь совершенна перспектива, оттененная перепадом высот шкафов и витрин... Столь благоприятного и быстрого исхода еще три месяца назад казавшегося совершенно несбыточным предприятия мы не ожидали и нас переполняла радость от содеянного, отчего с мешками коридор смотрелся еще прекраснее. (Велико было сожаление об отсутствии в тот момент фотоаппарата). Первое, что мы сделали, прежде чем приступить к запоздалой новогодней трапезе, — это составили предписанный инструкцией акт о том, что «пломба на фургоне нарушена не была и все 66 мешков прибыли в неповрежденном состоянии».

По сочетанию житейского практицизма с суеверием, было решено воздержаться от распространения сведений о приобретении БАН собрания М. И. Чуванова до полного расчета с его наследниками. Начиная с 25 января Шапарнева принялась изыскивать те средства, в отношении выделения которых уже были приняты соответствующие решение Президиума АН СССР и постановление Совета Министров СССР. Как только деньги в БАН поступали, то они сразу же переводились по назначению. (Если мне не изменяет память, то было три перевода. С благодарностью вспоминаю бухгалтера С. В. Сизову, на которую было возложено ведение всей финансовой документации по этой сделке, а также секретаря Э. И. Хохлову, контролировавшую документооборот). К обусловленному договором сроку 22 декабря

1989 г. уже поступила большая часть суммы, а полностью расчеты были завершены в марте 1990 г. О новостях «с финансового фронта» М. А. сразу сообщала Амосову и мне, как ранее рассказывала о странствиях в кабинетах чиновников, — с присущим ей воодушевлением и даром эпического повествования.

Одновременно в течение 1989—1990 гг. систематически проводились заседания экспертно-оценочной комиссии в следующем составе: А. А. Амосов, Н. Ю. Бубнов, В. П. Бударагин, М. Ю. Гордеева, Л. А. Дмитриев, Л. И. Киселева (председатель), А. И. Копанев, Н. П. Копанева, М. П. Лепехин, О. П. Лихачева, А. С. Мыльников, Л. А. Петрова, М. И. Фундаминский. Как правило, заседания проходили раз в полтора-два месяца. Все издания были поединично расценены и поставлены на постоянный учет.

В октябре 1990 г. к 100-летию юбилею М. И. Чуванова состоялось заседание Научно-методического семинара «Из истории отечественной книжной культуры», проводимого Научно-исследовательским отделом истории книги БАН и ВКЦ «Русская энциклопедия» с сентября 1990 г. по март 1993 г. К заседанию Научно-исследовательский отдел рукописной и редкой книги подготовил выставку наиболее примечательных книг и рукописей Чувановского собрания. Были заняты все витрины; на пространстве, некогда покрытом драгоценными мешками, столь же чинно выстроились слушатели, внимавшие рассказам Амосова, Бубнова и моим. После осмотра поднялись в конференц-зал.

Открывая заседание, член-корреспондент АН СССР Л. А. Дмитриев подчеркнул, что по своему значению из числа поступивших в государственные хранилища за последние три четверти века новоприобретенное собрание М. И. Чуванова сопоставимо с такими собраниями, как Е. Е. Егорова, В. Г. Дружинина, М. Н. Тихомирова и И. Н. Заволоко. Что же касается характеристики количественной, то в этом отношении собрание Чуванова сопоставимо только с коллекцией Егорова. (Здесь следует уточнить, что собрание Егорова явилось первым собранием, поступившим в государственные хранилища после марта 1917 г., а собрание Чуванова — последним крупным собранием советского периода российской истории. — М. Л.)

О поступлении Чувановского собрания в БАН как о наиболее значимом событии года Л. А. Дмитриев, А. И. Копанев и А. А. Амосов говорили в ноябре 1990 г. на ежегодном заседании Ленинградского отделения Археографической комиссии АН СССР. Вторично наиболее выигрышные в зрелищном отношении книги и рукописи из собрания Чуванова были экспонированы в середине августа 1991 г. на небольшой выставке, организованной в БАН к Конгрессу соотечественников.

Практически сразу же материалы Чувановского собрания БАН стали объектом научного описания — в начале XXI века трудами Н. Ю. Бубнова¹⁴ и Ф. В. Панченко¹⁵ часть составленных ими описаний уже опубликована.

¹⁴ Сочинения писателей-старообрядцев первой половины XVIII века / сост. Н. Ю. Бубнов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. (Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук. Т. 7, вып. 2); Лицевые старообрядческие рукописи XVIII — первой половины XX века / сост. Н. Ю. Бубнов, Е. К. Братчикова, В. Г. Подковырова. СПб.: БАН, 2010. (Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук. Т. 10, вып. 1); Старообрядческие гектографированные издания Библиотеки Российской академии наук, последняя четверть XIX — первая четверть XX вв.: Каталог изданий и избранные тексты / сост. Н. Ю. Бубнов. СПб.: БАН, 2012.

¹⁵ Певческие книги выголексинского письма XVII — первой половины XIX века / сост. Ф. В. Панченко. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. (Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук. Т. 9, вып. 1).

К настоящему времени поступившее в БАН собрание Чуванова в составе рукописей, книг кириллической печати, гектографированных изданий, собрания книг по истории старообрядчества полностью описано и доступно исследователям. Хранящиеся в РГБ книги кириллической печати и архив М. И. также полностью описаны и доступны. Оставшееся в семье собрание книг с автографами разошлось через букинистические магазины и аукционы¹⁶. К сожалению, за четверть века, прошедшие со времени кончины Чуванова, не появилось в свет ни его обстоятельное жизнеописание, ни краткое обозрение собранных им сокровищ. Излишне говорить, что жизнетворческий опыт М. И. явил собою одно из высших достижений русского книгособирательства XX века, и Чувановское собрание в стенах Библиотеки Российской академии наук является наглядным тому примером.

Целью данной статьи являлось уточнение предыстории и истории поступления в БАН собрания М. И. Чуванова — как по сохранившимся документам, так и по личным о том воспоминаниям автора статьи и сопричастных этому событию лиц. Благодарю Н. Ю. Бубнова и В. П. Бударagina, высказавших ряд уточнений к повествованию о событиях четвертьвековой давности, а Н. А. Ефимову — за предоставление документов, относящихся к этому бесценному приобретению.

¹⁶ См.: Сеславинский М. В. Аромат книжного переплета: отечественный индивидуальный переплет XIX—XX веков. М.: Астрель, 2008. С. 424—441.

ВАЛЛЕНРОДИАНА БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК

Е. А. Савельева, Г. Н. Питулько

В юбилейный для Российской Академии наук год усилиями сотрудников ее Библиотеки был подготовлен к печати первый выпуск каталога редких книг из кенигсбергского собрания Валленродтов, или Валленродианы, которые, как и почти все частные собрания, вошедшие в состав Библиотеки Академии наук (БАН), не является специально выделенной коллекцией и хранится с 1950-х гг. в иностранном фонде редкой книги. В книгохранилище она располагается с остальными редкими иностранными и русскими книгами по расстановочным форматам, принятым в Академической библиотеке с XVIII в.

Кратко касаясь вопроса происхождения Валленродианы и поступления ее книг в БАН, следует напомнить, что вторая мировая война существенно повлияла на перераспределение культурных ценностей в Европе. Многие библиотеки стран-участниц войны, в том числе и частные, поменяли своих владельцев. Но при перемене владельцев и, главным образом, при перемене места хранения ни одно книжное собрание не попало на другое в том виде, в каком оно хранилось раньше. Не избежали подобной участи и кенигсбергские библиотеки, среди которых находилось собрание Валленродтов. Около 1947 г. книги из Кенигсберга, включенного в состав Российской Федеративной Социалистической республики под именем Калининграда, были отправлены в Ленинград в Библиотеку Академии наук, которая в то время занималась перераспределением репарационных фондов среди библиотек страны. Книги из кенигсбергских библиотек было решено оставить в Академии наук и поделить между двумя академическими библиотеками Москвы и Ленинграда. Часть книг гуманитарного профиля была передана в библиотеку отделения общественных наук Академии наук СССР, затем преобразованную в Фундаментальную библиотеку общественных наук, известную ныне как московский Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН), в котором старая книга, в том числе и немецкая, заняла второстепенное положение. В настоящее время книжное собрание Валленродтов разделено между целым рядом учреждений России; большая ее часть хранится в Научно-исследовательском отделе редкой книги БАН (НИОРК), вторая находится в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН), третья — в Музее Канта и Университете города Калининграда. Ряд изданий этого собрания оказался за границей — в Литве, Польше и Финляндии.

Таким образом, самая старая часть Валленродтского собрания в 1956 г. была принята в современный отдел редкой книги (НИОРК) и с тех пор постоянно хранится здесь. Кроме того, уже в 1980—1990-х гг. ИНИОН передал БАН ряд старопечатных западноевропейских изданий, в том числе и издания XVI—XVIII в. из Валленродианы. По предварительным подсчетам в БАН выявлено более двух с половиной тысяч изданий Валленродианы.

Однако даже книги, находящиеся в БАН, позволяют судить о том, что в целом к концу XVIII в. библиотека Валленродтов насчитывала не менее 10—15 тысяч томов, которые ныне рассеяны по многим городам и странам Европы.

Хронологические рамки Валленродианы достаточно широки — это зарубежные редкие издания XV—XIX вв. Меньше всего в нашем собрании изданий XIX в. — всего пять томов. Среди них интерес представляют записки французского маршала Нея о Наполеоне¹. Самые ранние печатные книги XV в., или инкунабулы, насчитывают всего 14 изданий. В составе Валленродианы БАН хранятся многочисленные сборники, т. е. различные издания, сплетенные в один том (конволюты).

Самой объемной по количеству изданий оказалась та часть Валленродского собрания, которая сосредоточена в формате «in quarto», т. е. в четвертую долю листа. Она насчитывает 1406 издательских единиц. Именно поэтому при составлении каталога Валленродианы ей и было отдано предпочтение. По хронологии описываемые издания распределяются следующим образом: XVI в. — 290 издательских единиц; XVII в. — 1059 издательских единиц; XVIII в. — 76 издательских единиц.

Остановимся чуть подробнее на истории создания самой Валленродианы. Библиотека Валленродтов в Кенигсберге формировалась на протяжении нескольких столетий. Ее начало было положено в 1613 г. Среди самых ярких владельцев-библиофилов из этой семьи выделялись основатель библиотеки Мартин фон Валленродт, его сын Иоганн Эрнст Валленродт и его дядя-соправитель Эрнст Валленродт, чья деятельность и жизнь тесно связаны с Кенигсбергским университетом и общественной жизнью города². Множество сборников из Валленродианы, которые ученые-книгоеды обычно называют конволютами, были составлены непосредственно Эрнстом Валленродтом. Об этом можно судить, исходя из содержания его дарственных записей на книгах. Эти записи также свидетельствуют о его постоянном интересе к библиотеке, получившей место хранения в Домском соборе, относящемся в то время к Кенигсбергскому университету (Альбертине).

Одним из страстных любителей и почитателей редкостей был его дядя — основатель этой библиотеки Мартин Валленродт, в первом собрании которого, сгоревшем во время пожара 1623 г., имелось 3 тыс. томов. Кстати говоря, некоторые из книг нашей Валленродианы несут на себе следы огня, видимо, они связаны с этой катастрофой XVII в. Наличие подобных экземпляров позволяет предположить, что не все первое собрание М. Валленродта тогда погибло. Именно после этого пожара Мартин Валленродт предложил руководству Альбертины свою новую библиотеку, участь которой была ему не безразличной. Главными условиями передачи этого книжного собрания в пользование Университета были выбор безопасного от пожара места хранения — каменный собор и сохранение прав на библиотеку, во главе которой должен был находиться прямой потомок Мартина Валленродта.

Следующим после Мартина Валленродта куратором библиотеки был его сын Иоганн Эрнст Валленродт, который одновременно с Эрнстом Валленродтом, но с меньшим рвением занимался ее пополнением. Об этом также имеется свидетельство на книгах, полученных им от дарителей и ныне хранящихся в наших фондах. Судя по дарственной латинской записи на франкфуртском издании «Рейнеке-Лиса» (1579 г.) с превосходными гравюрами Йоста Аммана, потомок основателя библиотеки Мартин Сигизмунд Валленродт являлся канцлером:

¹ Mémoires du maréchal Ney. T. 1. Bruxelles, 1833.

² Лавринович К. К. Альбертина: очерки истории Кенигсбергского университета: к 450-летию со дня основания. Калининград, 1995. С. 97—107.

«Могущественному и знатному мужу господину Мартину Валленродту Канцлеру Пруссии даровал сию книгу Андреас Фоглер в 1673 г.»³.

Что же касается общей характеристики книг из Валленроддианы, можно с уверенностью утверждать, что Валленродты, являясь страстными библиофилами, большое значение придавали внешнему оформлению книги. До появления экслибриса кураторы библиотеки оставляли свои автографы на книгах, приобретенных для собрания, с 1725 г., переданного под опеку города. Начиная с 1715 г. они пользовались экслибрисом с фамильным гербом и легендой, свидетельствующей об уважительном отношении к трудам своих предков. В начале XX в. хранители пользовались текстовым суперэксlibрисом: «Ex Bibliotheca Wallenrodiana» («Из библиотеки Валлеродианы»). Этот эксlibрис, использовавшийся на протяжении веков, имеет одни и те же рисунок и надпись, печатался на бумаге разного качества и разной выделки: от тряпичной XVIII — нач. XIX вв. до бумаги машинного производства, что свидетельствует о большом сроке бытования владельческого знака в Валленродтской библиотеке.

Валленродты сохраняли уважение к предшествующим владельцам и никогда не зачеркивали их автографы и дарственные записи. Наличие более ранних автографов и помет также свидетельствует и о том, что книги поступали к Валленродтам законным путем.

Одной из особенностей этой библиотеки является сохранение прежних переплетов, на которых иногда встречается тиснение в виде инициалов или года приобретения книги. Довольно часто встречаются переплеты, датированные XVI—XVII вв. К числу первых владельцев, имена которых украшают наиболее ценную часть собрания — книги XVI века, встречается имя библиофила магистра филологии Андреаса Ириса (1540—1600), жизнь которого была тесно связана сначала с Эрфуртским, а затем — с 1568 г. — с Кенигсбергским университетом. Пометы, которые оставил после себя этот библиофил, говорят о том, что большую часть своей библиотеки он собрал именно в Кенигсберге. Судя по имеющимся в нашем распоряжении книгам, Андреас Ирис, кроме автографов на титульных листах, имел и свой собственный переплет с монограммой: «M (agister) A (ndres) I (ris) H (ildesianus)», т. е. «Magister Andres Iris Hildesianus» («Магистр Андрес Ирис Гильдезианус»).

В целом, судьба и состав книг Валленродтского собрания отражают те сложнейшие литературные и политические процессы, которые протекали в Германии главным образом в конце XVI—XVII вв. Еще в 1620-е гг. в Кенигсберге начал складываться кружок поэтов, местом встречи которых служил садик известного поэта, композитора и органиста кафедрального Кенигсбергского собора — Генриха Альберта. Этот автор в 1635 г. написал музыку к первому оперному спектаклю «Клеомед» на либретто другого популярного поэта и профессора кенигсбергского университета Симона Даха. У композитора собирались любители барочной поэзии. Как это было принято в ту пору, они придумали несколько претенциозное название своему кружку — «Тыквенная хижина». Возможно, среди графоманов и поэтов этого кружка был и один из Валленродтов. По крайней мере, в составе Валленродтского собрания находилось достаточное количество сочинений Симона Даха. Причем эти работы представляли собой не только высокий жанр — оды, но и многие произведения «на случай», вошедшие в состав объемных томов-конволютов. Симон Дах прославился прежде всего своими многочисленными погребальными стихами, ряд которых был положен на музыку местными композиторами уже упоминавшимся выше Генрихом Альберти и Иоганном Вейхманом. Как правило, подобные

³ Schopper Hartmann. [Reinecke Fuchs]. Speculum vitae aulicae. De admirabili fallacia et astutia Vulpeculae Reinikes libri quatuor, nunc primum ex idiomate Germanico latinitate donati, adiectis elegantissimis iconibus... auctore Hartmanno Schoppere... Francof. ad Moenum, apud Nicolaum Bassaeum, 1579.

произведения Симона Даха издавались в соответствующем сюжете оформлении. Только в настоящем каталоге учтено 44 его подобных сочинения. Именно Даху принадлежат стихотворения, посвященные Роберту Робертусу и многим другим известным кенигсбергцам. Так, в составе одного из многочисленных конволютов, входящих в состав Валленродианы, мы находим и траурную песню Симона Даха, сочиненную 10 октября 1648 г. по случаю кончины кенигсбергского поэта, прусского государственного секретаря Роберта Робертуса (1600—1648), человека, без сомнения, тесно связанного с семьей Валленродтов.

Исходя из сохранившихся и изученных составителями каталога книжных помет, можно заключить, что Роберт Робертус, или Робертин, придворный советник юстиции, был также одним из первых владельцев книг со своими автографами, оказавшихся затем в составе библиотеки Валленродтов. Можно без преувеличения утверждать, что эрудит Робертус интересовался самыми различными темами, как и сами библиофилы Валленродты. Так, в собрании БАН имеется конволют, в состав которого входит венецианское издание «Описания Италии» Леонардо Альберти 1568 года⁴, имеющее три интереснейшие владельческие пометы, показывающие переход книги от одного владельца к другому. Первоначально книга была приобретена Георгом Лангирфельдом в Венеции в 1590 году. Судя по записи, относящейся к ноябрю 1622 г., это издание уже было в частной библиотеке Роберта Робертуса. Как можно заключить из последней, третьей по счету записи, от Робертуса книга попала к Эрнсту Валленродту, который приложил много усилий для комплектования уже собственной библиотеки. Как видно из записей, книги немецкого поэта, библиофила и одного из основателей литературного кружка в Кенигсберге Р. Робертуса, рано ушедшего из жизни во время чумы 1646—1648 гг., вероятно, сразу же попали в собрание Валленродтов. В одном из конволютов, составленных Эрнстом Валленродтом как раз в годы эпидемии 1646—1648 гг., имеется целый ряд проповедей и стихов, посвященных памяти Робертуса.

Тщательное изучение состава некоторых «толстых» конволютов-сборников дало основание авторам каталога определить и составителя этих удивительных подборок, число которых иногда достигает более 200 отдельных изданий. Наличие дарственных записей и в ряде случаев росписи содержания, написанных одним почерком, позволяет с точностью назвать его имя — это племянник Мартина Валленродта Эрнст Валленродт, который вместо хранителя этой библиотеки сына ее основателя Иоганна Эрнста Валленродта серьезно занимался ее комплектованием. Большая часть этих конволютов содержит в себе тематические подборки. Прежде всего — это проповеди, речи и стихи «по случаю» кенигсбергских и вообще прусских и бранденбургских университетских преподавателей и пасторов. Главным образом, эти сочинения были посвящены случаям весьма печальным. Это было не удивительно, поскольку во многих европейских городах и в XVII в. часто свирепствовала чума, приводившая к смертным случаям.

Вторая важная для Валленродианы тема подборок, составленных Эрнстом Валленродтом, — юриспруденция. В предлагаемом на суд читателя каталоге она представлена в научно-библиографических описаниях многочисленных юридических диссертаций, защищенных главным образом в различных германских университетах. Однако вопреки общему правилу библиотек немецких магнатов и общему числу публикуемых в Германии в это время юридических диссертаций их общее число в собрании БАН невелико. Об этом можно говорить с уверенностью, поскольку почти все издания подобного рода печатались в формате «in quarto».

⁴ *Alberti Leonardo. Descrizione di tutta Italia di F. Leandro Alberti Bolognese... Venetia, appresso Lodovico degli Avanzi, 1568.*

Судя по хранящейся в БАН части Валленроддианы, тематика книг этого собрания была самой разнообразной. В библиотеке находились юридические сочинения известных авторов XVI—XVIII вв., теологические трактаты, роскошные экземпляры Библий, литературные труды и т. д. Представители рода Валленродтов собирали также шедевры типографского искусства — издания Плантена и его наследников, Джунта, Эльзевиров и других известных типографов и издателей XV—XVIII вв.

Если говорить о соотношении национальной немецкой и европейской книги, то, безусловно, в составе Валленроддианы БАН преобладает немецкая книга. При этом латинский язык выступает в качестве основного наряду с сформировавшимся с XVI в. литературным верхненемецким наречием. Чрезвычайно мало представлены другие национальные языки: французский, итальянский, испанский, практически отсутствует английский. Таким образом, в этом собрании на равных правах соседствуют латинский и немецкий языки.

Вполне естественно, что среди книг Валленроддианы основное место занимают собственно кенигсбергские издания, вышедшие в XVI—XVIII вв. Как уже указывалось, очень часто издания юридических трактатов, проповедей «по случаю», погребальных стихов и т. п. объединялись в конволюты. Главным составителем этих, иногда очень громоздких сборников, выступал сам владелец Эрнст Валленродт, племянник основателя библиотеки Мартина Валленродта. Подтверждением этого служат многочисленные росписи состава сборников. Интересны и сами методы подбора изданий в конволюты: это осуществлялось либо по тематическому, либо по месту печати или же по хронологическому принципу. Примером могут служить конволюты, составленные из работ Эразма Роттердамского, или сборники из вольфенбютельских изданий Мартина Лютера, Филиппа Меланхтона и других известных авторов.

Во многих сплетенных в один том изданиях, помимо сведений о принадлежности данной книги к библиотеке Валленродтов, мы встречаем любопытные записи или просто автографы. Например, в конволюте с сочинениями авторов XVI в. в двух изданиях из 9 сохранились записи поэта Себастьяна Артомедуса. Вполне вероятно, что Валленродты, собирая книги для собственной библиотеки, руководствовались и соображениями особой ценности, какую книге придают автографы, связанные с историей Кенигсберга, его известных жителей и Кенигсбергского университета. Сами Валленродты также оставляли записи о первоначальной принадлежности той или иной книги, причем подробно сообщали, кто из их предков приобрел данную книгу. Так, на аугсбургском издании 1569 года «Немецкой Астрономии» Николауса Ренсбергера имеется запись, относящаяся к началу XVII в., т. к. она связана с именем Эрнста фон Валленродта. Она, как и многие подобные ей, проливает свет на первый этап собирательства в семействе Валленродтов⁵. Владельческие записи показывают нам, что Эрнст Валленродт почти всегда сообщал о передаче книги в библиотеку на том языке, на котором книга была напечатана.

Иногда на книгах можно обнаружить пометы Валленродтов, говорящие об их отношении к сочинениям определенных авторов. К примеру, на полях сочинения историка Самуэля Губера имеются пометы, судя по почерку, сделанные Мартином Валленродтом: «Diabol» («Дьявол»), «Corrigire» («Исправить»). Они говорят о тех теологических спорах, которые велись вокруг богословских тем в реформационном Кенигсберге, который в XVI—XVIII вв. являлся типографским центром не только для Бранденбурга и Пруссии, но и для соседних стран. Именно здесь в типографии Даубмана была напечатана первая книга на литовском

⁵ *Nicolaus Rensbergensis. Astronomia. Teutsch. der gleichen vormals nyne in druck auss gangen darinn verfast sind vier Bucher... Augsburg, durch Mattheum Francken, 1568.*

языке — лютеранский Катехизис. Иными словами, Кенигсберг — это крупный университетский город герцогства Бранденбургского, который долгое время служил центром распространения протестантизма на восток.

Конечно же, часть собрания Валленродтов, имеющаяся в БАН, не может дать полное представление об их библиотеке того времени, когда она хранилась в Домском соборе Кенигсберга. Как было сказано, выбор изданий во многом определялся вкусами первых владельцев и тем пиететом, который они испытывали к родному городу. И все же можно предположить, что явное предпочтение отдавалось современным владельцам кенигсбергским изданиям. Главным образом, это были богословские, юридические и политические трактаты, сочиненные преподавателями местного университета «Альбертина». В XVII в. после смерти основателя библиотеки Мартина Валленродта одним из самых ревностных ее почитателей и собирателей стал его племянник Эрнст Валленродт. Как уже указывалось ранее, именно им были составлены многочисленные объемные конволюты, подобранные главным образом по содержательному принципу. Многие из них имеют подробные записи составителя. Само их число уже свидетельствует о необыкновенном пристрастии Эрнста Валленродта к этой библиотеке, хотя в данном случае речь идет только об одном формате «in quarto», описанном в настоящем каталоге.

Как уже было упомянуто, в библиотеке Валленродтов имелись и немногочисленные издания XV в., среди которых имеются такие уникальные экземпляры, как, например, «Пятиязычная Библия», напечатанная 17 февраля 1483 г. в Нюрнберге знаменитым немецким издателем XV — начала XVI вв. Антоном Кобергером со множеством иллюстраций — прекрасных ксилографий, сделанных по образцу Кельнской Библии с удивительными шрифтами, отличающимися от прочих шрифтов типографа. На книге имеются многочисленные записи⁶. Среди инкунабул, находящихся в БАН, преобладают теологические и юридические книги. С большой вероятностью можно говорить о том, что они являются лишь небольшой частью книг XV в. из собрания Валленродтов.

Если инкунабулы собрания БАН по своему содержанию более или менее традиционны, то тематика книг XVI в. более разнообразна. Среди Валленродтианы БАН имеются теологические и юридические трактаты, исторические сочинения, литературные труды, многочисленные проповеди, стихи и речи «по случаю», астрономические и математические работы видных ученых. Книги этого времени изданы в Пруссии, а именно в Кенигсберге, хотя большее число изданий этого города приходится на XVII—XVIII вв. Встречаются издания, напечатанные в таких городах, как Йена, Виттенберг, Нюрнберг, Франкфурт на Майне и Франкфурт на Одере, Лейпциг, и в других немецких типографских центрах. Из книг XVI в. нужно выделить такой уникальный экземпляр, как «Kirchen Ordnung»⁷ («Церковный порядок») (1558 г.) с экслибрисами основателя кенигсбергского университета Бранденбургского герцога Альбрехта и Валленродтов. Библиотека обладала такими изысканными изданиями, как книги, напечатанные знаменитым франкфуртским предпринимателем Сигизмундом Фейерабеном, в частности его «Саксонская хроника» (1585 г.)⁸ и «Персидская история» (1592 г.)⁹.

⁶ [Biblia Germanica]. На нем. яз., цветные инициалы. Текст в два столбца. [Nurnberg, Anton Koberger], 17. Febr., 1483. 263 f.

⁷ Kirchen Ordnung Wie es im Hertzogthumb Preussen... Th. 1—2. Königsberg, bey Johann Daubman, 1558.

⁸ Sächsische Chronica. Franckfurt am Mayn, in Verlegung Sigismund Feyerabend, 1585.

⁹ Persische Historia, Das ist: Warhafft und Aussfürliche Beschreibung von dem landwirigen und erschrocklichen Krieg der Türcken wider die Persien... 1577... Franckfurt am Mayn, durch Johann Feyerabendt in Verlegung Peters Fischers, 1592.

Некоторые его издания были украшены иллюстрациями немецкого художника XVI в. Иос-та Аммана, с которым Фейерабэнд поддерживал постоянную связь. Примером могут служить популярный немецкий народный роман в переложении Гартмана Шопера «Рейнеке Лис» (1579 г.)¹⁰, Гербовник (1579 г.)¹¹. Многие из книг XVI в. относятся к начальному периоду существования библиотеки Валленродтов, о чем говорят записи и суперэкслибрисы либо ее основателя Мартина Валленродта, либо тех лиц, которые дарили ему эти книги. Из немецких изданий XVI в. интерес представляют Библия на саксонском наречии (Гамбург, 1596 г.)¹², «Описание Христианской церкви»¹³ Гидеона Каспара, «Корпус христианского вероучения»¹⁴ Филиппа Меланхтона и другие сочинения знаменитого гуманиста, основополагающие и полемические труды Мартина Лютера. Особо можно назвать его «Энхиридион» с автографом Мартина Валленродта¹⁵. Среди других знаменитых издателей и типографов XVI в., представленных в Валленроддиане БАН, имеются труды знаменитого базельского издателя Иоганна Фробена, в частности, «Жизнь цезарей»¹⁶ с комментариями Эразма Роттердамского, и т. д.

Основное ядро книг Валленродтской библиотеки, в настоящее время хранящихся в БАН, без всякого сомнения, комплектовалось в XVII столетии. Именно к этому периоду относится большая часть изданий. Причем некоторые сочинения авторов XVI века в этой библиотеке были представлены переизданиями XVII в., например «Космография» Себастьяна Мюнстера (Базель, 1614 г.)¹⁷. Для собрания книг XVII в. любой библиотеки этого времени характерно наличие большого числа изданий знаменитой голландской фирмы Эльзевиров, именно в этот период переживавшей свой расцвет. Не было исключением и собрание Валленродтов. В БАН имеется 9 томов из всемирно известной серии «Республики» этого издательства. Можно выделить, в частности, книги, посвященные истории Бельгии, Империи Моголов, Испании, Португалии, Священной Римской империи, Англии, Японии¹⁸ и т. д. Из других изданий Эльзевиров можно назвать историческое сочинение, отражающее эпоху завоеваний Тамерлана¹⁹ или же «Историю»

¹⁰ Schopper Hartmann (1542—?). [Reinecke Fuchs]. Speculum vitae aulicae. De admirabili fallacia et astutia Vulpeculae Reinikes libri quatuor, nunc primum ex idiomate Germanico latinitate donati, adiectis elegantissimis iconibus... auctore Hartmanno Schoppero... Francof. ad Moenum, apud Nicolaum Bassaeum, 1579. [10] ff., 496 pp., [10] ff. cum ill.

¹¹ Feyeraabend Sigismund. Stam und Wapenbuch. Franckfurt am Mayn, 1579.

¹² Biblia Dat ys: De gantze hillige Schrifft Sassisch D. Martin Luth. Hamborch, dörch Jacobum Lucium den Jüngern, 1596.

¹³ Hedion Caspar. Chronica Warrhafftige Beschreibung aller alter Christlichen Kirchen. Franckfurt am Mayn, durch Peter Schmid und Jo. Herwagen Erben, 1565.

¹⁴ Melanchton Philipp. Corpus doctrinae Christianae. Witemberg, Hans Krafft, 1561.

¹⁵ Luther Martin. Enchiridion Piarum precationum, cum Calendario et Passionali, ut vocant... Witebergae, excudebat Laurentius Schuvenck, 1560.

¹⁶ Vitae Caesarum quarum scriptores... Annotationes D. Erasmi Rot. Et Baptistae Egnotij vitas Caes. Basileaem, Froben, 1546.

¹⁷ Münster Sebastian. Cosmographie: das ist Beschreibung aller Lander Herrschafften und furnemsten Stetten... Basel, Sebastian Henricpetri, 1614.

¹⁸ Varenius Bernardus. Descriptio Regni Japoniae. Amstelodami, apud Ludovicum Elzevirium, 1649.

¹⁹ Ahmesdi Arbasiada. Ahmesdi Arbasiadae Vitae et rerum gestarum Timuri qui vulgo Tamerlanes dicitur, historia. Lugduni Batavorum, ex typographia Elzeviriana, 1636.

германского народа фризов, земли которых входили в состав Империи Каролингов, а позднее Империи Габсбургов²⁰ и т. д.

Итак, материалы подготовленного первого выпуска каталога книг из собрания Валленродтов, хранящихся в БАН, позволяют сделать вывод о том, что, несомненно, эта библиотека достойна пристального внимания и изучения. Валленродтское собрание дает представление не просто о книжной культуре Кенигсберга, но и о сложных перипетиях духовной жизни немецкого общества эпохи формирования Прусского королевства. Также данные каталога книг из Валленродтианы позволяют проследить основные этапы формирования норм верхненемецкого языка и немецкой литературы раннего нового времени.

²⁰ *Emmius Ubbo. Rerum Frisicarum historia. Lugduni Batavorum, apud Ludovicum Elzevirium, 1616.*

АВГУСТ ВЕЙХАРДТ И РЕОРГАНИЗАЦИЯ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ АКАДЕМИИ НАУК

Т. В. Кульматова

Бронированный фонд Президиума РАН входит в состав БАН с 1944 г. — вот уже 70 лет. Однако история его начинается значительно раньше и восходит к 1728 г. — ко времени становления издательской и книготорговой деятельности Академии. Исторически Бронированному фонду предшествовала Книжная палата (позднее: Книжная лавка, Книжный магазин, Книжный склад, Книгохранилище изданий Академии наук), через которую осуществлялось книгораспространение изданий Академии наук. История деятельности Книжной палаты (лавки) в XVIII в. получила достаточное освещение в трудах С. П. Луппова, Д. В. Тюличева, А. А. Зайцевой, Г. А. Фафурина¹. Однако XIX в. продолжает оставаться изученным недостаточно. Обнаруженные нами в Петербургском филиале Архива РАН документы позволяют пролить свет на небольшой, но очень значимый период в истории этого академического подразделения — период реорганизации и объединения иностранного и русского книжных магазинов².

К середине XIX в. организация книготорговли Академии наук оказалась в критической ситуации и требовала коренных преобразований. Назрел целый ряд проблем: отсутствие должной документации, беспорядочное хранение книг в книгохранилищах, низкое качество книготорговых каталогов, общая запущенность дел. В 1845 г. Комитет Правления Академии наук поднял вопрос о необходимости реорганизации её книжных магазинов (русского и иностранного). В марте 1849 г. вице-президент Академии наук князь М. А. Дондуков-Корсаков по соглашению с Конференцией решил «подвергнуть прежние книжные магазины совершенному преобразованию»³.

¹ Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время, 1725—1740 / С. П. Луппов; АН СССР. Л. : Наука, 1976. 378 с.; Тюличев Д. В. Книгоиздательская деятельность Петербургской академии наук и М. В. Ломоносов / Д. В. Тюличев ; АН СССР. Л. : Наука, 1988. 279 с.; Зайцева А. А. Книжная торговля в Санкт-Петербурге во второй половине XVIII века / А. А. Зайцева; Б-ка РАН. СПб. : БАН, 2005. 365 с.; Фафурин Г. А. К истории академической книжной торговли в России в эпоху Екатерины II: деятельность Иоганна Вейтбрехта в Санкт-Петербурге / Г. А. Фафурин. СПб. : Петербург. лингвист. о-во, 2010. 376 с.

² В XVIII в. слово «магазин» имело несколько значений. В значении «торговое предприятие, лавка (первоначально — принадлежащая иностранцам и торгующая предметами роскоши и моды)» оно стало употребляться с последней трети XVIII в. Употреблялось оно и в другом значении: «запас оружия, провианта и др. вещей...; помещение, место хранения таковых припасов», т. е. склад (Словарь русского языка XVIII в. СПб. : Наука, 2001. Вып. 12. С. 28—29).

³ СПФА РАН. Ф. 95. Оп. 3. № 138. Л. 48.

Соединение магазинов было предложено не столько для того, чтобы уменьшить расходы, сколько для того, чтобы «их привести в надлежащий порядок, упростить заведывание ими, ввести Коммерческую Бухгалтерию для сбережения Академического имущества и вследствие всех этих мер умножить сбыт книг и Календарей»⁴. Реорганизацией было предложено заняться тогдашнему хранителю магазина иностранных книг Льву Андреевичу (Фридриху Людвигу (Луи)) Шардиусу, который, по мнению Комиссии, созданной в связи с преобразованием книжных магазинов Академии наук, «из всех нынешних хранителей, наиболее способен бы был к заведыванию соединенным Магазином»⁵. Однако Шардиус, несмотря на предложенное ему удвоение жалованья, решительно отказался, заметив, что «на составление книгам подробного инвентаря нужно употребить не один год — но 7 лет постоянных занятий»⁶ и «что он слишком занят другими должностями и при том не знаком с ведением коммерческих книг»⁷. Однако он «вступил в сношение с посторонним лицом, вполне знакомым с книжною торговлею. Это лицо объявило свою готовность составить немедленно инвентарь всему книжному имуществу, приготовить к печати общий Каталог всем книгам, находящимся в Магазилах и поступать впредь по приложенной здесь Инструкции»⁸. Условия его суть: жалованье в 370 р. сер. с квартирою»⁹. Этим лицом оказался Август Вейхардт, который и был принят на службу в Академию. К сожалению, нам практически ничего не известно о биографии Вейхардта. Вышеприведенные слова Шардиуса о нем позволяют сделать заключение лишь о том, что он имел какое-то отношение к книжной торговле. В ряде документов он именуется как «иностранец Вейхардт». Однако отчеты, отложившиеся в СПФА РАН, дают достаточно ясную картину его деятельности в должности хранителя книжного магазина.

Весной 1849 г. Комитетом Правления новому хранителю магазинов был дан проект инструкции, которая определяла круг его действий. Помимо работ, связанных с упорядочиванием обоих книгохранилищ, составлением инвентарей и подготовкой к печати новых книготорговых каталогов, он должен был исполнять и обычные текущие работы, а именно: немедленно удовлетворять требования, поступающие от Непременного секретаря АН, Комитета Правления и комиссионеров Академии¹⁰.

Результатом трудов Вейхардта стали упорядоченные книгохранилища, вся наличность которых была тщательно заинвентаризирована и отражена в подготовленных к печати книготорговых каталогах, составленных на высоком профессиональном уровне. Каталоги Вейхардта разительно отличаются от всех предшествующих книготорговых каталогов Академии наук продуманностью структуры, единообразием и полнотой библиографических описаний,

⁴ Там же. Л. 59 об.

⁵ Там же. Л. 59.

⁶ Там же. Л. 48.

⁷ Там же. Л. 59. С 1837 г. Шардиус состоял хранителем Нумизматического и Египетского музеев Академии наук, а также хранителем медалей и антиков Императорского Эрмитажа (Формулярный список // РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. № 2478. Л. 5—11 а; Ф. 472. Оп. 32. № 20. Л. 76—81; АГЭ. Ф. 56. Оп. 1. № 1—5. 1824—1851).

⁸ Project unter Instruction für den Conservator des vereinigten Bücherlagens der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften // СПФА РАН. Ф. 10. Оп. 1. № 38. Л. 72—73. На нем.

⁹ СПФА РАН. Ф. 95. Оп. 3. № 138. Л. 59.

¹⁰ Таковыми в 1855 г. официально числились: И. Глазунов, Эггерс и комп., П. Должиков в Киеве, Л. Фосс в Лейпциге. (См.: Ученые записки Императорской Академии наук по первому и третьему отделениям. СПб., 1855. Т. 3. С. 593).

полнотой отраженного в них издательского репертуара Академии наук. Именно благодаря А. Вейхардту книготорговые каталоги Академии наук приобрели тот облик, который оставался присущ им вплоть до 20-х гг. XX в.

Деятельность Вейхардта способствовала преобразованию организации и ведения книжной торговли АН, ее переводу на качественно иной уровень. Подробности о работе Вейхардта видны из его отчета, который публикуется ниже. Отчет был составлен им по требованию академика А. А. Куника, которому было поручено «смотрение» (руководство) за деятельностью Вейхардта. Документ хранится в СПФ АРАН (Ф. 95. Оп. 3. № 138. Л. 39—44).

Отчет о ходе занятий по Книжному магазину с 1849 года

Занятия в 1849-м году

В конце Апреля 1849 года я принял в свое ведение комнаты и кладовые Академии Наук, в коих хранились разные книги. С Мая я старался ближе ознакомиться с различными отделениями Книжного Магазина, чтобы, согласно данному мне предписанию, иметь возможность немедленно удовлетворять требования поступающие ко мне от Г. Непременного Секретаря¹¹, Комитета Правления и комиссионеров Академии, как на книги нового и старого издания, так и на целые томы и отдельные тетради; поэтому я должен был перебрать сотни книг прежде нежели мог отвечать на какой либо сделанный мне запрос. Предварительный разбор огромного количества книг и отыскание места, где лежали разрозненные их части, образовали для меня ряд занятий, продолжавшихся несколько недель и потому я должен был позже предполагаемого времени, приступить к настоящей моей работе.

Таким образом, не прежде как с Июля, можно было начать составление счета, описание и увязывание иностранных книг, хранившихся в большой кладовой — что на парадной лестнице в главном здании.

На это нужно было употребить много труда и времени, потому что брошюрована была только незначительная часть книг; большая же часть оставалась непереpletенною. Но к Сентябрю всем брошюрованным изданиям я успел уже составить инвентарий, т. е. все бесчисленные маленькие пачки, лежавшие в различных местах кладовой, приведены были в большие связки и обозначены надписями соответственными предметам. Тоже самое сделано здесь до Ноября и с непереpletенными изданиями. Исключение из этого составляли Академические сборники, как то: мемуары, бюллетени¹² и пр., коих число было весьма значительно. — В Ноябре же я не мог продолжать моих занятий в неотопляемых кладовых, потому что наступил уже холод.

Летом я занялся также устройством в здании Кунсткамеры подручной кладовой, из которой мне предписано было отпускать комиссионерам и др. только брошюрованные экземпляры, а поэтому некоторое количество еще неброшюрованных изданий, на иностранных языках

¹¹ В это время (точнее, с 1826 по 1855 гг.) им состоял ординарный академик, математик Павел Николаевич Фус (1798—1855).

¹² Основные периодические издания Академии наук: «Mémoires de l'Académie Imperiale des sciences de St.-Petersbourg», «Bulletin de l'Académie Imperiale des sciences de St.-Petersbourg» выходили первые с 1803 г., вторые с 1837 г. во множестве серий.

я отдал в переплет, чтобы в последствии, при новом мне предписании или требовании, не было необходимости вскрывать большие связки.

В течение же лета в здании Кунсткамеры мною были собраны все печатные рисунки из Магазина иностранных книг и другие предметы. Уже с первого взгляда я должен был предположить, что на разбор и описание сего запаса потребуется много времени; но я надеялся что этот разбор в Кунсткамере можно будет исполнить в продолжении зимы. К сожалению, по ближайшему рассмотрению это могло быть исполнено только в самом ограниченном объеме, как по обширности работ, так и потому что состояние печей в кладовой представляло к успеху работ немаловажные препятствия.

Кроме того, зимою 1849/50 я занимался у себя на дому предварительным составлением каталога иностранным сочинениям и окончанием большей части копий с заглавий книг, вошедших уже в состав инвентаря. В то же время приготовил и опись всем рисункам, относящимся к 6-й серии мемуаров, чтобы летом 1850 года, с помощью ее удобнее можно было описать эту часть Магазина и проверить количество всех наличных экземпляров.

Занятия в 1850-м году

Когда в Мае м. занятия мои в Магазине иностранных книг могли быть возобновлены, то с помощью предварительных работ, начатых зимою 1849 года я прежде всего приступил к подробному рассмотрению и описи академических сборников, как-то мемуаров, бюллетеней и проч. Для успешного хода работ настоящее помещение (на парадной лестнице) оказалось тесным, по сему некоторые большие шкапы и ящики нужно было вынести. При этом случае я открыл множество древнейших академических изданий и программ на немецком, латинском и французском языках, которые уже давно исчезли из академических каталогов и все оныя внес теперь в каталог и инвентарь. В одном из ящиков я также нашел большое количество разного рода карт и печатных рисунков, изданных Академиею в прошедшем столетии, а потому и положил их на сохранение в Магазин русских книг.

Прим.: При разборке шкапов найдена большая часть подлинных рисунков к этим картам и сверх того открыты еще рукописные карты, из которых одне сделаны древнейшими путешественниками Академии, и другие состоят из планов крепостей и планов битв; из них некоторые относятся ко времени Петра Великого и основания Академии. Все означенные карты перешли из Архива бывшего Географического Департамента Академии, но к сожалению весьма повреждены, однако я сколько мог почистил их и перенес в Магазин русских книг. Между тем во время моих занятий, поступали различные требования на книги русского Магазина. В следствие чего мне дано было поручение составить им опись; при чем обнаружилось, что из отдела Академических изданий только некоторая их часть находилась еще в значительном количестве экземпляров да и то в разрозненном состоянии. Но в течение 4-х месяцев большей части сего все еще значительного запаса изданий состоявших из разных маленьких пачек, сделан был инвентарь. Особенное внимание я обратил при этом на те сочинения, от которых осталось лишь несколько еще экземпляров и на которые нужно было употребить не мало труда, для приведения их в надлежащую полноту. Таких сочинений я успел составить числом около 200, которых уже давно не было показываемо и в каталоге книг, назначавшихся в продажу. — Занятия мои не прерывались даже зимою в ясные дни потому что, по объяснению архитектора, первую комнату в русском магазине можно было отапливать. Кроме того, я продолжал заниматься дома составлением каталога.

Занятия в 1851-м году

В Апреле м. я приступил к приготовлению инвентаря всем медным доскам рисунков, принадлежащих к сочинениям, вышедшим на русском и иностранных языках, к географическим картам и пр. Но именно эта работа могла медленно подвигаться вперед, по той причине что при составлении описи, в большей части случаев надобно было разыскивать: к какому именно сочинению та или другая доска рисунков принадлежала, все ли они были на лицо, которых из них не доставало и проч. Разумеется эти вопросы не всегда можно было решить при тех средствах, какие в то время Магазин представлял, потому что для сего необходимо было также сличать между собою книги, находившиеся в библиотеках Академии. Но не смотря на предстоявшие мне трудности, все количество медных досок — за исключением только немногих — определено с точностию и приведено в порядок по алфавитному указателю тех сочинений, к коим они относились; сверх того приготовлен еще подробный реестр, так что теперь всякую доску легко отыскать, исключая разве тех, которых принадлежности объяснить не было возможности.

Кроме вышесказанного я собрал и описал: все оттиски с медных досок, какие только имелись в наличности. Эта работа потребовала от меня труда и времени; потому что оттиски находились в беспорядке; между тем как подробный разбор их уже по тому самому был необходим, что многие из них были отпечатаны с тех досок, которых уже на лице нет. Всем этим оттискам я сделал подробную опись, чтобы во всякое время можно было сличать их с инвентарем книг и включить в те книги, к которому они не были приложены.

Перед тем я внес в общий Инвентарь досок так называемые географические доски, а изданным от бывшего Географического Департамента Академии географическим картам, проспектам и пр. дан надлежащий порядок и сделана опись.

Наступившая зима и короткие дни воспрепятствовали скорому ходу занятий. Между тем в течение осени и зимы я приводил в порядок лежавшие на полу в первой теплой комнате брошюрованные издания русского книжного магазина. Уже во время составления инвентаря русским книгам некоторые экземпляры их, еще не брошюрованные, были отсланы к переплетчику, чтобы таким образом дополнить число русских книг в подручной кладовой.

Занятия в 1852-м году

В Мае м. я возобновил свои занятия в Магазине иностранных книг, прерванные летом 1850 года. Прежде всего я включил в инвентарь вновь найденные старые издания. Кроме того лежавшие вместе рисунки VI серии мемуаров большею частию литографированные были приведены в порядок согласно составленной зимою 1849/50 года описи. С Мая до Июля все оставшиеся при разборке отдельные части разных изданий были присоединены к книгам и пр. так что я мог приступить к размещению всего собранного в кладовых материала в особые книги in Folio. Таким образом у меня образовались:

1. Инвентарь русским книгам с прибавлением инвентаря географическим картам, портретам и другим гравированным Академиею в прошлом столетии рисункам, экземпляры которых нашлись при разборе.

2. Инвентарь иностранным книгам в двух отделениях, из которых в первом все академические сборники, как напр. Комментарии, акты, мемуары, бюллетени и пр., а во втором — все другие издания Академии в алфавитном порядке.

3. Инвентарь медным доскам, с рисунками для русских и иностранных книг и проч., вошедших в первые два инвентаря. К сему последнему инвентарю присоединена опись всем гравированным и литографированным рисункам, относящимся к VI серии Мемуаров и др., вместе с показанием количества оттисков, находящихся на лице.

Для всех 3 инвентарей придумана мною форма, позволяющая удобно обозначить в них убыль экземпляров каждого издания. Для этого инвентари разделены линиями на графы, так что и по прошествии нескольких лет можно будет по инвентарю тотчас узнать, сколько действительно состоит на лице экземпляров такой-то книги.

Выше было объяснено, что экземпляры многих сочинений оказались разрозненными и находились в разных залах. Конечно было бы весьма полезно соединить эти экземпляры и поставить их в порядке каталога, в одном месте, но этого до сих пор нельзя еще было достигнуть, частью потому, что в течение первых двух лет занятий не имелось для того удобного места, а частью по причине больших затруднений, встречавшихся при постановке пакетов с сочинениями в одном месте. Но чтобы между несколькими тысячами пакетов можно было тотчас отыскать по крайней мере самый нужный, то для сей цели в инвентаре обозначено место, где каждый из них лежит. Этою работою я занимался до исхода Ноября месяца и результат моих занятий был тот:

а. что теперь каждый пакет можно скоро отыскать.

б. что пакет можно будет легко разместить по порядку каталога, при более определенном устройстве Книжного Магазина, в позднейшем времени, и,

в. можно поверять все количество книг, показанных в инвентаре.

Занятия в 1853-м году

Зимой 1852/53 и летом 1853 я занимался окончательным приготовлением каталогов и внесением в инвентари и каталоги вновь поступивших в книжный магазин изданий.

При составлении каталогов я старался выражаться точно и кратко, как только возможно. Их составлено три:

1. Каталог русским книгам находящимся в Книжном Магазине¹³.

2. Каталог книгам на иностранных языках в двух отделениях из которых в первом — академические сборники, в хронологическом порядке, а во втором — другие издания Академии¹⁴.

3. Каталог всем географическим картам, планам и пр., изданным отдельно и сохранившимся или в печатных экземплярах или в медных досках.

¹³ Каталог русских книг изданных Императорскою Академиею Наук и находящихся в продаже у ея комиссионеров = Catalogue des livres publiés en langue russe par l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. Издание 1857 года. [СПб. : в Тип. Имп. Акад. наук], 1857. IV, 72 с.

¹⁴ Catalogue des livres publiés en langues étrangères par l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg et en vente chez ses commissionaires = Каталог книгам, изданным Императорскою Академиею наук на иностранных языках. SPb., 1854. 66 р. Позднее вышло прибавление. Supplément au catalogue des livres de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg publié en 1854 = Прибавление к каталогу изданному в 1854 году. SPb., 1856. 10, [2] р.

Порядок принятый мною для каталогов, есть следующий:

1. Сочинения помещены в алфавитном порядке под именами авторов, а разные сочинения одного лица помещены в хронологическом порядке.

2. Где имя сочинителя не обозначено в заглавии, там я прибегал к другим источникам для узнания его и все таки следовал той же системе.

3. Те немногочисленные сочинения, которых авторы неизвестны, я размещал по начальной букве первого существительного в заглавии.

4. Для тех случаев, когда имя сочинителя не выставлено на заглавном листе, должно искать книгу по главному слову ее заглавия, под которым и означено мною в каталоге имя автора.

5. Все необозначенные в заглавии прибавления обозначены скобками [].

Для точнейшего обозрения во всех каталогах сделаны особые столбцы, в коих против полного заглавия каждого сочинения выставлено количество экземпляров находящихся на лицо, причем за норму принято число экземпляров, состоявшее в наличности к 1 Сентября 1853 года.

БИБЛИОТЕКА М. В. ЛОМОНОСОВА

И. М. Беляева

Личные библиотеки выдающихся деятелей науки всегда привлекали внимание исследователей. Они были неизменными помощниками ученых в их работе. Известно, что М. В. Ломоносов владел довольно обширной библиотекой. Книги были важнейшей частью его жизни. Остались свидетельства увлеченности его книгами с детских лет: в письме к своему покровителю И. И. Шувалову он писал, что мачеха «всячески старалась произвести гнев в отце моем, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами. Для того многократно принужден я читать и учиться, чему возможно было, в уединенных и пустых местах, и терпеть стужу и голод, пока я ушел в Спасские школы»¹.

Свои первые книги на собственные деньги стал приобретать во время своего пребывания в Германии. По возвращении в Россию продолжал собирать книги — покупал, получал в дар, брал в академической библиотеке. Пытливый ум, удивительная любознательность позволяли ему «объять необъятное»: астрономия, физика, история, поэзия, математика, языкознание, горное дело — вот неполный перечень предметов, где он о себе заявил.

После его смерти судьба распорядилась так, что его собрание было обречено на неизвестную, необыкновенно трагическую участь. «Изучение жизни и творчества Ломоносова насчитывает почти два века, литература о нем чрезвычайно велика, и, тем не менее, мы знаем его мало и плохо». Эти слова принадлежат выдающемуся знатоку русской литературы XVIII в. П. Н. Беркову².

Первые упомянул о библиотеке Ломоносова через семь лет после его смерти русский писатель и книгоиздатель Н. И. Новиков: «Библиотека Ломоносова и манускрипты по смерти его куплены его сиятельством графом Григорием Григорьевичем Орловым»³. После Орлова владельцем собрания становится вел. кн. Константин Павлович, далее его побочный сын П. К. Александров, затем следы принадлежащих ученому книг теряются. К сожалению, местоположение их не прояснилось в течение XVIII—XIX в. Творчество Ломоносова изучалось отдельными исследователями лишь эпизодически.

О разыскании тех лет упоминает Я. К. Грот в своей юбилейной речи по поводу 100-летия со дня рождения Ломоносова: «Со славою Ломоносова, с удивлением, которое к нему питали современники и сохраняет потомство, в резком противоречии скудость того, что сделано в сто лет для его изучения»⁴. Вопрос о судьбе библиотеки не был решен и в 60-е гг. XIX века.

¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1957. Т. 10. С. 481—482.

² Берков П. Н. Литературные интересы Ломоносова // Литературное творчество Ломоносова. М.; Л., 1961. С. 14.

³ Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. С. 130.

⁴ Грот Я. К. Очерк академической деятельности Ломоносова. СПб., 1865. С. 6.

Тем не менее, появились значительные биографические материалы и исследования его творчества (Н. Лавровский⁵, П. П. Пекарский⁶).

Своеобразной вехой в решении вопроса о книжном наследии великого ученого стала работа А. С. Будиловича «Ломоносов как писатель»⁷, в которой он пытался реконструировать его библиотеку по оставленным им в собственных сочинениях библиографическим ссылкам.

Однако в 80-е годы XIX века началась большая работа по подготовке к изданию полного собрания сочинений Ломоносова. С этой целью М. В. Сухомлинов, редактор этого собрания, предпринял поиски принадлежащих М. В. Ломоносову изданий в различных направлениях (во всевозможные инстанции, к частным лицам). Но, несмотря на обширные разыскания наследия ученого, его библиотека и архив не были найдены.

Активному изучению творчества русского гения способствовало празднование в 1911 году его 200-летнего юбилея, к которому В. И. Вернадский, будущий академик, опубликовал несколько статей, в одной из которых — «Общественное значение Ломоносовского дня» — впервые личность Ломоносова и его наследие получили адекватную оценку: «Ни раньше, ни позже в нашей стране не было более своеобразной, более полной творческого ума и рабочей силы личности. Еще в 1731 г. Ломоносов был полуграмотным крестьянином, через 10 лет он стоял — по тому, что было ему известно и что было им понято, в передовых рядах человечества. ...его облик — облик не только великого русского ученого, но и одного из передовых творцов человеческой мысли»⁸.

В 40-е годы изучение наследия Ломоносова связано с именем президента АН СССР академиком С. И. Вавилова. По его инициативе был организован Музей Ломоносова в Ленинграде, начато издание ломоносовских сборников и нового полного собрания ученого.

Следующее важное звено в изучении истории ломоносоведения — монография П. Н. Беркова⁹. Он исследовал единственную известную в то время книгу, принадлежавшую Ломоносову, «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» Василия Тредиаковского. Оказалось, что в ней много пометок и записей Ломоносова, сделанных в разное время на разных языках. П. Н. Берков детально проанализировал и систематизировал его записи, выражавшие, главным образом, согласие с автором или страстную полемику с ним. Эти записи позволили представить, как работал с текстом Ломоносов.

Наконец, в 1961 г. увидела свет книга Г. М. Коровина «Библиотека Ломоносова»¹⁰, в которой представлена реконструкция круга чтения Ломоносова на основании упоминаний сочинений и авторов в его трудах. Она явилась продолжением исследований Будиловича.

Список Коровина был намного больше, чем у предыдущего автора, и содержал 670 названий книг, журналов и статей, расположенных по систематическим рубрикам с полным библиографическим описанием и обширными аннотациями, а также опубликованные в приложениях документы: Каталог книг, купленных Ломоносовым в Марбурге¹¹; 4 составленных им

⁵ Лавровский Н. О Ломоносове по новым материалам. Харьков, 1865. С. 1—265.

⁶ Пекарский П. История имп. Академии наук в Петербурге, т. II. СПб., 1873. С. 259—892.

⁷ Будилович А. С. Ломоносов как писатель. СПб., 1871.

⁸ Газ. «Речь», от 8 ноября 1911.

⁹ Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. М., 1936.

¹⁰ Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова: материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки. М.; Л. 1961.

¹¹ Там же. С. 407—411.

библиографических списка¹² и др. Однако вывод Коровина был неутешительным: библиотека Ломоносова «ни полностью, ни частично до нас не дошла»¹³. Тем не менее книга Г. М. Коровина представляет собой классический опыт воссоздания собрания Ломоносова в отечественной научной литературе.

Следует отметить важнейшее исследование Г. Н. Моисеевой. Она продолжила работу Г. М. Коровина по выявлению помет Ломоносова на рукописях различных архивохранилищ Санкт-Петербурга, Москвы и Киева, тщательно проанализировала ломоносовский почерк в разные периоды его деятельности, детально описала, заручилась заключением криминалогической экспертизы о характерных особенностях этого почерка и опубликовала многочисленные его образцы с наличием свойственных только Ломоносову специальных значков¹⁴. Публикация Г. Н. Моисеевой дала возможность в будущем по пометам Ломоносова находить принадлежавшие ему книги.

Через 10 лет после издания монографии Коровина было обнаружено местонахождение библиотеки Ломоносова. Это смогли сделать Е. С. Кулябко и Е. Б. Бешенковский, обратившись к свидетельству Н. И. Новикова и другим документам¹⁵. Оказалось, что библиотека Г. Г. Орлова (вместе с библиотекой Ломоносова) после страшного пожара 1827 г., уничтожившего университет в столице Финляндии Або (Турку), была подарена переведенному в Гельсингфорс университету. 140 лет ломоносовские книги были скрыты от исследователей в книгохранилищах Финляндского университета. В Хельсинки был обнаружен каталог библиотеки Орлова, насчитывающий 1441 издание¹⁶. По нему были отмечены книги, изданные не позже 1765 г. (года смерти Ломоносова) и соответствующие его научным интересам. Признаками принадлежности книг Ломоносову могли быть его владельческие записи или любые пометы, сделанные его почерком. Ю. П. Тимохина опубликовала первые сведения о них¹⁷.

В связи с необходимостью выявления его книг, появилось основание к более тщательному изучению помет, характерных исключительно для него, что и было сделано М. В. Кукушкиной и И. Н. Лебедевой.

В библиотеке Хельсинкского университета ими были обнаружены книги, принадлежавшие Ломоносову. Печатные книги, преимущественно латиноязычные, содержали множество чрезвычайно разнообразных помет: это пространные записи, отдельные фразы и слова, отчеркивания, подчеркивания и так любимые Ломоносовым Нота Бене, а также скобок, крестов, помет, кружков и др., они могли касаться и определения научной значимости того или иного издания и зачастую носить чисто эмоциональный характер, что также очень характерно для многих помет Ломоносова. И то, и другое важно для понимания его личности, отношения к тому над чем он работал в данный момент. В их работе¹⁸ содержится полный перечень изданий и рукописей, переданных из Хельсинки в БАН с подробной

¹² Там же. С. 416—431.

¹³ Там же. С. 25.

¹⁴ Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971. С. 27—53.

¹⁵ Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б. Судьба библиотеки и архива Ломоносова. Л., 1975.

¹⁶ Опубликовано в изд.: Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б. Судьба библиотеки... С. 144—215.

¹⁷ Тимохина Ю. П. Как была обнаружена библиотека Ломоносова // Природа. 1974. № 1. С. 34—41.

¹⁸ Кукушкина М. В., Лебедева И. Н. Книги из библиотеки М. В. Ломоносова (дар Университетской библиотеки в Хельсинки) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 334—349.

характеристикой каждого экземпляра, позволяющей судить о том, насколько интересны и важны были они для своего владельца.

Всего удалось определить принадлежавшие Ломоносову 50 иностранных изданий XVI—XVIII вв., одно московское кириллическое — Октоих 1746 г. и 4 русские рукописи XVIII в.

Содержание иностранных книг самое разнообразное: тексты античных авторов, греческих и римских; грамматики и словари, риторика, география, химия, физика, минералогия, горное дело, стеклоделие, медицина¹⁹. Рукописные книги представляют собой сборники исторического содержания.

В июне 1977 г. книги Ломоносова были переданы ректором Хельсинкского университета проф. Э. Пальменом в дар Академии наук СССР и поступили на хранение в БАН.

¹⁹ Алфавитный список этих книг см. в изд.: *Кукушкина М.В., Лебедева И.Н.* Книги из библиотеки... С. 346—349.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ГОЛЛАНДИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ НА ПРИМЕРЕ БАН

И. М. Беляева

Библиотека Российской академии наук (БАН), созданная в 1714 г., имеет богатейшую коллекцию документов, относящихся к культурным связям России и Нидерландов. Часть документов датируется временем правления царя Алексея Михайловича, а большая их доля приходится на время Петра Великого и затрагивает становление книгоиздательских, книготорговых, научных и культурных контактов Санкт-Петербурга и Западной Европы, которые складывались через голландских издателей и книготорговцев. Из Нидерландов поступали в Санкт-Петербург в созданную в 1725 г. Академию наук книги на латинском, французском, немецком и голландском языках. В Россию были доставлены печатные станы, шрифты, литеры для создаваемого русского гражданского шрифта. В Нидерландах печатались и первые научные книги (типография Я. Тессинга) и оттуда же прибыли первые петербургские граверы А. Шхонебек и П. Пикарт. История становления книгопечатной, издательской и книготорговой культуры Санкт-Петербурга находит отражение в хранящихся в БАН документах.

Создание первых государственных библиотеки и музея России — Петровской Кунсткамеры — также связано самым непосредственным образом с Голландией, где Петр I и его сподвижники (А. Виниус, Р. Арескин, Я. Брюс) приобретали книги для своих частных собраний. Каждое из этих собраний, состоявшее не менее чем на половину из книг, изданных в Нидерландах, является ныне памятником русско-голландских книжных связей и в целом памятником русского просвещения петровской эпохи. Все эти частные коллекции хранятся в БАН.

Библиотека Российской Академии наук, основанная по указу Петра I в 1714 г., была создана на десять лет раньше самой Академии и является одним из первых ее учреждений. Среди 20 миллионов книг, хранящихся в настоящее время в системе Библиотеки Академии наук, примерно 18 тысяч представляет собой первоначальный фонд, сложившийся в течении XVIII века. 20 млн и 18 тысяч — цифры несопоставимые. И, тем не менее, эти 18 тысяч книг представляют для нас очень важный материал для исследования русско-голландских связей, прежде всего потому, что это тот книжный фонд, которым располагала отечественная наука в период своего становления. Начинаясь же его история с царской библиотеки Кремля и Аптекарского приказа, книжные собрания которых содержали большие коллекции западноевропейских научных изданий XV — начала XVIII вв.

Аптекарский приказ (с 1707 г. — Медицинская канцелярия) — первое медицинское государственное учреждение России.

Он стал центром изучения и практического использования медицины, химии и фармакологии, главной функцией которого было врачевание и подготовка врачебных кадров. Естественно, что для получения медицинского образования и лечения больных требовалась специальная литература: лечебники, травники и многое другое.

В 1712 г. вместе с другими учреждениями Аптекарская (Медицинская) канцелярия была переведена в новую столицу России — Петербург. Вскоре туда же перевозятся и ее медицинские книги. Таким образом, в начале XVIII в. часть книг из хранилищ Аптекарского приказа составила основу первой библиотеки общественного пользования в России — Библиотеки Академии наук.

Одним из источников поступления книг в собрание Аптекарского приказа была покупка за границей. Медикаменты, аптечные предметы и хирургические инструменты приобретались в основном в Голландии и Англии аптекарем при царе Алексее Михайловиче Романом Беньяном. Имеются исторические данные о том, что «1671 года октября 6 куплено аптекарем Романом Бенияном в Амстердаме аптечные предметы и лекарства на 3300 рублей» (Ретлинггер. «Исследования»). По всей вероятности, книги приобретались за границей вместе с аптечными предметами и вряд ли упомянутая поездка была единственной. На некоторых книгах встречается постраничная запись «Книга Аптекарского приказу Романова привозу Бинияна». С подобной записью следует отметить трактат Георга Маркграфа, изданный в Амстердаме в 1658 г.

Книжное собрание Петра Великого является важной составной частью первоначального фонда Библиотеки Академии наук. В это собрание входили рукописи и печатные издания, полученные царем в наследство от его отца, братьев и сестер, а также книги, приобретенные как им лично, так и для него в России и за границей. Книги для Петра по его поручению закупались еще в 1697—1698 гг., во время его первой поездки за границу в качестве члена «Великого посольства», а также в последующие годы. Помимо того, большое количество книг император получал в дар. Это издания, вышедшие в свет с середины XVI в. и до последних лет жизни Петра. Можно вполне согласиться с выводом одного из исследователей о том, что «библиотека несла трудную государственную службу в сложных походных условиях». Невольно возникает мысль о том, что книжное собрание становится по настоящему живым организмом, когда оно «живет одной жизнью» со своим владельцем. Книги, приобретенные самим царем, прекрасно характеризуют всю широту круга его интересов. Здесь представлена литература по кораблестроению, фортификации, артиллерии, математике, гидротехнике, архитектуре, медицине, географии, истории и другим наукам. Известно, что именно интересы Петра и определили состав собрания, а это в свою очередь обусловило формы и способы его использования, уготовило нелегкую судьбу для этой уникальной коллекции.

Остановимся более подробно на некоторых экземплярах, наиболее ярко характеризующих связи между Россией и Голландией, представленных в собрании Петра I, которое хранится в Библиотеке РАН.

Заметное место в коллекции занимает собрание гравюр. Среди них интерес представляет офорт, выполненный самим Петром под руководством Андриана Шхонебека «Аллегория победы над турками» (Победа христианства над исламом), — аллегорическое изображение взятия Петром I Азова у турок в 1696 г. На литографии имеется текст на голландском языке: «Петр Алексеевич, великий русский царь, награвировал это иглой и крепкой водкой под руководством Андриана Шхонебека в Амстердаме, в 1698 г. в спальне своей квартиры на верфи Ост-Индской компании» (П.1.Б.116).

Будучи в 1697 г. в Амстердаме, Петр познакомился с одним из известных, талантливых голландских граверов Андрианом Шхонебеком и пригласил его в Россию. Он привез с собой большое количество эстампов, главным образом работы голландских мастеров, для ознакомления своих учеников с европейской школой искусства гравюры. Наряду со Шхонебеком в России работал другой голландский гравер Питер Пикарт. Среди его работ, принадлежащих к собранию Петра I, следует выделить Карту части Балтийского моря. На карте изображены омываемые морем шведские и русские земли. Имеется надпись: «Повелением царского пресветлого величества гравировал на меди Питер Пикарт». В коллекции Петра имеется также Альбом из 25 гравюр на отдельных листах «Архитектурные огородные уборы», авторами которого являются Алексей Иванович Ростовцев и Питер Пикарт (П. I. 477).

В обширной коллекции Петра Великого его собрание географических и морских карт, планов и чертежей занимает особое место. Принимая во внимание объем и разнообразие собрания, а также небольшой период времени, за который оно было создано, следует признать, что Петр придавал ему особое значение. рукописные и печатные карты России были изготовлены по заказу самого царя. Над ними работали нидерландские картографы, гидрографы и граверы. Большое количество карт, предметом которых были территории и за пределами России, были изданы в Нидерландах.

Во время своего пребывания в Амстердаме Петр I встретился с морским офицером Корнелиусом Крюйсом. Как известно, царь принял его на службу в качестве вице-адмирала и возложил на него ответственность за строительство русского флота.

Небольшая карта реки Невы была начерчена Корнелиусом Крюйсом в 1723 г. Наряду с более известным «Атласом Дона» эти карты, по мнению исследователей, являются единственными сохранившимися работами Крюйса. В 1699 г. во время спуска вниз по течению Дона гидрографические работы проводились под руководством Крюйса, но изготовленные при этом рукописные карты не сохранились. По приказу царя эти карты в 1703—1704 гг. были награвированы, напечатаны и переплетены в атлас в Амстердаме у Хендрикса Донкера. В общей сложности атлас содержит 17 карт.

В мае 1698 г. русский царь выдал привилегию сроком на пятнадцать лет голландскому купцу Яну Тесингу на издание русских книг в Амстердаме. В соответствии с этой привилегией Тесинг со своими компаньонами И. Копиевским и Я. де Юнгом выпустил в свет книги, тематика которых отражала потребности новых русских учебных заведений (Навигацкой школы, Славяно-греко-латинской академии).

Содержание входящей в фонд академической библиотеки литературы изначально определялось нуждами отечественной науки. Академическая библиотека как «первая ученая принадлежность Академии» была призвана с достаточной полнотой и оперативностью обеспечивать обмен научной информацией все «классы» Академии по всем комплексам разрабатываемых в них научных проблем.

И хотя для каждого книжного собрания характерны специфические черты, основное содержание их определяется профессиональными занятиями ее владельца, как правило, книги, изданные в Голландии, присутствуют в личных библиотеках XVIII в.

В 1718 г. в библиотеку поступило собрание книг А. А. Виниуса. Андрей Андреевич Виниус — переводчик Посольского приказа, начальник Сибирского приказа, один из деятелей Петровского времени, с именем которого связывают начало преобразований в России. Фамилия Виниусов достаточно известна и в Голландии, и в России. Отец А. А. Виниуса, сын амстердамского купца Дениса Терксена Виниуса, Андрей Денисович прибыл в Россию

и с 1632 г. занимался добыванием железа в окрестностях Тулы и строительством первого механического завода для производства железа.

Видимо, начало библиотеки было положено именно А. Д. Виниусом, который привез с собой голландские издания.

Сын Андрея Денисовича Виниуса, Андрей Андреевич, не пошел по стопам отца. В 1667 г. он работал в Москве в качестве переводчика при голландском посланнике Бореле и московской типографии. Вся дальнейшая жизнь А. А. Виниуса связана с петровскими преобразованиями и с событиями Северной войны. Петр I неоднократно пользовался его знаниями голландского и других европейских языков для издания переводных книг, и библиотека Виниусов служила в этом значительным подспорьем.

Небольшое по современным представлениям (около 400 томов), но хорошо подобранное по содержанию книжное собрание отца и сына Виниусов, состоящее на 90 % из книг на голландском языке, должно было особенно импонировать Петру I, поскольку этот язык был для него предпочтительнее всех прочих европейских языков.

Уникальным явлением для культуры России является Альбом Виниуса. Ничего подобного в других русских хранилищах и архивах не сохранилось, а, возможно, и не было. В нем имеется 171 рисунок и 144 гравюры. Состав альбома чрезвычайно сложен: в него входят рисунки XVI—XVII вв. западноевропейских, главным образом голландских мастеров, а также западноевропейские, преимущественно голландские и фламандские гравюры второй половины XVI—XVII вв. Альбом не подвергался тщательному исследованию специалистами, но определено, что некоторые рисунки принадлежат известному голландскому художнику Яну Ливенсу. Наряду с рисунками и вырезками из книг в альбоме представлена почти полная Библия в гравюрах фламандского художника и гравера Питера ван Борхта, работавшего в знаменитой антверпенской издательской фирме Дом Плантена.

В собирании библиотеки Виниуса, которая в 1718 г. поступила в Библиотеку АН, принимали непосредственное участие три поколения Виниусов — Андрей Денисович, Андрей Андреевич и Матвей Андреевич. Об этом свидетельствуют записи на альбоме. Альбом Виниуса ставит перед исследователями множество разнообразных проблем.

Одна из крупнейших научных библиотек начала XVIII в. — книжное собрание генерал-фельдмейстера Петра I Якова Брюса — по завещанию после его смерти в 1735 г. поступило в академическую библиотеку. В собрании Брюса нет книг на тех языках, которыми он не владел. В 1989 г. был издан каталог книг собрания Брюса, хранящихся в БАН. Среди книг — 58 изданий на голландском языке и более 100 изданы голландскими издателями. Особо надо отметить знаменитые фирмы Эльзевир, Блау, Ван Кейленов.

Библиотека Академии наук обладает небольшим, но ценным собранием изданий голландских типографов XVII в. Эльзевиров, которые занимают почетное место в истории книгопечатания. Эльзевировских изданий в Библиотеке РАН более 700 названий в 1500 томах, что составляет около 40% всей типографской продукции фирмы. В составе собрания имеются античные авторы (среди них превосходные издания Вергилия 1636 и 1676 гг.), а также издания, считающиеся шедеврами типографского искусства («Свод гражданского права», «Арабско-латинский лексикон» и др.). Несмотря на то, что наше собрание невелико, оно дает возможность изучить по лучшим образцам печатной продукции типографское и издательское искусство одной из знаменитейших фирм.

Следует отметить, что частные собрания, поступившие в XVIII в. в Библиотеку не сохранились в своем первоначальном составе.

Всего в XVIII в. в БАН поступило более 40 частных собраний.

При выявлении и изучении книжного собраний исследователю необходимо иметь в виду следующие важные обстоятельства:

1) до наших дней сохранились старые библиотечные описи собрания, сделанные именно тогда, когда книги влились в фонд;

2) на многих книгах, принадлежащих деятелям науки и культуры, имеются владельческие надписи — автографы на титульных листах, экслибрисы, суперэклибрисы.

Выявление книг из собраний путем только сверки описи с каталогом Библиотеки не представляется возможным, потому что записи, сделанные в XVIII в., значительно отличаются от библиографических записей нашего времени. Поэтому необходим и просмотр фондов *de visu*.

Но планомерная работа по реконструкции этих коллекций даст возможность представить нам их содержание и состав.

Понимание взаимосвязей России и Голландии этого времени было бы неполным без уяснения роли гравюры, книги, карт в развитии не только научных, но и политических контактов.

На наш взгляд, не подлежит сомнению, что в значительной степени нидерландская книга сыграла важную роль в развитии отношений с Западом. Предстоит сделать еще много открытий. Остается лишь пожелать успехов в этом российским и нидерландским исследователям.

КНИЖНЫЙ ПРОМЫСЕЛ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ЦАРИЦЫНЕ

В. А. Машевская

Царицын был основан предположительно в 1555 г. Свое название город получил от речки Царица, впадающей в Волгу; в основе названия лежат, вероятно, татарские слова «сарису» (желтая река) или «саричин» (желтый остров). Русское поселение с деревянной крепостью первоначально возникло на о. Царицын и служило для обороны волжского пути на стыке Волги и Дона от степных кочевников и разбойничьих шаек, бродивших по Волге.

В начале XX в. в городе действовали свыше 230 фабрик и заводов (15 лесопильных, 2 мукомольных, 4 чугунолитейных и механических, 5 горчичных и солемольных и др.), банки, банкирские конторы. Быстрый рост города в конце XIX в. отразился на его внешнем облике: появилось много новых домов, магазинов, гостиниц, ресторанов, клубов. Город был телефонизирован. В 1913 г. в Царицыне появился трамвай; в центральной части были установлены первые электрические фонари; открыты 10 православных церквей и 1 лютеранская, православный женский монастырь, мужская и женская гимназии, ремесленное и городское училища, 2 общественные библиотеки, 5 типографий, 2 больницы, 2 амбулатории, земская лечебница для животных, общество врачей, бактериологическая лаборатория, метеорологическая станция; проводились 3 летние ярмарки, а также базары, особенно оживленные зимой. Торговля носила транзитный характер — с Волги шли грузы по железным дорогам в Центральную Россию, на Дон и Предкавказье; главные предметы торговли: нефть, керосин, хлеб, лесоматериалы, рыба, соль, летом — арбузы; многочисленные грузы шли по реке. По многим архивным документам и свидетельствам очевидцев известно, что, в городе в разное время бывали Д. И. Менделеев, И. И. Мечников, М. Горький, А. И. Куприн, В. Г. Короленко, П. И. Чайковский, Ф. И. Шаляпин. В 1858 г. проездом в Царицыне побывал Александр Дюма¹.

Исследователи отмечают, что Царицын был преимущественно промышленным центром юго-востока страны, привлекавшим не только деловых людей, но и различных предпринимателей, связанных со зрелищными мероприятиями. Новые реформы в сфере образования и просвещения, принятые царским правительством в тот период, обусловили широкое развитие книжного дела и периодической печати в Царицыне. В конце XIX века появляются «Волжско-Донской листок», «Царицынский вестник», в начале XX века — «Царицынская жизнь», «Царицынский путь», «Царицынская мысль», «Волго-Донской край» и другие газеты.

¹ История Царицына. Продолжение [Электронный ресурс] // Губернские вестн. 2010. № 3. Точка доступа: URL: <http://xn9sbeblacueoba9aogpd.xnp1ai/historyofregion/read/istoriyatsaritsynaprodolzhenie310/>, свободный. Загл. с экрана.

Царицынская периодика стремилась не отставать от центральных изданий — печатали и сообщения из-за рубежа, и статьи на темы общероссийской действительности. Наиболее интересными, конечно, были местные материалы. Книжная деятельность напрямую была связана с магазинами книг в Царицыне. Одним из самых известных книготорговых учреждений был книжный и писчебумажный магазин «Труд», принадлежавший И. К. Мухину². В магазине можно было купить книги, канцтовары, учебники, картины в рамках, фотоальбомы, столовые украшения, открытки, различные игры³.

Книжное дело было тесно связано с появлением и развитием библиотек в дореволюционном Царицыне. Просветительские богоугодные заведения способствовало широкому распространению книг среди местного населения. Волгоградские ученые отмечают, что начало развитию библиотечного дела в Царицынском уезде Саратовской губернии было положено учреждением в 1888 г. Царицынской передвижной библиотеки. Однако еще в XVIII в. жители немецкой колонии Сарепта (ныне Красноармейский район города-героя Волгограда) имели свою публичную библиотеку⁴.

На расширение сети библиотек повлиял такой фактор как развитие просвещения и реформа народного образования, деятельное участие в нем правительства и меценатов, выделение ими больших денежных средств для этой цели.

Вера Юрьевна Зоткина — ведущий библиограф отдела краеведения Волгоградской областной универсальной научной библиотеки им. М. Горького — в своей статье «Библиотечное дело Царицынского уезда» отмечает, что в 1884 г., по данным дореволюционной газеты «Царицынский вестник», появилась идея организовать совместно с комитетом грамотности Вольного экономического общества первую публичную библиотеку Царицына (в уездном городе Саратовской губернии). «В то время земству никакие библиотеки и во сне не снились, — писал корреспондент газеты. — Жуков исключительно на свои средства положил начало существующей донныне земской библиотеке». Илья Григорьевич Жуков — уроженец Курской губернии — в 1853—1855 гг. был участником Крымской войны, побывал во французском плену, отбывал каторгу в Сибири за революционные настроения, с 1881 г. служил в Царицынской земской управе, продолжая свою нелегальную деятельность.

Жуков стал не только инициатором создания библиотеки Царицынской земской управы, но и ее первым заведующим. В этой должности он проработал до конца своей жизни (умер в 1911 году)⁵.

Восстановить точные сведения о создании первой земской библиотеки города позволила исследовательская работа краеведа С. Л. Мухиной. В статье волгоградского краеведа Г. П. Самойлова отмечалось, что 5 января 1894 г. библиотеку в Царицыне открыла госпожа А. И. Апабелова. Читальня была платной, поэтому она была доступна только людям с достатком. Городская публичная библиотека, учрежденная в 1896 г., должна была стать духовным и общественным центром Царицына. Вопрос о ее создании встал еще в 1895 г.,

² Московская улица в Царицыне [Электронный ресурс] // Царицын. РФ: информ. портал. 2013. Точка доступа: URL: <http://xn80aqp2ad9a.xnp1ai/oldphoto/tsaritsyn/89moskovskaya.html>, свободный. Загл. с экрана.

³ Кривонос М. А. Что читали в Царицыне / М. А. Кривонос // Библиотековедение. 2008. № 3. С. 35—37.

⁴ Зоткина В. Ю. Библиотечное дело Царицынского уезда: к 110-летию Волгоградской областной универсальной научной библиотеки им. М. Горького // Библиотековедение. 2010. № 6. С. 95—98.

⁵ Мухина С. Л. Родоначалница волгоградских библиотек // Беседа о славной старине. Волгоград, 1989. С. 79—80.

но по различным причинам для читателей она распахнула двери только в августе (23 июля по старому стилю) 1900 г. в здании 1-й пожарной части Царицына. Благодаря крупным пожертвованиям царицынского мецената купца В. Ф. Лапшина и членов местного клуба (общественного собрания), а также ассигнованиям городской Думы, деньги на первоначальное обустройство библиотеки были собраны быстро, но «на чисто формальной почве» открытие учреждения затянулось на годы. Первоначальный устав библиотеки, по которому посетители могли бесплатно читать книги и периодические издания, не был принят губернским начальством. По их убеждению, библиотека должна была взимать плату и тогда именоваться публичной или бесплатно предоставлять свои услуги и называться народной.

Ввиду этого читатели по абонементам за чтение на дому платили по 15 коп. в месяц, в библиотеке — 3 коп. с человека. Служащие городского общественного управления и учащиеся городских начальных школ пользовались библиотечной литературой бесплатно. Библиотеку возглавил учитель начального училища Дмитрий Иванович Полянский. Долгое время библиотека играла заметную роль в просветительской жизни Царицына. К 1917 г. ее книжное собрание составило около 8923 томов. Для города, где не было ни одного издательства, а местной художественной литературы практически не существовало, библиотечный фонд был просто необходим. Конечно же, огромный интерес у населения был к развлекательной литературе (сонники, рыцарские романы, детективы и т. д.), но не забывали они и произведения классиков, и литературу прикладного характера (например, пособия, как вычислить лунное или солнечное затмение, варить мыло, морить клопов и т. д.). Справочники, учебники, карты, молитвенники, художественная литература и многое другое наравне с подпиской на газеты и журналы не залеживались на библиотечных полках. От основания Царицынской публичной библиотеки отсчитывает свою 110-летнюю историю Волгоградская областная универсальная научная библиотека им. М. Горького, современный центр библиотечной жизни бывшего Царицынского уезда⁶.

Вера Юрьевна Зоткина пишет и об уездном библиотечном деле в Царицыне. К концу XIX в. Саратовское губернское земство встало на путь поощрения уездного библиотечного дела и открыло в каждом уезде по «образцовой библиотеке». В Царицынском уезде первая «образцовая библиотека» была организована в 1895 г. в селе Большая Ивановка. К сожалению, Царицынская передвижная библиотека, положившая начало интенсивному развитию библиотечного дела в крае, к этому времени уже перестала существовать. Ее фонд превышал 1 тыс. экземпляров. Библиотека «передвигалась» между восемью пунктами уезда в зависимости от места расположения земских школ. Ответственность за сохранность библиотечного фонда возлагалась на школьных учителей. Однако земское собрание 1895 г. «узрело неудобство передвижения библиотеки» и распределило ее фонд между пятью школами наиболее многочисленных селений (Отрада, Ерзовка, Ольховка, Пролейка, Балыклей). В этих поселениях в 1896 г. открылись первые сельские народные библиотеки (пять из восьми уездных). Таким образом, «в 1897 г. библиотечное дело в Царицынском уезде получило более или менее правильную организацию. Так как появление сети народных библиотек было необходимо для развития образования и просвещения среди местного населения, уездным земством были переработаны правила для народных библиотек применительно к правилам 15 мая 1890 г.». В 1900 г. земство разработало план создания сети народных библиотек на средства фонда, организованного душеприказчиками русского книгоиздателя и просветителя Ф. Ф. Павленкова.

⁶ Зоткина В. Ю. Библиотечное дело Царицынского уезда... С. 96—97.

По плану, разработанному земством, библиотеки должны были появиться во всех поселениях, где имелись земские школы. На каждую выделялось по 100 руб. в год до тех пор, пока в ней не собирался фонд книг на сумму 300 руб., в дальнейшем на развитие библиотеки давалось по 25 руб. ежегодно. Вознаграждение учителям-библиотекарям также составляло 25 рублей. В общих чертах установленные основы организации библиотечного дела сохранились в уезде до 1917 г. Всего с помощью Павленковского фонда в сельских поселениях Нижнего Поволжья удалось создать более сотни народных библиотек⁷.

Согласно статистике и подсчетам, проведенными библиографами Волгоградской областной универсальной научной библиотеки им. М. Горького, к 1912 г. в Царицынском уезде функционировали: земская библиотека (при земской управе по адресу: Царицын, ул. Московская, дом Кольмана); городская публичная библиотека (по адресу: Царицын, ул. Петровская, дом Кочанова) и 38 бесплатных народных библиотек (37 при земских школах и одна при Солдчинском двухклассном училище, открытые на основании Правил о народных библиотеках, утвержденного Министерством народного просвещения 28 февраля 1906 года)⁸. Для сравнения: в Камышинском уезде Саратовской губернии в тот же период было 56 народных библиотек, кроме того, уездные школы имели свои школьные библиотеки. Первая народная библиотека здесь появилась в 1892 г. (при земской больнице г. Камышина).

Развитие библиотечного дела в Нижневолжском крае зависело от расширения школьной сети, так как большинство библиотек не имело собственных помещений и квалифицированных специалистов. Функции библиотекарей выполняли учителя. Работа проходила в помещениях, мало приспособленных под нужды библиотеки: в классных комнатах, церковных сторожках, помещениях волостного правления, частных домах, больницах и т. д. Финансирование отрасли осуществлялось за счет выделяемых земствами и Министерством народного просвещения небольших средств. Несмотря на бытовые и финансовые трудности, библиотечное дело развивалось, являясь перспективным направлением народного просвещения начала XX века⁹.

Что читали в Царицыне в начале XX века? Изучение архивных документов, газетных публикаций того времени, немногих дошедших до нас эпистолярных свидетельств, мемуаров позволяет сделать некоторые наблюдения над кругом чтения горожан, познакомиться с фондами библиотек, представить атмосферу народных чтений.

Книги продавались в магазинах и киосках (особенно большой выбор был на железнодорожных станциях), привозились из других городов, выписывались из Москвы и Петербурга, а иногда из Берлина, Лондона, Парижа. Подписчики литературно-художественного журнала «Нива» получали в качестве «бесплатных приложений» собрания сочинений Л. Н. Толстого, А. К. Толстого, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Чехова, Куприна.

Сто лет назад жители Царицына читали отечественную классическую литературу гораздо охотнее, чем сегодня. Это формировалось с детства. Во многих семьях был обычай вечернего чтения вслух. В школах требовалось знание наизусть не только многочисленных стихотворных произведений, но и отрывков из прозы А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева. Во всех начальных и средних учебных заведениях — от земской

⁷ Там же. С. 97.

⁸ Весь Царицын: справ. по г. Царицыну и Царицын. уезду // Царицынская мысль. Царицын: Тип.-литогр. В. Р. Федоровой, 1911. С. 70, 110—111.

⁹ Зоткина В. Ю. Библиотечное дело Царицынского уезда... С. 98.

или церковно-приходской школы до привилегированной гимназии — принято было по окончании учебного года дарить лучшим ученикам произведения русских писателей, иногда это были скромные сытинские брошюры, иногда — солидные фолианты издательств А. С. Суворина, М. О. Вольфа.

Правда, надо заметить, что большинство гимназистов, реалистов, воспитанников начальных городских училищ чтение классики успешно сочетали с литературными увлечениями другого рода. По пятаку покупались книжечки о знаменитых сыщиках Нате Пинкертоне и Нике Картере. Сюжеты этих рассказов всегда строились по одной схеме: преступление — погоня за преступником — торжество правосудия. Все это на фоне различного рода тайн, ужасов, ловушек. Со временем конкурировать с народными детективами стали рассказы о Шерлоке Холмсе, причем сочинения Артура Конан Дойля сразу вызвали большое число подражаний.

Постепенно в круг чтения подростка входили книги Майн Рида, Вальтера Скотта, Жюль Верна, Чарльза Диккенса, Марка Твена. Гимназистки чаще всего спрашивали в библиотеке сочинения Лидии Чарской. Особенно любимыми были «Записки институтки», «Княжна Джаваха», «Люда Власовская» и т. д.

Взрослый читатель из культурной среды стремился, как правило, быть в курсе современной литературы. Интеллигентные семьи Царицына выписывали «Вестник Европы», «Русскую мысль», «Русское богатство», «Божий мир». Наряду с А. П. Чеховым, И. А. Буниным, А. И. Куприным охотно читали забытых ныне Игнатия Потапенко, Василия Немировича-Данченко (брата знаменитого режиссера), Виктора Крылова, Евгения Чирикова. Неизменной популярностью пользовались сочинения П. Б. Боборыкина, в которых под собственными именами или в слегка закамуфлированном виде изображались представители московских деловых кругов, профессуры, театрального мира.

Особая тема — литература для народа, издания, адресованные читателям, образование которых ограничивалось одним-двумя классами земской или церковно-приходской школы, иногда начального городского училища. Их в Царицынском уезде в начале XX века было уже много десятков тысяч. Именно на такую аудиторию была рассчитана значительная часть изданий крупнейшего книгоиздательства России «И. Д. Сытин и К°».

Сытин печатал много лубочной литературы. Большим спросом пользовались рассказы из русской истории и переложения былин «Илья Муромец», «Ермак — покоритель Сибири!», «Шут Балакирев».

В течение нескольких десятилетий миллионными тиражами выходили календари. Чего только в них не было! Жития святых и указатель железнодорожных станций, перечень государственных учреждений и рекомендации по ведению домашнего хозяйства, медицинские советы, пословицы и поговорки и просто интересные сведения на самые разные темы.

Столкновения с цензурой не удалось избежать и календарям. Иван Дмитриевич Сытин писал в своих мемуарах «Жизнь для книги» как однажды из обращения едва не был изъят календарь, в котором была помещена следующая заметка, перепечатанная из одного иностранного журнала: «Американский рабочий ест фунт говядины в день, английский — $\frac{3}{4}$ фунта, французский и немецкий — $\frac{1}{2}$ фунта, русский — 2 золотника (фунт — 409,5 грамма, золотник — около 4,26 грамма)».

Приобщению читателя из народа к большой настоящей литературе способствовало создание по инициативе Л. Н. Толстого издательской фирмы «Посредник». Сытин взял на себя печатание и распространение книг этой фирмы, которые были необыкновенно дешевыми —

оптовая цена составляла 80 копеек за сто экземпляров брошюр. Особенно много книжечек «Посредника» продавалось в Царицыне в дни ярмарок¹⁰.

Приметной чертой культурной жизни города в начале прошлого века были народные чтения, которые организовала местная интеллигенция. Часто они проходили в Народной аудитории на Черниговской улице. Дошедшие до нас архивные материалы свидетельствуют о том, что для чтений выбирались «Мороз — красный нос» Н. А. Некрасова, «Пропавшая грамота» Н. В. Гоголя, «Дед Архип и Ленька» М. Горького, произведения А. П. Чехова, В. Г. Короленко...

Некоторые имена русских писателей были отображены в топографии города. В 1899 г. на карте города появилась улица Пушкина. Существует она и поныне. В 1909 г. улица Елизаветинская была названа именем Н. В. Гоголя. А вскоре неподалеку от нее появился бюст писателя, созданный на средства горожан.

¹⁰ Кривonos М. А. Указ. соч. С. 35—37.

ЛИТОВСКАЯ КНИГА В ФОНДАХ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Е. В. Чиляева

В фондах БАН хранится немало книжных ценностей, связанных как с первыми этапами становления литовской литературы, так ее наибольшего развития в конце XIX — начале XX вв. Литовские книги хранятся в фондах редкой книги, иностранном и славянском. В знаменитом «фонде Бэра» (это часть иностранного фонда, была сформирована в соответствии с научной библиотечной классификацией, разработанной академиком Бэром) издания на литовском языке собраны в систематическом разделе. Здесь представлена литература по языкознанию и литературоведению. Тематика этого собрания книг очень обширна: этнография, фольклор, история, библиография, статистика. К началу XX в. в БАН был сформирован книжный фонд на литовском и латышском языках, уже как отдельная коллекция. Самое непосредственное участие в его создании принадлежит Эдуарду Александровичу Вольтеру — выдающемуся ученому-лингвисту, этнографу, блестящему знатоку фольклора и обрядовой культуры балтийских народов, археологу, известному статистику, крупному библиографу. Его заслуга в постановке литуанистики как комплексного гуманитарного направления признана многими учеными. Он был активным разработчиком, собственно первопроходцем многих актуальных проблем по этнической истории, историко-этнографическому картографированию, формированию источниковедческой базы по этнографии, фольклору, лингвистике, литературоведению, археологии литовцев и латышей.

Э. А. Вольтер родился в Риге в 1856 г., по окончании в 1875 г. рижской гимназии учился в Лейпцигском, в Дерптском, а позже в Харьковском университетах. В 1883 г. Вольтер получил степень магистра русской словесности. Вслед за этим, переехал в Санкт-Петербург, где уже в 1886 г. стал приват-доцентом Санкт-Петербургского университета на кафедре сравнительного языкознания. Фактически одновременно с 1887 по 1919 г. он являлся сотрудником Библиотеки Академии наук. Жизнь и деятельность этого человека была связана с библиотекой на протяжении 30 лет. В 1887 г. Вольтер становится сотрудником БАН на сдельной работе, с августа 1893 г. был избран на «штатное место младшего библиотекаря», в декабре этого же года назначен на должность «старшего помощника библиотекаря». С 1894 по 1919 г. он заведовал Славянским отделом БАН. Именно в этот период данное собрание наиболее полно комплектовалось литературой не только на славянских, но и на балтийских языках. Для закупки литературы сотрудники Славянского отдела БАН регулярно совершали поездки по славянским и балканским странам. Например, в 1908 г. из командировки Вольтер привез значительные поступления литературы из Юго-Восточной Европы. Вольтер много работал по изучению истории, языка и культуры литовцев. Именно по его настоянию Славянским отделом планомерно комплектовалась литература на литовском и латышском языках.

В 1912 г. Вольтер пожертвовал в Славянский отдел «собрание литовских книг и журналов, а также сочинений по литвоведению, до 600 названий (около 700 томов)». В 1913 г. он вновь подарил библиотеке более полутора тысяч книг, которые составили особый раздел «пожертвованных» Славянского фонда БАН. Здесь была почти исчерпывающим образом представлена вся печатная продукция на литовском языке. Сформулированная Вольтером концепция деятельности по формированию Славянского фонда — «стремление к возможно полному отражению научной и культурной жизни славянских и балтийских племен, поскольку эта жизнь выражается в произведениях печати» — подтверждается и при исследовании коллекции литовских и латышских книг, хранящихся в БАН. За долгие годы профессиональной деятельности у Вольтера сложились тесные контакты со многими исследователями и знатоками «литовской живой старины», а также деятелями литовского национального возрождения С. Балтрамайсом, И. Бальчиконисом, И. Басанавичусом, М. Янкусом и многими другими. Об этой стороне его деятельности говорят многочисленные дарственные надписи на книгах, хранящихся в иностранном и славянском фондах БАН. Из литовских лингвистов он также тесно сотрудничал с Йозасом Бальчиконисом и Казимиром Бугой. При этом следует отметить, что многие издания поступали к Эдуарду Александровичу достаточно быстро, в течение нескольких недель после выхода из печати. Свидетельством тому служат проставленные им даты, а иногда и обстоятельства при которых получены книги. На некоторых экземплярах имеется экслибрис Вольтера, белый квадрат с изображением совы.

С 1884 г. Эдуард Александрович в статусе члена Русского географического общества осуществил серию экспедиций в Прибалтику и Белоруссию для изучения быта литовцев и латышей с точки зрения лингвистики и этнографии. В 1901—1904 гг. опубликовал «Хрестоматию литовского языка в двух частях». Без основательных и многочисленных научных трудов Вольтера трудно представить себе подготовку и издание первого академического «Словаря литовского языка». Эдуард Александрович подготовил новое издание «Катехизиса» Микалоюса Даукши (в 1886 г.), в которое включил фрагменты старинных литовских рукописей, образцы литовского фольклора. Совместно с Ф. Ф. Фортунатовым осуществил издание «Постиллы» Даукши (три выпуска, 1904—1927). Составил «Литовскую хрестоматию» (1901—1904, 2 части), в которую включил отрывки из произведений видных литовских писателей. Научные труды Эдуарда Александровича с его соавторами, как на русском, так и на литовском языках хорошо представлены в нашем фонде. Благодаря обширной переписке и обмену книгами, которую вел Вольтер с учеными из Литвы, мы имеем в фонде большое количество экземпляров с автографами, дарственными надписями, экслибрисами, а также рукописные и машинописные материалы, вложенные в книги письма, газетные вырезки, театральные программки. Подтверждением факта тесных научных контактов между учеными-лингвистами, занимающимися грамматикой литовского языка, является хранящееся в иностранном фонде письмо Казимира Буги академику Ф. Ф. Фортунатову (в переплет вклеен конверт, датированный ноябрем 1909 г., СПб) по поводу своей работы «Айстийские этюды часть 1».

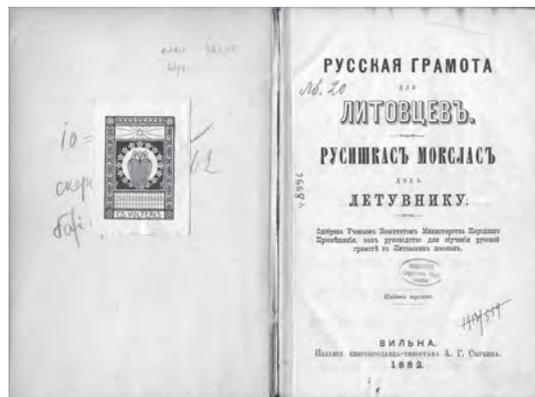
Признанием профессионального авторитета Э. А. Вольтера стало избрание его председателем секции библиотковедения Русского библиологического общества, созданного в 1902 г. Эдуард Александрович неизменно находился на этом посту до своего отъезда в Литву в 1919 г.

Сегодня собрание литовских и латышских книг хранится в иностранном фонде Отдела фондов и обслуживания. Общий объем его составляет 3776 единиц хранения (монографий —

3178 единиц, 597 единиц — периодических изданий), 80 % — это литовские издания и книги о Литве на русском языке, хронологический охват со второй половины XVIII в. до 30-х годов XX. По книгам поступлений литературы, хранящимся в Славянском фонде, можно проследить время и зачастую и источник приобретения литовских книг, пути комплектования, тематику и видовое разнообразие коллекции.

В связи с тем, что литовская книга вплоть до конца XVIII в. была исключительно духовного содержания, то и в нашем собрании экземпляры Евангелия, Библий, катехизисов, духовных песен, молитвенников, псалмов присутствуют в достаточно большое количество. В фонде хранится экземпляр «Trumpas Mokslo krikscioniszko surinkimas Nuog Robetto Bellarmino Kardynolo parasitas» Vilno 1677. Typis Acad. Societatis Jesu. Руководство для литовского песнопения во время воскресных обеден (по библиографии Балтрамайтиса: сборник: песни латинский шрифт, молитвы готический шрифт, печатаны, в конце одна песня на польском языке) в кожаном переплете. Одна из редких книг в собрании фонда «Ewangelie polskie u litewskie» напечатана в Вильно в 1774 г. в типографии J.K.M. Xiezy Franciszkanow. Данный экземпляр является первым католическим Евангелием (первое издание 1647 г.) на литовском языке. Переиздание 1825 г. «Postilla katolicka» Mikaloju Dauksza 1599, напечатано в Вильно. В книга имеются с пометы Филиппа Федоровича Фортунатова, выдающегося русского языковеда, академика Петербургской академии наук.

В связи с тем, что научной и учебной литературе в академической библиотеке всегда отдавалось приоритетное значение, то и комплектовалась она достаточно полно. В литовском

фонде учебная литература представлена очень хорошо. Это — азбуки, буквари, грамматики литовского языка, книги для детского чтения с красочными иллюстрациями, изданные в Вильно, Ковно, как на кириллице, так и на латинице, карманного формата, на многих экземплярах имеются дарственные надписи от составителей. В то же время имеются грамматики для обучения русскому языку в литовских школах, напечатанные в Вильно в типографии А. Сыркина, А. К. Киркора. В фонде есть и рукописные материалы: «Грамматика литовского языка», составленная Петром Криауштайтисом (Тильзит 1901), рукопись, перевод с литовского. На титульном листе надпись «Доставлена Э. А. Вольтеру 14.12.1905 г. по адресу В.О., 7 линия, д. 2, кв. 20.

Следует напомнить, что особый период в истории книгопечатания литовских книг приходится на 1861 г., когда появилось высочайшее повеление все казенные издания на литовском и жмудском наречиях печатать непременно русскими буквами, а также принять особые меры к составлению и изданию литовской грамматики и литовско-русского и русско-литовского словарей. В связи с этими обстоятельствами в 1864—1894 гг. центр литовского типографского дела и книжной торговли переносится в Восточную Пруссию, где в Тильзите, Мемеле, Битенах и Прекуле издаются так называемые контрафакции, а в дальнейшем эти издания тайно ввозятся на территорию Российской империи. В литовском фонде эти издания представлены достаточно полно. Книги изданы с 1860 по 1904 гг., большинство их напечатано в Тильзите. В основном это литературно-художественные, научно-популярные и учебные издания. С 1885 г. начинают появляться газеты, книги светского содержания и молитвенники в типографиях Северо-Американских Штатов. Попытка применить к литовской письменности русский шрифт, продолжавшаяся с лишком 30 лет, на практике не привилась: с 1864 по 1891 гг. русским шрифтом издано всего 25 книг, в том числе буквари, учебники, молитвенники и несколько книг научно-этнографического (сборники песен Фортунатова и Миллера, Юшкевича) и беллетристического содержания (А. Пушкина, Л. Толстого); между тем за тот же период число литовских книг, газет и брошюр, изданных латинским шрифтом за границей, доходило до 700. Значительная часть этих заграничных изданий и частью так называемых «контрафакций» проникли из бывшего великого княжества путем контрабанды. Все эти исторические процессы четко прослеживаются при изучении фонда литовской книги, хранящейся в БАН.

С середины XIX в., кроме религиозной литературы появляются книги по фольклору: народные песни, собрания сказаний, басен, исследования и комментарии к ним. В фонде хранятся две тетради, составленные Адамом и Винцисом Синевичами в 1885 г. Это рукописные

записи народных песен, сказок, заговоров, загадок. В них имеются вложения — письма, дополнения на отдельных листах. За содействие в сборе этнографических материалов некоторым литовцам Свенцянского и Вилкомирского уездов в том же 1885 г. были присуждены бронзовые медали.

В литовском фонде хорошо представлена художественная литература: поэзия, проза, переводы русских (Крылова, А. Пушкина, Л. Толстого), венгерских (М. Йокаи) и польских (Ю. Крашевского, А. Мицкевича), немецких (Ф. Шиллера) писателей. Произведения таких значимых литовских писателей, как Мотеус Валанчюс, Антанас Баранаскас, Юлиа Жимантене, Винцас Кудирка, Йонас Мачюлис Майронис собраны в фонде литовской книги в достаточно большом количестве. Изданы они на территории Литвы, России, Восточной Пруссии, США. Большинство книг карманного формата, напечатаны на газетной бумаге, что уменьшало стоимость книг и давало возможность многим приобретать их для знакомства с лучшими образцами как родной, так и мировой литературы.

Еще одна интересная часть иностранного фонда: книги для массового чтения, которые стали появляться в Литве к концу XIX в. и своей целью ставили популяризировать науку, рассказать людям о законах, по которым живет природа и общество, показать пути совершенствования человеческого существования. Это тонкие брошюры, где доступным языком рассказывалось о том, как устроен мир, как разводить пчел, о пользе и вреде птиц, вреде употребления алкоголя. Большинство таких изданий были напечатаны в Восточной Пруссии и США на латинице и нелегально ввезены на территорию Литвы.

Период собирания коллекции захватил революционные годы, поэтому тематика некоторых книг отражает это время: здесь и революционные песни, программы и работы руководителей РСДРП, на некоторых экземплярах имеются штампы, пометы, записи.

Изучая собрание литовских книг, понимаешь, насколько тесными были связи литовцев, проживающих в Санкт-Петербурге, как они старались поддерживать свою национально-духовную идентичность. Об этом говорят отчеты «Литовско-Жмудского благотворительного общества» и «СПб Литовского общества взаимного вспоможения», опубликованные на русском и литовском языках. Второе было учреждено 19 ноября 1899 г. и своей задачей ставило не только материальную поддержку нуждающимся литовцам, но и, как сказано в отчете за 1902 г. «стояло на пути полезной деятельности, оттирая слезы сиротам и подавая помощь тем из своих собратий, которые действительно нуждались в ней, и следуя дальше по этому пути Общество может смело надеяться на общие симпатии как со стороны своих членов, так и со стороны всего литовского элемента столицы». На средства Общества устраивались литературно-драматические вечера, существовал кружок «любителей-артистов», назначались премии за художественные произведения из «современного литовского быта». После спектаклей обычно устраивались танцы до 3—4 часов ночи. В фонде имеются программы вечеров. Вольтер являлся почетным Председателем и, судя по отчетам, очень активно участвовал в деятельности Общества. На полях и в тексте он оставил свои многочисленные пометы и замечания.

Достаточное количество материала (книги, газеты, театральные программки, вырезки из газет, уставы, отчеты учреждений) издано в Санкт-Петербургских типографиях, в том числе в Литовской типографии, размещавшейся по адресу: набережная Екатерининского канала, д. 10.

В фонде собрана обширная коллекция периодических и продолжающихся изданий: журналов, газет, сборников. Литовская периодика отражала взгляды представителей различных политических направлений, на страницах газет и журналов шла острая идейная борьба,

которая сыграла важную роль в развитии национальной литературы. Газеты и журналы выходили в городах Восточной Пруссии (Тильзите, Райгане, Прекуле), Северо-Американских Штатах (Чикаго, Плимуте, Бостоне, Шенандоа) и России (Санкт-Петербурге, Москве). В нашем фонде имеются многие из них. Это прежде всего общественно-литературная газета Auszga («Заря»), которую в 1883 г. основал воспитанник московского университета Ионас Басанавичус — первое периодическое издание, служащее интересам молодой литовской интеллигенции, выходившая в Тильзите. Издание сыграло важную роль в формировании национального самосознания литовцев, совершенствовании литовского литературного языка, развитии литовской литературы. В фонде имеются также газета «Хозяин», посвященная интересам земледелия, и «Колокол» — органы партии «Варпиникай» (литовских интеллигентов), на страницах которых отстаивались демократические права народа, печатались произведения писателей, отображавшие реальную жизнь и быт.

В фонде имеются газеты, которые печатались в США: «Vienybe Lituwniku» («Объединение» Плимут); «Эхо» («Garbas» Шенандоа).

Общий объем литовско-латышского собрания, которое хранится в основном фонде, составляет 3775 библиотечных единиц: монографий 3178, 597 периодических изданий. 80 % — литовские издания, хронологический охват с 1677 по 1930 г. Как мы заметили, литовские книги, имеющиеся в фонде БАН, печатались в XVII в. в Вильно, Кенигсберге, в XVIII в. — также в Тильзите, XIX в. до 1864 г. встречаются издания кальвинистов, печатанные в Митаве, Тильзите, Вильно, Каунасе, Санкт-Петербурге; с 1864 по 1904 г. — книг и периодических изданий («вольная печать»), изданных в Тильзите, Прекуле, Битенае, Мемеле, Кенигсберге, Шитуле, Рагаине, Лейпциге, Берлине, Варшаве. В 1885 г. начинают появляться газеты, журналы, книги светского и религиозного содержания, напечатанные в типографиях Нью-Йорка, Чикаго. Так как хронологический охват составляет 250 лет, то на данном массиве можно четко проследить историю литовского книгопечатания от издания книг религиозного содержания (Библии, евангелия, молитвенники, катехизисы), до появления светской и научной литературы и литовской периодики (газет, журналов). Наличие в фонде большого количества экземпляров с дарственными надписями, рабочими заметками на полях изданий, экслибрисами, пометами и исправлениями в текстах самих авторов, отдельных рукописей, позволяет говорить об уникальности данного собрания и позволит исследователям сделать еще много открытий в области истории и языкознания.

Следуя традициям, академическая библиотека продолжает комплектовать научную литературу, издаваемую в Литве, и сегодня. Книгообмен был восстановлен в 1998 г. Библиотека Литовской Академии наук осуществляет обмен научными изданиями с БАН. Спектр получаемых периодических изданий весьма широк. Это издания для основного фонда БАН, Справочно-библиографического отдела, а также для отделов БАН при академических институтах. Всего в 2011 г. из Литвы было получено 58 экземпляров (из них: 19 — монографии, 39 — периодические издания). Несмотря на то, что объем получения литературы по книгообмену из Литвы сравнительно невелик, эти издания значимы для БАН, так как являются академическими. В целом, книгообмен с Литвой можно охарактеризовать как успешный, однако следует заметить, что существует большой потенциал для расширения взаимовыгодных партнерских отношений в сфере МКО между Библиотекой Российской Академии наук и научными учреждениями и издающими организациями Литвы. Необходимо расширять имеющиеся возможности для плодотворного книгообмена с Литвой и укреплять уже сложившееся сотрудничество.

ЛИТОВСКО-ЛАТЫШСКИЕ КНИГИ ИЗ СОБРАНИЯ Э. А. ВОЛЬТЕРА

Е. В. Чилиева

Судьба Эдуарда Александровича Вольтера — выдающегося библиотековеда и библиографа, ученого-лингвиста, этнографа, блестящего знатока фольклора и обрядовой культуры балтийских народов, археолога, известного статистика была тесно связана с Санкт-Петербургом и Библиотекой академии наук, где он проработал 32 года, вплоть до своего отъезда в Литву в 1919 году. Он сыграл существенную роль в организации Славянского фонда наряду с такими учеными-славистами, как Куник, Срезневский, Сырку, Лященко. В 1880-х годах имела место практика привлечения к работе в библиотеке лиц по «вольному найму», поэтому Вольтер долгое время работал «приватно», то есть до зачисления в штат, хотя и выполнял достаточно ответственную работу. С 1894 года Вольтер становится заведующим Славянским отделом БАН.

В данной статье мне хотелось бы представить Вольтера как собирателя не только славянской, но литовской и латышской книги. Он много работал по изучению истории, языка и культуры этих народов, был цензором литовских изданий и содействовал выходу многих литовских книг, поэтому именно в БАН оказалось достаточно полное и редкое собрание балтийской литературы XVII—XX вв.

Книги из Балтии попадали в БАН несколькими путями. Для закупки литературы сотрудники Славянского отдела регулярно совершали поездки по славянским и балканским странам. Например, в 1908 году из командировки в Юго-Восточную Европу Вольтер привез значительное количество литературы. Именно по настоянию Эдуарда Александровича Славянским отделом планомерно комплектовалась литература на литовском и латышском языках. Следует отметить, что в начале XX века важным источником пополнения книжных фондов являлись пожертвования частных библиотек или отдельных книжных собраний со стороны русских ученых. Не стал исключением и дар Вольтера Библиотеке академии наук. В 1912 году он пожертвовал в Славянский отдел собрание литовских книг и журналов, а также сочинений по литоведению — до 600 названий (около 700 томов). В 1913 году он вновь подарил библиотеке более полутора тысяч книг, которые составили особый раздел «пожертвований» Славянского фонда БАН. Здесь была почти исчерпывающе представлена вся печатная продукция на этих языках. Сформулированная Вольтером концепция деятельности по формированию Славянского фонда — «стремление к возможно полному отражению научной и культурной жизни славянских и балтийских племен, поскольку эта жизнь выражается в произведениях печати»¹ — подтверждается и при исследовании коллекции литовских и латышских книг, хранящихся в БАН.

¹ Императорская Академия наук. 1889—1914. Т. 2: Материалы для истории академических учреждений за 1889—1914 гг. Ч. 1. Пг., 1917. С. 37.

С 1884 года Вольтер совершал поездки в Литву, Пруссию, Белоруссию и другие литовско-русские губернии для изучения языка и культуры литовцев и латышей по поручению Императорской академии наук и Русского географического общества. Близкие связи с деятелями литовского национального возрождения, такими, как С. Балтрамайтис, Ю. Балтрушайтис, Ю. Бальчиконис, И. Басанавичус, М. Янкус, способствовали также пополнению личной библиотеки Вольтера ценной литературой. Собственно личная библиотека Вольтера, который в 1919 году выехал в командировку и не вернулся в Россию, находилась в его служебной квартире на 7-й линии Васильевского острова. Книги и бумаги ученого чуть позже были перевезены в БАН, поскольку квартиру заняли другие служащие. Далее последовала письменная просьба Вольтера о передаче его собрания в Литву. И только в 1930 году был составлен «Список книг профессора Э.А. Вольтера, оставленных в Славянском отделении академии наук СССР», в который было включено 1452 позиции, учитывающих 2660 библиотечных единиц. В 1931 году по этому списку книги были переданы в Агентство Народного комиссариата по иностранным делам в Ленинграде для отправки в МИД Литовской республики. О получении книг сохранилась расписка за подписью заведующего договорно-правовым отделом М. Яновского. Мы можем предположить, что вся библиотека Вольтера составляла порядка 5000 экземпляров, а 1200 единиц из этого количества он передал в дар БАН².

Сегодня собрание литовских и латышских книг хранится в иностранном фонде Отдела фондов и обслуживания отдельной коллекцией. Именно сюда вошла та часть книг из личной библиотеки ученого на литовском и латышском языках. Общий объем фонда составляет 3776 единиц хранения (монографий — 3178 единиц, 597 единиц — периодических изданий), 80 % — это литовские издания и книги о Литве на русском языке, хронологический охват со второй половины XVIII века до 30-х годов XX. Хранящиеся в Славянском фонде списки поступлений литературы и характерные записи на обложках и титульных листах книг, журналов, газет позволяют определить принадлежность к личной библиотеке Вольтера. Благодаря обширной переписке и обмену книгами, которую вел Вольтер с учеными из Литвы, мы имеем в фонде большое количество экземпляров с автографами, дарственными надписями, экслибрисами, а также рукописные и машинописные материалы, вложенные в книги письма, газетные вырезки, театральные программки.

Подтверждением факта тесных научных контактов между учеными-лингвистами является наличие в иностранном фонде письма Казимира Бути академику Ф.Ф. Фортунатову (в переплет вклеен конверт, датированный ноябрём 1909 г., СПб.) по поводу своей работы «Айстийские этюды, часть 1», а также «Грамматики литовского языка», составленные Петром Криауштайтисом (Тильзит, 1901, рукопись, перевод с литовского). На титульном листе надпись «Доставлена Э. А. Вольтеру 14.12.1905 г. по адресу В.О. 7 линия, д. 2, кв. 20».

Что же отличает книги из библиотеки Вольтера? Это — личная подпись ученого и наличие экслибриса (изображение совы в черном ободке), дата получения книги, достаточно часто она приближена к году выхода издания из печати, дарственная надпись автора, особый переплет, на корешке которого золотом оттиснуты буквы «E.W.», обстоятельства получения книги (например: «Получено в Окружном суде 1903.17.IV») и множественные записи на полях и свободных листах книг. И еще один интересный факт из жизни Эдуарда Александровича, который открывается нам благодаря материалам из его личного собрания. Он являлся почетным Председателем «Петербургского Литовского общества взаимного вспоможения» и, судя по опубликованным отчетам, очень активно участвовал в его деятельности.

² СПб филиал Архива РАН. Ф.158. Оп. 3. 1929. № 40. Л. 240—276., 365.

На средства Общества устраивались литературно-драматические вечера, существовал кружок «любителей-артистов», назначались премии за художественные произведения из «современного литовского быта». После спектаклей обычно устраивались танцы до 3—4 часов ночи. В фонде имеются программы этих вечеров. На полях и в тексте Вольтер оставил многочисленные пометы и замечания. Благодаря деятельности Эдуарда Александровича в фонде имеется достаточно обширная коллекция периодических и продолжающихся изданий: журналов, газет, сборников. Ведь именно литовская периодика отражала взгляды представителей различных политических направлений, на страницах газет и журналов шла острая идейная борьба, которая сыграла важную роль в развитии национальной литературы.

Наша работа по раскрытию этого интересного собрания только начата. Но уже сейчас мы можем отметить важность деятельности Эдуарда Александровича Вольтера как комплектователя и хранителя «славяно-балтийской библиотеки», которая является составной частью единого фонда БАН. Ведь к книгам он относился, как к документам национальной печати и как самостоятельному источнику гуманитарного знания. Благодаря его увлеченности и безграничной преданности профессии мы храним в фондах Библиотеки уникальные источники национальных литератур.

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК И МАКЕДОНИСТИКА (по материалам доклада на V Македонско-русской научной конференции)

Н.В. Прасолова

С 17 по 19 июня 2012 г. в македонском городе Охриде проходила V Македонско-русская научная конференция, организованная Филологическим факультетом им. Блаже Конеского Университета им. Св. Кирилла и Мефодия в Скопье и Македонской ассоциацией преподавателей русского языка и литературы. В конференции приняли участие исследователи македонского языка, литературы, истории и культуры из Македонии и России. На открытии конференции с приветственным словом выступили посол Российской Федерации в Македонии Олег Николаевич Щербак, ректор университета им. Св. Кирилла и Мефодия в Скопье проф. д-р Велимир Стойковски и декан филологического факультета им. Блаже Конеского проф. д-р Максим Каранфиловски.

Организаторы конференции предложили участникам для обсуждения три темы: 1) Македонско-русские языковые связи; 2) Македонско-русские литературные связи; 3) Культурно-исторические аспекты македонско-русских отношений. В дискуссии по предложенным темам приняли участие как ученые с мировым именем, так и молодые исследователи. Российская сторона была представлена македонистами из Москвы, Санкт-Петербурга, Перми и Воронежа — основных центров изучения македонского языка и культуры в России.

Автор данного сообщения выступила в секции «Культурно-исторические аспекты македонско-русских отношений» с докладом «Научные связи Р. Македонии с Библиотекой Российской академии наук». Целью доклада было продемонстрировать потенциал БАН для научных исследований по македонистике. Иностранные коллеги не раз обращались к автору с просьбой найти интересующий их материал в БАН, в результате чего и возникла идея подготовки этого доклада.

Для получения исторической справки о сотрудничестве БАН с Македонией автор обратилась к архивным источникам. В Архиве БАН и текущем архиве Сектора международного книгообмена Отдела комплектования библиотечных фондов была обнаружена переписка между БАН и разными организациями и частными исследователями Македонии. Эта переписка касается установления контактов по линии международного книгообмена, запросов на микрофильмирование ценных источников из фондов Научно-исследовательских отделов рукописей и редкой книги, а также запросов на допуск частных лиц к работе с фондами БАН. В ходе подготовки доклада были изучены и отчеты Сектора международного книгообмена Отдела комплектования библиотечных фондов, в которых представлена полная информация

о развитии книгообмена с разными странами. В частности, в отчетах за 50-е гг. прошлого века отражено формирование и последовательное развитие книгообмена с македонскими организациями.

Оказались интересными для изучения и запросы на микрофильмирование древних рукописей, хранящихся в Научно-исследовательских отделах рукописей и редкой книги БАН. Так, БАН по запросам македонских коллег помогала в формировании Государственного Архива Р. Македонии в г. Скопье. Кроме того, в ходе переписки с разными учреждениями были установлены двусторонние контакты. Македонские организации в ответ на получение микрофильмов от БАН осуществляли микрофильмирование рукописей, доступных на территории бывшей Югославии, представляющих, в свою очередь, интерес для БАН.

Обнаруженные запросы на допуск македонских исследователей к работе в БАН демонстрируют, что, еще существуя в рамках общего Югославского пространства, македонские ученые стремились к поиску источников для глубокого изучения македонского языка, литературы и культуры.

Особое внимание в докладе было уделено роли Славянского фонда БАН в поиске литературы по македонистике, который обладает уникальным систематическим каталогом, в котором македонисту легко найти литературу по интересующей его проблематике. Особый интерес у македонистов в Славянском фонде вызывают книги, изданные на македонском языке еще до кодификации македонского языка в 1945 г. Каждая из них является библиографической редкостью и заслуживает отдельного внимания. Среди них: грамматика «Славянско-населъениски-македонска слогница речовска» Г. М. Пульевского (София, 1880), пьеса «Македонска кървава свадба на македонски говор» Войдана Черно-Дринского (1875—1951) (София, 1900) и общественно-политический журнал «Вардар» К. П. Мисиркова (Одесса, 1905). Редкость этих изданий обусловлена тем, что в XIX — начале XX вв. систематическое книгоиздание на македонском языке еще не велось.

Итак, в докладе было показано, что научное сотрудничество между Македонией и БАН, действительно, разнопланово и что фонды БАН могут быть использованы македонистами для поиска материала по различной проблематике. К конференции была подготовлена презентация, демонстрирующая некоторые интересные образцы переписки, сохранившейся в Архиве БАН. Доклад вызвал интерес у слушателей. В рамках научной дискуссии были заданы вопросы о собрании Славянского фонда и о наличии библиографического указателя книг по македонистике в Славянском зале БАН. Подтверждением интереса к данной теме можно считать то, что Библиотека Российской Академии наук упоминалась и в других докладах данной конференции, в частности, В. Стойчевска-Антик, выступавшая с докладом «Кон средновековните руско-македонски врски» («К вопросу о средневековых русско-македонских связях»), тепло вспоминала плодотворную работу в БАН по поиску материала для своей темы.

В завершении хотелось бы выразить благодарность сотрудникам сектора международного книгообмена Отдела комплектования библиотечных фондов, сотрудникам Славянского зала и заведующей Архива БАН А. А. Балакиной за оказанную помощь в сборе материала для доклада. Подробнее с материалами конференции можно ознакомиться в сборнике, посвященном конференции.

К 220-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К.-Э. БЭРА Притча о появлении на свет Карла-Эрнеста Бэра¹

В одном отдаленном хуторе поздним зимним вечером за прялкой сидела молодая женщина. Пальцы ее, под негромкое жужжание колеса, ловко перебирали веретено, расправляя бегущую нить. На улице беспорядочно кружащиеся снежинки создавали причудливые хоро-воды, как будто бы в такт старинной мелодии, выводимой ветром.

Незнакомцу, не знающему эту страну, пение ветра показалось бы жутким завыванием, но для обитателей хутора оно был привычным и не страшным. Они знали и понимали, о чем рассказывает ветер.

«Я, — говорил им ветер, — старый бродяга-путешественник, примчался к вам из со-снового леса, сквозь стоны и треск дремучей чащи, пролетел вдоль побережий, пробуждая подводных обитателей от дремоты и зимней спячки. Сон, покой и безмятежность — это не мне!»

Молодая женщина неожиданно прекратила прясть, посмотрела в окно и, любуясь пляс-кой снежинок за окном, прислушалась. Затем, переведя взгляд на мужа, который сидел на-против, углубившись в чтение книги, спросила:

— Дорогой, ты ничего не слышишь?

— Ничего, кроме шума ветра, сокровище мое.

— Послушай, дорогой, раньше я тебе не говорила, что уже несколько раз я слышала негромкий стук в окно, как от крыльев ангела и, частые, как у детей, семенящие, маленькие шаги. Я думаю, что это означает, что они скоро придут к нам — Ангел и ребенок (дитя).

Муж ласково посмотрел в глаза любимой жены, потом горячо поцеловал ее и сказал:

— Я буду им очень рад, особенно ребенку, так как ангел у меня уже есть и ты знаешь, как его зовут, не так ли, милая жена?

Женщина, сильно смутившись, сделала вид, что за шумом прялки не расслышала конца вопроса и сказала:

— Да, я думаю, что пора вязать чулочки и шить рубашечки и курточки, так как на маль-чишках одежда, как говорят, «горит». Так она и сделала. Она усердно вязала чулочки и шила рубашечки, пока муж был в поле или в лесу, слушая, как за окном перебивают друг друга, гудят сосны и шумит ветер.

И снова за Землю опустились зимние сумерки.

А наверху, на Небесах, голубое как всегда небо пронизывали золотые лучи.

¹ См.: 17 Februar 1792—1892: Von hundert Jahren. Märchen von A.Z. Дозволено цензурою, С.-Пе-тербург, 13 января, 1894 г. Типография О. Унфуг, Гороховая, 28—18. 4 с. Оттиск / пер. Н.Н. Елкиной. 29.02.2012. СПб.

...У врат стоял святой Петр. Собираясь отправить на землю ангелов с различными поручениями, он напутствовал их:

— Ты, малыш, любишь раздавать свертки с пестрыми мечтами, и ты полетишь в тот уютный домик, где был вчера, туда, где сверкнули два солнечных луча. Возьми их осторожно, чтобы все их сияние попало в сердца. Пошли им привет с небес, всели в них мужество и веру в то, что их любимый Бог жив и не забыл о них. И еще, разбросай корм воробьям и малиновкам до наступления темноты, пока они не улетели.

— Ну, а ты, золотоволосый, получишь самое важное поручение. Ты должен доставить то, что мы посылаем на Землю раз в столетие — ЗВЕЗДУ (Stern).

— Держи осторожно то, что Я положу тебе в руки.

Ангелы с любопытством взирали на дар, принесенный святым Петром, а крылатый курьер разочарованно прокричал:

— Святой Петр, это всего лишь младенец, а не звезда и не искрящийся свет!

— Да много ты знаешь об этом, — проворчал святой.

— Я уже сказал вам, что это ЗВЕЗДА первой величины. Ты понесешь ее туда, на уединенный двор, занесенный снегом. Посмотри, вот туда, вниз, где горит огонек. Ты же и передашь его молодой женщине. Она уже давно приготовила ему рубашечки, башмачки и чулочки. Это будет чудесным завершением твоей миссии, только не ошибись домом!

— Итак, вперед. Все помнят, что надо сделать? — строго спросил св. Петр. Малыш, ты держи чашку с кормом и лети первым, прикрывая от ветра своими крыльями Золотоволосого и его груз.

Святой Петр открыл врата, и посланники улетели.

— Фу, Ангелы сегодня из-за метели могут и не найти Земли — пробурчал святой Петр. О-хо-хо! Людей на Земле так много, как уследить за всем, чтоб все у всех было в порядке... — продолжал бубнить св. Петр, закрывая врата.

Между тем Ангелы долетели до Земли и старательно стали исполнять порученное им дело, как это и положено послушным детям. Тот, который нес Звезду, скоро нашел нужный дом. В доме за круглым дубовым столом сидела милая женщина.

Перед нею в тяжелых блестящих подсвечниках горели свечи, рядом лежал Молитвослов (Сборник псалмов). Муж был в отъезде, ожидая его, она коротала время за чтением, пока сон не сморил ее. Поэтому она не услышала, как открылась дверь, и появился Ангел с младенцем.

Вот он, — сказал крылатый посланник, передавая мальчика в руки женщине. Смотри, какой он хорошенький, бодрый, веселый. Оберегай его и заботься о нем, чтоб ничего плохого с ним не случилось. И у него уже есть имя. Его зовут Stern (Звезда). Поверь мне, это так. Рассчитывай и на мою помощь, я не оставлю вас, и буду прилетать к вам. Сказав это, Ангел покинул дом.

О лучшем и мечтать не надо, — шептала молодая женщина, ласково поглаживая маленькие ручонки. — А муж-то как будет рад ребенку!

Так оно и случилось. Муж был без ума от радости, когда, придя домой, увидел малыша.

На другой день он сказал жене: — мы должны дать ему красивое имя.

Жена призадумалась. Мальчику уже было дано имя — Stern (Звезда), как сказал ей Ангел. Но как сказать об этом людям, чтобы они не заподозрили ее в высокомерии? Имя Stern не было внесено ни в одни Святцы, но и слова Ангела не были ее фантазией. Она хорошо запомнила каждое слово небесного посланника и не хотела отказываться от данного им ее младенцу имени S-t-e-r-n — эс-тэ-эр-эн, тэ-эр-эн-эс, эр-эн-эс-тэ, эрэнэстэ, бормотала женщина, перебирая буквы...

Я назову его — Э-р-н-с-т, — думала она, в нем те же самые буквы, что и в слове STERN. Для меня ребенок это — звезда, счастливая звезда. Так она и сказала своему мужу: — Мне кажется, Эрнст — красивое имя.

— Разумеется, — ответил муж, но одного имени слишком мало. Малыш должен получить еще одно. Женщина улыбнулась и, подумав, предложила: — пусть будет Карл Эрнст, и я хочу признаться тебе, почему именно так. Вчера после обеда особенно сильно мело, да так, что ни зги не было видно, а позже, уже вечером стало так удивительно тихо и светло. Оба имени складываются в слово: Ernst=stern, в karl-klar => sternklar (звездный). Когда я буду звать малыша (Карлом или Эрнстом), я буду вспоминать звездную и счастливую зимнюю ночь, в которую он был послан нам с неба.

Муж улыбнулся: — Такие мысли могут зародиться только в женской головке, но если это доставляет тебе удовольствие, назовем малыша — Карлом Эрнстом.

Шли годы, мальчик Карл Эрнст рос. Когда Ангел прилетал тайком посмотреть на него, всегда оставался доволен им. — Все хорошо! Моя Звездочка на правильном пути!

Чем старше становился ребенок, тем больше радовал он родителей, проявлением своих все возрастающих дарований. — Карл Эрнст — так называли его родители. — Карл Эрнст фон Бэр — называли его другие люди. Это имя скоро приобрело хорошую и светлую репутацию. И когда ребенок стал мужчиной, слава его сверкала как корона над головой, украшаемая все новыми и новыми жемчужинами. Так проходили годы и годы, которые ученый исследователь проводил в трудах.

Когда люди встречали на пути этого седого человека, то они обыкновенно уважительно пропускали его, говоря: — Старый Бэр, смотрите, это великий Бэр, — и смотрели на него почтительно и с восхищением...

На земле снова была зима. С неба густо сыпались снежные хлопья.

В небесные врата постучали. Святой Петр поспешил к ним, чтоб узнать, кто же требует впустить его в такую плохую погоду.

— Это я — откликнулся голос Ангела, — я прилетел с Земли.

— Кого ведешь с собою?

— Звезду, которая окончила свой путь.

— Как ее зовут?

— Великий Бэр.

Святой Петр открыл врата и улыбнулся. — Помнишь, Золотоволосый (Ангел), как ты летел с ним вниз, на Землю и не хотел верить в то, какой свет скрыт в нем.

Но теперь ты знаешь также хорошо, как и люди там, внизу: «Великий Бэр — это Звезда первой величины».

ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ АКАДЕМИК ПРОФЕССОР ЯКОБ GERMAN

В. С. Соболев

Создание Академии наук в Санкт-Петербурге стало важной вехой в процессе реформирования России императором Петром Великим. 28 января 1724 года царем был подписан указ «Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицензных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга»¹.

Энергичным и талантливым исполнителем воли императора стал Л. Блюментрост, возглавивший работу по созданию первого научного учреждения страны и ставший первым президентом Академии наук. В частности, он прилагал большие усилия к тому, чтобы пригласить в Северную столицу иностранных ученых. Одним из самых первых в этом плане стал швейцарский математик Якоб Герман, являвшийся к тому времени профессором университета во Франкфурте-на-Одере. Его рекомендовал профессор Христиан Вольф, один из учителей Л. Блюментроста.

Я. Герман родился 16 июня 1678 года в Базеле. Он увлеченно занимался математикой под руководством знаменитого Якова Бернулли. Талант начинающего ученого оценил Г. В. Лейбниц, ставший покровителем молодого математика. Уже в 1701 году Я. Герман был избран в члены только что основанной Г. В. Лейбницем Берлинской Академии наук².

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранится небольшой, но интересный комплекс документов о деятельности Я. Германа в Санкт-Петербургской Академии наук. Имеются и материалы о приглашении ученого на работу в Россию. В своем письме от 7 ноября 1724 года, направленном Академии наук, ученый указал, что «он предоставленное место с великим благодарением приемлет и означенными кондициями доволен»³. Сохранился текст контракта с Я. Германом, который заключил с ним по поручению императора Петра I и от имени Академии наук русский посланник в Берлине граф А. Г. Головкин (см.: приложение № 1 к данной статье).

Контрактом предусматривалось, что профессор Я. Герман принимался на службу в Академию наук сроком на пять лет, он обязывался «в оное время о приращении Академии генеральное старание иметь, особливо же в части высшей математики»⁴. Предполагалось, что ученый должен подготовить основательные научные труды по математике, систематически читать лекции студентам по данному предмету и подготовить одного или двух наиболее способных студентов

¹ Летопись Российской Академии наук. Т. 1. 1724—1802 / Отв. ред. Н.И. Невская. СПб., 2000. С. 31.

² Русский биографический словарь. (Герберский — Гогенлоэ). М., 1916. С. 57.

³ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПФ АРАН). Ф. 3. Оп. 1. Д. 582. Л. 48.

⁴ Там же. Д. 70. Л. 11.

к самостоятельной научной работе. Данным документом определялись и конкретные размеры вознаграждения, которое должен был получать Я. Герман за свою работу. Первые два года — по 1500 рублей в год, а последующие три года — по 2000 рублей.

На таких условиях Я. Герман прибыл в Санкт-Петербург и с 8 января 1725 года был назначен профессором высшей математики, то есть стал первым действительным членом Санкт-Петербургской Академии наук.

Реформы, проводившиеся императором Петром I, были продолжены его супругой, императрицей Екатериной I, поддержавшей и нелегкую работу по созданию Академии наук. На наш взгляд, не случайным был тот факт, что вскоре после приезда Я. Германа в Россию состоялась его встреча с императрицей. 15 августа 1725 года он вместе с профессором Г. Бильфингером, также одним из первых российских академиков, был принят Екатериной I⁵. Во время аудиенции Я. Герман произнес приветственную речь на французском языке, причем перевел ее Л. Блюментрост. Императрица выразила свое удовлетворение прибытием в столицу России известных ученых и обещала впредь проявлять заботу об Академии наук.

Первые заседания Конференции (Общего собрания) Академии наук состоялись в сентябре 1725 года. К сожалению, протоколы этих заседаний оказались утраченными. Однако в Архиве РАН хранится протокол заседания Конференции от 2 ноября 1725 года, проходившего в доме вельможи П. Шафирова под председательством Л. Блюментроста. На нем академиком Я. Германом был сделан доклад «О сфероидальной фигуре Земли». В качестве оппонента тогда выступил академик Г. Бильфингер⁶.

С самого момента своего основания Санкт-Петербургская Академия наук считала необходимым вносить свой вклад в развитие просвещения в России. Одним из примеров такой деятельности академических ученых было чтение ими публичных лекций. Известно, что чтение публичных лекций началось с января 1726 года, они проходили по понедельникам, средам, четвергам и субботам. От имени Академии наук было опубликовано специальное «Объявление», где указывались тематика и порядок проведения лекций. В «Объявлении», в частности, сообщалось о том, что «Член Императорской Академии и королевских научных обществ в Лондоне и Берлине, высоких математических наук первый профессор Я. Герман будет с 11 до 12 часов читать лекции по общему анализу и алгебре».

Примечательно, что в письме президента Академии наук Л. Блюментроста в Святейший Синод от 13 января 1726 года с просьбой о печатании в Синодальной типографии лекций, подготовленных академиками, говорилось «о необходимости зачинающиеся академические лекции публиковать в народе»⁷. Здесь следует дать пояснение, что собственная Академическая типография была основана позднее, в 1728 году.

В 1726—1728 гг. академиком Я. Германом был подготовлен цикл лекций, которые он читал как публично, перед разной аудиторией, так и в рамках учебных программ для созданного академического университета. Приведем названия некоторых наиболее характерных тем его лекций: «О мерах сил живых», «О фигуре Земли», «Двойственное решение проблемы Кеплеровой», «О счислении интегральном или цельном», «Генеральная теория движения телес» и др.⁸

⁵ Там же. Д. 583. Л. 83—83 об.

⁶ Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 гг. Т. 1. СПб., 1897. С. 2—3.

⁷ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 417. Л. 27.

⁸ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1885. С. 276—277.

Одновременно с этим Я. Герман успешно занимался и теоретической научно-исследовательской работой. Так, им были подготовлены серьезные научные труды «О бесконечно малых величинах», «О системе науки бесконечного» и др. Специально для обучения молодого императора Петра II Я. Германом был подготовлен ряд учебных пособий: по арифметике, по геометрии, по гражданской и воинской архитектуре и др.

Я. Герман вполне заслуженно пользовался большим авторитетом и уважением среди своих коллег — академических ученых. Об этом со всей убедительностью свидетельствует следующий исторический факт. В январе 1728 года президент Академии наук Л. Блюментрост был вынужден уехать в Москву, в связи с переездом туда императорского двора. Он отдал распоряжение, согласно которому временное управление Академией было возложено на советника академической канцелярии И. Шумахера. Этот честолюбивый и деятельный чиновник вскоре стал полномочным распорядителем всех академических дел. Данное обстоятельство стало причиной ряда серьезных конфликтов, возникших в стенах Академии.

В результате всего этого в январе 1729 года академики направили императору Петру II челобитную, в которой обоснованно излагалась просьба о разрешении избрать из своей среды директора Академии, который бы мог в отсутствие президента, осуществлять руководство ею. Эту челобитную подписали тогда все действительные члены Академии наук. Заметим, что данный поступок академических ученых не противоречил нормативным требованиям петровского «Проекта положения об учреждении Академии наук и художеств»⁹.

Для нас во всей этой истории особый интерес представляет то, что ученые единодушно просили императора назначить директором академика Я. Германа. В челобитной, в частности, говорилось следующее: «Мы уповаем, что Ваше Величество нам всемилостивейше позволит в первый раз в директора всеподданнейше представить старшего изо всего нашего собрания Якова Германа»¹⁰. Далее в документе отмечалось, что Я. Герман более двадцати лет служил профессором в Италии и «Немецкой земле», дважды с успехом занимал пост ректора университета во Франкфурте-на-Одере. Однако это прошение ученых было оставлено императором Петром II без внимания и ответа на него не последовало.

Надо также отметить и то обстоятельство, что Я. Герман обладал замечательными человеческими качествами. Современники ценили его миролюбивый характер и доброжелательное отношение к окружающим. Интересную характеристику своему коллеге дал академик Г. Ф. Миллер, близко знавший Я. Германа: «Он был важен, говорил мало, когда был один, то никогда не покидал своих ученых занятий»¹¹.

Во второй период своей деятельности в Санкт-Петербургской Академии наук в 1728—1730 гг. Я. Герман успешно продолжал свою научную работу, постоянно расширяя тематику исследований в области математики. Приведем названия некоторых его работ тех лет (в переводе с латинского языка): «Новое в решении отдельных проблем тригонометрии», «Новое в расчетах интегральных числений», «Новое в построении кривых», «Решение проблемы расчета постоянных координат трех звезд», «Основные методы для систематизации главных категорий тригонометрии» и др.¹²

Осенью 1730 года истек срок контракта, заключенного Академией наук с Я. Германом. Он обратился к президенту Академии наук Л. Блюментросту с прошением об увольнении

⁹ Уставы Российской Академии наук. 1724—2009. М., 2009. С. 55.

¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 20. Оп. 3. Д. 108. Л. 1—1 об.

¹¹ Русский биографический словарь (Герберский — Гогенлоэ). М., 1916. С. 61.

¹² СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 422. Л. 282—282 об.

со службы в связи с необходимостью возвращения в «свое отечество». По представлению Л. Блюментроста императрицей Анной Иоанновной был подписан соответствующий указ от 18 ноября 1730 года. (См.: приложение № 2 к данной статье).

В нем давалась высокая оценка результатов деятельности Я. Германа в Академии наук. В частности, отмечалось, что «показанные от него, в пребывании при нашей академии, прилежные и похвалы достойные труды не инако, как к особливому оной прославлению и пользе служить могли»¹³.

Бесспорным свидетельством признания заслуг Я. Германа перед Россией стало и то, что ему было предложено остаться в составе Санкт-Петербургской Академии наук, но уже в качестве ее иностранного почетного члена. 12 января 1731 года Л. Блюментрост по поручению императрицы заключил с ним новый контракт. Я. Герман брал на себя обязательства продолжать активное научное сотрудничество с Академией наук, обмениваться ученой корреспонденцией, продолжать печатать свои труды в «Академических комментариях», а также оказывать содействие российским студентам в тех случаях, когда они будут обучаться в Базельском университете. В соответствии с новым контрактом, ученому была назначена ежегодная пенсия в размере 200 рублей¹⁴.

На своей родине Я. Герман стал профессором «нравственной философии» Базельского университета, где и прослужил до своей кончины, последовавшей 11 июня 1733 года.

Позднее, в конце XIX века вице-президент Санкт-Петербургской Академии наук, академик В. Я. Буняковский написал о том, что «имя Я. Германа может быть поставлено наряду с первоклассными математиками прошлого столетия»¹⁵.

В заключение отметим, что жизнь и деятельность первого российского академика Я. Германа является ярким примером верного служения науке и культуре. Наука не знает государственных границ и национальных характеристик, и его имя принадлежит истории и мировой науке, и науки российской.

Приложение № 1

Контракт, заключенный Санкт-Петербургской Академией наук с Профессором Я. Германом. 8 января 1725 г. Франкфурт-на-Одере.

Вступает помянутый господин профессор Герман при императорской академии наук в члены высшей математики, на пять лет, и обещается во оное время о приращении академии генеральное старание иметь, особливо же части высшей математики в совершенство приводить, о том систему написать и ежедневно по оной, выключая праздники, в пользу учащегося юношества по одному часу читать и в своей науке одного или двух студентов в совершенство

¹³ Там же. Д. 6. Л.Л. 461—462.

¹⁴ Там же. Д. 700. Л.Л. 52—53.

¹⁵ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. Т. VIII—а. СПб., 1893. С. 534.

привесть. Напротив того, обещает, именем Е. И. В., помянутый господин граф Головкин сему господину профессору Герману, чрез два первые года, на каждый — по тысяче по пяти сот Рублев, а чрез три последние и прочие годы — по две тысячи Рублев на каждый годового жалования, такожде свободную квартиру, дрова и свечи, которые ему из академической суммы по четвертям, или по третям года сполна выдаваны быть имеют, и с начала его прибытия в Санкт-Петербург сия дача произведена будет. Сверх сего, дадут ему 300 рублев на проезд. Еще обещает Е. И. В. его ни за болезнь, ни за старостью не оставить, но во время его договора полное его жалованье выдавать. Ежели он, по прошествии пяти лет, больше быть не пожелает, то должен он о своем отпуске за год наперед письменно просить, в котором случае онный ему без всякой остановки дан будет. Во уверение сочинены сего договора два экземпляра, и от обеих сторон подписаны, и печатью запечатаны. Учинено в Франкфурте при Одере, генваря 8 дня 1725.

СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 700. Л. 11—11об. Подлинник.

Приложение № 2

Указ Императрицы Анны Иоанновны об увольнении профессора Я. Германа Из Санкт-Петербургской Академии наук. 18 ноября 1730 г. г. Москва

Божиею милостию Мы, Анна, Императрица и самодержица всероссийская, и протчая, и протчая, и протчая.

Объявляем чрез сие, кому о том ведать надлежит: понеже шляхетный Яков Герман при нашей, императорской академии в Санктпетербурхе, яко первый профессор математических наук, по силе учиненного с ним контракта, пять лет службу свою продолжал, и во все то время должность свою так отправил, как Мы от его достоинства и великих и знатных наук того ожидать и уповать причину имели, и показанные от него, в пребывании при нашей академии, прилежные и похвалы достойные труды не инако, как к особливому оной прославлению и пользе служить могли. И того ради, к нашему всемилостивейшему удовольствию было бы, ежели б протчее его состояние допустило ему далее в нашей службе пребыть; но понеже он Нам всеподданнейше представил, что ради партикулярных своих интересов необходимо во свое отечество возвратиться принужден, и более при помянутой нашей академии остаться не может, и для того об отпуске из службы нашей просил. Сего ради Мы оного профессора Якова Германа из службы нашей уволить всемилостивейше указали и сим нашим абшитом ему заслуженное свидетельство особливого его достоинства и похвальных во всем, во время его при академии нашей пребывания, поступок дать, таокж и притом о нашей продолжающейся к нему императорской милости его обнадежить восхотели. Дан в Москве.

СПФ АРАН. Ф. 3. Оп.1. Д. 6. Л. 461. Заверенная копия.

ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК Л. Л. БЛЮМЕНТРОСТ

В. С. Соболев

Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост был первым президентом Академии художеств и наук в Санкт-Петербурге. Он возглавлял ее с 1725 по 1733 год.

Л. Л. Блюментрост являлся одним из главных организаторов Академии наук, во многом в результате его энергичной и последовательной деятельности была реализована идея императора Петра Великого о создании первого научного учреждения страны.

Годы президентства Л. Л. Блюментроста совпали с завершающим этапом осуществления петровских реформ, проводившихся практически во всех сферах политической, экономической, социально-бытовой и культурной жизни России. Основание Академии наук стало важным моментом данного этапа реформирования страны и оказало большое влияние на все последующее развитие отечественной культуры и науки. В целом же, грандиозные результаты реформаторской деятельности Петра I на несколько столетий определили облик России, ставшей сильным имперским государством, занявшим одно из ведущих мест в мире.

Л. Л. Блюментрост родился 29 октября 1692 года в Москве, в немецкой семье, его отец Лаврентий Алферович был царским врачом. Л. Л. Блюментрост получил хорошее домашнее образование, а позднее закончил московскую гимназию пастора Э. Глюка. Для совершенствования образования Л. Л. Блюментрост в 1706 г. отправился за границу, где с успехом обучался в нескольких европейских университетах. В 1712 г. он защитил диссертацию и стал доктором медицины¹. После возвращения в Россию Л. Л. Блюментрост в 1714 г. был назначен Петром I лейб-медиком сестры императора Натальи Алексеевны. В течение ряда лет Л. Л. Блюментрост выполнял важные поручения императора по медицинскому обслуживанию царской семьи, по развитию медицины в стране, по осуществлению контактов с зарубежными учеными.

В 1718 г. после смерти лейб-медика Петра I Р. Арескина на эту должность был назначен Л. Л. Блюментрост. Одновременно к нему перешло и заведование Библиотекой и Кунсткамерой, созданными еще в 1714 г.

Вполне закономерным следствием всех сложившихся обстоятельств и стало новое ответственное поручение императора Л. Л. Блюментросту — начать подготовку «Проекта положения об учреждении Академии наук». Он был подготовлен к началу 1724 года и представлен Петру I².

¹ Уманский А. М. Блюментрост Лаврентий Лаврентьевич // Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1892. Т. 3. С. 426.

² Копелевич Ю. X. Первый президент Петербургской Академии наук Лаврентий Блюментрост // St. Petersburgische Zeitung. 1992. № 16. С. 5.

«Проект положения» был одобрен на заседании Правительствующего Сената, проходившем в присутствии императора 22 января 1724 г. Был установлен и размер финансирования государством Академии наук, на ее содержание ежегодно отпускалось 24 912 рублей. «Проект положения об учреждении Академии наук» выполнял функции академического Устава вплоть до принятия в 1747 году «Регламента Академии наук». 28 января 1724 года императором Петром I был издан специальный указ Правительствующему Сенату «Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицензных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга»³.

Летом 1725 г. в Петербург начали прибывать из-за границы первые академики. Среди них были математики Я. Герман и Х. Гольдбах, физик Г. Б. Бильфингер, астроном Ж. Н. Демиль, физиолог Д. Бернулли, ботаник И. Х. Буксбаум, медик И. Г. Дювернуа, историк Г. Э. Байер и др.

15 августа 1725 г. императрица Екатерина I в своем Летнем дворце приняла делегацию первых академиков: Х. Гольдбаха, Я. Германа, Г. Б. Бильфингера, Х. Мартини и И. П. Коля во главе с Л. Л. Блюментростом. Я. Герман и Г. Б. Бильфингер произнесли приветственные речи.

Первое, зафиксированное в протоколе заседание академической Конференции, состоялось 2 ноября 1725 г. На нем Я. Герман сделал доклад о сферической фигуре Земли, сплюснутой у полюсов. Это же положение было доказано И. Ньютоном в его «Математических началах натуральной философии»⁴.

Первый этап организации Академии наук был завершен подписанием 20 ноября 1725 года императорского указа «О заведении Академии наук и о назначении президентом оной лейб-медика Л. Л. Блюментроста»⁵.

27 декабря 1725 г. состоялось первое публичное собрание Конференции Академии наук. В присутствии дочери Петра I Анны Петровны, ее супруга герцога Гольштинского и петербургской знати академик Г. Б. Бильфингер произнес речь о задачах Академии наук.

Благодаря энергичной деятельности Л. Л. Блюментроста удалось заложить основы организационного устройства Академии наук. Кроме Библиотеки и Кунсткамеры было создано еще несколько академических структур.

Прежде всего, усилия президента были направлены на создание академической типографии. 4 октября 1727 г. был издан именным указ Верховного тайного совета. Указом, в частности, предусматривалось создание типографии при Академии наук «для печатания исторических книг, которые на российский язык переведены»⁶. Позднее из бывшей Синодальной типографии в Академическую типографию была передана часть оборудования — «два стана и шрифты — русской гражданской печати, немецкий и латинский» и часть персонала. В начале 1728 г. «надзор над Типографией» был поручен академику Г. Ф. Миллеру. В течение 1728 г. в Типографии было отпечатано 11 названий различных научных изданий.

Наличие своей типографии позволило президенту Академии наук организовать очень важную и плодотворную издательскую деятельность. Академические ученые получили

³ Летопись Российской Академии. Т. 1. 1724—1802. СПб., 2000. С. 31. (Далее — Летопись РАН. Т. 1).

⁴ Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 г. СПб., 1897. Т. 1. С. 2.

⁵ Летопись РАН. Т. 1. С. 43.

⁶ Летопись РАН. Т. 1. С. 62.

возможность публиковать свои монографические исследования, учебники, научно-популярные издания⁷. Среди первых академических изданий труды И. Х. Буксбаума «Центурия», И. С. Бекенштейна «Геральдика», Т. Э. Байера «Китайская грамматика» и др.

Кроме того, в академической типографии было налажено печатание периодических научных изданий Академии наук. Результаты научных дискуссий, проводившихся Конференцией, публиковались в томах «Commentarii». Издавались первая газета «Куранты» («Ведомости»), календари и др. Масштабы издательской деятельности Академии наук и тиражи самих изданий с каждым годом возрастали. Так, в феврале 1733 г. руководство Академии наук обратилось в Правительствующий Сенат с просьбой запретить ввоз в Россию немецких календарей, так как Академия может и русскими, и немецкими календарями «всю империю удовлетворить»⁸.

При Академии наук была создана книжная лавка, в которой велась торговля академическими изданиями. Несколько позднее книжная торговля была организована и в Москве. На заседании Конференции Академии наук 23 июня 1729 г. отмечалось, что в Москву отправлены две посылки с академическими изданиями: 1-я посылка 9 наименований книг, 2-я посылка — 12 наименований тиражом от 8 до 2000 экземпляров. Безусловно, издательская деятельность Академии наук вносила большой вклад в дело просвещения в России.

В результате многочисленных и настойчивых обращений Л. Л. Блюментроста к правительству Академии наук в 1727 году было предоставлено отдельное здание на Васильевском острове, специально перестроенное для этой цели из бывшего дворца царицы Прасковьи Федоровны.

В новом здании Академии наук были размещены Библиотека и Кунсткамера. Кроме того, размеры здания в то время позволили разместить и академические структуры, созданные за годы президентства Л. Л. Блюментроста: Обсерваторию, Анатомическую палату (позднее — Анатомический театр), Инструментальные мастерские, Рисовальную и Гравировальную палаты.

К осени 1731 г. были, в основном, завершены работы по оборудованию Обсерватории, в ней уже регулярно проводились астрономические наблюдения. В первые годы существования Академии наук астрономическими исследованиями руководил академик Ж. Н. Делиль.

В Анатомической палате Академии наук велась не только научно-исследовательская работа, но проводились патологоанатомические экспертизы для органов государственной власти. Так, в течение 1731 г. было произведено 22 патологоанатомические экспертизы. В 1731 г. управление Анатомическим театром по решению президента Академии наук было возложено на академика И. Г. Дювернуа.

Инструментальные мастерские при Академии наук были созданы в первую очередь для изготовления инструментов для проведения научных исследований. Эта академическая структура в то время являлась в своем роде уникальной для России организацией. Поэтому мастерским также приходилось выполнять ответственные поручения власти. В 1731 г. при подготовке Генерального межевания земель Правительствующий Сенат дал Академии наук поручение изготовить необходимые для этой работы инструменты. В августе 1731 г. Академией наук были направлены в Сенат 20 теодолитов и 15 готовален с инструментами. При этом руководство Академии наук сообщило Сенату, что может и еще изготовить

⁷ Копелевич Ю.Х. Лаврентий Блюментрост и вопрос об обязанностях академиков // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 2. С. 113—114.

⁸ Летопись РАН. Т. 1. С. 126.

«астролябии и инструменты самую хорошею работою, как в Англии или во Франции, а ценою гораздо дешевле»⁹.

Рисовальная и Гравировальная палаты при Академии наук также создавались, прежде всего, для обеспечения научно-исследовательской работы. Гравюры в то время являлись практически единственной возможностью снабдить академические издания иллюстрациями. Однако успехи, достигнутые в результате деятельности палат, сделали их известными далеко за пределами Академии наук. Так, в мае 1732 г. руководство Академии наук доложило Сенату о том, что по его заданию уже отпечатано 15 гравюр о коронации императрицы Анны Иоанновны, по 1200 экземпляров каждой гравюры¹⁰.

В соответствии с «Проектом положения об учреждении Академии наук» уже в первые годы ее существования были организованы Академический университет и гимназия. В числе первых преподавателей следует назвать профессоров Т. Э. Байера, Г. В. Крафта, Г. Ф. Миллера. В 1726 году в Гимназию было принято 112 учащихся, в 1727 г. — 58 человек. В июле 1728 г. был опубликован указ Верховного тайного совета об отсылке в Академию из всех гимназий и школ учеников, знающих латинский язык, «для отдания в науку»¹¹.

Первоначально Гимназия размещалась в домах П. П. Шафирова и И. П. Строева, находившихся на Петербургском острове. А весной 1728 года ее перевели на Васильевский остров в здание Академии наук. Таким образом, уже в период президентства Л. Л. Блюментроста Академией наук были предприняты первые попытки создания национальных кадров научных работников.

Л. Л. Блюментрост придавал важное значение организации в Академии наук и экспедиционной работы. В марте 1727 г. была организована экспедиция Л. Делиля де ла Кройера в Архангельск и Колу, а затем в «другие губернии империи» для проведения астрономических и физических наблюдений. В июле того же года И. Х. Буксбаум был командирован в Нарву, Ревель и «прочие лифляндские места для изыскания ботанических трав».

Большая работа была проведена Академией наук по подготовке и проведению II Камчатской экспедиции. Тексты практически всех инструкций для этой масштабной экспедиции были составлены академическими учеными. Одними из первых отбыли в это трудное путешествие академики И. Г. Гмелин, Г. Ф. Миллер, Л. Делиль де ла Кройер.

В годы президентства Л. Л. Блюментроста были удачно осуществлены и первые международные контакты Академии наук, в частности, с Парижской Академией, с Берлинским, Лондонским, Упсальским и другими научными обществами.

С воцарением на российском престоле в 1730 г. императрицы Анны Иоанновны положение Л. Л. Блюментроста при императорском дворе пошатнулось. Он был оставлен в качестве только лейб-медика сестры императрицы герцогини Екатерины Ивановны Мекленбург-Шверинской. Ослаб интерес верховной власти и к самой Академии наук, в частности, начались перебои с ее финансированием¹². Но и в этих сложных условиях Л. Л. Блюментрост настойчиво продолжал отстаивать интересы первого научного учреждения России.

В июле 1733 г. решением императрицы Анны Иоанновны Л. Л. Блюментрост был снят с должности президента Академии наук. Он переехал на постоянное жительство в Москву,

⁹ Там же. С. 104—105.

¹⁰ Там же. С. 114—115.

¹¹ Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1885. Т. 1. С. 266—267.

¹² Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1886. Т. 2. С. 95—96.

где начал активно заниматься частной медицинской практикой. В 1738 г. он был назначен на должность главного доктора Московского военного госпиталя и одновременно с этим стал директором госпитальной школы¹³.

Положение Л. Л. Блюментроста вновь упрочилось после занятия российского престола императрицей Елизаветой Петровной. Он был назначен в 1754 г. куратором создававшегося Московского университета и возвращен в Петербург.

Достаточно многочисленные и солидные исторические источники свидетельствуют о выдающихся способностях первого президента Академии наук Л. Л. Блюментроста. Ему были присущи организаторский талант и чувство большой ответственности за порученное дело. Благодаря этим качествам Л. Л. Блюментроста, замысел Петра Великого об организации Академии наук, несмотря на все трудности объективного и субъективного порядка, был воплощен в жизнь.

Л. Л. Блюментрост был всесторонне образованным и высококультурным человеком, он умел наладить хорошие контакты и плодотворное сотрудничество со своими коллегами-учеными.

Скончался Л. Л. Блюментрост 27 марта 1755 г. в Петербурге в возрасте 63 лет и был похоронен на лютеранской части кладбища недалеко от церкви Сампсония Странноприимца на Выборгской стороне.

¹³ Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 15.

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГА (научно-организационная его деятельность в первые годы Советской власти (1918—1928))

В. С. Соболев

Академик С. Ф. Ольденбург четверть века находился на высоком посту неперменного секретаря Российской Академии наук (с 1904 по 1929 год), в этот период истории он являлся одним из главных организаторов академической науки в России.

После Октябрьской революции С. Ф. Ольденбург продолжал оставаться одним из руководителей Академии наук и в первые годы Советской власти его научно-организационная деятельность приобрела особый смысл и ещё большее значение.

Прежде всего, неперменный секретарь Академии наук сыграл важную роль в решении вопроса установления единственно правильных взаимоотношений Академии с новой, Советской властью. Известно, что к февралю 1918 года руководство Академии наук — президент академик А. П. Карпинский, вице-президент академик В. С. Стеклов и неперменный секретарь академик С. Ф. Ольденбург — приняло решение начать активное сотрудничество с Советским правительством. 20 февраля 1918 года Общим собранием АН, в ответ на обращение Наркомпроса РСФСР «о необходимости мобилизации русской науки», было принято специальное постановление. Текст его был выработан комиссией под председательством С. Ф. Ольденбурга. Этот документ заканчивался главным положением о том, что «Академия всегда готова по требованию жизни и государства, приняться за сильную и научную, и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства»¹.

Хорошо известно, сколь суровые испытания выпали на долю российской науки в 1918 году. Но, тем не менее, подготовленный С. Ф. Ольденбургом «Отчёт о деятельности РАН за 1918 год» завершался замечательным и жизнеутверждающим выводом о том, что «Ничто и никогда не может остановить науку или заставить её повернуть вспять — искание истины, — неизменно и вечно»².

Следует отметить, что в то время большая часть элиты большевистской партии разделяла данную точку зрения руководителей Академии наук, считая науку важной составляющей успешного государственного строительства. Активная и высокопрофессиональная научно-

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — ПФАРАН). Ф. 1. Оп. 1а — 1918. Д. 165. Л. 31—31 об.

² Отчёт о деятельности Российской Академии наук за 1918 год. Пг., 1919. С. 16.

организационная деятельность С. Ф. Ольденбурга позволила ему в короткие сроки завоевать должный авторитет и уважение у Советского правительства.

Вместе с вице-президентом АН В. А. Стекловым он вошёл в состав небольшой делегации, принятой 27 января 1921 года главой Советского правительства В. И. Лениным в Кремле (в делегацию так же входили начальник Военно-Медицинской Академии В. Н. Тонков и писатель А. М. Горький). Представители российской науки и культуры обратились тогда к В. И. Ленину за помощью в связи с тяжёлым материальным положением интеллигенции.

Полагаем, что также знаменательным является и тот факт, что именно С. Ф. Ольденбург 26 января 1924 года, в качестве представителя советской науки, принял участие в первом заседании II Всесоюзного съезда Советов, посвящённом памяти В. И. Ленина. В своей речи, произнесённой на съезде, С. Ф. Ольденбург, в частности, указал на то, что «В. И. Ленин хорошо понимал, что государство обязано поддерживать науку, ибо наука важна особенно теперь при строительстве новой жизни»³.

Непременным секретарём Академии наук было многое сделано для выживания науки в трудных условиях Гражданской войны, послевоенных разрухи и голода. В сентябре 1920 года С. Ф. Ольденбургом было подготовлено и направлено очередное письмо в Советское правительство, где он писал «о невыносимом положении, которое грозит полным уничтожением учреждению, существующему уже скоро 200 лет, стяжавшему себе мировую известность и полное мировое признание его работ»⁴.

В ноябре 1920 года в Совнарком РСФСР вновь была направлена «Записка», подписанная всеми руководителями Академии (но автором её являлся С. Ф. Ольденбург). В этой «записке», в частности, говорилось следующее: «Ясно, что если одни из русских учёных погибли в России жертвою ненормальных условий, то другие последуют примеру сотен своих товарищей, работающих и теперь плодотворно на мировую науку за пределами России»⁵. В тот момент эти «хлопоты» руководителей Академии наук увенчались успехом и правительством для учёных было выделено 280 «красноармейских пайков».

В результате неоднократных письменных обращений учёных — организаторов науки, их личных встреч с руководителями партии и правительства, наконец, 6 декабря 1921 года Совнаркомом РСФСР был принят декрет «Об улучшении быта учёных», в соответствии с этим нормативно-правовым актом «число научных работников, подлежащих дополнительному академическому обеспечению» достигало уже 7 тысяч человек. Следует отметить, что в 1920-е годы Советским правительством неоднократно принимались нормативно-правовые акты, в существенной степени улучшавшие положение отечественной науки и учёных.

Академик С. Ф. Ольденбург являлся одним из главных организаторов преобразования Российской Академии наук в главный научный центр страны — в АН СССР. Организационная работа в этом направлении руководством АН была начата задолго до момента положительного решения этого вопроса в июле 1925 года. В декабре 1924 года С. Ф. Ольденбург в очередном своём письме в Наркомпрос СССР писал по этому поводу следующее: «Академия полагает, что её общесоюзное и более того, международное значение делает необходимым непосредственную связь с СНК СССР»⁶.

³ Ленин и Академия наук: Сб. / под. ред. акад. П. Н. Поспелова. М., 1969. С. 227.

⁴ ПФАРАН. Ф. 2. Оп. 1—1917. Д. 43. Л.Л. 532—532 об.

⁵ Там же. Л.Л. 539—541.

⁶ Там же. Оп. 1—1916. Д. 50. Л. 21—21 об.

Здесь непреременный секретарь АН употребил деликатное выражение — «непосредственная связь». На самом деле руководители академической науки очень хотели того, чтобы Академия перешла в непосредственное ведение союзного правительства, это позволило бы осуществлять финансирование АН «отдельной строкой» в расходной части государственного бюджета (то есть, получить известную финансовую независимость от Наркомпроса). Далее последовали интенсивные организационные мероприятия, в которых С. Ф. Ольденбург принимал самое активное участие. Нарком просвещения А. В. Луначарский в своём письме от 20 июля 1925 года доверительно сообщил С. Ф. Ольденбургу о том, что «правительством уже предрешено преобразование Академии во всесоюзное учреждение»⁷.

27 июля 1925 года было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «О признании Российской Академии наук высшим учёным учреждением Союза ССР». С точки зрения руководства АН особый смысл и значение имела следующая формулировка из текста этого Постановления: «учреждением, состоящем при Совете Народных Комиссаров СССР».

Принятие этого правительственного акта было приурочено к 200-летию юбилею Академии. Торжественное заседание по этому поводу проходило 6 сентября 1925 года в зале Ленинградской филармонии. Выступили М. И. Калинин, А. В. Луначарский; были получены приветствия от А. И. Рыкова, Л. Б. Каменева и других руководителей Советского государства. От Академии наук с большим докладом выступил С. Ф. Ольденбург. Он, в частности, отметил, что «всесоюзность АН создаёт для неё новые возможности и налагает на неё новые обязанности»⁸.

С. Ф. Ольденбург, так же как и большинство академических учёных, придавал первостепенное значение роли культуры в советском обществе. В августе 1927 года нарком А. В. Луначарский обратился к С. Ф. Ольденбургу с просьбой написать предисловие к первому номеру только что созданного Наркомпросом журнала «Революция и культура». В этом своём предисловии учёный, в частности, отметил следующее: «Мы убеждены в том, что та революция, которая произошла у нас, была не только стихийно разрушающая, а и революция культурная, не сметающая культуру, а очищающая и оживляющая её»⁹.

В связи с этим, С. Ф. Ольденбург был твёрдо убеждён в необходимости бережного отношения к культурному и научному наследию. В качестве непреременного секретаря Академии наук он неоднократно обращался с письменными заявлениями в различные органы Советской власти по различным вопросам сохранения памятников истории и культуры. Так, в мае 1926 года С. Ф. Ольденбург обратился к руководству г. Ленинграда с письмом, в котором выражались тревога и озабоченность по поводу сохранности знаменитого «Медного всадника». Учёный отмечал следующее: «мне ежедневно приходится наблюдать, как подростки и молодые люди влезают на скалу, расшатывают змея, а некоторые взбираются и до самой фигуры и делают здесь гимнастику...»¹⁰.

Весной 1927 года академики А. П. Карпинский и С. Ф. Ольденбург направили телеграмму главе Советского правительства А. И. Рыкову, где говорилось следующее: «убедительно просим остановить ломку исторического памятника Красных ворот»¹¹. Красные ворота были сломаны, в соответствии с Планом реконструкции центра Москвы.

⁷ Там же. Оп. 1—1925. Д. 1. Л. 269.

⁸ С. Ф. Ольденбург. Академия наук СССР за двести лет. Л., 1925. С. 19.

⁹ ПФАРАН. Ф. 2. Оп. 1—1927. Д. 1. Л.Л. 46—48.

¹⁰ Там же. Оп. 1—1926. Д. 1. Л.Л. 43—43 об.

¹¹ Там же. Д. 39. Л. 68.

Несколько позднее руководители Академии наук выступили с решительными возражениями против развернувшейся в СССР в конце 1920-х годов продажи за границу музейных ценностей. В мае 1928 года С. Ф. Ольденбургом были направлены письма с протестом против подобных акций в ряд правительственных учреждений. В частности, наркому внешней и внутренней торговли СССР А. И. Микояну, наркому просвещения СССР А. В. Луначарскому, секретарю ЦИК СССР А. С. Енукидзе.

Сергей Фёдорович писал тогда следующее: «Материальная польза, извлекаемая от продажи указанных объектов весьма невелика, но дело это слишком важное и слишком больно отражающееся на наших культурных интересах...»¹². Конечно, смутить подобными призывами тех, кто крепко держал в своих руках штурвал управления страной было невозможно, но это не умаляет значения и смысла предпринятых тогда академическими учёными шагов.

В первые годы Советской власти непреходящий секретарь Академии наук являлся и одним из главных координаторов и организаторов её издательской деятельности. Следует сообщить конкретные сведения о масштабах этой работы Академии в те годы¹³:

1913 г. — 1434 печ. л. (100 %);

1920 г. — 376 печ. л. (26 %);

1927 г. — 1567 печ. л. (109 %).

Штат академического издательства составлял 6—7 сотрудников, руководили им в те годы попеременно академики С. Ф. Ольденбург и А. Е. Ферсман, причём, оба «никакого содержания за работу в Издательстве не получали»¹⁴.

Главной проблемой, которую приходилось решать С. Ф. Ольденбургу, были скудные материальные возможности Издательства. Приведём некоторые конкретные сведения об этом¹⁵. В 1923 году Академией наук по самым скромным расчётам «было испрошено кредитов на издательскую работу 167 тысяч рублей, а отпущено только 65 тысяч рублей; на 1924 год было «испрошено 148 тысяч рублей, а отпущено было опять лишь 65 тысяч рублей» и т.д.

Осенью 1924 года С. Ф. Ольденбург обратился к главе Советского правительства А. И. Рыкову с письмом, где говорилось «о катастрофическом положении, в котором находятся русские учёные, почти совершенно лишённые возможности печатать свои труды в России»¹⁶. Следует отметить, что А. И. Рыков на данном письме «начертал» положительную резолюцию: «Госплану и НКфину. Вопрос заслуживает того, чтобы на него было обращено серьёзное внимание». Надо полагать, что внимание на этот вопрос действительно было обращено, но положительно решён он тогда не был.

В этой связи будет уместным вспомнить высказанную С. Ф. Ольденбургом в упоминавшемся выше «Отчёте РАН за 1918 год» мысль о том, что «ничто и никогда не может остановить науку». В те годы успех дела во многом обеспечивался неподдельным энтузиазмом российских учёных, их преданностью науке. Так, сам С. Ф. Ольденбург в середине 1920-х годов осуществлял абсолютно неформальное редактирование сразу нескольких общеакадемических периодических изданий:

¹² Там же. Оп. 1—1928. Д. 1. Л.Л. 45, 47, 48.

¹³ Там же. Ф. 18. Оп. 2. Д. 261. Л.Л. 7—7 об.

¹⁴ Там же. Д. 10. Л. 31 об.

¹⁵ Там же. Д. 22. Л. 41.

¹⁶ Там же. Л.Л. 63—64.

«Известия АН СССР»;

«Труды Комиссии по изучению племенного состава» (КИПС);

Справочник «Наука в СССР» и др.

В первые годы Советской власти С. Ф. Ольденбург был одним из организаторов и руководителей Советского краеведения. Академик С. О. Шмидт назвал период истории с 1917 по 1927 год «Золотым десятилетием» в развитии краеведения в стране¹⁷. До революции в Российской империи насчитывалось всего 155 краеведческих организаций, а по состоянию на 1 сентября 1927 года в стране уже было зарегистрировано 1688 организаций самого различного профиля.

Руководящий орган российских краеведов — Центральное Бюро Краеведения (ЦБК) было создано в начале 1922 года и до 1925 года функционировало при Российской Академии наук (позднее оно перешло в ведение Главнауки Наркомпроса). С 1922 по 1927 год С. Ф. Ольденбург являлся руководителем ЦБК. Кроме того, он попеременно с академиком Н. Я. Марром работал главным редактором центральных печатных органов краеведов — журналов «Краеведение» (1923—1929 гг.) и «Известия ЦБК» (1925—1929 гг.). Заметим, что вся эта работа велась на общественных началах.

Главной проблемой, которую С. Ф. Ольденбургу пришлось решать на посту руководителя ЦБК, было бедственное финансовое положение краеведения в стране. В апреле 1925 года он направил в Наркомпрос СССР очередное письмо о сложившейся в ЦБК ситуации. В письме, в частности, отмечалось следующее: «вместо обещанных 1000 рублей ежемесячных ассигнований, ЦБК получает по 100 рублей. Мы буквально бьёмся как рыба об лёд, считая каждый экземпляр книги, каждую пачку стальных перьев. Я уже несколько месяцев сплю по 4 часа в сутки, перегруженный работой по Академии, и, тем не менее, ЦБК я уделяю больше времени, чем раньше»¹⁸.

С. Ф. Ольденбургом был написан ряд важных и интересных работ по теории краеведения, по многим научно-методическим вопросам краеведческой работы. Так, в декабре 1927 года им было подготовлено «Обращение» к участникам проходившей тогда III Всероссийской конференции по краеведению. В этом документе, между прочим, указывалось следующее: «Совершенно необходимо, чтобы на третьей конференции было сказано авторитетно и решительно, что краеведение есть массовое научно-культурное движение, и надо стремиться к тому, чтобы научное миропонимание распространялось в самых широких массах»¹⁹. Полагаем, что эта идея, высказанная в своё время учёным, и сегодня звучит актуально.

В июне 1928 года С. Ф. Ольденбургу, одновременно вместе с А. М. Горьким, первым в СССР было присвоено звание «Почётный краевед».

Следует отметить, что руководители Академии наук — академики А. П. Карпинский, В. А. Стеклов и С. Ф. Ольденбург являлись единомышленниками в главном, в выборе стратегии развития академической науки, как говорят сегодня, были одной командой. В то же время в руководстве Академии имелись и некоторые различия в отношении к гуманитарной составляющей в её деятельности. Так, вице-президент, выдающийся математик В. А. Стеклов имел свой, несколько отличный от позиции С. Ф. Ольденбурга взгляд на гуманитарную сферу науки. Он являлся сторонником всемерного приоритета точных и естественных наук.

¹⁷ Шмидт С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. Вып. 1. М., 1990. С. 11—27.

¹⁸ ПФАРАН. Ф. 2. Оп. 1—1925. Д. 1. Л. Л. 164—164 об.

¹⁹ Там же. Ф. 208. Оп. 2. Д. 102. Л. Л. 268—269.

Приведём некоторые из записей, сделанных В. А. Стекловым в середине 1920-х годов в своих «Воспоминаниях»²⁰.

В них учёный, в частности, написал следующее: «Давно уже имею мысль об уничтожении ненужного и отнюдь не научного II отделения (русского языка и словесности). Здесь почти нет науки, а одна беллетристика и часто белибердистика. Время ли портить бумагу и тратить деньги и труд на подобные изыскания... Конечно, и III отделение (Историко-филологическое — В.С.) со своими «Византийскими временниками», комиссиями «Константина Первородного» (правильно — «Константина Порфирородного» — В.С.), «Палестинскими обществами» (слава богам, закрыто не без моего участия!), не свободно от этих грехов».

Таким образом, получилось так, что основная тяжесть и ответственность по координации и руководству гуманитарной сферой деятельности Академии наук, во многом, легли на плечи неперменного секретаря Академии С. Ф. Ольденбурга. Результаты всей этой многогранной и весьма плодотворной работы, безусловно, заслуживают самой высокой оценки и признания.

²⁰ Стеклов В.А. Переписка с отечественными математиками. Воспоминания / авт.-сост. Е. П. Ожигова и В. С. Соболев. Л., 1991. С. 298.

20 октября 2013 года исполнилось 7 лет со времени ухода из жизни тридцать второго директора БАН Владимира Александровича Филова (доктора биологических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации).

Нынешнему поколению сотрудников Библиотеки о деятельности Владимира Александровича на посту ее директора известно крайне мало. Предлагаемые читателям его воспоминания впервые были опубликованы в моей книге *The Library Syndrome. München, Saur, 1999. P. 71—81*. Это честный, непредвзятый взгляд на события, участником и свидетелем которых он был. Несмотря на то, что этим воспоминаниям 15 лет, они актуальны, поучительны и будут, несомненно, интересны тем, кто придет нам на смену. Поэтому свидетельства о таких личностях как В.А. Филлов должны быть сохранены в нашей памяти.

Считаю эту публикацию накануне 300-летия Библиотеки Российской академии наук важным вкладом в изучение ее истории.

В.П. Леонов

О МОЕЙ РАБОТЕ В БИБЛИОТЕКЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР

В.А. Филлов, директор БАН с 1980 по 1988 г.

Проработав в Библиотеке восемь лет, с 1980 по 1988 г., полагаю небесполезным представить свое видение основных моментов жизни БАН за этот период. При этом в мою задачу входит не хронологическое изложение событий, хотя без описания некоторых из них не обойтись, а, скорее, показать деятельность Библиотеки в системе Академии наук СССР и, главное, в системе существовавшего в это время государственного строя.

...В лаборатории прозвучал телефонный звонок и настойчивый женский голос попросил меня зайти в ближайшее время к начальнику управления кадров Ленинградских учреждений Академии наук СССР. «По какому вопросу?» — Поговорим».

Это было непонятно, но интересно. Через несколько дней разговор действительно состоялся. После краткого анкетного опроса и утверждения, что «мы Вас знаем», последовало предложение: «У нас уже год вакантно место директора Библиотеки Академии наук СССР. Вы — читатель БАН в прошлом, хотя и недолго работали в системе Академии наук (действительно, был младшим научным сотрудником Института цитологии АН СССР), Ваше образование естественника нас устраивает. Предлагаем Вам занять

вакансию директора. Не отказывайтесь сразу, подумайте, повторяю — директором БАН должен быть только естественник».

По-видимому, мой отказ был не очень категоричен. Во всяком случае, я дал согласие встретиться с заместителем директора БАН К. В. Лютовой, которая уже длительное время исполняла обязанности директора. Энергичная дама пересекла кабинет и встретила меня крепким рукопожатием. Затем изложила основные задачи, стоящие перед Библиотекой, и охарактеризовала сферу ее деятельности. Это оказалось много шире представления, которое было у меня об этом учреждении. Так, я узнал, что все библиотеки при ленинградских академических учреждениях, а их более тридцати, — это отделы БАН, которые комплектуются и полностью ею управляются. Здесь занимаются научной работой, связанной с поиском, описанием рукописей, библиотечной классификацией, издают библиографические указатели и гуманитарные научные труды... У меня вдруг возникло ощущение какого-то дискомфорта. Не говоря ничего Ксении Владимировне, я окончательно для себя решил отказаться от этого предложения.

Далее были уговоры и обещания. В результате стало ясно, что я не единственный кандидат на место директора, но единственный, кто от него отказывается. Стало ясно, что мое согласие не могло решить вопроса, ибо решение зависело от обкома КПСС. Однако это меня несколько не взволновало, поскольку от своей многолетней научной деятельности в Институте онкологии я не собирался отказываться, и переход на административную должность не входил в мои планы, тем более в незнакомой сфере.

Изменения произошли в Москве, в Президиуме Академии наук СССР. Я был приглашен для разговора к первому вице-президенту В. А. Котельникову, при этом присутствовал вице-президент Ю. А. Овчинников, который курировал все биологические науки, а также библиотечно-информационную деятельность Академии. В беседе подчеркивалось, что все директора БАН, как и прежде, должны быть естественниками — только это образование, по мнению руководства, позволяло ориентироваться в задачах самого старейшего учреждения страны — Академии наук, библиотечно-библиографическими и другими специальными вопросами должны заниматься заместители директора. При условии, что я возглавлю Библиотеку, мне будет оказано содействие в продолжении научной работы в Институте онкологии. Здесь же был решен и вопрос о моем совместительстве, что в 1980 г. могло рассматриваться исключительно индивидуально и на самом высоком уровне. Однако в данном случае необходимо было на него разрешение Президиума Академии и Министерства здравоохранения СССР. Оно было получено и в дальнейшем соблюдалось. Все это и сыграло решающую роль в моем назначении.

Став директором Библиотеки АН СССР, я уже никогда об этом не сожалел. Раньше я ценил это учреждение в качестве читателя, теперь же познакомился с его сотрудниками, проблемами, определил для себя ее место в информационном обеспечении современной науки, взаимоотношениях с Москвой и регионами и многое другое.

Перед приходом в Библиотеку в октябре 1980 года я имел некоторое представление о ее коллективе, которое в дальнейшем подтвердилось. Мой предшественник на посту директора, уважаемый профессор Д. В. Тер-Аванесян, кстати, коллега моего отца по аспирантуре у Н. И. Вавилова и по работе в Институте растениеводства, исполнял в основном представительские функции. Реальную же власть в Библиотеке имели партийная и профсоюзная организации в лице своих руководителей. Ситуация, довольно обычная для тех времен, в данном случае вела к многочисленным конфликтам в коллективе, в основном в решении социальных

вопросов: распределении премий, квартир, путевок в санатории и дома отдыха, назначении на должности и т. д.

Не обладая достаточным опытом, действуя на свой страх и риск, без согласования с райкомом и обкомом КПСС, что по тем временам было недопустимо, мне удалось в короткие сроки избавиться в Библиотеке от всех партийно-профсоюзных начальников с большим стажем. Только позже на примере одного из руководителей академических учреждений Ленинграда я понял, что «играл не по правилам». По какому бы вопросу я ни обращался к нему, даже самому простому, он, выслушав меня, тут же брал трубку вертушки (прямая телефонная связь со всеми руководящими организациями города) и адресовал вопрос в Отдел науки обкома КПСС, что меня иногда несказанно удивляло.

Преобразования в Библиотеке стали возможны благодаря энтузиазму большинства сотрудников, среди которых хочется назвать Т. В. Звереву, О. М. Желтову, К. А. Свиридову, Ю. М. Тарасову, Г. И. Миловидову, Е. Р. Прокофьева, Е. В. Старову, многих руководителей библиотек при академических институтах и в первую очередь своего заместителя — К. В. Лютову. Все они были специалистами в своей области и следовало полагаться на их опыт. Было сделано немало полезного. Прежде всего, произведены структурные перестройки, образованы новые отделы: академического собрания, реставрации, репрографии, организационно-методический. Укреплен научный потенциал Библиотеки, в частности введены новые должности старших и младших научных сотрудников. Более всего это коснулось отдела рукописной и редкой книги, который считался самым интересным и перспективным в плане научной деятельности. Большое внимание было уделено комплектованию Библиотеки иностранными изданиями, которое осуществлялось не только за счет покупки (денег для этих целей всегда не хватало), сколько в результате международного книгообмена и организации выставок иностранными издательскими фирмами. Такие выставки стали регулярными. Их с энтузиазмом посещала научная общественность города. А фирмы, после проведения выставок, оставляли книги в Библиотеке как бы в благодарность за их организацию или продавали за уменьшенную плату.

В это же время возникли взаимные творческие отношения с Юджином Гарфилдом, основателем и руководителем Института научной информации в Филадельфии, ведущим специалистом в области наукометрии. Институт выпускал ряд информационных и наукометрических изданий, среди которых известный Science Citation Index. Ежегодно в Ленинграде организовались лекции Гарфилда, собиравшие большую аудиторию. Резко увеличилось поступление изданий Института в Библиотеку. Активизировался издательский отдел Библиотеки, основной продукцией которого были библиографические указатели по актуальным вопросам различных разделов науки и Библиография изданий Академии наук СССР.

У дирекции Библиотеки сложились хорошие деловые отношения с Президиумом Академии в Москве, его планово-финансовым управлением, председателем Библиотечно-информационного совета академиком Ю. А. Овчинниковым и председателем Московского библиотечного совета академиком В. В. Меннером. Эти отношения необходимо было поддерживать, приходилось постоянно напоминать о себе. В результате удавалось получать дополнительное финансирование. Появлялась возможность увеличивать штатную численность. Так были организованы планово-экономическая группа, техническая служба, введена должность пожарного. К Библиотеке изменилось отношение, о ней узнали в Президиуме. Ю. А. Овчинников после моих настойчивых просьб согласился поставить на Президиуме Академии наук СССР доклад директора БАН, что было крупной победой. В обозримом прошлом Президиум

практически библиотеками не занимался. Влиятельные московские академические работники «библиотечного фронта» всячески противодействовали постановке доклада директора БАН, по их мнению, такой доклад должен исходить из первопрестольной. Однако инициатива принадлежала мне и уступать ее я не хотел.

Подготовка доклада и проекта постановления заняла несколько месяцев. Согласно постановлению, Библиотеке должны были выделить необходимые ресурсы и решить вопрос о предоставлении дополнительного помещения. Согласование со всеми службами Президиума оказалось делом чрезвычайно трудным. Ответственные за исполнение того или иного пункта не соглашались визировать документ. Приходилось многократно обращаться к одним и тем же лицам, уговаривать, объяснять, доказывать бедственное положение Библиотеки. А подписей надо было собрать не менее десятка. Но, насколько я вспоминаю, ни один из предлагаемых мною пунктов в результате не был отвергнут. Однако вместо утвердительного «выделить», «организовать», «передать» во всех случаях, кроме тех, где ответственным должен был быть сам директор Библиотеки, появилось «рассмотреть вопрос». Здесь уже ничего поделать было нельзя.

Доклад и постановление сыграли положительную роль в жизни Библиотеки, хотя материальной поддержки практически так и не удалось получить. Вместе с тем постановление явилось основой всех дальнейших просьб и требований Библиотеки, не только адресуемых в Академию наук, но и в другие инстанции. Так, 13 марта 1984 г. Президиум Верховного Совета СССР принял специальное постановление о возложении на БАН функций Всесоюзного научно-методического центра для системы академических библиотек страны, а в 1987 г. Библиотека получила освободившееся рядом двухэтажное здание.

В то время в СССР существовала довольно стройная система академических библиотек. БАН, например, возглавляла библиотеки Северо-Запада. Подобная система была и при Сибирском отделении Академии наук. На Дальнем востоке библиотечная сеть была несколько меньше. Все библиотеки при республиканских академиях наук также имели свою систему. Самая большая библиотечная сеть обслуживала научные учреждения Москвы.

В 1973 г. из состава БАН в Москве выделилась Библиотека по естественным наукам (БЕН). Сеть БЕН охватывала более 200 библиотек, соответственно количеству академических институтов в Москве. Кроме того, там же находились Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) и знаменитый ВИНТИ — Всесоюзный институт научной и технической информации двойного подчинения: Академии наук и Государственному комитету СССР по науке и технике. Последние два учреждения были самостоятельными, остальные — тесно связаны общими задачами, часто общались на разных уровнях, обменивались опытом, словом, взаимодействовали. Естественно, ввиду московского местоположения, библиотечная сеть БЕН финансировалась лучше всех, да и иных возможностей у нее, не в пример другим, было больше.

Не соответствовало реальной действительности и то, что БАН, будучи фактически, помимо библиотеки, и научно-исследовательским институтом, по статусу таковым не являлась. Прецедентов было достаточно — все крупные библиотеки Министерства культуры имели статус НИИ, а БАН же его не имела. Однако работу вела как настоящий академический НИИ. Решение этого вопроса не зависело от Академии наук, да она ничего против не имела (это было отражено в постановлении по докладу директора на Президиуме). Решение должно было приниматься на более высоком государственном уровне. Вероятно, займись этим делом кто-либо из вице-президентов, вопрос решился бы без особых трудностей. Статуса

директора БАН было явно недостаточно. Пять лет настойчивых попыток с моей стороны придать БАН статус НИИ не дали положительных результатов. Однако капля камень точит! С 1 января 1987 года Библиотека приобрела статус НИИ, чему в немалой степени способствовал директор Государственной Публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Академии наук СССР Б. С. Елепов, ранее работавший в тесном контакте с председателем Государственного комитета СССР по науке и технике академиком Г. И. Марчуком. С Борисом Степановичем вообще отношения были самыми теплыми; в частности, именно он рекомендовал В. П. Леонова, как самую подходящую кандидатуру на должность заместителя директора. Последовав его совету, я не ошибся.

Воспитание и расстановка кадров на всех уровнях в этот период была одной из главных задач партийных органов (КПСС). Руководство всех учреждений было обязано согласовывать с ними все кадровые вопросы. При этом на словах декларировался принцип профессионализма, на деле же он оставался третьестепенным. Во главу угла ставились совсем иные заслуги. Для занятия руководящих должностей, будь то в административно-научной сфере, или, особенно, в общественной, в первую очередь учитывалась партийность, национальность, рекомендации сверху и еще бог знает что, мне не всегда понятное. Во многих институтах дирекция следовала подбору кадров, руководствуясь именно этими неписанными правилами, согласовывая каждый свой шаг с партийными верхами (такая дирекция считалась хорошей, крепкой). Более редкими были попытки следовать логике профессионального и перспективного подбора кадров. В этом случае дирекция обязательно входила в противоречие с работниками райкомов. Наибольшего же успеха добивались руководители, проявлявшие при решении вопросов дипломатичность и гибкость. В Библиотеке мы старались придерживаться такого подхода. Не обошлось и без ошибок, однако в целом руководящий состав подразделений Библиотеки соответствовал своему высокому статусу. Руководство партийной и профсоюзной организаций со временем осознало свою роль «направляющей и руководящей силы» и стало активно заниматься вопросами подбора кадров и иными сферами деятельности БАН.

Основные их усилия были направлены на разбор анонимных писем в различные инстанции, чего я не приветствовал. Однако мое недоумение по поводу рассмотрения таких «документов» довольно скоро рассеяли в Президиуме Академии наук. Казалось, анонимки, не дочитывая, следует отправлять в корзину, но у А. Я. Пельше, члена Политбюро ЦК КПСС и председателя комиссии партконтроля, как мне разъяснили, мнение было противоположным. Считалось, что анонимка — очень важный сигнал, требующий досконального разбирательства. И вот в Библиотеку идут и едут комиссии, иногда московские из Президиума или даже из Центрального совета профсоюзов, и проверяют, как распределяются жилплощадь, премии, путевки, устанавливается должностной оклад, определяется совместительство директора... требуют объяснительных записок, проведения заседаний. Результат всегда нулевой, но сколько высокооплачиваемых работников при деле! Воистину — богата Россия!

Серьезным моментом в жизни Библиотеки являлась проверка сохранности фондов отдела рукописной и редкой книги. Такая проверка различных фондов — дело обычное и необходимое для всех библиотек, и проводится она регулярно. Но вот в БАН именно в этом отделе в обозримом прошлом подобной проверки не проводилось. Полагаю, что связано такое положение было с элитностью отдела, который соприкасался по работе с академиком Д. С. Лихачевым и находился под его покровительством. Условия же хранения уникальных книг и рукописей были не самыми благоприятными. К тому же имелись и другие обстоятельства. Среди последних можно отметить одно из увлекательнейших направлений деятельности

отдела — археографические экспедиции. В северных областях России сотрудники добывали бесценные древние книги. Владельцы этих книг, чаще всего староверы, не брали платы за манускрипты ни в какой форме. Здесь надо было быть очень деликатным и зачастую годы уходило на то, чтобы установить с ними контакт. Владельцы этих ценностей обычно были людьми преклонного возраста, и, опасаясь за судьбу книг, завещали их государству. Для проведения археографических экспедиций Президиум Академии предусматривал финансирование, которое следовало заблаговременно заказать. Однако сотрудники отдела почему-то этого не делали, по завершении же экспедиции приходили ко мне, говорили, что заказать не успели, а вот теперь сильно потратились и представляли список затрат. Я находил возможность оплатить расходы. На следующий год ситуация повторилась, несмотря на неоднократные напоминания о необходимости заказа. Затем ситуация повторилась вновь, возникла потребность комплексной проверки отдела. Однако проверяющую комиссию не пускали в отдел. В ход пошли письма в разные инстанции, в том числе и анонимные. В известном смысле эта проверка явилась поворотным пунктом моей работы в БАН. В результате проверки был отмечен ряд недостатков, которые отдел должен был устранить, а руководителю отдела объявлен выговор, т. е. отделались минимальным наказанием. И тут мне позвонил Д. С. Лихачев и в категорической форме потребовал отмены выговора. Объяснений он не слушал, на приглашение придти и посмотреть все материалы самому не обращал внимания. Отмены, естественно, сделано не было. С этих пор Д. С. Лихачев не упускал возможности устно или письменно очернить меня, а позже и заместителя директора В. П. Леонова, который со временем разобрался в сложившейся обстановке и поддержал курс дирекции, а не партийной элиты. Секретарь же партбюро являлся сотрудником отдела рукописной и редкой книги. Последний мой контакт с Д. С. Лихачевым был в день пожара. По совету председателя Президиума научного центра я обратился к Д. С. Лихачеву через его секретаря с просьбой о встрече и таким же путем получил согласие на встречу, но... через 3 месяца.

С момента проверки отдела рукописной и редкой книги партийная группа стала открыто противостоять дирекции практически по всем вопросам. Группа включала несколько работников среднего звена, весьма активных, и верхушку партийно-профсоюзного аппарата Библиотеки. Их требования были представлены мне в весьма циничной форме: уволить с занимаемой должности заместителя директора К. В. Лютову и назначить на все руководящие посты членов этой группы. Взамен мне была обещана спокойная жизнь и возможность заниматься всем, чем угодно. Через некоторое время предложение повторилось. Это было открытое требование возврата к старым порядкам, но с новыми людьми. Библиотеку стало лихорадить. В ход пошли всевозможные приемы: обвинения, откровенная ложь, анонимки. Появились публикации в прессе, вмешался обком КПСС. Так, один из очередных вызовов в обком закончился распоряжением уволить К. В. Лютову с поста заместителя директора. Широкая поддержка дирекции сотрудниками Библиотеки была полностью блокирована и не имела огласки.

В Библиотеке продолжалась своя профессиональная жизнь: совершенствовалось обслуживание читателей, развивалась автоматизированная система БАН, проходили выставки новых книг иностранных издательств, дирекция добивалась замены котельной работающей на угле на централизованное отопление, осваивалось переданное Библиотеке двухэтажное здание, организовано ксерокопирование статей из научных журналов для читателей и многое другое. Но вот грянул пожар.

О нем написано немало. Однако до сих пор осталось много неясного и, вероятно, это навсегда. Я отмечу лишь немногое. Прежде всего, было две стадии пожара. Возникший сначала

небольшой пожар оперативно ликвидировали прибывшие пожарные в присутствии меня и ряда вызванных сотрудников Библиотеки. Пожарная команда не покинула здание до утра. И вот здесь-то на двух вышерасположенных этажах возник разрушительный пожар. Почему он возник? Позже шла речь о микротрещинах в перекрытиях. Однако возможна и такая гипотеза, что пожар должен был возникнуть по тем же причинам, что и первый. Почему возник пожар в закрытом по всем правилам при отключенном электричестве хранилище именно в воскресенье через несколько часов после окончания работы Библиотеки? Нет ответа. Вряд ли серьезно заключение, сделанное впоследствии на основании найденной на месте пожара стеклянной банки с окурком. В нескольких книгах, отправленных для просушки в другие библиотеки города, были обнаружены сгоревшие их центральные части, без выхода наружу. Эти экземпляры и сейчас хранятся в Библиотеке. Следствие демонстративно не обратило на них внимания, сказав, что такое может быть. Оно по существу разрабатывало единственную версию, предложенную ему вышестоящими партийными органами (это мое мнение). Видимо, необходимо было обвинить директора Библиотеки. Эксперты обследовали каждый миллиметр электропроводки. Обнаружить следов короткого замыкания не удалось — она же была обесточена. В противном случае все было бы ясно: проводка ветхая, а директор не принял мер для ее замены. Встретившись в коридоре обкома КПСС со следователем В. А. Бахмицким, я услышал: «Жалко мне Вас».

Остается без внимания и результат предпринятого В. П. Леоновым изучения минерального состава поврежденных книг. Следствие не приняло во внимание. А результат интересен: в этих книгах обнаружено высокое содержание фосфора и магния, при этом в аутентичных изданиях из Публичной библиотеки Петербурга фосфора нет вообще (и не должно быть по технологии бумаги), а магния в несколько раз меньше. Так же без внимания оставлен и факт самовозгорания подмоченных книг БАН, просушиваемых в барокамере Военно-медицинской академии, когда эта камера уже несколько часов находилась в отключенном состоянии. Это лишь некоторые, хотя и основные, на мой взгляд, факты, на которые следствие не обратило внимание...

В целом мое пребывание в Библиотеке оставило у меня хорошие воспоминания. Приходить теперь в Библиотеку в качестве читателя всегда радостное событие. Здесь трудятся мои сослуживцы и друзья, хорошие специалисты и энтузиасты. Вижу и новые молодые лица. Отрадно и то, что в Библиотеке не осталось партийно-профсоюзных оппозиционеров, которые хотели захватить в ней власть. Тем не менее они продолжали вредить новой дирекции после моего ухода. Насколько мне известно, из этих людей в библиотеке почти никого не осталось. Я рад, что не ошибся в своем заместителе В. П. Леонове, который достойно занял место директора БАН.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДОКТОРА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК ПРОФЕССОРА ВАЛЕРИЯ ПАВЛОВИЧА ЛЕОНОВА

Валерий Павлович Леонов — директор одной из старейших публичных библиотек Европы, доктор наук, профессор — является одним из ведущих представителей современной библиотечно-библиографической и книговедческой элиты нашей страны. Его знают и ценят за рубежом, он член многочисленных российских и международных научных и общественных организаций. Послужной список принадлежащих его перу публикаций содержит более 300 названий, в том числе на иностранных языках. Для библиотечного сообщества эти работы имеют высокую значимость — они становятся классикой.

Ученый-гуманист и эрудит, он первый говорит о «поэтическом книговедении», а чтение представляет как «путешествие души». Профессиональный библиограф, он углубляется в сравнительный анализ работ великих классиков, живших в разное время: здесь и А. С. Пушкин, Л. Толстой, А. Чехов и В. Набоков, С. Моэм и античный поэт Архилох. Романтизм молодости В. П. превратил в мудрость, у него рискованный характер, благодаря ему он многого добился. Сейчас он находится на таком духовном уровне, который позволяет ему открыто говорить о наболевшем, не оглядываясь, не прячась, принимать смелые решения, — он имеет на это право.

Неудивительно, что его профессией стала книга — время сформировало внутренний самобытный мир, ставший основой творчества будущего исследователя. Именно к этому привела та самая неповторимая линия судьбы, которая началась с далекого, уже осознанного детства, в небольшом, но замечательном по своей поэтичности Почаеве, где находится знаменитая на весь мир Лавра. Достаточно взглянуть на картины известного украинского художника Ивана Федоровича Хворостецкого, чтобы почувствовать всю прелесть этого места. Его пейзажи, главной темой которых были великолепная будто в небесах парившая Лавра и ее окрестности, отличались простотой сюжетов, неяркой цветовой гаммой, но в них столько было покоя и лирического вдохновения (с его сыном Валерием Ивановичем В. П. был близко знаком). Мама — педагог по образованию — привила любовь и вкус к чтению книг. В ту пору и книг-то было немного, но в душу уж точно запало самое интересное. Часто с мальчишками проникал за монастырские стены, надеясь обнаружить там нечто таинственное. Все вокруг было ожиданием чуда. Это, безусловно, оказало влияние на его восприятие окружающей действительности.

Уже потом, много позже, он отдаст долги своему «острову детства». В свое время разными путями попали в Библиотеку Академии наук книги, напечатанные в Почаево-Успенской Лавре в XVIII — нач. XIX вв. Возникла идея издать их каталог в электронном и печатном виде. Проект по его осуществлению возглавил В.П. Леонов. Вот такие повороты Судьбы! Отголоски детства всегда незримо будут присутствовать в его творчестве.

Затем... отрочество, юность, дальнейшая учеба, проба себя в разных профессиях, определенные жизненные трудности, но была и музыка, которой страстно увлекался. Через много лет это отзовется в известной самой романтической книге Леонова («Bésame mucho», 2008), а в знаменитой Петербургской филармонии он станет завсегдатаем.

Линия жизни продолжается. Ленинград, где молодого человека развивала сама среда, Ленинградский государственный институт культуры им. Н.К. Крупской — лучший выбор в жизни, возможность учиться у «отцов-основателей» советского библиотековедения (в 2010 г. по инициативе В. Леонова были опубликованы труды одного из таких классиков В.Б. Банка, им же было написано предисловие к этому изданию, в котором с современных позиций рассматривалась роль советского библиотековедения на фоне политического переустройства нашего государства). В вышеупомянутой книге Леонов напишет: «случилось так, что в дороге жизни сначала профессия искала меня, а не я искал профессию» (с. 24). Ему повезло, что его учеба в институте пришлась на 60—70-е годы, так называемую оттепель. Рядом с ним были интеллигентные и творческие люди с неумной жаждой каких-то глобальных открытий и перемен. Формирование его интересов совпало с периодом активного развития всех сфер научно-общественной деятельности, в частности автоматизации различных процессов, появления ЭВМ, а также многочисленных проектов в области информатизации. Следует отметить, что Леонов принимал участие в разработке теории и методики применения информационно поисковых систем. (В его докторской диссертации, которую он защитил в 1987 г., были изучены и предложены перспективные механизмы библиографического свертывания научной информации, в частности аннотирования и редактирования в традиционном и автоматизированном режимах).

Именно в это время проявилась такая существенная черта его будущей деятельности, как особая творческая принципиальная свобода. Позже в полной мере она отразилась в романе-исследовании «Судьба библиотеки» (СПб., 2002), где рассматриваются вопросы о будущей ее жизнеспособности, а также показана реальная жизнь Библиотеки, ее «населения» и их история.

Такой запас энергии, чувство внутреннего раскрепощения, готовность делать что-то свое, новое позволили Леонову идти дальше в своем самоутверждении. Линия жизни вбирала в себя все самое нужное, правильное, отбрасывала сомнения, оставляла уверенность в том, что именно так должно быть и не иначе.

В 1988 г. он — первый профессиональный библиотекарь — становится директором Библиотеки Академии наук (до него директорами было принято назначать академиков). Однако этот момент жизни стал для него и самым трудным. Именно ему выпала участь испытать на себе, как руководителю, все тяжелейшие последствия случившегося в Библиотеке в этом же году пожара.

Осознание того, что Библиотека Академии наук — гордость и слава великого города, страны, и ценнейшие книги и рукописи, хранящиеся в ней, это народное достояние, придавало решимость и объединяло в борьбе со стихией всех сотрудников во главе с их директором. Было забыто все сиюминутное, неотложные дела, личная жизнь, остались только большая

беда и мысль, что могут навсегда исчезнуть творения человечества. Леонов сделал невозможное по спасению материальных ценностей, а о том, как это происходило, в чем его обвиняли, что ему пришлось пережить и, тем не менее, достойно выстоять и противостоять разным «злоключениям», можно узнать из его захватывающей (по накалу страстей, со всеми элементами документального детектива) книги «Библиотечный синдром» (СПб., 1996). Однако один из эпизодов всей этой истории заслуживает внимания. Речь идет об одном из соображений известного ученого по следам после пожара о том, что «В нынешних условиях во главе... старейшего научного центра должен стоять широко эрудированный ученый, способный стать действительным лидером коллектива». Так вот, такой ученый, обладающий именно этими качествами, уже 25 лет успешно руководит Библиотекой Российской академии наук.

Его хватает на всех и на все. Научные труды В. П. Леонова по сохранению библиотечных фондов, спасению культурных ценностей, безопасности библиотек получили признание и высокую оценку ЮНЕСКО, Международной федерации библиотечных ассоциаций (ИФЛА), Международного совета по архивам. Пилотными являются научные программы и издательские проекты, выполненные под его руководством (Малая энциклопедия БАН, 1999; Летопись Библиотеки Академии наук, 2002; Комментированное издание труда Н. В. Здобнова «История русской библиографии от древнего периода до начала XX в.» и др.).

Эти годы — период подлинного расцвета его таланта исследователя и писателя, пришло осознание своего предназначения. Он открыто с гражданских позиций говорит о библиотечных проблемах, с которыми ему приходится сталкиваться. Черпает свои обширные знания из архивов, дневников, писем, не берется за то, что ему неинтересно, становится все более философичным.

В книгах Леонова («Судьба Библиотеки», 2000; «Пространство Библиотеки», 2003; «Vésame mucho», 2008 и др.) свобода мысли определяет развитие новаторских идей, которые позволяют по-новому осмыслить события, происходящие в библиотеке и вокруг нее с учетом сложнейших изменений эпохи. Сам он так пишет о своем творчестве: «Мои публикации не для любителей легкого чтения, на них редко ссылаются, они рассчитаны главным образом на тех, кто сомневается, проверяет себя, ищет способ сказать свое слово в науке. Что касается стиля изложения и подачи материала, то он не соответствует принятым в научной литературе традициям. Я руководствуюсь собственными представлениями, памятуя о том, что творчество, в том числе и научное, предполагает свободу и не должно быть стеснено никакими запретами, за исключением запретов нравственного порядка.

Другое высказывание из этой же книги характеризует В. П. как человека, для которого непозволительно непочтительное отношение к Библиотеке и ее сотрудникам, которые поистине делают великое дело: «Мои сомнения начинаются тогда, когда непрофессионалы начинают высказывать суждения, основанные на поверхностном знакомстве с особенностями нашей работы, и предлагают свои, как им кажется, простые и убедительные решения наших задач» (с. 12).

Леонов один из первых, кто начал открыто говорить о предназначении Библиотеки в современном мире, о ее месте в научной среде, о придании библиотечным дисциплинам научного статуса. Но для того, чтобы его услышали и поняли нужна академическая трибуна. Отчаянный человек — не каждому хватит смелости дважды баллотироваться в члены-корреспонденты Академии наук. Но, видимо, оппоненты не услышали или, вернее, не осознали такой важной дисциплины, как «библиотековедение, библиографоведение, книговедение». Однако у него много сторонников, его работы всегда горячо обсуждаются в прессе, они не оставляют

равнодушными, их отличают авторская культура, глубокие познания и начитанность. И еще о его книгах — это романы-размышления, на сегодняшний день чрезвычайно редкий жанр, заставляющий думать, сопереживать, мечтать, вступать в диалог с автором. Известные стихотворные строки Окуджавы здесь будут уместны — это о таких, как Валерий Павлович: «Каждый пишет, как он дышит, каждый слышит, как он дышит, как он дышит, так и пишет, не стараясь угодить....».

В его «портфеле» определенно есть работы, которые и удивят, и порадуют своих читателей. Но известна мечта В. П. открыть миру истинное лицо безмерно уважаемого им Даниэля Шумахера — первого директора Библиотеки Академии наук, деятельность которого незаслуженно забыта. Как оказалось, и о жизни-то его сведений немного. Леонов по крупицам собирает о нем информацию, пытаясь представить своего героя с разных сторон, увидеть его настоящего, установить ту единственную истину, которую он заслужил, старается найти забытое, неизвестное и сделать его вневременным.

Будущему поколению БИБЛИОТЕКАРЕЙ профессор Леонов предлагает открыть новые широкие горизонты своей любимой профессии. Направление для них обозначено, и «линия судьбы» будет продолжаться.

Валерий Павлович — счастливый человек, он не изменился, став известным в научных кругах, у него есть друзья, единомышленники и коллектив, который всегда его поддержит.

*По поручению Правления ПБО
Н. В. Колпакова*

НАТАЛИЯ МИХАЙЛОВНА РОЗОВА — ГЛАВНЫЙ БИБЛИОГРАФ БАН

Н.В. Бекжанова, Н.А. Волкова, Н.А. Сидоренко

Наталия Михайловна Розова для Библиотеки Российской академии наук (БАН) личность поистине легендарная — она проработала здесь более полувека (54 года). Столь длительное пребывание Наталии Михайловны в стенах БАН характеризуется невероятно плодотворным и результативным исполнением ею служебного долга. Своим доскональным владением тайнами библиографической эвристики, редким библиографическим чутьем она приносила совершенно реальную повседневную помощь читателям и, в конечном итоге, отечественной науке.

В 2013 г. Наталия Михайловна Розова отмечает большой юбилей — ей исполняется 90 лет. Мы, ее ближайшие коллеги, сердечно поздравляем нашего дорогого УЧИТЕЛЯ с этой знаменательной датой. Желаем Наталии Михайловне как можно дольше сохранять душевные и физические силы, столь присущие ей интерес к жизни, жажду познания, остроту восприятия, свежесть оценок, оптимизм и юмор.

* * *

Наталия Михайловна Розова родилась 26 апреля 1923 г. в Ростове-на-Дону в семье служащих. В 1926 г. ее родители Михаил Никитич и Анна Федоровна Розовы обосновались в Ленинграде. В 1933 г. у них родилась вторая дочь Татьяна. С 1937 г., в связи с арестом родителей, заботы о детях взяла на себя сестра матери — тетя Маша.

В 1940 г. Наталия Михайловна закончила среднюю школу с медалью и поступила на Гидротехнический факультет Ленинградского политехнического института. Война грянула, когда Наталия Михайловна проходила учебную практику после первого курса.

Закончив краткосрочные курсы медсестер, 5 октября 1941 г. она была мобилизована в ряды Советской Армии и всю войну проработала палатной медсестрой госпитального хирургического отделения. До марта 1943 г. госпиталь, в котором она трудилась, располагался в Ленинграде и принимал раненых Ленинградского фронта. Затем госпиталь двинулся на запад с войсками Центрального, позднее 1-го и 2-го Белорусских фронтов. День Победы 9 мая 1945 г. Наталия Михайловна встретила в Восточной Пруссии в звании старшины медицинской службы. Она была награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над фашистской Германией», «За взятие Берлина», «За Освобождение Варшавы», «За боевые заслуги». В декабре 1945 г. Наталия Михайловна демобилизовалась, в январе 1946 г. возвратилась в Ленинград и воссоединилась с семьей — сестрой и тетей.

Работая в различных организациях, она заочно закончила Исторический факультет Ленинградского университета. 1 апреля 1955 г. Наталия Михайловна Розова в последний раз сменила место работы, поступив в Библиотеку Академии наук СССР.

После непродолжительной временной работы она была принята в штат Отдела обслуживания (в Главный читальный зал) на должность библиотекаря. Здесь начались ее библиотечные, а позднее и библиографические штудии, успеху которых способствовали собственный интерес, активное самообразование и общение со старшими коллегами.

Работая в Главном читальном зале, Наталия Михайловна самостоятельно знакомилась с составом открытой полки и подсобного фонда. Представление о богатстве книжно-журнального собрания БАН давал непрерывный поток литературы, приходящей из хранилищ по заявкам читателей.

Наталии Михайловне посчастливилось работать с библиографами-педагогами, добрую память о которых она сохранила навсегда. Мария Васильевна Цветкова, Любовь Григорьевна Гринберг, Софья Григорьевна Финкельсон, Любовь Моисеевна Гаркави, Фрума Самойловна Портнова были знатоками справочно-библиографической литературы, стояли у истоков организации в БАН справочно-библиографического обслуживания.

Становлению Наталии Михайловны как библиографа-поисковика сопутствовала сложная производственная ситуация — большое количество неправомерных отказов читателю. Причины невыполненных заявок были различными; но очевидно было, что решение этой комплексной проблемы зависит от упорядочения работы всех задействованных участков. В 1958 г. в Отделе обслуживания была организована специальная «группа отказов», в которую вошла и Н. М. Розова. На начальном этапе работа по устранению неправомерных отказов шла по пути поиска книги в БАН, ставка делалась на библиотечную проверку. Но члены группы понимали, что при должной организации всех технологических процессов пути книги и пути читательского требования ведущее место в выверке отказов займет библиографическая доработка. Поэтому параллельно шло освоение сотрудниками группы репертуара справочно-библиографических пособий, приобретался опыт уточняющей библиографической работы.

За несколько лет практики Наталия Михайловна не только хорошо узнала справочно-поисковый аппарат БАН и познакомилась с фондами различных ее отделов, но сумела глубоко проникнуть в суть поисковой библиографической работы, почувствовать к ней вкус. Библиографическая эвристика, уточняющий поиск буквально захватили Наталию Михайловну. Острая память, широкий кругозор, владение языками, пристальное внимание к самому источнику позволяли ей уже на уровне просмотра отказов систематизировать их, отмечать в них типовые ошибки, «отбрасывать» непрофильные требования, «отлавливать» сложные, но перспективные заявки. Именно эти, последние, заставляли еще глубже погружаться в мир книги, выявлять недостающую в библиографическом описании информацию.

В своей статье 1963 г. об организации работы с отказами¹ Наталия Михайловна уже зрело и обоснованно говорит о сложностях и особенностях поисковой работы, приводит красноречивые цифры, свидетельствующие о явно усиливающихся позициях библиографической доработки читательских требований по сравнению с проверкой библиотечной. В результате именно этой работы более 50% уточненных читательских заявок выполнялись в стенах БАН.

¹ Розова Н. М. Организация работы с отказами на требования читателей в Библиотеке Академии наук СССР // Библиотечно-библиографическая информация библиотек АН СССР и академий наук союзных республик. М., 1963. № 47. С. 133—139.

В 1960—1970-е гг. неустанный библиографический труд, постоянное саморазвитие постепенно выковали из нее библиографа, мастерски владеющего ремеслом, вставшего во главе группы отказов сектора справочно-библиографического обслуживания СБО БАН.

Повседневная жизнь Наталии Михайловны состояла из нескончаемой (и каждый день новой) работы с требованиями: просмотра, отбора на доработку, распределения их между сотрудниками, приема уточненных требований, возврата их на диспетчерскую, ведения статистики по разным параметрам. Распределяя требования, она вместе с библиографами планировала пути поиска. Наиболее сложные требования она оставляла для себя. Принимая отработанные заявки, Наталия Михайловна внимательно слушала объяснения коллег, требовала точного и изящного использования фонда СБО БАН; при отрицательном результате предлагала другие возможности для поиска.

Много сил она уделяла молодым сотрудникам: вводила их в ближний и более широкий круг источников, общий обзор фонда СБО БАН стремилась выдерживать в системно-методическом ключе. Через ее «руки» прошли десятки библиографов. Наталия Михайловна не раз «протаскивала» новичка по всей Библиотеке, показывала и характеризовала разные части справочно-поискового аппарата БАН, подчеркивала важность завершающей фазы поиска — подтверждения правильности сделанного уточнения «на месте», «на шифре». Она была неутомима в своем желании научить, особенно, если видела, что бросаемые ею зерна попадают на благодатную почву.

Значение методической стороны дела Наталия Михайловна прекрасно осознавала. Так, много времени было ею уделено написанию «Инструкции по библиографической проверке и доработке отказов в СБО Библиотеки АН СССР» (1976), в которой была предложена примерная типология библиографических источников².

Подразделения БАН также нуждались в четком обосновании и закреплении технологических циклов на всем пути читательского требования. Результаты работы на этом направлении, также при участии Н. М. Розовой, воплотились в инструкции, регламентирующей процессы приема, прохождения и выполнения требований в БАН³. Зафиксированные в документе порядок работы и методическое обеспечение пути читательского требования на много лет вперед создали условия для слаженной работы всех участников этого сквозного библиотечного процесса.

Ощущалась потребность и в более широко адресованной методической работе, в частности, нацеленной на сокращение количества неверно заполненных требований МБА. Н. М. Розова организовывала экскурсии, семинары, консультации с сотрудниками библиотек-абонентов МБА БАН. В 1973 г. провела семинар для работников МБА академических библиотек союзных республик на тему «Библиографическая доработка бланк-заказа: основные предпосылки интенсификации работы МБА».

За годы работы Наталия Михайловна приобрела особый статус ГРАЖДАНИНА всяя планеты БАН. Была прекрасно осведомлена о СПА и фондах отделов центральной и сетевой БАН, хорошо знала работающих там сотрудников. Деловые и дружеские отношения сложились у Наталии Михайловны с коллегами, с кем она постоянно соприкасалась по долгу

² Бахарева Г. В., Розова Н. М. Типология библиографических пособий, используемых при доработке читательских требований в Библиотеке Академии наук СССР // Информационно-библиографическая работа и ее совершенствование: сб. науч. работ / Б-ка АН СССР. Л., 1979. С. 61—71.

³ Путь требований читателей и абонентов в Библиотеке Академии наук СССР: инструкция / Б-ка АН СССР. Л., 1973. 55 с.

службы: с сотрудниками ГАК, диспетчерской, Главного читального зала, индивидуального абонемента, МБА, МНА, хранения. С ними она делилась своими сомнениями, объясняла им спорные случаи уточнений, убеждала их запросить у читателя (абонента) источник сведений или автора и название статьи, если чувствовала, что возможности поиска не исчерпаны.

14—15 февраля 1988 г. — черная дата в истории БАН, которая оставила неизгладимый след в душах всех, работавших в то время. Пожар многие тысячи книг уничтожил дотла, уцелевшие после тушения пожара представляли собой ужасное месиво из влажных безымянных изуродованных бумажных останков. После сушки и разбора обгоревшей книжной массы хранители расставили по полкам то, что осталось и за что еще можно было бороться. Это были небольшие фрагменты книг — несколько страниц текста (разных эпох, о разных науках, на разных языках), а также бестекстовые остатки (карты, планы, иллюстрации и др.). Ни те, ни другие не содержали опознавательных признаков — титульного листа, следов библиотечной обработки. Надо было вернуть этим фрагментам имя (автора, заглавие, выходные данные, шифр, инвентарный номер), попытаться воссоединить этот кусочек с, возможно, также где-то стоящей и ожидающей опознания другой частью этой же книги. В такой момент и было востребовано библиографическое мастерство Н. М. Розовой и верного ее друга Л. М. Герасимовой.

Атрибуция изданий, пострадавших в результате пожара, была совершенно новой практикой, при которой необходимо было другое преломление знакомых приемов библиографических разысканий, а иногда и совсем новые методы поиска. Важнейшим в этой работе было тщательное и всестороннее изучение фрагмента, подчас исчерпывающий сбор содержательных и книговедческих признаков (тема, упоминаемые лица, ссылки, факты и события, учреждения, географические названия, объекты, бумага, печать, шрифт, пометы, язык и др.). Дополнительные сведения об эпохе, отрасли знания, персоналиях библиографы черпали из справочных, обзорно-аналитических, исторических сочинений. Если обнаруженные во фрагменте признаки позволяли делать предположения о названии целого документа, то такие догадки опробовались, в первую очередь, в Генеральном алфавитном и систематическом каталогах. При атрибуции изданий XVII — начала XX в. из фонда К. М. Бэра значение имела и правильно определенная принадлежность книги к разделу форматно-систематической расстановки этой коллекции.

За 4 года работы методами библиографической реконструкции целого по его части были восстановлены и возвратились на стеллажи около 3 тысяч пострадавших книг. Этому уникальному библиотечно-библиографическому опыту Наталия Михайловна и Людмила Михайловна посвятили несколько своих публикаций⁴.

Людмила Михайловна Герасимова (1937—2010) перешла в СБО БАН в 1974 г. из Отдела научной обработки литературы. Отработав два года в фонде отдела, она перешла в сектор справочно-библиографического обслуживания, стала ученицей и коллегой Наталии Михайловны. Как показало время, любимой ученицей и очень близким человеком. Они сошлись в главном: в высшей степени ответственном отношении к делу, постоянном стремлении к самосовершенствованию, неумном азарте. Оказались близки друг другу по-человечески. Они стали неразлучны, были рядом и на работе, и во время досуга. Они вместе совершали длительные прогулки, вместе ездили в отпуск. Часто посещали концерты, драматические и балетные спектакли.

⁴ Напр.: Розова Н. М., Герасимова Л. М. Атрибуция изданий «фонда Бэра», пострадавших при пожаре 14—15 февраля 1988 г. (из опыта работы) // «Фонд Бэра» в Библиотеке Академии наук / Б-ка Рос. акад. наук; отв. ред. В. П. Леонов. СПб., 1992. С. 13—18.

Они были людьми одной крови и одной веры, их отношения никогда не омрачались разговорами. Их связывало глубокое взаимное уважение и даже восхищение, каждая из них гордилась этой дружбой.

Важным этапом в жизни Наталии Михайловны и Людмилы Михайловны был период работы над книгой⁵, в которой они в систематизированной форме предложили подходы, принципы и стратегии уточняющего библиографического поиска.

Книга писалась нелегко: структура, названия глав, выбор доказательных примеров рождались в жаркой полемике. Чтобы не мешать коллегам в рабочей комнате, авторский дуэт перемещался в хранилище, где на столах лежали ворохи листов, исписанных, главным образом, рукой Наталии Михайловны, с множеством дополнительных заметок и поправок (*addenda* и *corrigenda*).

На завершающем этапе авторы пригласили для консультаций Ирину Васильевну Гудовщикову, которая была для них великим авторитетом и редким специалистом-теоретиком, не порвавшим с библиографической практикой⁶. Рукопись была доставлена И. В. Гудовщиковой домой, и через какое-то время она появилась в отделе. Спор разгорелся нешуточный: Ирина Васильевна выдвигала аргументы против отдельных формулировок, теоретических посылов. Наши люди защищали свою логику, свои соображения, свою манеру изложения. Оппонент не сдавался, и начинался новый раунд этого профессионального «боя супер-тяжеловесов». В завершение долгого и непростого для обеих сторон диспута И. В. Гудовщикова сказала: «Ну, знаете, ребята, вам все подвластно!».

В предисловии авторы называют свой труд «наблюдениями об изменчивой природе поиска». Эти наблюдения предстают в работе не только в виде россыпи изумительных библиографических находок, но и в достаточно четко систематизированном описании самого процесса уточняющего библиографического поиска. Опираясь на огромный эмпирический материал, авторы формулируют методические подходы к комплексному анализу неудовлетворенного читательского требования, предлагают углубленную поэтапную схему поиска. Книга имеет четкую структуру, в каждой главе отмечаются особенности разных этапов поиска. Любое объяснение, логическое размышление иллюстрируется примерами оригинальных, удивительно интересных и неожиданных разысканий. Демонстрируя свою «доказательную базу», авторы пособия как бы подводят коллег ко многим замечательным источникам из фонда СБО БАН.

Уровнем осмысления практического опыта книга оказалась достойна учреждения, в котором она создавалась. Внимательный читатель мог почувствовать, каким огромным багажом общекультурных и специальных знаний, особой интуицией должен обладать библиограф-поисковик крупной научной библиотеки. Книга вызвала резонанс в профессиональной среде, было опубликовано несколько рецензий, до настоящего времени ее цитируют авторы, пишущие о библиографических разысканиях и профессии библиографа⁷.

⁵ Розова Н. М., Герасимова Л. М. Традиционный библиографический поиск в Библиотеке Российской академии наук: метод. пособие / Б-ка Рос. акад. наук. СПб.: БАН, 1997. 113 с.

⁶ В течение ряда лет И. В. Гудовщикова, будучи преподавателем Библиотечного факультета ЛГИК, проводила свои занятия по библиографическому поиску именно в СБО БАН. По субботам И. В. Гудовщикова со студентами разбирала пачку требований, специально приготовленную Н. М. Розовой, делала необходимые пояснения и раздавала их ребятам. Прделанная библиографическая доработка анализировалась преподавателем и требования с результатами поиска оставались для Н. М. Розовой.

⁷ Например: Методика библиографического поиска / [В. А. Минкина] // Справочник библиографа / науч. ред.: А. Н. Ванев, В. А. Минкина. СПб., 2002. С. 417—418.

В последние годы работы Наталия Михайловна была также активна, подвижна, также видела и понимала все «наскрозь». Она безоговорочно «приняла» новые технологии. «На моторе смотрела?» — вопрошала она коллег уже в начале 90-х гг., когда в СБО БАН появился первый компьютер и лазерные диски. В своих мемуарах Наталия Михайловна, примиря прошлое с будущим, мудро заметила: «По объективным и субъективным факторам компьютер не стал нашим основным и главным помощником. Им осталась книга — бумажный, а не электронный носитель информации. Возможности последнего почти безграничны».

Трудовые достижения Наталии Михайловны были отмечены наградами и поощрениями. В 1999 г. в связи с 275-летним юбилеем Российской академии наук была в числе трех сотрудников БАН, представленных к государственной награде — ордену Дружбы⁸.

Осенью 2009 г. Наталия Михайловна вышла на пенсию. Она чувствует себя неплохо, много читает. Очень скучает по работе, по родному отделу, интересуется всем, что происходит в БАН и отделе, помнит дни рождения всех сотрудников. Она с большой готовностью откликнулась на предложение написать воспоминания. Первая часть мемуаров Наталии Михайловны «Война»⁹ опубликована. Готовятся к печати и следующие главы ее воспоминаний, посвященные Библиотеке, бановцам, городу.

Для своих коллег Наталия Михайловна Розова была и остается старшим товарищем, учителем, другом. Остается образцом честного служения избранному делу. Эта маленькая незаурядная женщина всегда ставила во главу угла интересы читателя и, с помощью мирного библиографического оружия, делала все, от нее зависящее, чтобы эти интересы защитить.

⁸ Указ Президента Российской Федерации № 701 от 4 июня 1999 г.

⁹ *Розова Н.М.* Мои воспоминания о войне. СПб., 2013.

ЕВГЕНИЯ ГЕОРГИЕВНА СУХМАНЕВА

Н.В. Бекжанова, В.Б. Лазуркина, И.Н. Комарова

В Библиотеке РАН помнят и высоко ценят старшего научного сотрудника Отдела научной систематизации литературы Евгению Георгиевну Сухманеву, ее научное и творческое наследие.

Родилась Евгения Георгиевна в 1931 г. в селе Воронцово-Александровское в семье агрономов. Ее мать, Хлытчиан Изабелла Матвеевна, была двоюродной сестрой известной писательницы Мариэтты Шагинян. Двоюродные сестры Евгении Георгиевны были преподавателями танца — одна в Вагановском училище, другая — в Институте культуры, двоюродный брат Евгении Георгиевны — знаменитый солист Мариинки Святослав Кузнецов.

В 1947 г. Евгения Георгиевна окончила 8 классов Пятигорской средней школы и в 1948 г. поступила в Ессентукский краевой библиотечный техникум. По его окончании работала в Ново-Пятигорской, а затем Красно-Слободской библиотеках Пятигорска.

В 1952 г. она поступила в Ленинградский библиотечный институт, который окончила в 1957 г. по специальности «Библиотековедение и библиография научных и массовых библиотек». 20 марта ей была присвоена квалификация «библиотекарь-библиограф высшей категории». Во время обучения она работала в библиотеке клуба завода им. Н.Г. Козицкого, где занималась составлением каталогов, описанием литературы, тем же позднее занималась в отделе обработки во ВСЕГЕИ.

После окончания института Евгения Георгиевна вернулась в Пятигорск, где первое время заведовала читальным залом Городской центральной библиотеки, а затем работала библиографом-библиотекарем в Пятигорском бальнеологическом институте.

В октябре 1960 г. Евгения Георгиевна переехала в Свердловск, где работала до 1969 г. в библиотеке Уральского филиала АН СССР. Там в должности старшего, а затем главного библиографа она занималась редакцией систематического каталога. Именно здесь началось формирование Евгении Георгиевны как высокоэрудированного специалиста-систематизатора. В этот период она публикует свои первые статьи¹, посвященные вопросам индексации и фасетной классификации. В своих работах она рассматривает возможности аналитико-синтетической фасетной классификации для оптимизации информационно-поисковых языков традиционного типа, в частности Библиотечно-библиографической классификации.

В 1964—1969 гг. Евгения Георгиевна обучалась в заочной аспирантуре Ленинградского института культуры, где в 1969 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Развитие

¹ См.: Список публикаций Е. Г. Сухманевой в приложении к статье.

теории и методов многоаспектной классификации». Ей была присвоена ученая степень кандидата педагогических наук.

В сентябре 1969 г. Евгения Георгиевны поступила на работу в БАН на должность старшего редактора в Отдел научной систематизации литературы. И здесь она продолжила свои научные изыскания. Исследования Е. Г. Сухманевой в систематическом каталоге БАН велись по четырем основным направлениям:

- теория и методы фасетной классификации, фасетизация ББК и других традиционных ИПЯ;
- опыт использования и оптимизации ББК;
- индексация библиотечных классификаций и индексирование документов в научных библиотеках;
- использование ББК при составлении библиографических пособий.

Одновременно, в соответствии с «Программой оптимизации ББК», над которой сотрудники отдела работали совместно со своими коллегами из ГБЛ и ГПБ, под руководством Евгении Георгиевны проводились исследования и составлялись варианты фасетных ББК по ряду разделов естественных наук (астрономии, биологии, химии, геологии и др.).

В 1977 г. она была избрана на должность старшего научного сотрудника. Практически Евгения Георгиевна являлась научным руководителем отдела. В 1983 г. под ее руководством коллектив сотрудников-биологов ОНСЛ подготовил рукопись «Фасетизированная ББК по Отделу “Е Биологические науки”»², которая, к сожалению, не была издана, но активно использовалась в дальнейшем при работе над переизданием выпуска VI «Е Биологические науки».

Основной целью этой работы было создание классификации, отвечающей по своему научному содержанию и аналитико-синтетической структуре требованиям, предъявляемым к информационно-поисковым языкам в традиционных и автоматизированных информационно-поисковых системах с целью максимального удовлетворения многоаспектных запросов читателей научных библиотек.

Впервые в отечественной практике была поставлена задача экспериментального составления аналитико-синтетической (фасетной) классификации целого комплекса знаний — биологические науки. Категориальный анализ комплекса биологических наук производился в режиме универсальной классификации, что также осуществлялось впервые, если не считать Универсальной классификации Ш. Р. Ранганатана, биологические науки в которой разработаны недостаточно детально.

С целью усовершенствования терминологии таблиц был произведен сравнительный анализ ББК и УДК. Результаты этой работы участниками проекта были описаны в публикациях, в которых они рассматривали достоинства и недостатки каждой из классификаций³.

² Фасетизированная библиотечно-библиографическая классификация по отделу «Е Биологические науки» / В. Б. Лазуркина, И. В. Ломачинская, Р. Д. Масловец, Б. В. Некрасов, Е. Г. Сухманева. Л., 1983. 485 л. (Рукопись. Архив ОНСЛ).

³ Лазуркина В. Б. Сравнительный анализ Библиотечно-библиографической классификации и Универсальной десятичной классификации по разделам биологических наук / В. Б. Лазуркина, Р. Д. Масловец, Б. В. Некрасов // Каталогизация и научная систематизация литературы: сб. науч. тр. М., 1979. С. 27—41; Некрасов Б. В. Сравнительный анализ ББК и УДК по вопросам зоологической систематики // Методы усовершенствования Библиотечно-библиографической классификации и ее применение в Библиотеке АН СССР: сб. науч. тр. Л., 1980. С. 114—119; Ломачинская И. В. Сравнительный анализ таблиц ББК и УДК по разделу «Систематика растений» // Там же. С. 120—132.

Помимо сотрудников отдела, в работе принимали участие также ученые-биологи из различных учреждений Академии наук (ФИН, БИН, ЗИН, ЦИН, ИЭФ) и кафедр ЛГУ (биохимии, генетики, гистологии, дарвинизма, эмбриологии и др.), консультации которых должны были обеспечить соответствие разрабатываемого варианта классификации уровню развития науки. Привлечь и скоординировать усилия многих участников проекта помогли свойственные Евгении Георгиевне необыкновенная энергия и энтузиазм. Характерное ей своеобразное чувство юмора очень помогало при общении с таким большим количеством ученых. Было заметно, что общаются они с ней с удовольствием. Эти консультации наряду с консультациями ученых из научных учреждений и вузов Москвы легли в основу нового варианта таблиц по биологии, составленных в 1988 г. и АПУ к ним⁴.

Подготовленный экспериментальный фасетизированный вариант по биологическим наукам дает возможность точно систематизировать многоаспектные и узкие по содержанию произведения печати, что служит получению более точного ответа на запросы читателей научных библиотек.

Евгения Георгиевна отличалась нестандартностью мышления и поведения. Будучи человеком очень ответственным, она с энтузиазмом бралась за каждое порученное ей дело. Возглавляя группу народного контроля отдела, она скрупулезно записывала, сколько минут сотрудник отсутствовал на рабочем месте, вела график с тремя колонками: «пришла, ушла, итог». Например, в одном случае в итоге было отмечено: «общее отсутствие на рабочем месте 31 минута».

Е. Г. Сухманева принимала активное участие в работе Проблемного совета при Министерстве культуры СССР по вопросам классификации, выступала с докладами на теоретических конференциях и совещаниях по специальности. Например, в 1976 г. благодарственным письмом, направленным на имя директора БАН из Ленинградского филиала ЦНСХБ, было отмечено ее участие в Дне повышения квалификации работников сельскохозяйственных библиотек г. Ленинграда и Ленинградской области. Она прочитала доклад «Систематический каталог: общие принципы и проблемы», который, как отмечалось в письме, «был прослушан с большим интересом».

Евгению Георгиевну неоднократно приглашали в Ленинградский институт культуры в качестве официального оппонента при защите кандидатских диссертаций, она была автором многих отзывов на исследования в области классификации.

Она являлась одним из составителей «Сборника переводов зарубежных авторов по вопросам индексации»⁵, подготовленного в ОНСЛ, составители которого стремились дать читателю целостное и разностороннее представление о состоянии данного вопроса в зарубежной науке и практике. Понятие «индексация» рассматривалось как система, совокупность индексов, принятая для индексирования и соответствующая той или иной избранной классификации. В состав четырех выпусков были включены переводы глав из монографий таких теоретиков классификации как Г. Э. Блисс (США), В. Ч. Б. Сейерс (Англия), членов Классификационной

⁴ Библиотечно-библиографическая классификация: табл. для науч. б-к. М., 1988. Вып. 6: Е Биологические науки / сост.: М. В. Колярицев, В. Б. Лазуркина, И. В. Ломачинская, Р. Д. Масловец, Л. В. Мясникова, Б. В. Некрасов, К. Н. Юрашевская и др.; ред.: В. Б. Лазуркина, Р. Д. Масловец, Б. В. Некрасов и др. Доп. и испр. изд. М., 1988. 347 с.; Вып. 6: Е Биологические науки: алф.-предм. указ. / сост.: Л. В. Мясникова, В. Б. Лазуркина, И. В. Ломачинская, Р. Д. Масловец, К. Н. Юрашевская; ред. группа: Л. В. Мясникова, В. Б. Лазуркина, Р. Д. Масловец. М., 1990. 416 с.

⁵ Сборник переводов работ зарубежных авторов по вопросам индексации / Б-ка АН СССР. Л.: БАН, 1972—1976. Вып. 1—4.

исследовательской группы Дж. Миллаза, Б. И. Пальмера, Э. Коутса; популярного английского автора Б. К. Викери, а также авторов оригинальных методов и приемов индексации: видного индийского ученого-библиотековеда Ш. Р. Ранганатана и его учеников, французского теоретика классификации Э. де Гролье, немецких документалистов Р. Фугмена и В. Брауна, известных специалистов в области научной информации И. Томана (Чехословакия) и Э. Добровольского (Франция). Евгения Георгиевна совместно с заведующим ОНСЛ А. А. Пановым подготовила вступительные статьи к каждому из выпусков сборника, в которых был проведен глубокий анализ идей, высказанных в публикуемых работах.

В 1977 г. Евгения Георгиевна составила и опубликовала аннотированный библиографический указатель «Фасетная классификация»⁶, в состав которого вошли материалы, опубликованные в 1933—1973 гг. В указателе было учтено 976 публикаций, в основном, на иностранных языках, большинство из которых были описаны и проаннотированы автором *de visu*.

Всего Евгения Георгиевна была автором свыше 50 научных работ, опубликованных в различных библиотечно-библиографических и информационных изданиях.

В ОНСЛ БАН Евгения Георгиевна проработала до 1986 г., вышла на пенсию и переехала обратно в Пятигорск.

Список публикаций Е. Г. Сухманевой (1964—1988)

I. Участие в развитии и оптимизации ББК

Дополнения и исправления к библиотечно-библиографической классификации: табл. для науч. б-к. Вып. 1—25: инструктив.-метод. рекоменд. / ГБЛ им. В. И. Ленина, ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Б-ка АН СССР, ВКП, Науч. б-ка ВЦСПС; гл. ред. Н. П. Журжалина. — М., 1983—1987. — Вып. 1, 3, 6.

В числе составителей.

Дополнения и исправления к библиотечно-библиографической классификации: табл. для науч. б-к. / ГБЛ им. В. И. Ленина, ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Б-ка АН СССР и др. — М., 1980. — Вып. 19: Ч Культура. Наука. Просвещение: табл. типовых делений. Разделы Ч23 Научно-информационная деятельность. Информатика, Ч75 Библиография. Библиографоведение: инструктив.-метод. рекоменд. № 3. — 132 с.

В числе составителей.

Библиотечно-библиографическая классификация: табл. для массовых б-к / ГБЛ им. В. И. Ленина, ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Б-ка АН СССР и др.; гл. ред. ББК Н. П. Журжалина. — 2 изд., испр. и доп. — М.: Книга, 1984. — 535 с.

Членство в редколлегии.

Библиотечно-библиографическая классификация: табл. для дет. б-к / ГБЛ им. В. И. Ленина, ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Б-ка АН СССР и др.; гл. ред. ББК Н. П. Журжалина. — [2-е изд., испр. и доп.]. — М.: Кн. палата, 1988. — 248 с.

Членство в редколлегии.

⁶ Фасетная классификация: аннот. указ. лит. за 1933—1977 гг. / сост. Е. Г. Сухманева; Б-ка АН СССР; под ред. А. А. Панова (отв. ред.), Т. Д. Чуриной (ред. пер.), Т. Н. Данченко (библиогр. ред.). Л.: БАН, 1977. 216 с.

II. Публикации по вопросам индексации и классификации

Библиотечно-библиографическая классификация: организация и методика работы по совершенствованию таблиц: положения, метод. рекоменд., инструкции. — М., 1985. — 88 с.

Участие в разработке положений и инструкций.

Вопросы индексации и фасетная классификация // НТИ. — Сер. 2. — 1967. — № 9. — С. 10—12.

К вопросу о методике составления библиотечной классификации // Основные направления и методы развития Библиотечно-библиографической классификации: сб. науч. тр. — Л., 1982. — С. 24—31.

Также член редколлегии и ответственный редактор сборника.

К вопросу оптимизации ББК по разделу «Ч23 Научная информация» // Проблемы оптимизации Библиотечно-библиографической классификации: из опыта работы отд. науч. систематизации лит. БАН СССР: сб. науч. тр. — Л., 1976. — С. 102—107. — (В соавт. с Л. В. Мясниковой).

Также членство в редколлегии сборника.

К методике фасетизации ББК: (на примере раздела «В6 Астрономия») // Проблемы внедрения библиотечно-библиографической классификации: сб. науч. тр. — М., 1974. Вып. 2. — С. 14—45. — (В соавт. с А. К. Суловым).

Международное совещание по советской Библиотечно-библиографической классификации // Проблемы научно-методической работы в академических библиотеках: сб. науч. тр. — М., 1984. — С. 90—98. — (В соавт. с В. А. Базановым).

Методы синтеза в Библиотечно-библиографической классификации // Тезисы докладов и сообщений на Всесоюзной научно-практической конференции «Проблемы дальнейшего совершенствования и внедрения советской Библиотечно-библиографической классификации» (27—28 сент. 1983 г.). — М., 1983. — С. 54—55.

Научная конференция по ББК [проведенная БАН СССР, 13—15 апр. 1982 г.] // Сов. библиотековедение. — 1982. — № 6. — С. 102—104. — (В соавт. с М. А. Тарасовым).

Некоторые вопросы современного развития фасетной классификации // НТИ. Сер. 2. — 1969. — № 11. — С. 5—8.

Некоторые вопросы фасетизации ББК // Научная систематизация и каталогизация литературы: сб. науч. тр. — М., 1980. — С. 20—33.

О гибкости индексации // НТИ. Сер. 1. — 1974. — № 6. — С. 3—7.

О запросах читателей в центральном систематическом каталоге Библиотеки АН СССР // Роль и место каталогов и картотек в библиотечно-библиографической работе библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик: сб. науч. тр. — М., 1976. — С. 48—62. — (В соавт. с А. А. Пановым).

О концепции основного ряда биологических наук // Вопросы научной систематизации и каталогизации литературы: сб. науч. тр. — М., 1981. — С. 5—19. (В соавт. с Б. В. Некрасовым и В. Б. Лазуркиной).

О методике составления библиотечной классификации // Научная конференция «Основные направления и методы совершенствования ББК», Ленинград, 13—15 апр. 1982 г.: тез. докл. — Л.: БАН, 1982. — С. 7—8.

Также членство в редколлегии сборника.

О некоторых вопросах унификации индексации ББК // Проблемы оптимизации традиционных информационно-поисковых систем в библиотеках: сб. тр. 11 науч. конф. Б-ки АН СССР (30 мая — 2 июня 1972 г.). — Л., 1974. — С. 54—66.

О типах делений фасетизированного варианта ББК // Методы усовершенствования Библиотечно-библиографической классификации и ее применение в Библиотеке АН СССР: сб. науч. тр. — Л., 1980. — С. 87—95.

Также членство в редколлегии сборника.

Об алфавитном методе индексации ББК // Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик. — 1972. — № 2(83). — С. 29—37, 150—155.

Об использовании Библиотечно-библиографической классификации в библиотеке Уральского филиала Академии наук СССР // Библиотечно-библиографическая информация библиотек АН СССР. — 1968. — № 4 (70). — С. 136—145.

Оптимизация Библиотечно-библиографической классификации и улучшение качества систематического каталога: (к проблеме изучения эффективности использования каталогов в крупной научной библиотеке) // Информационно-библиографическая и справочная работа: сб. науч. тр. — М., 1978. — С. 171—188. — (В соавт. с Т. В. Николаевой).

Оптимизация ББК методом категорийного анализа и синтеза: (материалы к отчету). — Л., 1976. — 78 с.

Исполнитель темы и один из составителей вариантов схем классификации.

Опыт использования советской библиотечной классификации в библиотеке Уральского филиала АН СССР // Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик. — М., 1964. — С. 75—83.

Опыт применения «Библиотечно-библиографической классификации» для создания специализированных картотек // Сов. библиогр. — 1966. — № 5. — С. 46—49. — (В соавт. с О. А. Былинкиной).

Организация иностранных периодических изданий в Библиотеке Уральского филиала Академии наук СССР // Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик. — 1969. — № 4(74). — С. 105—111.

Основные направления фасетизации отдела «Г Химические науки» ББК // Усовершенствование и применение Библиотечно-библиографической классификации: (сб. науч. тр.). — Л., 1978. — С. 106—112. — (В соавт. с А. Д. Антоновой).

Также членство в редколлегии сборника.

Проблема классифицирования литературы в централизованной системе Библиотеки АН СССР // Проблемы централизации работы библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик: сб. науч. тр. — М., 1975. — С. 51—59. — (В соавт. с А. А. Пановым).

Проблема комплексности в структуре ББК // Проблемы внедрения Библиотечно-библиографической классификации: сб. науч. тр. — М., 1979. — С. 16—23. — (В соавт. с А. А. Пановым).

Развитие теории и методов многоаспектной классификации: автореф. дис. ... канд. пед. наук / ЛГИК им. Н. К. Крупской. — Л., 1969. — 20 с.

Результаты частичной фасетизации отдела ББК «Е Биологические науки» // Оптимизация Библиотечно-библиографической классификации и концепция ее второго издания: (сб. науч. тр.). — Л., 1977. — С. 151—158. — (В соавт. с В. Б. Лазуркиной).

Также членство в редколлегии сборника.

Роль ББК в лингвистическом обеспечении автоматизированной библиотечно-информационной системы Библиотеки АН СССР // Проблемы внедрения Библиотечно-библиографической классификации: сб. науч. тр. — М., 1979. — С. 108—114. — (В соавт. с Т. Н. Данченко и А. А. Пановым).

Роль и значение советской Библиотечно-библиографической классификации при составлении библиотечно-библиографических изданий // Информационно-библиографическое обслуживание читателей библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик: сб. науч. тр. — М., 1975. — С. 21—36. — (В соавт. с А. А. Пановым).

Структура и индексация второго издания ББК // Оптимизация Библиотечно-библиографической классификации и концепция ее второго издания: (сб. науч. тр.). — Л., 1977. — С. 32—41.

Также членство в редколлегии сборника.

Терминологический анализ ББК // Усовершенствование и применение Библиотечно-библиографической классификации: (сб. науч. тр.). — Л., 1978. — С. 113—121. — (В соавт. с А. Д. Антоновой, В. Б. Лазуркиной, И. В. Ломачинской и др.).

Также членство в редколлегии сборника.

Уровни обобщений категорий универсальных классификаций и методы синтеза в Библиотечно-библиографической классификации // Проблемы совершенствования и применения Библиотечно-библиографической классификации: сб. науч. тр. — Л., 1987. — С. 9—22.

Фасетизация территориальных типовых делений ББК // Проблемы оптимизации Библиотечно-библиографической классификации: из опыта работы отд. науч. систематизации лит. БАН СССР: сб. науч. тр. — Л., 1976. — С. 34—41. — (В соавт. с Л. Н. Музылевой).

Также членство в редколлегии сборника.

Эффективность взаимодействия между информационными системами и лингвистическое обеспечение автоматизированной ИПС БАН СССР // Эффективность информационно-библиографической деятельности библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик: сб. науч. тр. — М., 1978. — С. 190—199. — (В соавт. с А. А. Пановым).

Modern development of faceted classification // Annals of library science and documentation. — 1971. — Vol. 18, № 1. — P. 13—21.

The problems of notation and faceted classification // Annals of library science and documentation. — 1970. — Vol. 17, № 3—4. — P. 112—116.

III. Редакторская и составительская работа

Методические рекомендации по применению лингвистических средств автоматизированной системы Библиотеки Академии наук СССР. — Л.: БАН, 1981. — 186 с.

Фасетная классификация: аннот. указ. лит. за 1933—1977 гг. — Л.: БАН, 1977. — 216 с.

Малотиражные издания учреждений Академии наук СССР: указ. поступлений за [1982—1985 гг.]. — Л.: БАН, 1982—1985.

Сборник переводов работ зарубежных авторов по вопросам индексации. — Л.: БАН, 1972—1976. — Вып. 1—4.

Вып. 1: Работы общего характера: пер. с англ. — 1972. — 114 с.

Вып. 2: Символы в классификации: пер. с англ. — 1974. — 85 с.

Вып. 3: Проблемы индексации в трудах индийского ученого Ш. Р. Ранганатана и его школы. — 1975. — 110 с.

Вып. 4: Оригинальные методы индексации. — Л., 1976. — 74 с.

Сводный каталог иностранных научных и технических журналов, имеющих в библиотеках г. Свердловска: естественные науки, медицина и техника. — Свердловск, 1971. — 574 с.

ИЗДАНО ПОД ГРИФОМ «БАН»: к 300-летию Библиотеки РАН

Н. В. Колпакова

Наша Библиотека является первым государственным культурно-просветительским учреждением Санкт-Петербурга, существующим с 1714 г. Не случайно «...при сем Царствующем Санкт-Петербурге, начала собираться по высочайшему указу Государя Императора Петра Великого с 1714 году...»¹ первая национальная русская Библиотека Академии наук. Именно с библиотекой основатель города Петр Первый связывал развитие научной и общественной мысли государства Российского. С той поры она стала неотъемлемой частью северной столицы, неизменно вызывая восторг, изумление и уважение у многочисленных посетителей, в том числе у зарубежных гостей.

История издательской деятельности БАН непосредственно связана с историей Библиотеки и деятельностью типографии АН. К первым изданиям XVIII в. относится роскошно иллюстрированный труд по истории Петербургской академии наук. Это «Палаты Санктпетербургской Академии наук», напечатанные в 1741 г. на русском и немецком языках по распоряжению Шумахера и включающие планы, фасады и разрезы академических зданий. В книге приводились сведения по истории Академии, Библиотеки, Кунсткамеры. Традиционно основные направления научной работы БАН связаны с проблемами библиотековедения, библиографоведения и книговедения, научным описанием и публикацией рукописных материалов. С самого начала в издательской деятельности Библиотеки РАН особое внимание обращалось на подготовку каталогов, раскрывающих богатейшие книжные и рукописные фонды БАН — на русском, славянских (кроме русского)², западноевропейских языках по разной тематике, включая и востоковедение, на восточных языках. В дальнейшем стала осуществляться также подготовка библиографических указателей по изданиям Академии наук в области гуманитарных и естественных наук, составление отраслевых и персональных библиографий (среди них были и посвященные П. Л. Чебышеву, В. Л. Комарову, А. С. Попову, Н. И. Лобачевскому), издание исследований по вопросам библиотековедения, теории и истории библиографоведения, истории книги, по направлению «исследование истории фондов БАН».

¹ Богданов А. И. Описание Санкт-Петербурга 1749—1751 гг. СПб., 1997. С. 165. Газета «Санктпетербургские ведомости» XVIII века: указатель к содержанию. Л. СПб., 1987.

² Славянское отделение в БАН существовало в 1883—1930 гг., в 1994 г. в БАН был воссоздан читальный зал Славянского фонда, который включает издания на славянских языках, кроме русского. См. Комисарова Е. В. Славянский фонд библиотеки Российской Академии наук: этапы формирования, структура, пути использования: автореф. дис. ...канд. пед. наук. СПб., 2000.

Уже в первые годы существования БАН имелись так называемые рукописные каталоги. По установившемуся еще в XVIII в. порядку вся литература, поступающая в БАН, заносилась в особые книги, называемые по-разному: каталоги приобретений, журналы поступлений, каталоги приращений. Назрела необходимость в упорядочении учета книг, создании системы каталогизации. Наряду с рождением и развитием системы карточных каталогов шли работы по выпуску печатных каталогов. В 1734 г. Академическая конференция вынесла специальное решение о составлении в Библиотеке каталога книг, имевшихся в ней. Первым печатным каталогом БАН стал так называемый «Камерный каталог», составленный Я. Я. Штелиным и И.-Ф. Бремом и изданный на латинском языке в 1744 г. тиражом всего 200 экземпляров. Уже в XVIII в. он стал библиографической редкостью. Почти одновременно с ним вышел и каталог русских книг Библиотеки, составленный А. И. Богдановым и построенный в соответствии с расстановкой книг по шкафам, или каморам. Следующим изданием XVIII в., заслуживающим особого внимания, является работа унтер-библиотекаря И. Бакмейстера «Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской имп. Академии наук, изданной на французском языке Иоганом Бакмейстером, подбиблиотекарем Академии наук, а на российский язык переведенной Васильем Костыговым» (СПб., 1779). Это также одно из основных пособий по истории БАН в тот период. Он отмечен и китаеведами как источник по истории китайской книги в России и в БАН.

В XIX в. научно-издательская деятельность БАН также была связана с подготовкой печатных каталогов. В 1818 г. по поручению президента АН С. С. Уварова унтер-библиотекарь П. И. Соколов издал два печатных каталога русских книг: 1. исторических и географических; 2. церковных. В первой половине XIX в. Русское отделение БАН имело три тома печатных и четыре тома рукописных каталогов, в которых был отражен весь русский фонд Библиотеки. Следует сказать и о первом печатном каталоге книг на восточных языках — это каталог китайских и японских книг, вышедший в 1818 г. также по распоряжению С. С. Уварова. В 1844 г. было организовано особое «рекомендательное бюро», а в 1848 г. было издано «Положение о порядке пользования Библиотекой Императорской Академии наук», составленное библиотекарем (директором) I (Русского) отделения БАН ординарным академиком, историком и археографом Я. И. Бердниковым и библиотекарем (директором) II (Иностранного) отделения БАН естествоиспытателем, ординарным академиком и почетным академиком К. М. Бэром. Активную библиографическую работу в XIX в. вели библиотекари I (Русского) отделения братья Петр и Борис Ламбины. Они подготовили богатую библиографию исторических сочинений — систематический указатель исторических статей в русских периодических журналах и сборниках³. За рамки простого библиотечного каталога вышел и «Список русских повременных изданий с 1703 по 1899 год», составленный заведующим IV (Рукописным) отделением БАН, историком и палеографом, член-корреспондентом АН В. И. Срезневским. Он отражает не только состав журнального отдела Библиотеки, но и, благодаря сверке его с фондом Публичной библиотеки, представляет собой первый полный список русских журналов и газет, издававшихся в стране. В начале XX в. Срезневским был издан ряд работ по рукописному отделу БАН, в том числе и эпохальный труд, осуществленный совместно с Ф. И. Покровским, старшим ученым хранителем I (Русского), а затем IV (Рукописного) отделений БАН — Описание рукописного отделения Библиотеки Академии наук в 3-х томах, нескольких частях (1910—1927). Значительную роль в научно-библиографической и научно-организационной деятельности БАН сыграл организатор и первый заведующий

³ Русская историческая библиография: в 10-ти т. СПб., 1856—1884. Т. 1—10.

Славянским отделом I (Русского) отделения Э.В. Вольтер, по инициативе которого издавались так называемые «Библиологические сборники», содержащие богатый материал по истории русских библиотек. Напечатаны также подготовленные им каталоги Славянского отдела, работы по обустройству, демократизации управления, унификации обработки книг в БАН, регистрации и своевременной доставке их в наши государственные книгохранилища. Также необходимо отметить и опубликованную в 1903 г. работу упоминавшегося выше К.М. Бэра «Система распределения книг II отделения Библиотеки Императорской Академии наук», изданную под наблюдением его приемника на посту директора II (Иностранного) отделения БАН, востоковеда-ираниста и одновременно директора Азиатского музея АН, акад. К.Г. Залемана.

На Первом российском библиографическом съезде в 1926 г. в Москве был поднят вопрос о необходимости кооперированного составления полной библиографии по русской книге и «приведении в известность» западноевропейских инкунабул и инкунабул славянской печати. В течение 1931—1932 гг. были выработаны основные принципы и методы библиографических указателей, опубликован систематический указатель академических изданий, затем вышли еще три ежегодника по изданиям АН за 1931, 1932 и 1933 гг. Научно-издательская деятельность не прекращалась и в военные годы. В 1958 г. был утвержден новый Устав БАН, по которому был расширен объем научно-исследовательской работы, что обусловило и интенсивное развитие издательской деятельности⁴. Перечислить все, что было издано Библиотекой, невозможно. В частности, были напечатаны такие фундаментальные библиографические указатели ретроспективного характера, как «Русский фольклор» (литература на русском языке за 1917—1959 гг.), издание совместно с ГПБ труда по описанию произведений, напечатанных кириллицей и материалов гражданской печати за период с 1689 по январь 1725 г., работы востоковедческого плана («Указатель библиографий по монголоведению на русском языке, 1824—1960» (сост. Р.Л. Балдаев и Н.Н. Васильев), каталоги периодических и справочных изданий по странам Азии и Африки в библиотеках Петербурга). С 1957 г. становится регулярным издание ежегодника «Библиография изданий АН СССР». В 1960 г. по решению Президиума АН существовавшие при БАН технические мастерские были реорганизованы в реставрационно-полиграфические мастерские и появился редакционно-издательский отдел.

Ряд издательских проектов был посвящен 300-летию юбилею города в 2003 г., его истории. Свыше 15 лет мы ведем работу над многотомным изданием «Газета “Санкт-Петербургские ведомости” XVIII в.: указатели к содержанию» — уникальным источником по истории России и Петербурга. Она издавалась при Петербургской Академии наук с 1728 г. и была единственной до 1756 г., а на протяжении всего XVIII столетия — главной газетой Российской империи. На ее страницах нашли отражение разные стороны общественной, экономической, научной и культурной жизни страны и зарубежных государств. «Санкт-Петербургские ведомости» являлись также и городской газетой, страницы которой наполнены важными данными по истории Северной Пальмиры.

Наше издание раскрывает содержание газеты, представляя его в виде комплекса указателей, совокупность которых обеспечивает эффективный поиск информации. В этот комплекс входят: тематико-видовой указатель по странам и регионам, указатели географических и этнических названий (региональный и алфавитный), топографический указатель по Петербургу и его окрестностям, указатели имен (сословно-профессиональный и алфавитный), указатель

⁴ Устав БАН. Л., 1959. С. 5.

учреждений и указатель видов хозяйственной деятельности и товаров, упомянутых в газете. В настоящее время подготовлено 10 т., опубликованы 9 из них, охватывающие период с 1728 по 1760 гг. Издание предназначено для широкого круга читателей: историков, литературоведов, книговедов, библиографов и др., а также для всех, кто интересуется отечественной историей, в особенности историей отечественной культуры и историей Петербурга. В этом издании большое место отводится и Китаю, русско-китайским отношениям.

Следующее уникальное издание, непосредственно связанное с историей города, — «История Санкт-Петербурга — Петрограда. 1703—1917: путеводитель по источникам»⁵.

Попытка создать фундаментальный ретроспективный библиографический указатель по истории нашего города XVIII в. была предпринята в БАН еще в конце 1950-х — начале 1960-х гг. К сожалению, работа была прекращена, и тему вновь включили в план нашей научно-исследовательской деятельности лишь в 1989 г. Результатом станет создание много-томного аннотированного библиографического пособия и автоматизированной базы данных. В отечественной исторической и научно-справочной литературе отсутствуют подобного рода издания по истории города. Указатель включает материалы по исторической библиографии, источниковедению и историографии. Первый выпуск 1-го тома вышел в 2001 г. Он содержит материалы по истории дореволюционного Петербурга на русском и европейских языках, опубликованные начиная с XVIII в. до настоящего времени. Второй выпуск 1-го тома уже подготовлен к печати. Он включает опубликованные архивные материалы. В последующих томах представлены сведения о планах и картах; законодательных актах; мемуарах и изобразительных материалах.

Для составления данного пособия использованы фонды и каталоги крупнейших библиотек России: помимо БАН, еще и Российской национальной библиотеки, Российской государственной библиотеки, Государственной публичной исторической библиотеки, Российской государственной библиотеки иностранной литературы, библиотеки Эрмитажа и ряда других музеев, а также библиотек архивов, учебных заведений; использованы издания национальной библиографии, указатели по истории России и по истории Санкт-Петербурга, библиографические бюллетени Института научной информации по общественным наукам, иностранные библиографические и справочные издания.

На протяжении многих лет в БАН занимались научным описанием библиотеки Петра I. Издан каталог, который содержит подробное научное описание 250 рукописных книг из нее⁶. Подчеркну: 93 из них принадлежали родным императора: отцу — царю Алексею Михайловичу, старшему брату — Федору Алексеевичу, сестрам — Софье Алексеевне и Наталье Алексеевне. Но самая важная часть библиотеки — книги, принадлежавшие самому Петру Великому: поднесенные ему, изданные по его инициативе (это, прежде всего, переводы с иностранных языков книг по математике, артиллерии, фортификации, кораблестроению, морских и воинских уставов и др.) Особое внимание в издании уделяется истории каждой рукописной книги, ее роли в тех или иных событиях или обстоятельствах жизни ее владельцев. История Библиотеки, как и вся история нашего великого и прекрасного города, несет на себе яркий отпечаток личности ее создателя. Новое издание Библиотеки «Летопись БАН»⁷ широко представляет материалы

⁵ История Санкт-Петербурга—Петрограда, 1703—1917: путеводитель по источникам. Т. 1, вып. 1, вып. 2 / БАН. СПб., 2001. 560 с.

⁶ Каталог библиотеки Петра I / сост. И. Н. Лебедева. СПб., 2003.

⁷ Летопись Библиотеки Российской академии наук / отв. сост. Г. В. Головки; отв. ред. Н. В. Колпакова; науч. рук. В. П. Леонов. СПб.: БАН, 2002.

о том, какое значение придавал Петр I книжным собраниям. В ней можно найти сведения о личной библиотеке царя-реформатора, о библиотеках его сподвижников и других коллекциях, рассказано о прошлом и настоящем БАН. Перед читателем открываются важнейшие страницы жизни старейшего научного учреждения России, показан ежедневный труд наших предшественников и современников. Особое место занимают издания, раскрывающие рукописные фонды БАН. «Певческие книги выголексинского письма XVII — первой половины XX в.» содержат научное описание 210 нотированных музыкальных рукописей старообрядческой поморской традиции. Рукописи включают богослужебные певческие книги и сборники, образцы духовной лирики и др. Изданием таких томов впервые вводятся в научный оборот новые источники старообрядческой культуры.

В рамках реализации проекта между БАН и издательством «Фолио-Пресс» в 2000 г. были выпущены отдельные крупные произведения с целью познакомить современного читателя со значительными явлениями западной и русской литературы, по тем или иным причинам остающимися за пределами внимания исследователей. Так появилась новая академическая серия — «Вечные спутники». Название серии дал знаменитый сборник критических статей Д. С. Мережковского (1897), посвященный выдающимся представителям западной и русской культуры и выдержавший в начале XX в. несколько переизданий. Первой книгой в этой серии стало научно подготовленное «Собрание стихотворений» Д. С. Мережковского, крупнейшего писателя Серебряного века. Все публикуемые тексты, а их 313, выверены заново, разысканы многие первые публикации, уточнено большинство дат написания. В подробных комментариях впервые собраны все расхождения с окончательной редакцией в сохранившемся автографе либо ранних публикациях.

Следующим в той же серии мы опубликовали роман Е. Н. Чирикова «Зверь из бездны». Сборник прозы Е. Н. Чирикова (1864—1932) — первое в нашей стране научно подготовленное издание замечательного писателя, принадлежавшего к реалистическому крылу отечественной литературы. Почти все произведения Чирикова, включенные в сборник, с момента их первоначальной прижизненной публикации никогда более не воспроизводились.

По-прежнему составление фундаментальных библиографических указателей одно из ведущих научных направлений в нашей деятельности. В рамках совместного проекта с издательством «Фолио-пресс» нам удалось подготовить и в 2001 г. издать библиографический указатель, посвященный творчеству В. В. Набокова. Представленные тут сведения охватывают все возможные темы, связанные с одним из крупнейших писателей XX в., впервые дают реальную картину распространения его произведений на родине и динамику развития отечественного набоковедения. Помимо того, с выходом настоящего указателя открываются новые возможности изучения и некоторых аспектов истории русской литературы в новейшее время, особенно ее зарубежной части, а также отдельных проблем, связанных с историей нашей страны, генеалогией и краеведением. Указатель составлен на основе просмотра изданий, поступающих в фонды пяти крупнейших библиотек Москвы и Санкт-Петербурга, а также материалов нескольких личных библиотек и книжных собраний.

Уникальным по полноте учета библиографических источников второй степени явился подготовленный и изданный в 2002 г. совместно с Пушкинской комиссией РАН указатель «Библиография пушкинской библиографии, 1846—2001 гг.». В тематических разделах предлагаемого указателя впервые в истории сделана попытка по возможности наиболее полно учесть библиографические пособия со значительным объемом публикаций о Пушкине. Основная часть указателя включает два раздела: русскоязычную и иноязычную Пушкинианы.

В отдельный раздел выделена основная справочная литература о Пушкине (летописи жизни и творчества, словари языка Пушкина, энциклопедии, а также справочные издания, раскрывающие пушкинскую тематику в различных сферах культуры). Внутри частей записи распределены по более чем тремстам разделам, подразделам и рубрикам. В «Приложении» имеются разделы, посвященные личной библиотеке А.С. Пушкина и пушкинским коллекциям в государственных и частных музеях и библиотеках.

Современная издательская деятельность приобретает новую составляющую, все большее распространение получают издания в электронной форме. В БАН освоена технология подготовки электронных изданий (уже сегодня подготовлены электронные диски с «Ежегодником», «Путеводителем БАН по СБО», «Малой Энциклопедией БАН»). Почти все печатные издания, выпущенные с конца 90-х гг., сохранены в электронной форме. В настоящее время БАН участвует в проекте «Электронная библиотека научного наследия России». Его цель — создание электронного ресурса БАН — части единой информационной системы Российской академии наук (РАН) — с возможностью последующего расширения и включения в общее информационное пространство России и мира. Задачей является создание полнотекстовой электронной научной библиотеки, отражающей историю РАН, достижения российской мысли в области науки и культуры, участие российских ученых в важнейших событиях жизни страны и мира, персоналии. Решение проблемы связано с развитием современных технологий, в частности, с оцифровкой части печатных книжных фондов и установкой в БАН специализированных программно-аппаратных комплексов, соединенных с локальными информационными сетями библиотек-филиалов на основе программного обеспечения с открытым кодом (ПО ОК) для доступа к оцифрованным электронным изданиям. Предполагается, что оцифрованные источники (книги) будут выставлены на сайте БАН, перенесены на компакт-диски и открыты для доступа пользователей. По мере реализации проекта БАН становится главным участником создания современного информационного портала РАН.

Сегодня издательская деятельность Библиотеки Российской академии наук строится в соответствии с направлениями научной работы БАН и отражает ее многообразие и богатейшее историческое наследие, которое Библиотека стремится открыть для читателей. В своем обзоре я постаралась дать представление об истории и основных современных направлениях издательской деятельности в Библиотеке Российской академии наук.

НАСЛЕДИЕ БИБЛИОГРАФИИ

Н.В. Колпакова

История библиографии начинается с возникновения книгопечатания, стремления охватить своим обслуживанием как можно больше категорий читателей, удовлетворить все их потребности, вкусы, желания.

Зачатки русской библиографии относятся к XI веку, когда в монастырях монахи составляли описи богослужебных книг. В XVIII веке в описях монастырских и царских библиотек встречаются уже печатные книги, в том числе и светского содержания.

С созданием в 1725 г. Петербургской Академии наук начали издаваться ее труды — с 1726 г. сначала за границей, а с конца 1727 г. в собственной типографии. В результате ее научной и издательской деятельности возник феномен академической книги. В 1742—1744 гг. составляется перечень академических изданий.

Библиотека Российской академии наук была и остается научным центром, обеспечивающим получение знаний, и главная роль здесь всегда отводилась составлению библиотечных каталогов, которые постоянно совершенствуются.

Благодаря сложным процессам, происходящим в последнее десятилетие XXI века в разных сферах научной и духовной жизни, с ростом самосознания и национальной самоидентификации памятники русской книжности стали востребованными. С развитием системы меценатства, привлечения к сотрудничеству современных грантов, оказанием спонсорской помощи отдельным меценатов и организаций, оснащенных по последнему слову полиграфических предприятий стало возможным издавать капитальные каталоги, репринты редких, ранее не публикуемых произведений, а также заниматься поисками книг из частных коллекций, их исследованием и описанием.

Последнее время в плане издания наших трудов мы сотрудничаем со многими организациями. Но именно многолетний опыт работы с Петербургским издательством «Альфарет» показал открытость, конструктивность, ответственность, высокий профессионализм взаимных отношений. Нам удается выполнять такую важную миссию, как сохранение наших книжных богатств путем факсимильного переиздания редких дореволюционных экземпляров, а также издания научной литературы в таком формате, который собственными силами невозможно осуществить. Одним из первых наших совместных опытов стало факсимильное переиздание первых уникальных каталогов, составителями которых стали Владимир Петрович Шемиот (1832—1903) «Систематический и алфавитный указатель статей, помещенных в периодических изданиях и сборниках Императорской Академии наук, а также сочинений, изданных Академиею отдельно» и И. В. Кубасов «Каталог изданий Императорской Академии наук» за 1726—1923 гг.

За последние годы вышли в свет такие уникальные каталоги, как, например, «Каталог книг из Библиотеки Виниуса», каталог «альдин», т. е. изданий знаменитого венецианского типографа, прозванного «князем типографов», Альда Мануция старшего и его потомков. Внимание почитателей творчества выдающегося деятеля русской науки и культуры М. В. Ломоносова привлечет Указатель его личной библиотеки. Большая часть книг из этого собрания хранится в богатейшем фонде Библиотеки Российской академии наук. Безусловно, интересен каталог старообрядческих изданий Почаевской Лавры, который включает книги, напечатанные как кириллическим, так и латинским шрифтом, находящиеся в фондах БАН. В создании «Указателя трудов Императорского Православного Палестинского Общества», приняли участие Библиотека Российской Академии наук и Императорское Православное Палестинское Общество. Для Библиотеки это приоритетное издание.

Особо следует сказать о выпущенных специально к 65-летию победы в Великой Отечественной войне указателях за 1941—1945 гг.

Многое было сделано за десятилетие нашего сотрудничества: это и великолепная восточная коллекция, состоящая из книг, посвященных востоку (Китай, Япония, Вьетнам), выполненная в едином оформлении, и альбом Виниуса и многое другое, но приоритетом все-таки остается публикация наших традиционных изданий — каталогов. Поэтому вполне закономерно появление объединяющей наши творческие устремления идеи расширить рамки библиографической литературы — создать такое совместное обобщающее единственное в своем роде издание «Наследие Библиографа...», которое должно включить, кроме уже изданных академических указателей, ценнейшие справочники, каталоги, словари по истории книги, антикварно-букинистические каталоги, показывающие тенденции развития книготорговли в России на рубеже XIX—XX веков. Составлялись эти описания известными русскими учеными, меценатами, владельцами частных библиотек. Они вполне могут удовлетворить необычайно возросший в последние годы интерес к Российской истории, отечественной словесности, богатейшему духовно-нравственному наследию.

Собрать такую библиотеку было занятием чрезвычайно трудным и сложным. Однако многолетняя работа увенчалась успехом — «Библиотека библиографа» позволяет здесь и сейчас работать со всем разнообразием дореволюционной литературы. Библиография периодических изданий и росписи их содержания помогут легко и быстро найти материалы по определенной теме, выявить статьи того или иного автора, обобщить публикации за определенный период.

Цель их переиздания — открыть для читателя огромный пласт литературы, который многие десятилетия был недоступен широкому кругу читателей. Каким образом попадали эти антикварные шедевры в российские библиотеки точно неизвестно, да и читатель эти книжные сокровища не видит, разве на каких-то редких значимых выставках. Поэтому задача издателей заключалась в том, чтобы выявить в фондах, запасниках библиотек Москвы, С.-Петербурга, Сибири, Урала и др. эти редкие сокровища, национально значимые справочные издания, репринтно переиздать их, а сведения об уже вышедших книгах поместить в специальный каталог.

Найти сегодня полные комплекты, например, антикварно-букинистических каталогов чрезвычайно сложно. Даже в крупнейших библиотеках страны имеются невосполнимые

лакуны. Лишь редкие библиофилы и книгопродавцы имеют в личном распоряжении оригиналы каталогов знаменитых антикваров, и только единицы — полные комплекты!

Библиографические справочники и словари как зеркало отражают этапы развития общества. По тематическому их составу прослеживается вся история нашего государства от боярской Руси, Российской Империи, Советского союза, Российского государства. В них описывается литература, так или иначе касающаяся всех изменений, происходящих во всех областях культуры, политики, науки нашей страны.

По замыслу «Наследие Библиографии» должно пропагандировать из фондов различных библиотек библиографические издания, которые на сегодняшний день носят статус антикварных, способствовать распространению исторических, философских знаний, знакомить с биографиями писателей, ученых, историческими документами и библиографическими редкостями, указателями по географии, топографии, этнографии, статистике, различными тематическими обзорами. Оно открывает перед читателем «секретную кладовую за семью печатями», полную редчайших, драгоценных дореволюционных изданий справочной литературы. Общение с ними будет интересным, поучительным, доставит много неожиданной и непредвиденной информации.

Сегодня в «Наследии...» представлено более 250 изданий, что составляет около 450 томов. Показательно, что его ядро составляют каталоги книг, хранящихся в БАН. Это уникальное издание дает многим поколениям исследователей единственную возможность полностью ознакомиться с собранием исторических документов различного характера, хотелось бы привести названия некоторых работ из этого каталога, чтобы представить всю грандиозность осуществленного проекта.

Особая ценность библиографии В.И. Межова Литература русской географии, статистики, этнографии за 1859—1880 годы: в 9 т.: в 22 вып. заключается в том, что в это издание включены статьи не только из центральных журналов и газет, но и всех губернских ведомостей, сборников и памятных книжек. Некоторые статьи снабжены аннотацией; в указателе представлены рецензии на важнейшие книги и статьи по данной тематике. Начиная со второго каждый том снабжен алфавитно-систематическими указателями.

«Сибирская библиография» В.И. Межова подвела итог всех ранее изданных разрозненных библиографий по различным сюжетам развития Сибири.

«Словарный указатель по книговедению», составленный известным библиографом и книговедом Августой Владимировной Мезьер (1869—1935), является ценным пособием для всех любителей книги и профессионалов книжного дела. Указатель представляет собой библиографию (дореволюционную, зарубежную, советского периода до 1923 г.) по вопросам общего книговедения, библиографии, библиотечному делу, книжной торговле, полиграфии, журналистике, самообразованию, изучению читателя, архивному делу.

«Подробный словарь русских гравированных портретов», составленный известным историком искусства и коллекционером Дмитрием Александровичем Ровинским (1824—1895), представляет собой драгоценный памятник для ознакомления с искусством гравирования в России и Западной Европы.

Составленное и изданное Ульянинским Дмитрием Васильевичем (1816—1918) описание его библиотеки — одно из лучших и надежных библиографических пособий дореволюционного периода, не утратившее до сих пор научную ценность. Здесь представлены описания материалов по темам: история русского просвещения и литературы, история российского дворянства, генеалогия, геральдика, внешняя политика Московской Руси до начала XVIII века и др.

Сопиков Василий Степанович (1765—1818) в подробном справочнике «Опыт российской библиографии: в 2 т.» описал свыше 13,2 тыс. произведений печати. Это наиболее полный свод книг на русском и церковно-славянском языках за период с конца XV до начала XIX века.

Роспись библиотеки Смирдина Александра Филипповича (1794—1857) содержит около 10 тыс. названий и является прямым продолжением «Опыта российской библиографии» В. С. Сопикова. Это библиографическое издание, необходимое для всех, кто занимается историей. Помещенные в указателе справочники делятся на следующие группы: энциклопедические и биографические словари, всеобщие календари и т. д.; межведомственные и ведомственные справочные издания: адрес-календари, памятные книжки и т. д.; юбилейные издания справочного характера; исследовательские работы (монографии и статьи), содержащие материалы справочного характера.

Уникальным является «Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский» В. Н. Татищева — русского историка, географа, этнолога, которому удалось систематизировать большое количество исторических терминов, географических и этнографических понятий. Начав по поручению Петра Великого картографическое и географическое изучение России, он убедился, что знание географии страны невозможно без изучения ее истории. В. Н. Татищев заложил основы этнографии и источниковедения, введя в научный оборот собранные им основные летописные памятники.

Составленное и изданное Ульянинским Дмитрием Васильевичем (1816—1918) описание его библиотеки — одно из лучших и надежных библиографических пособий дореволюционного периода, не утратившее до сих пор научную ценность. Здесь представлены описания материалов по темам: история русского просвещения и литературы, история российского дворянства, генеалогия, геральдика, внешняя политика Московской Руси до начала XVIII века и др.

Даже эти несколько описанных каталогов говорят о большой значимости и уникальности «Библиотеки наследия библиографа». Теперь у любителей книжности есть путеводитель в огромном океане самой разной информации.

Библиотечные сокровища ждут своих исследователей и, надо полагать, что изучать их и пользоваться ими будет не одно поколение. Перед ними откроются неизведанные горизонты. Список «Наследия Библиографа» будет пополняться новыми находками, которые так необходимы нашим читателям. Тем, кто осваивает эти знания, можно отнести известное высказывание: «Тот, кто владеет библиографией, владеет информацией, кто владеет информацией — владеет миром». Вот такие перспективы открывает то, что мы называем Библиографией.

В данном сообщении мы представили лишь небольшую часть опубликованных в XIX — начале XX в. каталогов, каждый из которых ярко характеризует свойственный только ему тип описаний:

«Альдины» Библиотеки Академии наук / сост. Е. Н. Краснова, отв. ред. Е. А. Савельева. — СПб., 2006. — 508 с. — (Мемориальный проект).

Библиотечное дело и библиография в мире современной науки: к 70-летию со дня рождения доктора педагогических наук, профессора Валерия Павловича Леонова: указатель публикаций. — СПб.: БАН, 2012. — 72 с.

Библиотека Петра I: описание рукописных книг / авт.-сост. И.Н. Лебедева, отв. ред. И.М. Беляева. СПб., 2003. — 432 с.

Богемисту о Славянском фонде Библиотеки Российской академии наук: путеводитель по фонду / сост. О.В. Гусева, Е.В. Комиссарова; отв. ред. В.П. Леонов. — СПб.: БАН, 2000. — 69 с.

Бубнов Николай Юрьевич: биобиблиографический указатель: к 75-летию со дня рождения / вступ. стат. Ф.В. Панченко. — СПб.: БАН, 2012. — 78 с.: ил.

Газета «Санктпетербургские ведомости» XVIII века: указ. к содержанию 1771—1775 гг. / отв. ред. Н.В. Колпакова; отв. сост. Н.С. Трофимова; науч. ред. Е.В. Анисимов. — СПб.: БАН, 2012. — 1051 с.

История Санкт-Петербурга-Петрограда, 1703—1917: Путеводитель по источникам: в 3-х томах / Б-ка Рос. Акад. наук; отв. ред. В.П. Леонов. — СПб., 2008.

История костюма в России с древнейших времен до наших дней: Библиографический указ. кн. и ст. на рус. яз., 1710—2007 / Б-ка РАН; сост. А.Э. Жабрева; отв. ред. Н.А. Сидоренко. — СПб.: БАН, 2008. — 480 с.

История Чехии в собрании Славянского фонда БАН. Вып. 1 / сост. О.В. Гусева, Е.Ю. Шаповал — СПб.: БАН, 2005. — 74 с.

Каталог книг из собрания Аптекарского приказа / сост. Е.А. Савельева; отв. ред. И.М. Беляева. — СПб.: Альфарет, 2006. — 384 с.

Каталог книг личной библиотеки М.В. Ломоносова в Библиотеке Российской академии наук и других учреждениях Санкт-Петербурга / науч. рук. В.П. Леонов; отв. ред. И.М. Беляева. — СПб.: БАН, 2011. — 184 с.: ил.

Книги из собрания Андрея Андреевича Виниуса: Каталог / сост. Е.А. Савельева; отв. ред. И.М. Беляева. — СПб.: БАН; Издательство «Альфарет», 2008. — 440 с.: ил. — (Серия «Мемориальный проект»).

Крачковский Игнатий Юлианович (1883—1951): Биобиблиограф. указатель / отв. ред. Н.В. Колпакова. — СПб.: БАН, 2007. — 232 с.

Кубасов И.А. Каталог изданий Императорской академии наук. Ч. I-III, Прибавление с уточн. / И.А. Кубасов; Б-ка акад. наук; вступ. ст. Т.В. Кульматовой. — Репринт. изд. 1912—1916; 1924 гг. — СПб.: Альфарет, 2007. — 612 с., 1 л. портр. — (Серия «Мемориальный проект»).

Лебедева Ирина Николаевна: биобиблиографический указатель: к 80-летию со дня рождения / сост.: И.М. Беляева, В.А. Клишева. — СПб.: БАН, 2012. — 24 с.: ил.

Межов В.И. Литература русской географии, статистики, этнографии за 1859—1880 годы: в 9 т.: в 22 вып. — Репринтное издание 1861—1883 гг. — СПб.: Альфарет, 2008.

Межов В.И. Сибирская библиография: указатель книг и статей о Сибири на русском языке и одних только книг на иностранных языках за весь период книгопечатания: в 3 т. — Репринтное издание 1891—1904 гг. — СПб.: Альфарет, 2007.

- Мезьер А. В.* Словарный указатель по книговедению. — Репринтное издание 1924 г. — СПб.: Альфарет, 2007. — 492 с. — (Серия «Библиографическое наследие»).
- Подробный словарь русских гравированных портретов: в 4 т. / Сост. Д. А. Ровинский. — Репринтное издание 1886—1889 гг. — СПб.: Альфарет, 2007.
- Почаевский сборник / отв. ред. Н. В. Колпакова. — СПб., 2006. — 216 с.
- Савельева Елена Алексеевна: биобиблиографический указатель: к 75-летию со дня рождения / отв. сост. А. А. Романова; вступ. ст. В. П. Леонов. — СПб.: БАН, 2012. — 28 с.
- Сербская книга XVIII — начала XX вв. в Славянском фонде БАН: Каталог кн. выставки / сост. Е. В. Комиссарова; отв. ред. В. П. Леонов. — СПб.: БАН, 1998. — 76 с.: ил.
- Собрание польских старопечатных книг в Славянском фонде БАН. Вып. 1: Несвижская ординатская библиотека Радзивиллов (Реконструкция по архивным источникам) / сост. О. В. Гусева, отв. ред. В. П. Леонов. — СПб.: БАН, 2005. — 368, [5] с.
- Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии: в 2 т. / ред., примеч., доп. и указания В. Н. Рогожина. — Репринтное издание 1904—1906 гг. — СПб.: Альфарет, 2006.
- Татищев В. Н.* Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский: в 3 ч. — Репринтное издание 1793 г. — СПб.: Альфарет, 2008.
- Указатель трудов Императорского Православного Палестинского Общества (1881—2007 гг.) / Библиотека Российской академии наук, Императорское Православное Палестинское Общество; науч. рук. В. П. Леонов; отв. ред. Н. Н. Лисовой. — Изд. 2-е, испр. и доп. — СПб.: БАН: Альфарет, 2009. — 444 с.: 45 ил.
- Ульянинский Д. В.* Библиотека Ульянинского Д. В.: в 3 т. — Репринтное издание 1912—1915 гг. — СПб.: Альфарет, 2006.
- Украинская книга в фондах БАН: каталог книжных выставок Славянского фонда БАН 2008—2009 гг. / сост. О. Л. Волкова; отв. ред. В. П. Леонов. — СПб.: БАН, 2009. — 88 с.: ил.
- Шемиот В. П.* Систематический и алфавитный указатель изданий Императорской академии наук: в 2 ч. / сост. В. П. Шемиот; вступ. статья Т. В. Кульматовой. — Репринт. изд. 1872. — СПб.: Альфарет, 2007. — 524 с. — (Серия «Мемориальный проект»).

БИБЛИОТЕКА — «ДУША» ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ XVIII—XIX вв.

Н. В. Колпакова

Потрясения, обрушившиеся на Россию в 90-е годы XX столетия, вызвали кризис морально-этических норм в нашем обществе, который породил равнодушие, неверие большей его части к позитивным действиям в преодолении, привел к утрате патриотизма, дискредитации таких понятий, как добро, гуманизм и, наконец, любовь к своему ближнему. Произошли изменения в восприятии нравственно-духовных аспектов. Идеи государственных институтов расходятся с идеями повседневной практической жизни человека. Предлагаются различные, абсолютно нежизнеспособные идеи (от славянофильства, национализма, монархизма до политических, экономических, социальной справедливости и мн. др.), и никакая из них не пользуется популярностью. Путь к чему-то единому, что сплотило бы, объединило наш народ, будет непростым и нелегким.

Тем не менее самая правильная идея на все времена лежит рядом, на поверхности, и высказал ее «наше все», гениальнейший провидец Александр Сергеевич Пушкин:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу
Любовь к родному пепелищу
Любовь к отеческим гробам.

Емко и точно, как все у него. Своеобразное завещание потомкам о том, что нужно любить Родину, свое «родовое гнездо», быть верным памяти своих предков, оно могло бы стать основой, так называемой системы ценностей, разрабатываемой нашими идеологами.

Нужно просто обратиться к историческому прошлому России, которое постепенно стирается, нивелируется в сознании людей. Если забываются имена героев Великой Отечественной войны, которая еще совсем близко, то, что же можно сказать о героях войны 1812 года — времени небывалого патриотизма. Мало, кто из представителей современного поколения знает, как жили наши предки, где была та самая «колыбель», из которой выросли русские патриоты, какими идеалами они руководствовались, **из чего складывалась их духовная жизнь**. В культурном наследии XVIII—XIX вв., времени наивысшего духовно-патриотического развития нашего государства, остались свидетельства в литературных произведениях, мемуарах, живописи, архитектурных памятниках, указывающих на то, как формировались сознание, вкусы, предпочтения передовых слоев российского общества, какая огромная роль в воспитании особой морально-этической нравственности в это время принадлежала дворянским усадьбам — места, дававшего ощущения свободы, возможности творчества, именно

здесь в основном была сосредоточена культурная и бытовая жизнь их хозяев. Это было особое жилище — «родовое гнездо», где рождались, жили и умирали несколько поколений его населявших, где сохранялась историческая память (могилы предков, обелиски и руины, посвященные им). А поскольку земли, как правило, выделялись «радеющим» за государство или отличившимся в боевых сражениях по защите Отечества, то это были люди достойные, которыми гордились последующие поколения.

Русская усадьба во многом определила жизнь тех, кто в ней проживал. Она осмысливалась как символ российской культуры, остались ее изображения на картинах, сделанные как художниками-любителями, так и известными профессионалами. Изумительная природа средней полосы, искусно подправленная умельцами: рукотворные озера, шикарные дубовые аллеи, спрятанные как бы в укромных местах античные скульптуры, романтические ротонды. Глядя на них, испытываешь какую-то особенную магию, пробуждаются романтические чувства. Только такая атмосфера и может вдохновить на создание гениальных творений. Стоит лишь упомянуть Чайковского, Мусоргского, Фета, Пушкина — перечислять не перечислить (найдется ли малая толика подобных имен в наше время). Усадьба укрепляла веру в свое благополучие, она была родиной владельцу, здесь проходило его детство, сюда он возвращался, чтобы умереть. Покинуть ее навсегда было сродни потере Отечества. Так было, например, с Набоковым, Тургеневым, представителями первой волны эмиграции, которые не смогли найти себя, свой дом на чужбине.

Гармоничное устройство усадьбы, включающее безграничность пространства, открывающееся за пределами усадебного парка, сам парк, обязательно фруктовый сад, непременно озеро, церковь, лесные уголья — все отражало жизненную философию Хозяина, его вкусы и предпочтения.

При ее строительстве выбирался такой живописный природный ландшафт, который вместе с рукотворными гротами, беседками, аллеями, строениями представлял собой настоящее художественное произведение, которое можно было читать, осмысливать, наслаждаться им. Для его создания приглашались известные как русские, так и европейские архитекторы.

Дом обязательно имел террасу, с которой открывался вид, радующий глаз и душу, в нем была большая гостиная с прекрасной мебелью, редкими произведениями искусства, на стенах обязательно фамильные портреты, непременно музыкальная комната, где исполнялись любимые произведения, но, главное, что определяло статус и положение владельца в обществе, самое ценное, что у него было это библиотека — душа имения, которая привлекала всех членов семьи, здесь хранились самые дорогие сердцу сокровища — альбомы, письма, собственные сочинения, а также коллекция книг, которая приумножалась каждым последующим поколением. Издания отвечали вкусам и разносторонним интересам следующего хозяина, кроме художественных, имелась литература по философии, искусству, медицине, строительству, умению вести сельское хозяйство, имелись произведения М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, пьесы Сумарокова, Фонвизина, книги военной и религиозной тематики, мемуары. Цитата из книги А. Н. Греча «Венок усадьбам» (М., 2006. С. 61—62) дополняет впечатление о книжных собраниях владельцев: *«Исключительная своеобразность старинных русских библиотек создается благодаря обилию в них французских книг XVIII века. ...В каждой помещицкой библиотеке Расин и Корнель, Мольер, Буало и Фенелон, энциклопедисты Дидро, Монтескье, Д'Аламбер, Дюваль, сентиментальный Жеснер, изящный шевалье де Буффлер, Лафонтен, Жан-Жак Руссо и, конечно, неизбежный Вольтер составляли обязательное наполнение книжных шкафов. А рядом с этими авторами-классиками*

рослыми шеренгами выравнились тесненные золотом корешки Большой Энциклопедии и “Bibliothèque des voyages”¹ — пространные описания путешествий в Азию, Америку, Индию, на острова Тихого океана Лаперуза, Шардена, Шаппа, письма и мемуары мадам де Севиньи, графа Сегюра, Неккера, труды латинских и греческих авторов в переводах прозой и стихами, изыскания по античной мифологии, археологии, искусству, а в других отделах нередко поселялись сочинения по ботанике, инженерии, фортификации Линнея, Лапласа, [Рюбана]. Бесчисленные авторы, целый мир мыслей, идей и образов заключен в этих томах красивой печати, переплетенных в кожу, с нарядными тисненными на них гербами — *super exlibris*² ами² и монограммами, с гравированными книжными знаками и наклейками торговых фирм на пестрой форзачной бумаге».

Следует добавить, что в этот период весьма популярными были так называемые женские романы, много сочинений нравоучительного толка писалось для детей. Столь разносторонняя тематика книжных коллекций, насчитывающих, особенно в состоятельных имениях, от 5—8 до 15 тысяч томов, указывает на высокий интеллектуальный уровень их владельцев. Каждый новый хозяин бережно сберегал то, что было накоплено предшествующим поколением, приносил новое, согласно времени, что только повышало ценность и расширяло рамки существующего собрания. Владельцы осознавали благотворную роль библиотек в формировании нравственности. Отсюда, конечно же, и естественное желание дать блестящее образование своим детям.

Феномен русской культуры, который заключался в гармонии дома, сада, природы, социально-бытовых условиях, наличии книжных коллекций, способствовал формированию правильного достойного воспитания младшего поколения, уважительного отношения к традициям и старшим членам семьи. Для обучения детей в имение приглашались учителя по основным предметам, а также музыки, живописи, иностранные преподаватели-гувернеры. Создавались необходимые условия для раннего приобщения дворянских детей к мировой литературе и культуре, этому способствовали и совместные чтения, кстати, на появление семейных чтений оказала влияние именно усадебная культура, беседы с гостями, музыкальные вечера. Очень часто в мемуарной литературе известными деятелями того времени упоминается подобное времяпровождение, оказавшее влияние на развитие их таланта и мировоззрения. Читательская культура была настолько высокой, что книга сопровождала ее владельца на всем пути его жизни. С помощью книг решались педагогические задачи, создавался благоприятный климат для формирования характера русских дворян, участвующих в событиях 1812 г. и декабристском движении.

И еще один небольшой отрывок из книги А.Н. Греча, передающий удивительную атмосферу барского дома (с. 94): «*Портреты масляными красками..., акварели висели по стенам, закрывая роспись, не считаясь с нею. С потолка свешивалась здесь чудесная екатерининская люстра в виде урны, извергающей сноп хрустальных слезинок, и подвешенного к ней обруча для свечей, напоминающего распустившийся цветок. ...убранство угловой с разнокалиберной мебелью — диваном и креслами середины XIX века, типично александровским ломберным столом на одной ножке, лампой-чашей на цепях, спущенной с потолка, и типичным старомодным подсвечником с абажуром. На стенах и здесь висели портреты... — дамы в шالях и буклях, мужчины в сюртуках и высоких воротниках крахмальных рубашек. Все обжито интимностью и уютом в этих комнатах, где каждое*

¹ «Библиотека путешествий» (фр.).

² Книжный знак на переплете книги (лат.).

поколение оставляло память о себе в вещах и портретах. ...В открытое окно — дыхание теплого вечера, несущее медовый запах цветущей липы, движение воздуха, чуть колеблющее пламя свеч, — и от этого появляются блики на позолоте рамы, на полированном дереве стола, в гранях хрустальной вазы. А за столом, сидя на мягком диване, так хорошо мечтать о дальних странах над каким-нибудь иллюстрированным томом «*Bibliothèque des voyages*», глядя на итальянский ландшафт, искусно нарисованный на экране подсвечника».

Рассвет дворянских усадеб пришелся на конец XVIII — середину XIX в. Именно в это время усадьбы распространились по всей европейской части России, их было — тысячи. Они принадлежали как известным фамилиям Отечества, так и жителям провинциальных городов и становились местом распространения информации, охватывающей все стороны русского общества.

К концу XIX в. усадьбы, в связи со сложившимися общественно-политическими обстоятельствами, теряют свое основное значение как центры патриотического, гуманитарного, воспитательного и других направлений. Они начинают постепенно «дряхлеть» и превращаться в своеобразные «дачи», куда выезжали отдыхать на лето.

С началом XX в. окончательно и бесповоротно закончился золотой век усадебной культуры. Вся ее дальнейшая история — это печальная судьба об уничтожении абсолютного большинства старинных имений в годы революционного лихолетья и нежелания сохранить их.

Предпочтения, вкусы, мода — все меняется. Неизменными остаются подлинная красота и вечные истины, которые питали умы наших гениев. Именно эти постоянные величины настолько связаны между собой, что исчезновение даже самого маленького звена в этой цепи влечет невозполнимые потери. Вот таким ударом, разрушившим эту преемственность поколений, патриархальную усадебную жизнь, многовековые культурные связи, явилось великое потрясение, постигшее Россию в 1917 году. Исчез целый пласт русской истории. Обезумевшие от вседозволенности люди не ведали, что делали — разбирали на кирпичи архитектурные шедевры, разламывали мебель, разбивали скульптуры, вырубали редкие виды растений, которые определяли планировку парков: вековые дубы, липы. Пруды превращали в свалки. Но самое ужасное, варварски расхищали то, что собиралось столетиями, составляло гордость не только владельцев усадьбы, но и всей русской культуры. Новые хозяева имений — беднота, беспризорные — использовали книги на растопку, кожаные переплеты шли на починку обуви. Книги горели вместе с усадьбами. Нередко они разворовывались. Конфискованные книги передавались в школы, иногда библиотеки, они гибли, бесследно исчезали, вывозились мешками в неизвестном направлении. Любопытная цитата о судьбе библиотеки в усадьбе «Рождествено» из книги Греча (с. 54): «В громадном длинном зале, занимавшем целое крыло дома, были целы еще монументальные шкафы, вмещавшие огромную библиотеку, бесследно исчезнувшую, частью погибшую и обезличенную в хаосе вывозов, бросивших отдельные тома на мостовые книжных развалов Сухаревки, Смоленского рынка и Китайской стены, где новые чудачливые собиратели переживали в годы революции радость находок и открытий».

Однако самое страшное было впереди — то, что не уничтожила тогда неуправляемая толпа, продолжает вот уже много лет разрушаться, исчезать на наших глазах. К слову сказать, известная усадьба «Троицкое», принадлежавшая роду Дашковых, пережила нашествие Наполеона, устояла в двух мировых войнах, уцелела во время коллективизации, а в наши дни практически уничтожена. Дом превратился в руины. Безразличие государственных институтов, равнодушие нерадивых чиновников делают свое черное дело. Лишь немногим усадьбам повезло

и то лишь потому, что в них были устроены санатории для советской элиты, дома отдыха, музеи (Абрамцево, Останкино, Никольское-Гагарино, Ярополец (Гончаровых), Горенки...).

Переосмысление культурного развития России в советский период должно было включить исследование такого русского феномена, как русская усадьба, но все было ограничено, к сожалению, только созданием в 1922 году общества по ее изучению, однако от него ничего не зависело. Оно могло давать лишь рекомендации, от которых имения не переставали разрушаться. Председателем этого Общества был назначен Алексей Николаевич Греч. Судьба его оказалась трагической, как и судьба целого поколения советской интеллигенции. Какое счастье, что он успел запечатлеть на бумаге то, что на протяжении двух столетий вдохновляло русскую поэзию, литературу, искусство. Рукопись его была обнаружена в архивах Исторического музея и опубликована уже в наши дни. К сожалению, многие усадьбы, которые он описывал, уже разрушены, от них остались лишь еле уловимые аллеи, заброшенные пруды и руины. И ничего уже не сделаешь. В 1992 г. Общество было воссоздано и теперь объединяет сотни людей разных профессий, но и в их силах невозможно сделать что-то осязаемое. Без поддержки государства и крупных частных компаний все обречено на забвение.

В настоящее время в условиях, когда у государства нет средств на поддержание культурного наследия, передача усадеб в частные руки — положительный фактор. Однако, если бизнесмен приспособливает старинное сооружение под свои личные потребности, да еще возведет вокруг него высоченную ограду, то судьба памятника обречена на гибель. Если же новый владелец усадьбы — человек образованный, то есть надежда на то, что он хоть каким-то образом, хоть немного сможет своими устремлениями приблизиться к тому, что изначально собой представляло, но это при условии, что он обратится к специалистам-историкам, архитекторам, искусствоведам, библиографам, ботаникам и воспользуется их рекомендациями. К сожалению, большинство современных владельцев не обладает художественным вкусом в отличие от дореволюционной аристократии.

Современная усадьба, безусловно, отличается от старинных усадеб. Это может быть элитный дом в стиле хай-тек или оформленный в соответствии с классическими традициями, но важен все-таки не стиль, а проживает ли в нем постоянно владелец со своей семьей, какой духовной атмосферой он наполнен, которая, кстати, включает и зеленое обрамление дома: парк, водоем, сад.

Словосочетание «русская усадьба» — и перед глазами возникает картина: полуразрушенный барский дом, заросшие липовые аллеи, где, кажется, слышится таинственный шепот, и осторожные шаги. Мир сельских поместий полон ностальгических воспоминаний, которые и порождают желание возродить нечто похожее и уже воочию почувствовать всю прелесть быта и правильность жизненных устоев.

Да, создать то, что было, — невозможно, но воссоздать обязательные атрибуты старинных поместий вполне по силам состоятельным людям. Сейчас у них есть все. Казалось бы, все начальные потребности удовлетворены, но для поддержания статуса занимаемого положения нужны особые предметы. Ими могла бы стать, кроме интересных деталей (высокохудожественных картин, мебели), конечно же библиотека, которая всегда была главным украшением дворянских усадеб.

Для хранения книжных собраний выделялись особые, лучшие помещения дома, подбирались мебель, особым образом обустраивался интерьер. Сейчас есть возможность собрать библиотеку под стать той, которой владели наши предки и сегодня она могла бы стать гордостью хозяина большого состоятельного дома.

Тем более, что есть издательства, которые выпускают редкую литературу. Одним из таких является С.-Петербургское издательство «Альфарет», которое недавно осуществило уникальный проект под названием «Библиотека библиографа», своеобразное готовое руководство к составлению желаемой библиотеки. В него вошли редкие библиографические справочные издания XVIII—XIX вв., по которым и возможно воссоздать замечательные усадебные библиотеки (большинство из них были разграблены, уничтожены в то самое кровавое время). Составители этого уникального каталога находили, выявляли литературу подобного плана в библиотеках по всей стране. В итоге все эти справочники были описаны в одном указателе. Кроме того, это издательство факсимильно воссоздает редкие коллекции дореволюционной литературы (кожаный переплет, золотое теснение, ручное шитье, специально подобранная бумага), которые станут украшением любой солидной библиотеки. Осуществляя переиздание уникальных книжных раритетов, издательство «Альфарет» совместно с библиотекой Российской академии наук, Российской национальной библиотекой и другими крупнейшими владельцами редких фондов активно участвует в Программе Правительства Российской Федерации по сохранению книжных фондов, а также замены редких экземпляров прекрасной копией для предоставления читателям. Здесь важно понять, что приобретая такие редкие фолианты, человек вкладывает деньги, которые со временем принесут их владельцу, как и любой ценный вклад, дивиденды в будущее его семьи. Обладание книгами доставляет свои особенные радости. Частная библиотека — одна из возможностей продемонстрировать свой вкус и достаток, для многих это всего лишь элемент престижа или интерьера, ими не всегда движет любовь к чтению, поэтому реальную стоимость книг не все осознают — они всегда были дорогим удовольствием. Судя по репертуару дворянских библиотек, можно сделать вывод, что их владельцы тратили огромные средства на их приобретения. И это все окупалось сторицей — блестящим образованием, начитанностью, знанием языков, этическими нормами, чем и отличались те молодые люди от современной молодежи.

К сожалению, предпринимателей, готовых вложить средства в покупку бывших усадеб, в их восстановление не так много. В основном же ими занимается государство, а здесь действуют «законы» чиновников, которые не торопятся, да и куда им спешить — подумай, исчезнут еще одни руины, тем лучше, земля пойдет с молотка. Вот здесь на память и приходит известный афоризм польского писателя Станислава Ежи Леца: «Чтобы попасть к источникам нужно плыть против течения». Как же трудно, но находятся люди и в наше время, которые вопреки всему «плывут» и кладут собственную жизнь на алтарь возрождения русской культуры.

О восстановлении усадеб заговорили именно в связи с сохранившимися реликвиями и, главное, книгами. Старые семейные фотографии, архивы, письма оказались у потомков дворянских родов, которые готовы передать их с целью воссоздания времени, канувшего в лету. Многие уже тогда берегли дух старины, дорогие их сердцу вещи. В результате для истории уцелели уникальные предметы усадебного быта.

Одно радует, что в обществе есть здоровые силы, способные воспрепятствовать грабительским интересам определенной группы людей (отчуждение земель, незаконные постройки на мемориальных территориях, вырубка зеленых насаждений). В этой связи хочется опять вернуться к Пушкину, с которого мы начинали. Только с ним, по словам известного защитника отечественной культуры Саввы Ямщикова, можно поставить заслон на пути «новой» недобросовестной элиты, иначе канем в бездну.

МАСОНСКАЯ БИБЛИОТЕКА КАК ЭЛЕМЕНТ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. В. Колпакова

В последние десятилетия в связи с обретением Российской государственности усиливается потребность в изучении фактов и событий, составляющих предмет русской истории (особенно эпохи XVIII—XIX вв. — бурного подъема патриотических настроений, культурно-просветительских тенденций, масонских обществ). Исследуются все гуманистические направления развития России того периода. В этой связи духовный потенциал интеллектуальной части ее населения — передового дворянства — представляет особый интерес.

Начиная с петровского времени в страну вместе с массой заграничных диковинок завозилось большое количество литературы, а вместе с ними всевозможные идейные доктрины различных иностранных обществ.

Поначалу русские люди относились к этим «новинкам» как к очередной «забаве», но, тем не менее, следует сказать, что все необычное и выходящее за пределы устоявшихся канонов и понятий всегда будоражило их умы и вызывало повышенный интерес. На книжных полках стали появляться книги в основном на немецком языке различного содержания и толка. Здесь были эзотерические сочинения, богословские труды, философские и исторические трактаты. Запросы жизни быстро повышались, ее политическая составляющая выступила на первый план. Влияние иностранцев на внешнюю политику и масонства на политическую жизнь России стали играть громадную роль.

Постараемся уловить некоторые основные тенденции развития «инакомыслия» в образованных кругах Российской империи и определить соответствующую ему книжную конъюнктуру.

Вся история масонства была полна взлетов и падений, метаний среди множества общественных и религиозных веяний. Чтобы не говорили о масонстве как его сторонники, так противники, оно на длительное время стало единственной светской идеологией представителей русского дворянства. Такие масонские ценности, как Свобода, Равенство, Братство, Вера, стали для них путеводными звездами в океане жизни, ориентируясь по которым, они стремились верным путем вести тогдашнее общество. Не следует забывать, что вплоть до конца XIX в. масонство являлось уделом исключительно дворянского сословия, во многом определявшего жизнь и уклад общества, оно всегда стремилось «брать хорошего человека и делать его еще лучше», делать его личностью искренней и глубокой Веры и высочайшей, кристальной Нравственности.

Начинается поиск идей национального самосознания, наступает самая блестящая эпоха тогдашней России — «эпоха надежд возвышенной юности». Появляются «вольнодумцы» и «высокие умы», они все «набирались сведений», необходимых для общественной деятельности, пытались «ума искать».

Так сложилось традиционно, в отличие от западных стран, где общественная деятельность ограничивалась городами, все проявления социальной, культурной, политической жизни Российского государства были заключены в дворянских поместьях (см.: журнал «Петер. библ. школа» 2013. № 2. С. 3—8), и новые веяния быстрее доходили до провинции, чем о них узнавали в городах. (По статистическим данным за 1905 г. в 47 губерниях России насчитывалось 105 739 усадеб — это абсолютный феномен исключительно российской жизни). Обитатели сельских владений как камертон отзывались на все события и их культурная жизнь не была оторвана от реалий, происходящих в стране, а если учесть, что в каждой из этих усадеб была библиотека, которая постоянно пополнялась новинками, то можно представить, какой интеллектуальный уровень имели их обитатели. Почти все выдающиеся люди России XVIII—XIX вв. — дворяне, воспитывались на книгах принадлежащих им усадебных библиотек. Своими путеводителями по внутреннему миру они выбрали западных идеологов. В век Екатерины их вниманием овладели французские энциклопедисты — Дидро, Руссо, Вольтер (которые были выразителями западной масонской нравственности), «заразившие» русскую аристократию чуждыми ей идеями. Их сочинения в большом количестве «подвинули» на книжных полках прежних иностранных авторов. Увлечение ими стало повальным. Они заняли «почетное» место во владельческих библиотеках. Французская литература стала основным чтивом аристократов. Однако столь «болезненное» увлечение ею привело, естественно, к разочарованию в идеях французских просветителей. Приходит осознание отрицательного влияния вольтерианства на русские умы.

Подобная зараженность французской атеистической и рационалистической философией создала чрезвычайно удобную почву для распространения масонства разных направлений. Зная особенности русской души с ее бесконечными исканиями, можно представить, какое разнообразие литературы появилось в обществе, кроме нравоучительных повествований, сатирических журналов, затрагивающих проблемы чести, совести, порядочности, правдивости до проповедования оккультизма и натурфилософии, таинственных изысканий «ученых» и магов по отысканию философского камня и изучению чудес природы (книги по мистике находились в каждой владельческой библиотеке; например: Иллюстрированная история Суеверий и Волшебства от древности до наших дней. М., 1901; Истолкование снов по Астрономии, происходивших по течению луны. М.: Университетская типография, 1768; Плоды Меланхолии, питательные для чувствительного сердца. М.: Университетская типография, 1766 и мн. др.).

Масонская западная философия с отрицательным отношением к религии полна темных и мрачных пророчеств, в ней говорилось о началах и концах, рождении и гибели, мировых катастрофах, поэтому ее влияние на российское общество было огромным, однако оно не оказалось для него губительным. Этому способствовало Православие, которое усиливало духовное пробуждение русских людей и вырабатывало новый нравственный идеал личности. Именно в масонстве произошла трансформация русской души. Отсюда всплеск интереса к религиозной литературе: вопросы веры, совести, чести приобрели более острое звучание. Для отечественных писателей-масонов открылась жизнь, много сложнее той, что предлагали им, поэтому они искали свои истины в природе, искусстве, в борьбе с «темными» силами. Романтический герой отражал тоску автора по идеалу, который он мучительно искал в представлениях о мире различных народов. В этот период таинственность, романтизм, мистицизм, волшебство стали свойственны светской художественной литературе, — рыцарские баллады на сюжеты западных сказаний, исторические повествования о «глубокой, седой старине» про древних славян, женские романы, полные мистицизма, про неземную любовь. Они были

необыкновенно популярны и служили, прежде всего, средством эмоционального воздействия на людей. К сожалению, в настоящее время об этой литературе почти забыли, по крайней мере, широкому читателю она неизвестна. А жаль, — это очень интересный пласт нашей книжной культуры.

Огромная заслуга в просвещении русского народа принадлежала известному масону Николаю Новикову. Человек энциклопедических знаний владеющий иностранными языками, меценат и благотворитель, он учредил в Москве Дружеское ученое общество, которое было преобразовано в Типографскую компанию. Она стала одной из лучших в Европе. К 1788 г. в ней печаталось около половины всей книжной продукции России (философские книги, труды экономистов Англии, сочинения российских авторов XI—XVIII вв.).

Во многих городах России им были созданы книжные лавки. Ни в короткой статье, ни в толстой книге нет возможности перечислить все, что вышло из стен его типографии. Это учебники, литературные произведения, научные и философские труды, работы русских и зарубежных теологов. Большая часть этих книг никогда в России не издавалась, многие из них были впервые переведены с латинского и немецкого языков, за свою жизнь он издал больше книг (не по тиражу, а по названиям!), чем было опубликовано до него за всю историю государства Российского. Новиков старался представить широкому читателю лучшие образы мировых философских учений, которые только укрепили бы национальное самосознание, возвысили человека над всем суетным, меркантильным, несправедливым, лицемерным и другими пороками, разъедающими общество. Его известные и популярные сатирические журналы, в которых сотрудничали члены масонского общества, «Трутень», «Живописец», «Кошелек» в настоящее время являются редчайшими раритетами. Надо полагать, что основная часть литературы из дворянских библиотек как раз и была издана в его типографии.

Творцами величайших произведений искусств, лучших литературных шедевров стали выдающиеся русские масоны: Александр Сергеевич Пушкин, Александр Васильевич Суворов, Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, Радищев, Сперанский, по некоторым данным в братстве состояли и особы императорского двора. Но список можно продолжить: Сумароков, Новиков, Баженов, Воронихин, Левицкий, Боровиковский, Жуковский, Грибоедов, декабристы — деятели первого этапа русского освободительного движения, А. Григорьев, Волошин, Гумилев, Алданов, Осоргин, Адамович, Газданов. Философско-этические взгляды Льва Толстого были очень близки масонству, что он сам признавал. Одно простое перечисление этих великих имен говорит о том, что масонские ложи России объединяли лучших людей страны — в них концентрировалась атмосфера напряженных духовных исканий.

Деятельность масонских обществ периодически разрешалась, периодически преследовалась. Дело в том, что к ним, ставшим заметным явлением в России, власти относились настороженно, поэтому их издания изымали из продажи, запрещали и даже сжигали целые библиотеки. То, что дошло до нашего времени, это «капля в море» от того огромного количества книг о масонстве, которые находились у их обладателей.

Так, до нас дошли немногочисленные масонские библиотеки: известного археолога и знатока древностей А. Д. Черткова (поделена между Научной библиотекой Воронежского государственного университета и Исторической библиотекой в Москве); библиотеки М. Ю. Вильегорского и А. С. Норова, поступившие в Румянцевский музей; библиотека Арсеньевых, которая сложилась в семье, на протяжении всего XIX века хранившей традиции «вольных каменщиков». В нее вошли книжные собрания виднейших масонов прошлого времени (Новикова, Шварца, Поздеева и др.), а также мистические книги XVI—XVIII веков

на европейских языках из библиотеки В. А. Бибикова. Рукописный каталог библиотеки Арсеньевых содержит 2288 наименований масонских книг и рукописей. В БАН и РГБ также имеются редкие книги, относящиеся к масонству. Повезло библиотеке С. С. Ланского, которая была целиком передана в Румянцевский музей. Самой известной из масонских библиотек является собрание известного историка и археолога А. С. Уварова. Начало ее положил еще в конце XVIII века министр народного просвещения А. К. Разумовский, продолжил собирательство его наследник на министерском посту С. С. Уваров (отец последнего владельца). Целиком библиотека содержит около 9 тысяч книг, но ее масонская часть включает примерно 1800 названий. К счастью, до нас дошло Библиографическое описание книг библиотеки Д. М. Остафьева, где он, не задаваясь дать полную картину масонства, представил некоторые библиографические материалы для его изучения, а также близкие к масонской литературе издания по мистике, гностицизму, алхимии и так называемым тайным наукам («Русский библиофил», 1913. № 3. С. 104).

За последнее десятилетие Библиотека Академии наук совместно с издательством «Альфарет» осуществила несколько беспрецедентных проектов по нахождению, восстановлению, переизданию лучших образцов отечественной литературы XVIII—XIX веков:

Исторической.

Библиографической.

Изданий об Отечественной войне 1812 года.

Периодики.

Авторы и составители этих шедевров в разной степени имели отношение к масонству, испытали на себе влияние его философских воззрений, впитали в себя все лучшие идеи и постулаты, под их влиянием сформировали свои взгляды, отношение к жизни, которые и отразили в своих произведениях. Уровень их образованности, духовности, патриотизма и любви к Отечеству вряд ли когда-нибудь кем-нибудь будет превзойден. Не потому ли так важно оглянуться назад и попытаться осмыслить положительное значение орденов Вольных каменщиков России, историю и деятельность тайных обществ. Именно в эту эпоху XVIII—XIX вв. сложился тот образ России, который нам бесконечно дорог и с каждым днем становится все нужнее. Ее слава, история дают ощущение непрерывности. Мы гордимся по сей день тем, что было создано именно тогда.

«Масонская библиотека» — наш очередной, надеемся, не последний проект. Общими усилиями библиотекарей, издателей, просто людей, неравнодушных к прошлому Отечества, было выявлено более 350 томов, которые не переиздавались с момента их выхода в свет. Из них 147 (192) книги уже вышли из печати в репринтном исполнении.

Библиотеку изданий по масонству можно условно разделить на три части: книги (в том числе переводные), которые издавали сами масоны; труды исследователей, которые высказывались в пользу масонства либо, предоставляя читателю большой фактический материал, сохраняли нейтральную позицию; наконец, издания авторов, считавших масонство «мировым злом». Из редких произведений, представленных в ней, читатель узнает о целях и задачах, стоящих перед вольными каменщиками. Многие книги каталога содержат научное описание печатных и рукописных материалов, относящихся к их деятельности (дневники, переписка, акты и другие документы).

Приведем краткое описание некоторых наиболее значимых из них:

Так, издательская фирма Новикова выпускала книги по нравоучительной философии для искушенных знатоков. Перевод книги Августина Блаженного «Святые и душеспасительные

размышления Блаженного Августина» вызывало интерес передовой части русского общества, в его трудах искались ориентиры обновления России. Для масонов изучение жизни Августина становится «восхождением на высоту вечно светлого идеализма, манящего из глубины далеких, темных веков».

Книга известного общественного деятеля Н. Н. Беклемишева «Значение франкмасонства для флота» была популярна в политических кругах. В ней рассказывается о возникновении франкмасонства, его появлении в России, влиянии на экономическую и политическую жизнь различных государств, причастности к военным событиям на международной арене.

В своем труде Доктор Папюс [Анкос Жерар] «Генезис и развитие масонских символов: История ритуалов. Происхождение степеней. Посвящения. Легенда о Хираме» рассматривает происхождение масонских символов, степеней и ритуалов, их значение и развитие, историю образования различных масонских лож. Автор прославился как автор свыше 400 статей и 25 книг по магии и каббале. Он считался видной фигурой в различных оккультных организациях, парижских спиритуалистических и литературных кругах конца XIX—XX столетий.

Иван Владимирович Лопухин (1756—1816) был убежденным масоном, приложившим много стараний для распространения идей ордена среди русского общества, пользовался особым уважением московских «мартинистов», сподвижник Н. И. Новикова. Он был автором масонских изданий, которые представляли библиографическую редкость. Поэтому появление таких его книг, как «Искатель премудрости, или Духовный рыцарь», «Некоторые черты о внутренней церкви» и «Нравоучительный катехизис» вызывали большое внимание в обществе.

Интересна была работа Б. Л. Модзалевского «К биографии Новикова: Письма его к Лабзину, Чеботареву и др. 1797—1815». Борис Львович Модзалевский (1874—1928) — историк литературы, архивист, работал в Архиве Государственного совета, заведовал Архивом Конференции Академии наук, учено-литературные заслуги были отмечены избранием его в члены многих научных и ученых обществ. Все труды историка характеризуются точностью и исчерпывающей полнотой. Этой работой он восполнил недостающие сведения о знаменитом масоне.

Пордедж Джон (John Pordadge, 1601—1681) — медик, английский натуралист, мистик кабалистического типа. В тайной масонской типографии в Москве около 1787 г. был напечатан в трех частях перевод «Божественной и истинной метафизики» («*Metaphysica vera et divina*») Джона Пордеджа. Учение о Боге, как неизреченном свете, содержится чуть ли не у всех мистиков, но наиболее систематически изложенным, простым для восприятия оно представлено только у этого автора в его англоязычном труде, переведенном на немецкий и русский язык.

Переводчиком с немецкого на русский язык был известный масон Иван Петрович Тургенев, директор Московского университета. В свое время эта книга оказала сильнейшее влияние на русских масонов. О Пордедже восторженно отзывался Н. И. Новиков.

Александр Николаевич Пыпин (1833—1904) — крупнейший представитель культурно-исторической школы в литературоведении. Он опубликовал «Исследования и статьи по эпохе Александра I» — плод многолетней работы автора по изучению общественных явлений в России времени правления Александра I. Александр Николаевич излагает свои наблюдения о личности императора, его планы преобразований как в правительственной, так и в общественной среде; настроения политические и религиозные, литературное движение. Отмечает новые явления в религиозной жизни России, ознаменовавшие переломную эпоху, освещает характер и мировоззрение молодого царя, возрождение масонства, возникновение тайных обществ и пр., а также сведения о переходном времени и о последних годах царствования.

Карл Экартсгаузен оставил след в истории мировой литературы благодаря своим многочисленным трудам по философии, религии, эзотерике и оккультизму. Основным направлением его литературного творчества было исследование мистических явлений, изучение теории тайных сил, познание сущности бытия.

Несмотря на довольно резкую критику Экартсгаузеном многих философских и эзотерических течений, масонских постулатов и положений, он был довольно популярен среди дворянской интеллигенции и деятелей масонского движения в России. Во многих его произведениях можно найти идеи, близкие мыслям и высказываниям Парацельса, Фладда, Бёме, Сведенборга и многих других. Иметь эти произведения в своей библиотеке считалось знаком хорошего тона в среде русского дворянства XVIII—XIX вв. Один из философских трудов Карла фон Экартсгаузена «Ночи, или Беседы мудрого с другом...» — это повесть о том, что мудрость и сила духа дается благодаря неустанной работе над собой, что стать мудрым может только человек с чистым сердцем, и о многих других важных для благородного человека вещах. Познание «натуры вещей» становится основной задачей, а высшей целью человека является отрешение от чувственного и переход к духовному. Религия представлена как «истинный путь соединения с Богом».

Книга И. Г. Юнг-Штилинга «Победная повесть, или торжество веры христианской» вызвала бурную полемику не только в среде русского духовенства, но и среди членов Российского Библейского общества. Велико было влияние книги на русских сектантов. Как это ни парадоксально, этот противник французской революции и рационалистов в России прослыл «революционистом и вольтерьянцем». Именно так был аттестован Юнг-Штилинг архимандритом Иннокентием, ректором Петербургской семинарии; эти же обвинения присутствовали в доносе на имя императора (август 1816 года) некоего губернского секретаря Степана Смирнова.

Хотелось бы отметить подвижническую деятельность издательства «Альфарет» в возвращении современному российскому обществу некогда утраченных раритетов, составляющих гордость русского народа. Книги издаются в прекрасном оформлении с учетом всех особенностей оригинала (иллюстрации-вклейки, великолепно выполненные обложки, портреты и рисунки).

УКАЗАТЕЛЬ СПРАВОЧНЫХ ИЗДАНИЙ О ДЕЯТЕЛЯХ НАУКИ И ТЕХНИКИ – НОВАЯ РАБОТА СБО БАН

Н. В. Бекжанова, А. Э. Жабрева, Н. А. Сидоренко

Поиск фактических сведений о персоне является одним из самых востребованных и не всегда легко реализуемых видов справочно-библиографического обслуживания читателей. Биографические словари и справочники в значительной степени помогают разрешению таких вопросов. Созданию более комфортных условий поиска биографических сведений способствуют немногочисленные в отечественной и мировой практике библиографические пособия справочно-биографических изданий. Общий список всех лиц, полученный путем поименной росписи учтенных в указателе словарей и справочников, выступает в роли путеводителя по большому количеству изданий. Опубликованные пособия такого типа широко известны, постоянно используются в работе, т. к. практически не утрачивают своей информационной ценности.

С середины 1990-х гг. работа в этом направлении ведется в Справочно-библиографическом отделе Библиотеки Российской академии наук. Первый тематический выпуск был опубликован в 2012 г. под названием «Участники Великой Отечественной войны на страницах биографических и биобиблиографических словарей и справочников: аннот. библиогр. указ. (1956—2000 гг.)» (СПб.: БАН, 2012. Ч. 1—2. 1094 с.) (http://www.rasl.ru/e_editions/Chelnavoyne_1.pdf; http://www.rasl.ru/e_editions/Chelnavoyne_2.pdf). На апрель-май 2014 г. намечен выход в свет второго выпуска. По аналогии с первым он получил название «Отечественные деятели науки и техники на страницах биографических и биобиблиографических словарей и справочников: аннот. библиогр. указ. (1956—2000 гг.)».

Авторы-составители видели свою цель в том, чтобы очертить репертуар справочно-биографических и подобных изданий о деятелях науки и техники, сложившийся во второй половине XX в., а также представить круг лиц, сведения о которых отразились на страницах сформированной коллекции пособий.

Издания для настоящего указателя (далее Указатель) были выделены из составленной в СБО картотеки универсального содержания, которая носит рабочее название «Русские биографические и биобиблиографические словари и справочники, 1956—2000 гг.» и включает обозначенные в названии и родственные им издания об отечественных деятелях. Часть картотеки, включающая издания о деятелях науки и техники, была существенно доработана и дополнена. В результате для Указателя было отобрано 1286 изданий на русском языке, вышедших в свет в период с 1956 по 2000 г. на территории СССР (после 1991 г. — на территории Российской Федерации).

Основным принципом отбора было тематическое соответствие изданий общей идее готовящегося пособия — «Наука и техника». Авторы-составители исходили из расширительного

понимания терминов «наука» и «техника», рассматривая их как всеобъемлющие и многогранные сферы человеческой деятельности, оказывающие влияние на различные стороны жизни общества и на прогресс в целом. Поэтому в Указатель были включены издания и о крупных представителях фундаментальной и прикладной науки, и о людях, применяющих свои научные знания на практике, в повседневной работе (в том числе, об инженерах, врачах, педагогах и др.).

Авторы-составители руководствовались уже сложившимися традициями формального отбора изданий для Указателя: биографический профиль справочного (или иного) издания в целом или наличие в издании блока биографической информации; наличие в одном издании информации не менее чем о трех персонах; представление биографической информации в издании хотя бы минимальным перечнем фактов (издания списочного характера не учитывались).

Таким образом, наряду с универсальными справочниками (о представителях разных научных дисциплин), в Указатель вошли биографические издания, посвященные деятелям отдельных отраслей науки и промышленности, узкоспециальные биографические словари, издания о сотрудниках различных коллективов (вузов, НИИ и др.), членах научных обществ, об исследователях территорий, регионов, природных объектов, об ученых комплексных научных направлений (славяноведение, востоковедение) и др.

В типовидовом отношении выявленный документальный поток формируется тремя типами изданий: 1) биографическими и биобиблиографическими словарями и справочниками; 2) сборниками биографий; 3) полибиобиблиографическими пособиями. Соотношение указанных типов в данном массиве изданий выражается пропорцией 54:41:5 соответственно. Издания первого типа определенно преобладают в потоке. Доля сборников биографических материалов также значительна. Полибиобиблиографические пособия занимают скромное третье место. Наличие большого процента сборников биографий в выявленном документальном потоке дает основание называть всю совокупность источников информации изданиями коллективной биографии.

Группа изданий **классической справочной биографики** не является однородной и распадается на несколько видов:

- биографические словари и справочники составляют большинство в группе и могут содержать сведения об ученых одного региона, города, вуза; о представителях одной научной дисциплины;
- биобиблиографические словари и справочники помимо биографических сведений содержат списки трудов включенных персон, а зачастую, и литературу о них;
- справочники академий наук, учреждений, обществ — подтип кратких биографических словарей выраженного коммуникативного назначения;
- издания типа «Кто есть кто» могут включать данные о здравствующих деятелях одного учреждения, представителях одной научной специальности, комплексного научного или научно-промышленного направления.

Как правило, **сборники биографий** содержат развернутые очерки о жизни и деятельности представителей науки и техники. Биографический материал чаще изложен в форме научной биографии, реже в научно-популярном или беллетризованном стиле. В данную группу входят также сборники, включающие такие виды биографического сообщения как некрологи, автобиографии, воспоминания, интервью, беседы.

Третий тип изданий коллективной биографии — **полибиобиблиографические пособия** — представлен двумя подтипами: научно-вспомогательными и рекомендательными указателями. И те, и другие включают краткие или очень краткие биографические справки;

библиографические списки трудов, в первом случае, близки к исчерпывающим, во втором — носят выборочный, рекомендательный характер.

Необходимо отметить, что каждый из трех типов публикаций в учтенном массиве мог быть реализован и как отдельная книга, и как составная часть издания (раздел или приложение). В целом, аналитический материал составляет пятую часть Указателя.

Биографическая (биобиблиографическая) справка и биографический (биобиблиографический) очерк — два типа биографического сообщения, которые наиболее часто встречаются в учтенных изданиях; они широко варьируются по объему, полноте, отбору сообщаемых сведений, степени детализации, стилю изложения в зависимости от характера и общего замысла издания. Добавим, что почти половина учтенных изданий содержит портреты деятелей науки и техники.

Говоря о динамике выхода в свет рассматриваемых изданий, следует обратить внимание на значительное количественное нарастание потока, которое началось в 1990-х гг. Половина всех включенных в Указатель книг вышла именно в последней декаде учетного периода (1990—2000), причем ведущим типом справочной биографики становятся издания первой группы, за счет резкого притока собственно биографических словарей и справочников.

Анализ учтенных изданий по месту их публикации позволяет выделить наиболее крупные издательские центры: первое место со значительным отрывом занимает Москва (42 %), на втором месте С.-Петербург (Ленинград) (11 %). Чуть менее половины изданий (47 %) было напечатано в других городах Российской Федерации (СССР), общее число которых приближается к ста.

Говоря о соотношении в выявленном массиве книг о деятелях академической, отраслевой и вузовской науки, необходимо иметь в виду, что большую его часть (59 %) составляют издания, в которых учтены представители российского научного мира в целом, т. е. в одной книге собраны биографические справки и о преподавателях вузов, и о сотрудниках академических и отраслевых НИИ. Ученым Российской академии наук (АН СССР, Императорской АН), ее подразделений, а также академий наук союзных республик бывшего СССР посвящено 14 % изданий, профессорам и преподавателям вузов — 19 %, сотрудникам отраслевых научно-исследовательских институтов и академий — всего 6 % изданий.

Характерной особенностью документального потока является широкая палитра авторских мотивировок и идей при подготовке изданий коллективной биографии. Обращают на себя внимание разнообразие признаков, объединяющих персоны в одно издание, и их сочетаемость.

Анализ учтенных изданий по содержанию показывает, что массив складывается из двух неравных частей: универсальной (~25 %) и отраслевой (~75 %), в соответствии с чем и была построена достаточно детальная структура Указателя.

Часть I «Труды общего характера о деятелях науки и техники» охватывает издания, на страницах которых встречаются представители разных областей знания. Она открывается разделами, посвященными академическим сообществам — Российской академии наук (правопреемнице Императорской АН и АН СССР) и академиям наук республик бывшего СССР. Затем следуют разделы, включающие общие работы об ученых Российской Федерации и ее субъектов. Здесь, главным образом, использован географический принцип отбора материала. В эти разделы вошли издания коллективной биографии республиканских и областных полидисциплинарных вузов (университетов и педагогических институтов), а также издания с обозначенным в заглавии регионом.

Часть II «Труды о деятелях отдельных отраслей науки и техники» разбита на разделы, соответствующие названиям основных классов наук: науковедение и информатика, естественные, технические, сельскохозяйственные и лесотехнические, медицинские, социальные и гуманитарные. Внутреннее дробление на разделы и подразделы продиктовано наличием отраслевого, тематического и узкотематического материала. Включенные в эту часть издания еще раз иллюстрируют тот очевидный перелом, который произошел в развитии документального потока в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. Наиболее выразительный прогресс «демонстрируют» социально-гуманитарные и технические науки. Например, бурное развитие произошло в специальностях «История. Исторические науки» и «Философия». В этом же классе наук могут быть отмечены дисциплины, которые ранее вообще не имели своей справочной биографики — социология и психология, археология, политические науки, статистика.

Указатель снабжен вспомогательным аппаратом, который позволяет максимально полно и с разных поисковых позиций раскрыть содержание зарегистрированных изданий коллективной биографии. В систему вспомогательных указателей входят традиционные для подобных работ индексы: именной (авторский), географический, заглавий, серий, а также специальные указатели и именной (персональный) указатель. Перечень специальных вспомогательных указателей включает:

- указатель отраслей науки, научных специальностей и прикладных областей деятельности;
- указатель учреждений, вузов, обществ, предприятий;
- социально-тематический указатель;
- указатель почетных званий, премий, наград;
- указатель ключевых имен.

Максимальная информационная ценность подобного библиографического пособия заключена в именном (персональном) указателе. Для его формирования была произведена поименная роспись всех изданий коллективной биографии, с которыми авторы-составители имели возможность работать *de visu*. Число изданий, полностью или частично расписанных для именного (персонального) указателя, равняется 1246 названий, а количество имен в нем превышает 155 000.

В заключение следует отметить, что отрасли знания представлены в выявленном массиве информации неравномерно. Всего в изданиях коллективной биографии зафиксировано около 300 научных и технических специальностей, среди которых одни неоднократно были отражены в документальном потоке, другие крайне редко становились объектом внимания. Результаты биографирования и библиографирования научных кадров Российской Федерации (СССР, Российской империи), учтенные в анализируемых изданиях коллективной биографии, не вырастают в сколь-нибудь целостную картину. Можно говорить лишь о том, что на определенный момент и только для некоторых научных специальностей были созданы фундаментальные труды справочно-биографического профиля.

Выявленный и организованный материал позволяет получить представление о структуре, качестве, хронологической динамике репертуара изданий коллективной биографии об отечественных деятелях науки и техники, созданного во второй половине XX века.

ЭЛЕКТРОННЫЙ КАТАЛОГ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК

М.А. Белинская

В Библиотеке Российской академии наук на совете по автоматизации, прошедшем 19 апреля 2012 г. было принято решение о предоставлении с мая месяца реальным и виртуальным читателям доступа к Электронному каталогу БАН. Доступ к Каталогу осуществляется по ссылке с сайта БАН. Работа с Электронным каталогом производится с помощью программного обеспечения WEB-Ирбис, который был приобретен БАН в декабре 2011 г. За 3 месяца текущего года сотрудниками отдела автоматизации была проведена большая работа по настройке и адаптации данного программного обеспечения к работе Библиотеки.

Читатель, зайдя на сайт БАН, видит информацию о том, что в тестовом режиме открыт доступ к Электронному каталогу. Замечания и предложения по работе данной системы мы попросили направлять на соответствующий электронный адрес.

В левой части диалогового окна WEB-Ирбиса находятся базы данных, по которым читатель может производить поиск.

Первой стоит база данных Центральной библиотеки. Далее следуют электронные каталоги подразделений БАН при НИУ СПб НЦ РАН. Базы данных сетевых библиотек расположены не в алфавитном порядке и не в порядке принадлежности какому-либо профилю. Они перечислены в зависимости от количества записей в базе данных. Чем больше количество записей, тем выше расположен Электронный каталог библиотеки. Этот порядок может быть изменен в конце года. На сегодняшний день в системе представлены Электронные каталоги 15 отделов и секторов БАН при НИУ: ФТИ, ЗИН, РГО, ИГД, ИЛИ, ИРВ, БИН, МАЭ, ИИМК, ИХС, РМО, СПбФА, СПб ИИ, ИФП.

Базы данных, представленные для поиска в системе WEB-Ирбис, созданы с помощью программного продукта Ирбис-64, который используется в отделах Центральной библиотеки с 2007 г. Обновление Электронных каталогов центральной и сетевых библиотек планируется осуществлять дважды в месяц. На данный момент объем Электронного каталога Центральной библиотеки составляет 853 988, сетевых библиотек в целом — 100 471 записей. Поиск же будет осуществляться по всему массиву записей, который на апрель месяц составляет 954 459 записей.

В правой части экрана отражены виды поиска: стандартный, расширенный, профессиональный и поиск по словарю.

Выбрав стандартный вид поиска, пользователь имеет возможность просмотреть литературу, поступившую в библиотеку за определенный месяц года.

Синим цветом выделены месяцы, за которые имеются поступления. Нажав на интересующий месяц, читатель получит нумерованный список библиографических описаний, отсортированных по автору.

Библиографическая запись может быть представлена в полной, краткой форме и виде каталожной карточки БАН. Результаты поиска выдаются порциями по 20 записей на страницу.

Красным цветом в начале записи отображается шифр хранения в основном фонде. Место хранения отображается синим цветом.

Читатель имеет возможность распечатать результаты поиска, выбрав формат для печати: краткий, полный или каталожной карточки, и количество записей: все найденные, отмеченные, кроме отмеченных. По умолчанию стоит отмеченные.

Обратившись к полю «Найдено в других БД» можно отдельно просмотреть документы, которые хранятся в отделах БАН при НИУ СПб ИЦ РАН.

При поиске в базах данных сетевых библиотек результаты поиска могут быть представлены в стандартных форматах: полном, информационном и кратком.

Если количество найденных документов меньше 2000, у пользователя появляется возможность отсортировать найденные документы по автору, заглавию, году издания, типу документа.

Вообще стандартный поиск — это поиск по одному из стандартных элементов, поэтому чтобы его начать, читатель должен выбрать из раскрывающегося меню один из параметров: ключевые слова, автора, заглавие или год издания.

При поиске по словарю авторов, выбрав такие же параметры, что и в стандартном поиске по автору, в результате можно найти книги с автографом данного автора, искомый автор может быть указан как составитель или редактор издания с раскрытыми инициалами искомого автора и просто с инициалами.

Расширенный поиск позволяет объединить два поля, например автора и год издания, т. е. сузить область поиска.

Профессиональный поиск позволяет с помощью составления поисковых выражений осуществлять самые различные поиски. Правила составления поисковых запросов появляются, если нажать на знак вопроса, выделенный синим цветом и расположенный внизу диалогового окна. Кроме этого присутствует еще и упрощенный поиск, который мало чем отличается от стандартного, но имеет более привычный вид для пользователя.

Читатель может воспользоваться информацией об описаниях электронных каталогов. В ней указано, какие виды изданий доступны для поиска и за какой период для каждой базы данных из 16 представленных.

Отдельно необходимо сказать о перспективах развития Электронного каталога БАН. В течение месяца от пользователей принимаются замечания и пожелания по работе системы, которые в рабочем порядке учитываются и, при необходимости, внедряются в работу.

Следующий шаг — включение в Электронный каталог баз данных подразделений Центральной библиотеки, работающих с Ирбисом не в сетевом режиме: НИОБИБ, сектор картографии, ОФО и др., а также баз данных библиотек сети, которые на сегодняшний момент еще не представлены: ИПА, СПИИРАН, ИВС, СПб ОРХО, ИЭФБ, ИНЦ, ИОЗ, ИРЛИ, ЭМИ, ИРЭ, СИРАН, АУ НОЦ ИТ РАН.

Отделом НИОИА проведена подготовительная работа по предоставлению читателю такого сервиса, как заказ литературы в режиме on-line.

Все эти меры позволят сделать Электронный каталог БАН более информативным и востребованным для читателя.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ МАЛОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ БАН

Н. В. Колпакова, Н. Н. Ёлкина

В ноябре 1999 г. в БАН, в конференц-зале на одном из ученых советов состоялась презентация первого в отечественной и мировой практике энциклопедического электронного издания, посвященного отдельной библиотеке.

Семь трудных, но интересных лет возвращают нас в 1992 г., к началу работы над этим уникальным справочным изданием.

А началось все с идеи директора БАН В. П. Леонова обобщить то новое в Библиотеке, что к этому времени накопилось, однако многое представляло собой недостаточно изученный материал и это влекло необоснованные обобщения, в связи с чем появлялись разные точки зрения на одни и те же проблемы. статьи, публиковавшиеся в научной периодике, чаще всего носили обзорно-ознакомительный или отчетно-фактографический характер, что не давало конкретной ориентации в фондах и справочных указателях.

Наиболее полную информацию, конечно же, заключали в себе монографии, связанные с историей Библиотеки, отдельных ее подразделений. В их числе капитальная и до сих пор сохраняющая свое значение монография «Библиотека Академии наук СССР. 1714—1964 (Л.: Наука, 1964), а также труды К. В. Лютовой, М. В. Кукушкиной, А. А. Моисеевой и др. все эти издания имели большую познавательную ценность и внесли в свое время неоценимый вклад в изучение истории БАН. Однако другой стала наша страна, изменилась идеология, появилось убеждение связать старое с новым, известное с неизвестным. Устарели или отсутствуют новые справочные данные о Библиотеке, что привело к недоиспользованию этих ресурсов. Но понадобилось несколько лет напряженного труда, прежде чем замысел Валерия Павловича получил свое воплощение.

Для его осуществления, конечно же, нужны были высококвалифицированные специалисты, которые бы сумели организовать работу, правильно выстроить отношения с людьми, от которых должна была исходить нужная информация, донести до них свою точку зрения. Вот этим требованиям как раз отвечала небольшая, созданная по предложению директора БАН, группа во главе с А. В. Соколовым, известным в библиотечной среде как большой ученый и интеллектуал.

Необходимо было учесть все детали общественной жизни Библиотеки, исследовать все важнейшие исторические события, изложенные с хронологической последовательностью, с точным обозначением дат, решить проблемы выбора формы изложения, организации материала, ощутить пределы своих возможностей, осознать безграничность темы. Началась серьезная кропотливая работа, у всех было стремление правильно расставить акценты, не упустить главное.

Однако прежде чем приступить к изучению новых сведений, следовало привлечь ранее изученный и опубликованный материал, расширить его за счет новых данных.

Для определения реального вклада, сделанного специалистами БАН в мировую науку, целесообразно было проанализировать содержание публикаций, выявить лидеров, научные школы и т. п.

Таким образом, необходимо было всесторонне, достоверно и лаконично представить почти трехвековую историю и современное состояние самой Библиотеки и возглавляемой ею библиотечной системы. Это должно было компенсировать наиболее болезненно ощущаемые пробелы в литературе о Библиотеке и удовлетворить информационные потребности основных пользователей и партнеров БАН.

Предпосылками именно для выбора формы изложения, т. е. Энциклопедии, явились: обширный поток литературы о Библиотеке, который мог служить эмпирическим материалом для обобщения и подытоживания; творческий потенциал коллектива БАН, проявившийся в активной научно-исследовательской деятельности; мировой опыт подготовки и издания отраслевых библиотечных энциклопедий, словарей и справочников. БАН является одной из старейших библиотек мира, она имеет значение национальной библиотеки в нашей стране, поэтому она могла стать благодарным объектом для энциклопедического обобщения.

Этот вид справочной литературы как можно ярче демонстрирует стремление интенсифицировать использование библиотечно-библиографических ресурсов БАН; возможность дать мировому научному сообществу полное и правдивое представление о ней взамен распространенных умолчаний и искажений; потребность в научном осмыслении и подытоживании почти трехсотлетней истории Библиотеки.

По результатам работы инициативной группы в конце II квартала 1993 г. была учреждена Комиссия по подготовке ЭС БАН во главе с директором Библиотеки В. П. Леоновым.

В группу уже официально вошли:

Соколов Аркадий Васильевич — информатик, теоретик социальных коммуникаций;

Блюменау Дмитрий Иосифович — военный историк, филолог;

Данченко Татьяна Николаевна — информационный специалист;

Маслова Александра Николаевна — библиограф-краевед;

Головки Галина Викторовна — библиограф, библиотековед;

Елкина Надежда Николаевна — архивист, библиотековед, информационный специалист;

Дмитриев Дмитрий Владимирович — программист, матлингвист.

С 1994 г. Группу возглавила Н. В. Колпакова. Эта же дата стала и датой основания нового подразделения в БАН, закрепленного документально в качестве самостоятельной единицы при Издательском отделе Библиотеки. Это вполне закономерно, т. к. результатом деятельности этой группы впоследствии стал выпуск ряда энциклопедических изданий и выполнение других амбициозных проектов.

Тогда же, в середине 1990-х гг., были предложены 3 главные концепции будущей энциклопедии:

I. Традиционная энциклопедия.

Справочное издание, построенное в традиционном для энциклопедических словарей виде и предназначенное дать с максимальной полнотой в предельно краткой форме всю совокупность фактографических сведений о БАН, о ее прошлом и настоящем.

II. Коллективная монография.

Сборник статей, сформированный по разделам и снабженный обширным справочным аппаратом: предметно-тематическим указателем, именным, географическим и др.

III. Электронная энциклопедия.

Смешанное алфавитно-систематическое собрание документов фактографического, обзорного, аналитического и исследовательского характера, сформированного согласно тематическому рубриктору.

Функция библиотеки — информационная, культурная и образовательная. Вот с этих позиций начала свою деятельность, хоть и малочисленная, но высокопрофессиональная группа специалистов. Работа их была чрезвычайно сложна. Началась она с разработки тематического плана — систематизированного перечня тематических разделов, между которыми распределялся общий объем издания. В специальных энциклопедиях тематические планы играют не только организующую роль на подготовительном этапе, но и являются важной составной частью энциклопедии, выполняя роль систематического вспомогательного указателя (путеводителя по энциклопедии).

В качестве авторов будущих энциклопедических проектов широко привлекались все специалисты — научные сотрудники Информационно-библиотечных, Научно-исследовательских подразделений Центральной библиотеки и библиотек при НИУ СПбНЦ РАН.

Всего было учтено 3896 публикаций по истории БАН:

- газетные статьи и заметки;
- статьи в «толстых журналах» для широкой публики;
- статьи в журналах для научной общественности;
- научные монографии и сборники, справочники;
- архивные материалы;
- статьи в библиотековедческих и книговедческих изданиях;
- библиотечно-библиографическая документация, каталоги, методические материалы, путеводители.

В итоге, собрано более 200 статей по истории Библиотеки, ее подразделений, книжных коллекций; создан электронный биографический справочник, включающий около 1000 персон — сотрудников Библиотеки XVIII—XX вв.; осуществлен набор текста и проведено его редактирование. Все статьи авторские; произведена разметка ссылок и сносок для навигации в электронном варианте Энциклопедии.

В 1999 году Малая энциклопедия БАН на компакт-диске вышла в свет, то есть был принят новый на тот период для Библиотеки вариант создания энциклопедического электронного издания на основе новых информационных технологий.

Следует сказать, что в определенной степени провозвестниками технологии гипертекстовой разметки текста стала именно энциклопедия как жанр, в котором с помощью прямых и перекрестных ссылок читатель перемещается при чтении статей от одного понятия или предмета к другому, находящемуся на разных страницах издания.

Энциклопедия БАН рассчитана на следующие группы читателей: а) отечественных и зарубежных ученых — актуальных или потенциальных пользователей библиотечно-библиографических ресурсов централизованной системы БАН, заинтересованных в справочном пособии-путеводителе по этим ресурсам; б) отечественных и зарубежных обществоведов (историков, филологов, науковедов, культурологов), для которых важны не только фонды и справочные аппараты, но и сама БАН как феномен отечественной и мировой культуры и науки; в) отечественных и зарубежных библиотековедов, библиографоведов, книговедов, изучающих историю и современное состояние БАН в контексте своих научных дисциплин; г) отечественных и зарубежных библиотекарей и библиографов-практиков, которым нужны

достоверные и конкретные данные о фондах и справочных аппаратах, библиографических и прочих изданиях, библиотечно-библиографических услугах и условиях их предоставления.

Материал, отражаемый в Энциклопедии, представляется в виде тематического плана-оглавления, продиктованного ее целевым и читательским назначением. Он включает 15 основных разделов, по которым распределяется около 420 статей. Основные из них: Краткие сведения о БАН; Очерк истории; Место БАН в библиотечной системе; Международные связи; Структура и штаты; Автоматизация и современная технология. Кроме этих разделов предусмотрены: Указатель научных изданий БАН (монографии, сборники, труды конференций); Указатель библиографических пособий, подготовленных БАН; Указатель важнейшей отечественной и зарубежной литературы о БАН; Справочный аппарат, включающий тематический (географический) указатель и указатель авторов статей, помещенных в Энциклопедии. В частности, Указатель библиографических пособий включает около 500 библиографических изданий, подготовленных Библиотекой за период более чем два с половиной века (с 1741 г.).

В Энциклопедию БАН включены разделы, скомплектованные и выполненные в зависимости от их читательского назначения. Каждый читатель был адресован именно к «своим» разделам. Дифференциация статей по читательскому назначению облегчала работу авторов, поскольку они имели возможность четко представить себе ту читательскую аудиторию, к которой обращались. Средством разыскания справочной информации стали не алфавитная упорядоченность общего ряда, а вспомогательные указатели, способные обеспечить многоаспектный поиск не только по заглавиям, но и по содержанию энциклопедических статей.

Проблемам русской интеллигенции в стенах БАН в дореволюционную и послереволюционную эпоху и репрессиям сотрудников Библиотеки в период сталинской диктатуры посвящено 5 больших статей, в том числе такие, как «чистка» Библиотеки Академии наук в 1929 г.; Дело Академии наук (Дело Платонова); Репрессии сотрудников БАН.

Большой интерес имеет персональное представление сотрудников БАН в Энциклопедии. Это так называемые нестатейные разделы, которые включают:

- летопись БАН, выполняющую дополнительную функцию вспомогательного хронологического указателя;
- путеводитель читателя по БАН и по ее филиалам (раздел 8 Тематического плана);
- библиографические указатели первой и второй степени;
- документы о деятельности БАН, выступающие в качестве приложений к соответствующим разделам.

Путеводитель читателя по БАН и ее филиалам предназначен для ученых, пользующихся библиотечно-библиографическими ресурсами академической библиотечной системы, библиотекарей и библиографов-практиков, желающих взаимодействовать с ней. Он отражает современную практику библиотечного обслуживания, принятую в ЦС БАН, и базируется на организационно-распорядительной документации и данных, полученных от структурных подразделений и библиотек-филиалов БАН. В него входят:

- Вводные указания по пользованию.
- Структура и организация работы ЦС БАН.
- Книжные фонды (общая характеристика).
- Читальные залы.
- Абонементы.
- Книжные выставки. Экскурсии.
- Каталоги. Библиографическая деятельность.
- Научные конференции.

Относительно структуры и содержания статей издания необходимо было составить методические указания, предусматривающие детальные разъяснения по оформлению их жесткой схемы, начиная от «черного слова» и дефиниции и кончая библиографической справкой. Авторам задавался объем каждой статьи (в строках), исходя из общего объема издания с учетом иллюстраций и Словника. Были выделены наиболее существенные тематические направления (темы раскрываются в их историческом развитии и современном состоянии): структура (также штаты и кадры) Библиотеки; фонды (включая единую сеть академических библиотек, вошедших в общую систему БАН, и отраслевые петербургские библиотеки) и их комплектование; карточные каталоги; абонементы; читальные залы; выставки; научная, научно-библиографическая и научно-методическая работа и издательская деятельность; реставрационно-полиграфические мастерские. Энциклопедия также должна была охватить основные документы, регламентирующие работу БАН: ее международные связи; необходимую книговедческую и библиотековедческую терминологию.

Представлены исторические сведения за первое столетие существования Библиотеки: возникновение двух отделений — Русского и Иностранного (1819 г.), затем третьего — Славянского (охватившего книги на всех славянских языках, кроме русского) (1882 г.) и четвертого — Рукописного (начало XX в.). Описана структура БАН, существовавшая в 1925—1930 гг. (шесть отделений — Русское, Иностранное, Славянское, Рукописное, Картографическое, Читальный зал). В результате реорганизации Библиотеки в 1930 г. были сформированы: Отдел комплектования с тремя секторами — отечественного, иностранного комплектования и обменного фонда; Отдел обработки и каталогов; Отдел систематизации литературы; Отдел хранения основных фондов с секторами отечественной и иностранной литературы и газетным сектором; Отдел обслуживания со справочным сектором; Отдел рукописной и редкой книги с секторами картографии и истории книги; Отдел литературы зарубежного Востока; Отдел международного книгообмена с сектором корреспондентов; Научно-библиографический отдел; Отдел гигиены книги; Отдел петербургских академических библиотек; Бронированный фонд изданий АН; Издательский отдел; Сектор сети специализированных академических библиотек в Москве.

Статьи поручалось писать специалистам, работающим в Отделах Библиотеки. Они были посвящены основным и специализированным вышеприведенным фондам (рукописные и старопечатные книги, редкие издания, архивный фонд изданий АН, отечественные книги, литература на языках народов СССР, литература группового хранения, отечественная периодика, иностранные книги, иностранная периодика, газетный фонд, литература на языках народов зарубежного Востока, географические карты и атласы, справочная и библиографическая литература), а также дублетным, бронированному и штабельному фондам хранения (времен Великой Отечественной войны).

Отдельные статьи были посвящены библиотекам филиалов АН, а также книжным коллекциям, составившим ядро Библиотеки (книжные собрания герцога Гольштейн-Готторпского, герцога Курляндского, библиотека Аптекарского приказа, А.А. Виниуса, Р. Арескина, П.П. Шафирова, царевича Алексея Петровича, Петра I, Я.В. Брюса и др.), а также позднейшим личным коллекциям, переданным в БАН.

Представлены Генеральный алфавитный (сводный), Генеральный систематический, читательский алфавитный, а также специализированные каталоги при отделах Библиотеки и подсобные каталоги при читальных залах; Индивидуальный, межбиблиотечный (городской, иногородний, международный абонементы); статьи о микрофильмировании, фотороботах, ксерокопировании, о читательских требованиях, выставках новых поступлений и читальных

залах БАН. Освещена деятельность научных конференций и совещаний, Ученого и Научного советов, научно-методических советов при отделах БАН, а также издательская работа.

В энциклопедию включены организационно-методические документы.

Например: «Положение о порядке пользования Библиотекой» (1848 г.), постановление Президиума АН СССР от 27 марта 1953 г. «О мерах по устранению недостатков в деле хранения, учета и сохранности библиотечных фондов Библиотеки АН СССР в Ленинграде», «Устав БАН СССР», утвержденный Президиумом АН СССР 27 июня 1958 г.

Деятельность группы «Энциклопедия» не прекратилась после выхода Энциклопедии на компакт-диске. Продолжалось и создание печатных изданий по истории Библиотеки. В частности, тогда же возник проект создания печатного издания по истории БАН в форме, отличной от коллективной монографии 1964 г., вышедшей к 250-летию библиотеки. Им стала Летопись Библиотеки, источниками для написания которой стали большей частью архивные или печатные материалы того же времени, что и описываемые в них события. Это был рискованный путь, так как часть событий была уже «перетолкована», часть сознательно скрыта, многие фамилии пришлось восстанавливать по подлинным документам. Изменения касались лишь исправления текста по правилам современной орфографии с некоторыми объяснениями ушедших реалий для современного читателя (например, сходуграф, картописатель, оптант и др.).

В 2004 г. Летопись БАН, Т. 1: 1714—1900 вышла в свет. Она находится в свободном доступе на сайте Библиотеки в разделе Издательство.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОХРАНЕНИИ КНИЖНЫХ ПАМЯТНИКОВ ИЗ ФОНДОВ БАН (на примере собрания Радзивиллов)

И. М. Беляева, Е. В. Чиляева, Е. А. Тилева, М. А. Белинская

Сохранение культурного наследия и обеспечение доступа к интеллектуальным богатствам фондов — одна из основных задач, стоящих перед современными библиотеками во всем мире, поскольку важным условием духовного развития общества является преемственность культурных ценностей и доступность их для будущих поколений в первоизданном виде.

Проблема обеспечения оптимальных условий для сохранения книжных памятников и одновременно обеспечение доступа к ним для возможно более широкого круга читателей — сложная, многоаспектная задача, в разрешении которой участвуют специалисты из разных областей, — хранители и консерваторы, химики, биологи, реставраторы и программисты. Библиотека Российской академии наук (БАН), первая государственная библиотека, учрежденная в 1714 г. по указу Петра I, всегда уделяла много внимания вопросам сохранения памятников истории и культуры, и в настоящее время обеспечение сохранности фондов является одним из основных направлений исследований и практической деятельности специалистов БАН.

Одно из собраний, сохранению которого в БАН уделяется особое внимание, — книги из фонда первой Несвижской ординатской замковой библиотеки князей Радзивиллов, поступившей в Библиотеку академии наук в 1772 г.¹ По всеобщему признанию, библиотека Несвижской ординации — самая крупная частная книжная коллекция среди Радзивилловских и богатейшая в белорусских землях Великого княжества Литовского. Первый исследователь библиотеки Радзивиллов, заведующий Славянским отделом БАН Э. А. Вольтер отмечал, что библиотека Несвижского замка создавалась как важнейшее орудие в идейной борьбе периода контрреформации — оплота католицизма в Великом княжестве Литовском.

Книжную культуру Великого Княжества Литовского XVI — середины XVII вв. невозможно представить без деятельности представителей крупнейших аристократических родов этого государства. Коллекционирование книг стало среди аристократов модой. Крупнейшие светские и церковные вельможи, элита литовской знати — Радзивиллы, Сапегы, Воловичи, Зеновичи, Ходкевичи — не только занимались собиранием книг, но и сами их издавали. Однако лишь немногие из магнатов могли оценить книгу как источник просвещения и знаний.

¹ СПб филиал Архива РАН. Ф. 158, оп. 2, № 124а «Заметки и выписки Э. А. Вольтера по истории, состоянию и разборке Радзивилловской библиотеки». 31 л.

Среди таких следует отметить представителей рода князей Радзивиллов и первого собирателя замковой библиотеки Николая Христофора Сиротку (1549—1616), который особенно интересовался географией, медициной, хорошо знал иностранные языки.

В Отделе фондов и обслуживания хранятся две части коллекции из Библиотеки Радзивиллов: в Славянском фонде — польские книги XVI—XVIII вв. и в фонде Бэра — книги на европейских языках, латыни, греческом. Работы по реконструкции коллекции были начаты в 1998 г. с выявления книг на польском языке в составе Славянского фонда. Было выявлено более пятисот книг с экслибрисами и владельческими записями радзивилловской коллекции. Результатом серьезной и кропотливой работы сотрудников стал выход библиографического указателя «Собрание польских старопечатных книг в Славянском фонде БАН. Несвижская ординатская библиотека Радзивиллов» в 1999 г. — первое издание, и в 2005 г. — второе, исправленное и дополненное².

В процессе работы с книгами XVI—XVIII вв. остро встал вопрос сохранности каждого экземпляра.

Работа по созданию фактографической базы данных (БД) по сохранности «Библиотеки Радзивиллов. Славянский фонд» была начата в 2008 г. В разработке и организации базы данных участвовали три отдела БАН — Научно-исследовательский отдел консервации и реставрации библиотечных фондов (НИОКиРФ), Отдел фондов и обслуживания (ОФО), Научно-исследовательский отдел информатики и автоматизации (НИОИА).

В 90-е гг. прошлого века в БАН была разработана технология создания фактографического описания библиотечных фондов, индивидуальные информационные карты-описания для документов коллекций (ИК) и программное обеспечение фактографической БД для превентивной консервации фонда на основе СУБД MS Access³.

Информационные карты создаются специально для каждой коллекции и содержат от 30 до 150 параметров, большая часть которых непосредственно связана с сохранностью документа и отражает состояние его материальной основы (описание материалов и повреждений, результаты тестов и проб). Эти параметры представлены в номинативных, интервальных и метрических шкалах. Статистический анализ собранных данных позволяет оценить как состояние отдельного документа, так и коллекции в целом и запланировать необходимые работы по консервации и реставрации, оценить их объем, сложность и возможные сроки выполнения. В большинстве случаев вместе с фактографическим описанием документы коллекции переводятся в форму фазового хранения, хорошо зарекомендовавшего себя благодаря надежности, сравнительно низкой стоимости и универсальности относительно нового способа хранения

² Собрание польских старопечатных книг в Славянском фонде БАН. Вып. 1: Несвижская ординатская библиотека Радзивиллов / сост. О.В. Гусева, Е.В. Комиссарова. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2005. 327 с., 11 л. ил.

³ Азарова И.В., Гладкий А.И., Евстафьева Р.И., Захаров В.П., Левашова Л.Г., Нюкша Ю.П., Питулько Г.И., Скворцова О.В., Старова Е.В. Фактографическая база данных при консервации библиотечных фондов // Материалы Международной научно-практической конференции «Будущее прошлого: расширение доступа и сохранность коллекций», Санкт-Петербург, 20—22 сент., 2000 г. СПб., 2000. С. 108—114.

Леонов В.П., Беляева И.М., Нюкша Ю.П., Левашова Л.Г., Старова Е.В., Евстафьева Р.И. Комплексная система обеспечения сохранности и доступности библиотечных коллекций // Сохранение культурного наследия библиотек, архивов и музеев: материалы Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 14—15 февр. 2003 г. СПб., 2003. С. 30—37.

документов (с 70-х гг. XX в.) в защитных конвертах и контейнерах из инертных материалов, обладающих заданными барьерными и физико-химическими протекторными свойствами⁴.

В течение пяти лет, начиная с 2008 г., издания из собрания Радзивиллов, выявленные в Славянском и Иностранном фонде ОФО БАН, были переведены в форму фазового хранения, описаны по информационным картам с занесением данных в электронную фактографическую БД.

Основой БД стали 532 издания, описанные в библиографическом указателе, а также данные из информационных карт на эти издания. Учитывая позитивный опыт создания фактографической базы данных «Библиотека Радзивиллов. Славянский фонд», в 2010 г. была начата работа по выявлению, описанию книг и созданию аналогичного ресурса в иностранном фонде «Коллекция книг из Библиотеки Радзивиллов в составе фонда Бэра». Для этого были просмотрены de visu 21200 изданий XVII—XVIII вв. из фонда Бэра для определения принадлежности к коллекции. Выявлены 333 издания и составлены описания в информационных картах, все книги помещены в микроклиматические контейнеры. В 2011 г. все описания внесены в БД. Результатом работы 2012 г. стало внесение дополнений и изменений в составленные описания. Следующий этап, осуществленный в 2013 г., позволил конвертировать уже имеющиеся фактографические БД по сохранности в Российский коммуникативный формат представления библиографических записей — UNIMARC для дальнейшего использования в программном обеспечении (ПО) ИРБИС, которое в данный момент является основным ПО БАН.

Пользователи ПО ИРБИС делятся на два типа: непосредственные хранители фондов и специалисты, занимающиеся прикладными вопросами сохранности: консерваторы и реставраторы. Для пользователей-хранителей открываются обычные рабочие листы для ввода и поиска библиографической информации.

Пользователи-консерваторы вносят свои данные в особую вкладку рабочего листа ввода — Консервация и сохранность (рис. 1). В формате просмотра при вводе информации отображается индивидуальная информационная карта-описание документа в части, относящейся

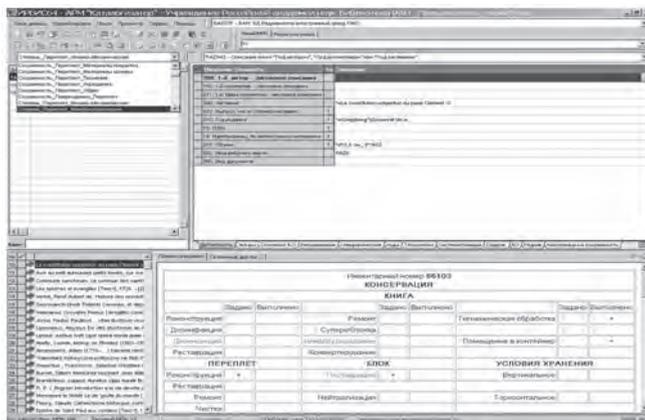

Рис. 1. Вкладка рабочего листа ввода «Консервация и сохранность»

⁴ Беляева И. М. Превентивная консервация как перспективное направление обеспечения сохранности фондов научных библиотек: Автореферат дисс. ... канд. пед. наук, СПб., 2001. 22 с.

Уотерс П. Сохранение культурного наследия библиотек: Избранные работы / Питер Уотерс; перевод с англ. Н. И. Яшугина, И. М. Беляевой, Л. Г. Левашовой; сост., отв. ред. и предисл. В. П. Леонова; послесл. И. М. Беляевой. СПб.: БАН, 2005. 124 с.

к консервации и сохранности (рис. 1). Кроме этого, данному типу пользователей доступны словари, созданные на основе полей, содержащих информацию по параметрам консервации и сохранности (рис. 1).

Средства поиска данного ПО позволяют создавать и сохранять на постоянной основе всевозможные запросы, необходимые для статистического анализа данных по консервации и сохранности. Кроме этого, имеется возможность получать в печатном виде индивидуальную информационную карту-описание документа и формировать библиографические указатели в автоматизированном режиме.

В настоящее время на основе анализа данных фактографической БД проводится консервационный мониторинг⁵ и плановые реставрационные работы, которые требуют высокой квалификации специалистов-реставраторов.

Общее количество записей в базе данных «Библиотека Радзивиллов. Славянский фонд» составляет 556 записей, в «Коллекции книг из Библиотеки Радзивиллов в составе фонда Бэра» — 681 запись. Таким образом, проделана большая работа, направленная на выявление экземпляров из библиотеки Радзивиллов, составление описаний, информационное обеспечение сохранности каждого экземпляра коллекции, постоянный мониторинг физического состояния документов с фиксацией результатов и сроков проведения консервационных работ для каждого документов, в перспективе, предоставление полного информационного ресурса исследователям коллекции.

Количество изданий XVI — середины XVII вв. из Библиотеки Радзивиллов в составе фонда Бэра составляет 11 % от общего количества (74 ед.), в Славянском фонде — 8 % от выявленных изданий. Эти два фрагмента книжного собрания дают ценнейшую информацию для исследователей. Возможности поисковой системы ИРБИС достаточно широки. Поиск можно осуществлять по языковому и географическому признакам. Так, проанализировав исследуемый период (XVI — середина XVII вв.), можно отметить, что Радзивиллы, как представители политической элиты своего времени, собирали книги по истории и географии различных государств, богословию, истории церкви, философии, медицине, военному делу. Они изданы в Париже, Риме, Венеции, Кельне, Антверпене, а также в типографиях городов Польши, Украины, Белоруссии, Литвы.

Таким образом, фактографические БД по сохранности, как часть комплексной системы обеспечения сохранности и доступности фондов БАН, позволяют оперативно управлять консервацией, контролировать состояние коллекции, планировать консервационные и реставрационные работы, оценивать их объем, координировать работу различных специалистов, занимающихся обеспечением сохранности фондов. В настоящее время одним из перспективных направлений консервации является так называемая косвенная консервация — введение в оборот копий оригинала документа, в том числе и электронных, что позволяет существенно снизить эксплуатационную нагрузку оригинала. При этом важно помнить, что создание цифровых копий редких и ценных документов сопряжено с большим объемом предварительных работ — необходима тщательная подготовка каждого памятника к оцифровыванию, которая включает комплекс консервационных и реставрационных мероприятий, снижающих риск негативных воздействий при сканировании.

⁵ Старова Е.В., Тилева Е.А., Скворцова О.В. Консервационный мониторинг документов из Библиотеки Петра I на основе анализа компьютерной базы данных по превентивной консервации «Библиотека Петра I» // Сборник научных трудов (по материалам научных конференций БАН). СПб. : БАН, 2010. С. 53—59.

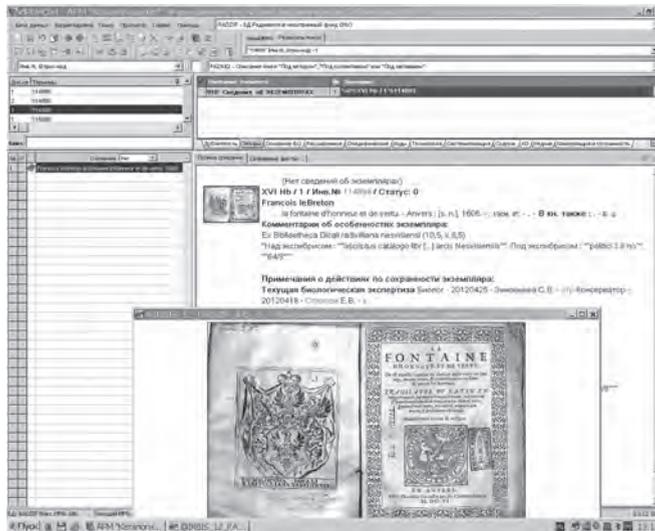

Рис. 2. АРМ «Каталогизатор»

В будущем использование данных информационных средств открывает перед специалистами, а позже, вероятно, и перед читателями, широкие возможности. Так, например, присоединение изображения и сканов позволит предоставить более полный материал о документе, его виде и физическом состоянии, вплоть до доступа к электронной копии (рис. 2).

ББК КАК ИНСТРУМЕНТ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

И. А. Морева, В. Н. Синельченко

Библиотечно-библиографическая классификация (далее ББК) является национальной классификационной системой для российских библиотек. Она разработана в середине XX в. совместными усилиями специалистов Российской государственной библиотеки (бывшей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина), Российской национальной библиотеки (бывшей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) и Библиотеки Российской Академии наук с привлечением авторитетных ученых, представляющих различные области науки и техники.

В ряду уже существующих классификационных систем ББК — самая молодая система, и она наиболее полно отражает логику развития научного знания, его структуру и содержание. ББК признана сообществом крупнейших библиотек мира на равных с уже существующими классификационными системами, такими, как десятичная классификация Дьюи, универсальная десятичная классификация, классификация Библиотеки Конгресса США, классификация двоеточием Ш. Р. Ранганатана.

На данный момент ББК является динамически развивающейся классификационной системой, представленной в трех основных вариантах — полных, средних и сокращенных таблиц, каждая из которых предназначена для библиотек с разными задачами и разным объемом фондов. Эталонными считаются полные таблицы ББК для научных библиотек. Полные, средние и сокращенные таблицы согласуются между собой по структуре и принципу индексации и различаются только по степени детализации, то есть по глубине раскрытия содержания таблиц.

Так, например, книга С. Н. Широбоковой «Налогообложение» (Новочеркасск, 2006), являющаяся учебным пособием для студентов экономических факультетов, индексированная по классификационным средним таблицам, будет представлена индексом 65.261.4 — налогообложение. Согласно полным таблицам ББК ее содержанию соответствует индекс У26(2)141.3я73-1 — который указывает на то, что данная проблема касается России, современной эпохи, а кроме того, является учебником для высших учебных заведений. В данном случае содержание книги раскрывается точнее и полнее.

Исследование А. В. Подгорской «Иосиф Бродский и Русская рождественская поэзия» (Магнитогорск, 2009) в Средних таблицах отражается индексом 84.6-5, что обозначает поэзию. В системе полных таблиц ББК ей соответствует индекс Ш5(2=Р)7-4Бродский И.А.418.1. Индекс сообщает, что это русская литература XX века, касающаяся конкретного поэта и его связей с традициями родной литературы.

Средние таблицы используют не только библиотеки, но и издательства, те организации, которым не нужно очень точного определения места конкретного издания в общем массиве современного научного знания, а необходимо просто обозначить тему. Для них достаточно, что эта книга имеет отношение, скажем, к угольной промышленности, а подробности исследования (метод и условия поиска и добычи угля, условия труда на шахтах, устройство шахт и т. д.) для них избыточны.

Для научной библиотеки подразделение внутри отрасли совершенно необходимо. Исследователь не должен затрачивать много времени, проглядывая весь массив литературы по угольной промышленности, а должен сразу найти нужный ему сегмент данной темы, предположим (добыча угля открытым способом). Эту возможность ему и дают полные таблицы ББК.

Каждый исследователь обычно выдвигает свои специфические и сугубо индивидуальные требования к информационной системе. Однако, с точки зрения строго рационального создания информационных систем, всех возможных потребителей, в зависимости от того, какие задачи они решают, целесообразно разделить на четыре категории связанные:

- с проведением научных исследований;
- с разработкой и проектированием новой техники;
- с принятием управленческих решений по созданию и проектированию новой техники;
- с решением плано-управленческих задач (значение для народного хозяйства, разработка планов, установление перспектив развития данной отрасли и т. п.).

Разумеется, что приведенное разделение потребителей по категориям условно, но все же оно позволяет, в конечном итоге, более четко сформулировать требования к конкретным информационным системам и тем самым повысить эффективность информационного обеспечения разного рода конечных потребителей.

Каждому исследователю необходимо уметь искать и отбирать нужную литературу для своей научной работы, то есть обладать знанием основ библиографии и систематики. Библиография ставит перед собой задачу информировать читателя об имеющихся печатных изданиях, для чего составляются библиографические указатели, каталоги, обзоры и т. п.

Учащиеся высших учебных заведений в ходе обучения овладевают методикой ведения научной работы. Несомненно, подспорьем в этом им может служить систематический каталог, организованный на основе ББК. Из огромного количества книг студенты могут быстро и безошибочно выделить небольшой круг литературы, строго относящейся к теме их исследования. С помощью дублирования индексов, отсылок и т. п. возможностей, заложенных в систематическом каталоге, они установят взаимоотношения объекта своих исследований с другими науками, смогут взглянуть на него не только глубже, но и шире. Время и силы, затрачиваемые на поиск и составление списка литературы, существенно сократятся.

ББК рассчитана на то, чтобы удовлетворять самые сложные и специальные научные запросы самого квалифицированного исследователя, и в то же время она легко приспосабливается к запросам самых разных категорий читателей. ББК дает возможность любому читателю из всего потока хранящихся в библиотеке книг по технике, экономике, истории, медицине и т. д. выбрать не только необходимое для работы, но и просто интересное, направленное на расширение кругозора чтение на определенную тему. Предположим, целью научных исследований потребителя является оптическая реверберация, а отдохнуть он предпочитает за просмотром альбомов живописи или чтением книг по растениеводству.

Использование принципиальных основ ББК позволяет видеть не только систему наук, но и систему объектов, изучаемых науками; не только сугубо научные понятия, проблемы,

дисциплины, но и факты, события, вопросы общественной жизни, разные отрасли практической деятельности; не только содержание и тематику произведений печати, но и их назначение, вид, форму, место и время издания.

Система ББК следует логике систематизации каждой конкретной науки, поэтому она логична, и усвоить ее на уровне пользователя может практически любой потребитель. Тем не менее, для удобства читателей гидами в пространстве систематического каталога, основанного на ББК, служат сотрудники библиотеки, за каждым из которых закреплен соответствующий научный раздел.

В современных условиях, когда присутствие в виртуальном мире становится зачастую более значимым, чем существование в реальном, залогом успешной деятельности каждой библиотеки является обеспечение доступа к библиотечным каталогам посредством Интернета. Значительно упрощает работу по поиску литературы в электронном каталоге возможность использовать в качестве одного из поисковых дескрипторов индекс ББК. Набрав соответствующий индекс, читатель получает возможность ознакомиться со списком литературы, наиболее полно соответствующей интересующей его теме. Чем богаче фонды библиотеки, которой пользуется читатель, тем полнее и детальнее используемая в ней система ББК и, следовательно, тем более исчерпывающую информацию он получит.

Развивается наука — развивается и меняется соответствующее подразделение ББК. Уже несколько десятилетий с момента создания ББК ведется углубленная работа по совершенствованию и оптимизации системы. Она способна развиваться и гибко изменяться в соответствии с новыми этапами развития современной науки. Присущие ей гибкость, логичность позволяют структурировать и систематизировать любые сколь угодно разнородные и крупные информационные массивы.

ББК позволяет достичь качественно нового уровня информационного сервиса, значительно повысить степень интеллектуальности и аналитичности предоставляемых исследователям информационных продуктов и соответствующих услуг, дает возможность переходить от систем, работающих с данными, к системам, работающим со знаниями.

Развитие ББК следует за развитием науки. Это ни в коем случае не застывшая система, а постоянно меняющийся и адаптивный классификатор, имеющий практически неограниченные возможности. Это открытая в будущее система, готовая к отражению новых, подчас даже только прогнозируемых научных достижений.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ПОТОКА ЛИТЕРАТУРЫ ПО МУЗЫКЕ В СИСТЕМАТИЧЕСКОМ КАТАЛОГЕ

И. А. Морева, В. Н. Синельченко

Систематический каталог научной библиотеки, служащий специалисту ключом для поиска литературы по нужной ему теме, принципиально консервативен. Поэтому все гипотезы и непроверенные предположения в каталоге решено не отражать, так как с вводом новых понятий его объемы будут стихийно разрастаться, терминология меняться, и если следовать последней, то одна и та же книга будет отражаться в трех-пяти разделах каталога, и найти ее будет чрезвычайно сложно. В связи с этим потребуются бесконечное редактирование, перегруппировка и пересистематизация согласно новым явлениям и понятиям, зачастую случайным в науке.

Для центрального систематического каталога Библиотеки Российской академии наук была принята следующая последовательность действий: новые понятия первоначально обсуждаются на методическом совете отдела научной систематизации литературы, затем вносятся на коллегиальное обсуждение соответствующих отделов РГБ и РНБ; после согласованного одобрения в таблицы ББК вводится новая рубрика и начинается сбор литературы по этому разделу, затем проводится перегруппировка карточек по новым рубрикам ББК и, если необходимо, пересистематизация некоторых изданий по новым рубрикам. После чего карточки заново вливают в систематический каталог.

Новая рубрика считается установившейся, если за ней стоит не менее 150 карточек. Это бывает нечасто. Гораздо чаще встречается более дробная детализация поступающей литературы. Значительно более детальная систематизация необходима либо в специальных библиотеках (например, филиалах БАН, расположенных в научных институтах), либо в отделах систематического каталога, которые постоянно пополняются новой литературой в связи с активным развитием доопределенной отрасли науки. Для облегчения поиска требуется разделить отдел на более частные подрубрики, используя только установившиеся понятия.

Некоторые признанные понятия также не всегда стоит отражать в каталоге, потому что литература, посвященная им, появляется нечасто и не пользуется спросом у читателей. Например, в Бюллетене ББК (1994. № 4) предлагается в разделе «Вокал» в таблице «Щ Музыка» выделить следующие рубрики:

- Народный голос
- Женский голос
- Детский голос
- Мужской голос

- Высокий голос
- Высокий голос без определения высоты
- Сопрано
- Тенор
- Дискант
- Средний голос
- Средний голос без определения высоты
- Мещцо-сопрано
- Баритон
- Альт
- Низкий голос
- Низкий голос без определения высоты
- Контральто
- Бас

Применять такой подход имеет смысл в специализированных библиотеках, которые собирают свою «ведомственную» литературу и имеют возможность расписывать сборники. В универсальной научной библиотеке такая дробность делений только затрудняет как работу каталогизаторов, так и читательский поиск. Подобные труды лучше ставить «выше» по схеме — в общий раздел соответствующей рубрики. В данном случае — в «Певческий голос».

Некоторые виды и жанры музыкального искусства по целому ряду исторически обусловленных причин не признавались в Советском Союзе таковыми, их никто не изучал, исследования о них отсутствуют, и поэтому в таблицах ББК им отводилось место — Ц(0)...-239 — «Другие стили и направления искусства». До середины 1990-х гг. в этом разделе было всего несколько наименований, и поиск в нем был очень прост. За постперестроечные годы литературы на эти прежде не разрабатываемые темы накопилось достаточно много и, судя по всему, тенденция эта сохранится в последующие периоды. Соответственно общее место ее размещения уже начинает затруднять поиск нужного для читателя материала, поэтому требуется ввод соответствующих рубрик в систематический каталог.

С конца 1980-х годов в музыкальном и танцевальном искусстве появились новые стили, ставшие очень популярными, соответственно это нашло отражение в литературе и, как следствие, в систематическом каталоге. Количество карточек в разделе увеличилось с 540 до 1250.

Среди множества новых видов танцев можно выделить некоторые уже устоявшиеся. Значит, они могут занять собственное место в систематическом каталоге.

В последнее время в печати появились глубокие и подробные исследования о танцах и музыке разных эпох и народов. Танец приобретает новые функции в качестве формы для других видов искусства, спорта, этнографических и сакральных обрядов. Схема для новых разделов «Ц Танец» теперь может выглядеть так:

- Ц323(0)-14 — танец-ритуал
- Ц323(0)-16 — танец и спорт (танец как сопровождение)
- Ц 323(0)-18 — танец и изобразительное искусство
- Ц 325.47 — спортивный танец
- Ц326.5 — танец-модерн
- Ц326.8 — сюжетный танец
- Ц327.9 — малые хореографические формы

- Ш335.413() -327 — танец в опере
- Ш335.43()-327 — танец в оперетте
- Ш335.463() — танец в мюзикле

Количество литературы, посвященной эстраднему искусству, также возросло в четыре раза — с 576 до 2100 карточек. В последние десятилетия также вернулись в повседневный и научный обиход некоторые старые музыкальные жанры, например, церковная музыка. В схеме ББК 1964 года издания к церковной музыке относятся всего два индекса — Ш318.9 «Церковная музыка в целом» и Ш313(2Р=Р)3.44 — «Церковное древнерусское пение». В современной России с ее возрождением интереса к вере, церкви и церковному искусству этого явно мало. Необходимо разделить церковную музыку хотя бы по крупнейшим конфессиям. Для этого можно воспользоваться положением, заложенным еще в первом издании ББК: «Новые понятия, включение которых может понадобиться в дальнейшем, могут быть заиндексированы <...> путем комбинирования индексов разных отделов, разделов, подразделов»¹. Индексы конфессий в наших предложениях основаны на индексах раздела ББК «Э Религия».

- Ш318.93()...-372 — Православие
- Ш318.93()...-375 — Католицизм
- Ш318.93()...-376 — Протестантизм
- Ш318.93()...-38 — Ислам
- Ш318.93()...-34 — Буддизм
- Ш318.91 — Теория церковной музыки
- Ш318.93 — История церковной музыки
- Ш318.93()...-2 — Школы церковной музыки
- Ш318.93()...-44 — Церковные певцы
- Ш335.9() — Музыкально-драматические представления в храмах и монастырях
- Ш318.9()...-4 — Жанры церковной музыки (канон, молитвы, псалмы, мессы, литургии, мотеты, протестантские оратории и пр.)

По мере необходимости жанры церковной музыки можно уточнять, расширяя таблицу, детализируя «-4» в соответствующем индексе. Сейчас пока литературы для более подробного изучения этой музыки явно недостаточно. Однако, судя по всему, этот раздел будет довольно быстро пополняться и расширяться.

Достаточно закономерно и быстро разрастается раздел, посвященный поп-музыке. В целом эту тему можно было бы собирать под индексом Ш318.52, однако активное использование электронных инструментов в современной поп-музыке и музыке вообще, несомненно, позволяет выделить для них пока общую рубрику Ш315.93 «Электронные музыкальные инструменты». Своего места требует и компьютерная музыка. Этому понятию может соответствовать индекс Ш318.55.

Большую популярность приобрели музыкальные видеоклипы, уже ставшие самостоятельным видом музыкально-зрелищного искусства. Литература о них может размещаться под индексом Ш317.464.9.

Значение рок-музыки в мировой музыкальной жизни трудно переоценить. В Советском Союзе рок был почти на нелегальном положении. Сейчас ситуация коренным образом

¹ Библиотечно-библиографическая классификация. Таблицы для научных библиотек. Вып. XXI. Ш Искусство. Искусствознание. М.: Книга, 1964. С. 15—16.

изменилась. В конце 1980-х гг. в данном разделе каталога было всего 30 карточек, а сегодня их 1600. Литература о группах и певцах, музыке и текстах идет потоком. Рок-музыка давно неоднородна — она распадается на целый ряд самостоятельных направлений. Исходя из общего индекса рок-музыки — ЦЗ18.54, детализируя его, отдельные направления рока можно заиндексировать таким образом:

- ЦЗ18.541 — тяжелый рок
- ЦЗ18.542 — легкий рок
- ЦЗ18.543 — поп-рок
- ЦЗ18.545 — рок-авангард
- ЦЗ18.546 — афро-рок
- ЦЗ18.547 — барокко-рок
- ЦЗ18.548 — джаз-рок
- ЦЗ18.549 — фолк-рок

В свою очередь предметом серьезного изучения в наши дни становится джаз. С началом перестройки прежде полузапрещенная музыка стала культовой. Литературы на эту тему становится все больше — от 14 каталожных единиц до 408, так что «на вырост» можно предложить следующий вариант таблиц по этому музыкальному жанру:

- ЦЗ18.53 — джаз — общепринятый индекс
- ЦЗ18.531 — новоорлеанский джаз
- ЦЗ18.532 — чикагский
- ЦЗ18.533 — свинг
- ЦЗ18.534 — горячий (би-боп)
- ЦЗ18.535 — кул
- ЦЗ18.536 — прогрессивный
- ЦЗ18.537 — хард-боп
- ЦЗ18.538 — фри-джаз

Реклама в наши дни вездесуща. Очень часто она использует средства и способы разных видов и жанров искусства. Литературы по рекламе издается достаточно много. Следовало бы выделить некоторые виды подобной рекламы:

- ЦЗ127.45 — торговая реклама в целом
- ЦЗ127.31 — музыкальная реклама
- ЦЗ127.32 — видеоклипы
- ЦЗ127.33 — реклама в СМИ (пресса, радио, телевидение)
- ЦЗ127.34 — театрализованная реклама
- ЦЗ127.6 — изобразительные средства в рекламе
- ЦЗ127.08 — цвет и свет в рекламе

Таким образом, высказанные в статье предложения свидетельствуют, что возможности «роста» ББК, заложенные в нее на первоначальном этапе создания, в настоящее время могут быть с успехом использованы в ходе систематизации литературы по музыке в крупной универсальной библиотеке.

МУЗЕЙ ИСТОРИИ БИБЛИОТЕКИ РАН: КОНЦЕПЦИЯ, СТРАТЕГИЯ СОЗДАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

О.В. Скворцова, М.Ю. Лугавцова

«Музей — это учреждение с постоянным местом расположения, которое служит на благо развития общества, будучи открытым для публики. Музеи приобретают, сберегают, изучают экспонаты, проводят выставки и презентации с целью обучения, развлечения и духовного и материального насыщения человека».

*Из устава Международного совета музеев
(International Council of Museums — ICOM)*

Юбилей Библиотеки Академии наук — хороший повод поговорить об истории создания музея, уже 10 лет хранящего наследие, связанное с развитием крупнейшей научной библиотеки страны.

В ноябре 2014 года БАН — первая государственная научная библиотека общественного пользования в России, основанная Петром I, отметит свой 300-летний юбилей. Первый юбилей отметит и Музей истории Библиотеки РАН, открытие которого было приурочено к празднованию 290-летия БАН 25 ноября 2004 года.

История существования БАН, как старейшего академического учреждения, всегда заслуживала самого пристального внимания научного исследователя, в том числе и формирующего тематические музейные коллекции.

Напомним, что вся долгая история Библиотеки Академии наук теснейшим образом связана с историей становления и развития отечественной науки. В 1725 г. она вошла в состав созданной Петром I Академии наук и на сегодняшний день является Центральной библиотекой РАН.

Создание БАН положило начало эпохе быстрого расцвета науки и культуры в России. Первым ее директором был лейб-медик Петра I Р.К. Арескин, первым библиотекарем — И.Д. Шумахер. В БАН служили выдающиеся ученые: М.В. Ломоносов, Г.Ф. Миллер, Л. Эйлер, А.А. Куник, А.А. Шахматов, К.М. Бэр и др.

В 2003 году решением Информационно-библиотечного совета РАН в одной из самых известных библиотек мира был создан музей, изучающий его сложную и интереснейшую историю. С 2003 года наш музей по праву вошел в одну из самых крупных музейных систем России — систему музеев Российской академии наук.

В РАН создано уже более 100 музеев и музейных объектов. Музеев в наиболее узком смысле — самостоятельных учреждений, в которых музейная деятельность является основной, всего три — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера),

Минералогический музей им. Ферсмана, Геологический музей им. Вернадского. Остальные музеи, даже имеющие мировое имя, собрания, исчисляемые сотнями тысяч предметов, действуют на правах подразделений учреждений Академии.

Как подразделение научной библиотеки, Музей истории БАН с первых лет своего существования приоритетным подходом в форме подачи материала на постоянной музейной экспозиции считал показ истории БАН через призму выдающихся личностей, чья практическая и научная деятельность, в том числе комплекс библиотечно-библиографических наук, формировали историю Библиотеки Академии наук. Исходя из вышесказанного, концепция музея отражает два основных направления его работы.

Прежде всего, сбор, упорядочение и сохранение ценных документов, предметов, свидетельств очевидцев исторических событий и личных коллекций сотрудников БАН. Помимо необходимого комплектования и пополнения фондовых коллекций, систематически происходит более полное тематико-экспозиционное расширение постоянной экспозиции, что можно обозначить, как второе приоритетное направление работы.

Основная экспозиция и плановые тематические выставки, выполняют главное свое предназначение — популяризацию истории науки и культуры, а также распространение библиотечно-библиографических знаний.

Территориально постоянная экспозиция Музея расположена на втором этаже главного здания и представляет собой обзор истории БАН с XVIII по XXI вв., упорядоченный по историко-хронологическому принципу.

По форме музейное пространство организовано как выставочная галерея, свободная для посещения читателей в часы работы Библиотеки. Экспонаты хранятся в 16 специальных модульных шкафах-витринах и 8 горизонтальных витринах с подсветкой и хорошим визуальным доступом. В Музее систематически проводятся экскурсии для читателей БАН, представительских и профессиональных делегаций, учащихся различных учебных заведений, гостей города, интересующихся национальными книжными сокровищами и историей уникальных книжных собраний.

Экспонаты Музея иллюстрируют историю формирования первоначального книжного фонда БАН. На витринах можно увидеть лист из каталога библиотеки герцога Курляндского, поступившей в 1714—1716 гг., лист из каталога библиотеки Р. Арескина, лейб-медика Петра I, пополнившей фонд БАН в 1719 г., копию книги из библиотеки виднейшего сподвижника Петра генерал-фельдцейхмейстера Я. В. Брюса с его экслибрисом и автографом.

Значительное место в экспозиции занимают свидетельства первых читателей и посетителей Библиотеки в первые годы ее существования. Одно из самых ранних свидетельств принадлежит Х.-Ф. Веберу — немецкому резиденту при русском дворе. Осенью 1716 г. он записал в своем дневнике: «...Если будет продолжаться постоянно приращение и теперь уже

драгоценной библиотеки, то в немного лет она станет наряду с важнейшими Европейскими, не по числу, но по достоинству находящихся в ней книг...».

Копии архивных документов раскрывают судьбу «библиотекаря его величества» И.-Д. Шумахера. В 1721 г. Петр пишет для Шумахера инструкцию «Пункты о том, что библиотекарю Шумахеру чрез путешествие его в Германии, Франции, Англии, Голландии учинить» и посылает за границу для налаживания связей с европейскими библиотеками. На экспозиции представлен фрагмент отчета Шумахера, где он сообщает Петру I имена зарубежных ученых, с которыми предлагает «двойные книги на другие новья менять», что положило начало международному книгообмену.

Экспонаты Музея свидетельствуют о первых читателях БАН и их читательских предпочтениях. Так, словарь П. Бэйля «Dictionaire Historique et Critique...» в 1715 году был выдан путешественнику, первому русскому консулу в Китае и одному из первых читателей БАН Лоренцу Лангу; книгу «Всемирно-известное путешествие Адама Олеария в Московию и в Персию...» 2 февраля 1724 г. брал для цесаревны Анны Петровны, дочери Петра I, первой читательницы БАН Л. Блюментрост. До этого времени читателями БАН были только мужчины.

Копии листов из журналов выдачи сообщают, что в 1733—1735 гг. академическую Библиотеку посещал молодой гвардейский офицер Василий Иванович Суворов, отец будущего генералиссимуса. Интересовавшие его книги — гуманитарная литература на французском языке, — отмечены в сохранившихся документах.

Музей располагает рядом интересных коллекций предметного ряда. Одна из них — коллекция памятных и наградных медалей. В ее состав входят медали из портретной серии, посвященной русским монархам, а также уникальные юбилейные медали, выпущенные ко дню рождения Библиотеки и Академии наук в XVIII и XIX вв.

В настоящее время, в соответствии с принципами научного комплектования, Музеем ведется выявление и сбор вещественных, изобразительных и письменных источников как ретроспективных, так и документирующих современную историю БАН.

Фонды Музея истории Библиотеки РАН имеют в составе следующее структурное разделение:

- Вещевой фонд — «ВФ».
- Фонд Документы и редкая книга — «ДРК».
- Фонд Фотоматериалы — «Ф».
- Фонд «Искусство» — «И».
- Фонд «Нумизматика».

Предметы хранения относятся, соответственно, к основному и научно-вспомогательному фондам.

Помимо информационных стендов и оформительских материалов основных экспо-комплексов, экспонаты на выставках представлены в виде подлинных письменных, изобразительных и вещественных памятников. Среди них: фотографии, медали, книги, документы, старая техника, мемориальные вещи.

Специфика музейной экспозиции по истории БАН выражена в представлении книги, документа и письменного источника как основного экспоната. Николай Федорович Федоров, выдающийся русский философ, считал, что «музей как памятник протекшего столетия, как и всякий музей, должен иметь в основе своей книгу». Богатство книжных фондов БАН позволяет с исчерпывающей полнотой раскрыть такие темы, как например, «Петр I и книга», «Выдающиеся ученые — читатели БАН», «История формирования фондов», «Библиотека — душа Академии» и другие. Экспонаты из собрания русских и иностранных картографических материалов и гравюр, представленные в виде воспроизведений, позволяют полнее раскрыть ту или иную тему экспозиции и реализовать художественный замысел.

Что касается документальных источников, то в архивном и музейном фонде БАН имеются важные документы, отражающие деятельность Библиотеки на протяжении XX века:

- управленческая документация;
- материалы по научно-исследовательской работе; документы по комплектованию;
- книги приращений с 1842 г.; цензурные списки и т. д.;
- документы личного происхождения (дипломы, свидетельства, автобиографии, дневники, личная переписка, воспоминания, фотографии сотрудников БАН).

Музей располагает большой коллекцией фотографий и негативов, в том числе и на стекле, запечатлевших сотрудников Библиотеки и отдельные мероприятия. В качестве фондовых единиц хранения интересны также подлинные плакаты периода Великой Отечественной войны и стенгазеты «Активист» и «Библиотекарь» (1930—1992 гг.).

В целях глубокого раскрытия приоритетных тем для экспозиции используются копийные материалы источников (в основном XVIII—XIX вв.), находящихся в зарубежных и отечественных архивах и музеях (Архив РАН, Российский государственный исторический архив, Центральный Государственный архив кинофонофото документов, Государственный Эрмитаж, Музей истории Санкт-Петербурга, Дворец-музей Петра I, Музей М. В. Ломоносова, Музей К. М. Бэра в г. Тарту и др.).

С 2005 года Музей истории БАН включен в состав музеев научных учреждений Санкт-Петербурга, что зафиксировано в издании «"Малые" музеи Санкт-Петербурга», подготовленного Центральной городской публичной библиотекой им. В.В. Маяковского. В этом информационном сборнике впервые была опубликована статья о деятельности Музея истории БАН.

За 10 последних лет Музеем истории БАН подготовлен ряд интересных выставочных проектов.

В 2003 г. в Библиотеке была проведена выставка **«Библиотека Академии наук — первое научное учреждение Санкт-Петербурга»**, посвященная 300-летию города. Выставка стала важным этапом в ходе подготовки постоянной экспозиции Музея истории БАН. На экспозиции было представлено более 360 книг и 580 единиц книжно-иллюстративного материала, оригиналы и копии документов, фотоматериалы, рукописи, газеты, предметы библиотечного обихода.

По результатам научно-исследовательской работы сотрудников Музея, осуществленной в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, в 2005 году была подготовлена выставка

«Одним дыханием с Ленинградом...», посвященная 60-летию прорыва блокады Ленинграда, как выражение благодарности сотрудникам БАН, спасавшим в условиях блокадного города непреходящие культурные ценности. На выставке наряду с архивными материалами были использованы издания военных лет — книги и журналы, поступившие в БАН в годы войны и блокады, книги, которые отправляли из БАН на фронт. Общее количество представленных на выставке экспонатов составило 59 ед. Из них: 20 ед. — архивные документы; 24 ед. — книги, журналы; 7 ед. — фотографии; 8 ед. — гравюры.

Совместно с Международной ассоциацией «Русская культура» ко Дню памяти жертв политических репрессий 31 октября 2005 года была подготовлена выставка «**Воспоминания о светлом прошлом**». Живопись и графика Г. А. фон Зигерн-Корна (1910—2002)» (35 картин) и презентация книги Г. А. фон Зигерн-Корна «Воспоминания о светлом прошлом».

В 2006 году в БАН открылась выставка «**Первый библиотекарь БАН — И. Д. Шумахер**», посвященная Иоганну Даниелю Шумахеру, приуроченная к 245-летию со дня его смерти, в экспозиции были также использованы музейные экспонаты.

При поддержке научной программы СПб НЦ РАН в БАН совместно с Музеем была подготовлена выставка «**“Академическое дело” и Библиотека Академии наук**». Экспозиция раскрывала одну из самых трагических страниц в истории Академии наук — так называемое «Дело академика С. Ф. Платонова», сфабрикованное органами ОГПУ. «Дело...» рассматривалось в контексте всей «академической истории» конца 1920-х гг. — конфликта между Академией наук и партийными, государственными органами, которые, начиная с 1926 г., добивались ее безоговорочного подчинения требованиям политики текущего момента. Для экспозиции использовались: документы Архива РАН (цифровые копии); фотографии и ряд экспонатов из собрания Музея БАН; книги и журнальные статьи по истории «академического дела», а также книги и журналы, воссоздающие дух эпохи; газеты (копии) 1927—1931 гг. («Ленинградская правда», «Красная газета», «Известия», «Правда»).

В. С. Вильнер

(г. Бонн), Метрополитен Музей (г. Нью-Йорк), Национальная галерея (г. Вашингтон), в эстампных собраниях национальных библиотек и художественных центрах, в частных собраниях в разных странах мира. Художник получил ряд государственных и общественных

27 ноября 2007 г. состоялось торжественное открытие выставки работ истинного петербуржца, нашего современника, выдающегося мастера литографии, члена-корреспондента Российской Академии художеств Виктора Семеновича Вильнера «**Мой Петербург**».

У Виктора Семеновича прошло более 60 персональных выставок: в Москве, Петербурге, других городах России и за рубежом, включая Германию и Австрию, в США, Канаду, Италию, Францию. Художник участвовал в крупнейших графических Биенале и Триенале в Кракове, Берлине, Стокгольме, Венеции, Таллинне, и Петербурге.

Работы В.С. Вильнера находятся в следующих музеях, общественных и государственных собраниях: Государственный Русский музей, Государственная Третьяковская галерея, Дрезденская галерея, музей Людвига (г. Кельн), Новая галерея (г. Ахен), галерея Оссенполь (г. Бонн), Метрополитен Музей (г. Нью-Йорк), Национальная галерея (г. Вашингтон), в эстампных собраниях национальных библиотек и художественных центрах, в частных собраниях в разных странах мира. Художник получил ряд государственных и общественных

наград на родине и за рубежом. Главной темой выставки в БАН, как и всего творчества автора, стал Петербург, пространство которого в работах художника до предела насыщено образами, наполненными множеством реальных и фантастических деталей. На выставке было представлено 60 литографий.

В феврале 2009 г. была открыта «**Выставка старой техники из фондов Музея БАН**» и отчетная выставка Музея, на которой было представлено 20 новых экспонатов (архивные материалы и дары сотрудников). На выставке творческих работ сотрудников БАН «**Мы с Вами уже встречались**», состоявшейся 1 апреля этого же года, были представлены 54 оригинальные работы (резьба по дереву, живопись, куклы, флористика) самодеятельных художников и авторов декоративно-прикладных работ.

По материалам, обнаруженным в СПб отделении филиала Архива РАН, в 2010 г. подготовлена выставка «**Строительство Библиотеки: проекты и планы**». Экспозиция, размещенная в коридоре второго этажа, позволяет проследить трансформацию идей по созданию проекта здания БАН, обусловленных историческим контекстом и конкретными обстоятельствами.

При участии Музея истории БАН и сектора музейно-выставочной и архивной работы в 2010 г. была представлена книжно-иллюстративная выставка «**Библиотека в годы войны**», посвященная 65-летию Великой Победы. Более 200 изданий Академии наук СССР военного периода отразили основные научные направления деятельности академических ученых, направленные на разработку проблематики исторической общности народов СССР в противостоянии внешнему агрессору, изучения средств и возможностей, которые могли бы быть использованы для обеспечения фронта и населения, обеспечения промышленности. Музеем истории БАН была подготовлена экспозиция плакатов серии «Окна ТАСС» и представлены материалы, посвященные жизни БАН в период войны и блокады.

Музей БАН принял активное участие в праздновании 300-летия М. В. Ломоносова. Из фонда Музея БАН на выставке были представлены некоторые экспонаты нумизматической коллекции: медаль в честь столетия со дня смерти М. В. Ломоносова, 1865 г., автор П. Брусницын; медаль в честь 250-летия со дня рождения М. В. Ломоносова, 1961 г., автор Ю. Клюг; плакетка в честь М. В. Ломоносова, 1965 г.

В 2012 г. Музей истории БАН подготовил интересную выставку «**История книжной закладки**». На 22 стендах и 12 витринах была представлена коллекция, посвященная истории и бытованию одной из самых надежных спутниц читателя, книжной закладки.

На выставке можно было увидеть более одной тысячи оригинальных закладок XVIII—XX вв. Закладки были изготовлены в Европе, Америке, Австралии и Африке как из традиционных, так и экзотических материалов. Это ювелирные закладки из различных металлов с инкрустацией поделочными камнями, украшенные эмалью и гравировкой; жаккардовые закладки «*Stevengras*», уникальные экземпляры, выполненные методом шелкографии, рукодельные закладки из кружева, бисера и бересты. На нескольких стендах были представлены наборы редких закладок из России. Они являются частью обширного, единственного в мире, собрания, насчитывающего около 2000 закладок, изготовленных в СССР.

По объему экспонируемых материалов, выставка «История книжной закладки» представляет только одну десятую часть ценной коллекции признанного собирателя, участника международных выставок Елены Витальевны Булкиной. Ее коллекция начала формироваться с середины 60-х годов XX века. В настоящий момент насчитывает около 10 тысяч единиц хранения. В России — это единственное крупное собрание, систематизированное и изучаемое с точки зрения бытования предмета коллекционирования.

Выставка **«Время Славы и Восторга...»**. **Филокартическая коллекция «1812 год»** была посвящена 200-летию юбилею Бородинского сражения и 100-летию юбилею со дня открытия музея-панорамы «Бородинская битва» и историко-мемориального комплекса, посвященного Отечественной войне 1812 года. В экспозиции были представлены наборы, серии тематических открыток, малотиражные издания и раритетные экземпляры филокартической коллекции. Всего экспонировалось 750 открыток, в том числе экземпляры, связанные с тиражированием известных книжных изданий, таких, как альбомы «Изображение нового регламента Императорской и Королевской армии» и «Napoleons army 1807—1814 as depicted in the prints of Aaron Martinet».

Традиционная выставка **«Новые поступления в фонды Музея 2011—2012 гг.»**, расположенная в новом музейном комплексе, подвела итоги собирательской работы Музея.

Особенно хотелось бы отметить осуществление в 2012 году выставочного проекта, посвященного трагической памятной дате — 25-летию пожара в БАН **«14 февраля 1988—2013 гг.»**. Сбор материала, организация выставки осуществлялась при активном содействии участников и свидетелей одного из самых беспрецедентных эпизодов в истории Библиотеки РАН. Благодаря помощи сотрудников группы «Энциклопедия БАН», сектора музейно-выставочной и архивной работы и сотрудников планово-отчетной группы в витринах нового выставочного медиа-комплекса были представлены подлинные экспонаты и артефакты, ярко и эмоционально передающие дух подвижнической работы по спасению любимой Библиотеки ее сотрудниками с участием отечественного и мирового профессионального сообщества.

Последние пять лет стало доброй традицией регулярно переиздавать буклет Музея истории БАН с ежегодными дополнениями в виде новых страниц, отражающих важнейшие события в истории БАН или раскрывающих состав фондов Музея. Кроме того, Музей регулярно изготавливает сувенирную продукцию в виде календарей, закладок и записных книжек.

В 2013 г. начал функционировать новый медиа-комплекс Музея. В его состав входит информационный киоск, информирующий посетителей БАН о работе Музея, составе его фондов. На втором этаже на телевизионном мониторе можно увидеть репортажи современных событий, происходящих в БАН.

Встречая юбилей, Музей уже может, подводя итоги работы, планировать перспективные направления работы. БАН в настоящее время не располагает отдельным помещением для постоянной экспозиции Музея. Но, возможно, что строительство нового здания Библиотеки на Тифлисской улице позволит освоить новое архитектурное пространство Библиотеки, а художественное решение экспозиции в новом интерьере придаст ей новое историческое и эстетическое звучание.

Разумеется, реализация любого экспозиционного проекта в современных экономических условиях требует определенных капиталовложений, начиная от финансирования подготовки помещений и заканчивая разработкой архитектурно-художественного проекта и изготовлением технического оборудования. Возможные варианты решения этой проблемы лежат в области современных технологий привлечения внебюджетных источников финансирования, например, соединения музейно-выставочных произведений с нетрадиционной рекламой,

а пока практическая работа ни на минуту не прерывается и Музей уже активно готовится к итоговой юбилейной выставке 2014 года.

Существование Музея в БАН имеет важное значение для Библиотеки в целом. Достаточно отметить, что использование музейных коллекций значительно расширяет и дополняет тематику традиционных книжно-иллюстративных выставок. Наряду с выставками, посвященными выдающимся ученым, представляющими БАН как академическую научную библиотеку, становится возможным проведение выставок, отражающих преемственную связь БАН с отечественной культурой, что вполне соответствует историческому предназначению ее как первой публичной библиотеки Петербурга.

Надеемся, что музей Библиотеки Российской академии наук будет способствовать восстановлению разрушенных временем связей, некогда обеспечивавших равновесие между материальным и духовным началом. Эта взаимосвязь материального и духовного утверждалось изначально: «Вначале было слово...». Неслучайно книги, а стало быть и библиотеки, а БАН более чем любая другая, всегда влияли на течение жизни во всех ее проявлениях. В первой книге, напечатанной в Амстердаме в типографии, учрежденной Петром I, были такие строки: «...история утверждает память и описывает дела прошедшие и настоящие, ...она приносит пользу и утешение; чтение ее удивительно исцеляет болезни тела и духа. Фердинанд, владетель сицилийский, и Альфонс испанский, будучи так больны, что от них отказались все доктора, заставили читать себе — один Тита Ливия, другой Квинта Курция, и оба получили от того облегчение... примеры великих мужей в истории возбуждают охоту к подражанию им, так Солиман турецкий велел перевести Юлия Кесаря и победил многие народы Европы и Азии...».

Мы уверены, что Музей истории БАН достойно выполняет роль своеобразного летописца и историографа национального книгохранилища и средоточия огромного бесценного духовного богатства, каким является Библиотека Академии наук, во многом обеспечившая Петербургу статус культурной столицы мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История Библиотеки Академии наук СССР (1714—1964). М.;Л.: Наука, 1964. 599 с.
2. Летопись Библиотеки Российской Академии наук. Т. 1: 1714—1990 / науч. рук. В.П. Леонов; отв. ред. Н.В. Колпакова; отв. сост. Г.В. Головки. СПб.: БАН, 2004. 416 с.
3. Летопись Библиотеки Российской Академии наук. Т. 2: 1901—1950 гг., Т. 3: 1951—2014 гг. [рукопись].
4. Леонов В.П. Судьба библиотеки в России. Роман-исследование. (2-е издание) СПб.: БАН, 2001. 415 с.
5. «Малые» музеи Санкт-Петербурга. Выпуск 1 / сост.: О.Н. Косогор, С.К. Егоров, О.В. Тупакина, Л.Б. Янушанец. СПб.: Изд. «Борей Арт». 2004. 274 с.
6. Басаргина Е.Ю. Становление музейного комплекса императорской академии наук // Вопросы музеелогии 2012 1(5). С. 78—87.
7. Басаргина Е.Ю. Музейный флигель Академии наук // Наука и техника: вопросы истории и теории. СПб., 2002. Вып. 18. С. 33—35.
8. Мурзинцева А.Е. Музеи Российской академии наук: историко-культурологический анализ: диссертация ... кандидата культурологии: 24.00.03. Улан-Удэ, 2006. 184 с.: ил.
9. Музей истории Библиотеки Российской академии наук: Буклет. СПб., 2008.
10. Федоров Н.Ф. Сочинения / ред. А.В. Гулыга. М.: Мысль, 1982. 711 с. (Философское наследие; Т. 85).